

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ

Под редакцией: Е. г. Быковой,
Б. Карпушкина, В. Новиковой

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1965

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ДЕВЯТЫЙ

В ТЕНЕТАХ ЖИЗНИ

Роман

ПОСЛЕДНЯЯ ПОЭМА

Роман

ПЬЕСЫ

Перевод с бенгальского

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1965

И (ИнД)

Т13

Комментарии

A. Ибрагимова и A. Чичерова

Оформление художника

Н. Крылова

В ТЕНЕТАХ ЖИЗНИ

Роман

Перевод

И. Светловий дової

Под редакцієй

С. Чурина

1

Сегодня 22 июня — день рождения Обинаша Гхошала. Ему исполнилось тридцать два года. С самого утра он принимает поздравительные телеграммы и пышные букеты.

С этого дня и следовало бы начать нашу историю. Но у всякой истории есть своя предыстория: лампу зажигают вечером, а фитиль готовят с утра.

Заглянув в глубину веков, мы обнаружим, что Гхошалы жили сначала в Шундорбоне, а потом переселились в Нурногор — округа Хугли. Неизвестно, что было тому причиной: гонения португальцев или самого общества. У людей, которые в отчаянии покидают старый дом, хватит сил выстроить себе новый. На заре своей истории Гхошалы владели обширными землями, огромными стадами, бесчисленным множеством слуг, немалы были их доходы и так же велики расходы, праздники у них в домеправлялись с необыкновенной пышностью. Как память о былом величии Гхошалов в деревне Шейакули, их бывшем родовом имении, сохранился большой, площадью около десяти бигхов пруд. Теперь он весь порос водорослями, затянулся илом, только и осталось у него, что название «Гхошалов пруд», а вода в нем принадлежит помешику Чаттерджи.

Но вы еще не знаете, как Гхошалы лишились своих богатств.

Вражда между Гхошалами и Чаттерджи вспыхнула в очень давние времена. Спор начался не из-за имущества,

а из-за того, кто более рьяно почитает богов. Спесивые Гхошалы соорудили для торжественного шествия статую богини на целых два локтя выше, чем Чаттерджи. Те не остались в долгу и за ночь воздвигли арку, такую низкую, что богиня Гхошалов во время шествия ударила об нее головой. Сторонники Гхошалов бросились разрушать арку, а сторонники Чаттерджи начали избивать своих противников. Кончилось это тем, что в честь богини пролилось гораздо больше крови, чем полагалось. Из рек крови родились потоки судебных дел. Эти потоки неслись, не зная преград, пока не иссякли у берегов разорения Гхошалов.

Огонь погас, дрова сгорели, все превратилось в пепел. Лик богини богатства их дома заметно потускнел. Попав в затруднительное положение, противники могут заключить перемирие, но перемирие это еще не мир. И победитель и побежденный рвутся в бой.

Последний удар Гхошалам Чаттерджи нанесли мечом общественного осуждения; они пустили слух, будто Гхошалы давно уже изгнаны из касты брахманов за то, что однажды нарушили кастовые законы, и сюда приехали, чтобы скрыть это. Словом, люди они ничтожные, а корчат из себя невесть что. Голоса хулигов звучали тем громче, чем больше им платили денег. Они трубили об этой истории на всех перекрестках. Заставить крикунов замолчать Гхошалы не смогли: у них не было ни доказательств, ни денег. Они снова покинули насиженное место и переселились в Роджобпур, где жили более чем скромно.

Тот, кто нанес удар, может легко забыть о нем. Но получивший его всегда помнит о своем поражении. Именно потому, что оружие выбито у него из рук, он мысленно пускает его в ход и, находясь в бездействии, день и ночь строит планы мести. Не удастся осуществить эти планы отцу, он завещает их осуществление сыну.

В доме Гхошалов и сейчас любят рассказывать о том, как они отомстили злодеям Чаттерджи. Летними вечерами, собравшись в домике под соломенной крышей, детишки, разинув рты, слушают истории, в которых переплелись ложь и правда, о том, как сто лет назад двадцать пять наемников похитили спящего Дашоротхи, отпрыска знаменитого рода Чаттерджи, и тайком переправили его

во владения Гхошалов. Когда полиция явилась с обыском, Бхубон Бишишаш, управляющий Гхошалов, не задумываясь сказал:

— Да, Дашоротхи действительно заходил ко мне в контору, и я, разумеется, не упустил случая поиздеваться над ним. Потом прошел слух, что от огорчения Дашоротхи не пожелал возвращаться домой и отправился странствовать.

Такое объяснение, конечно, не удовлетворило полицию. Тогда Бхубон Бишишаш поклялся не позднее чем через год разыскать Дашоротхи. Гхошалы моментально нашли какого-то негодяя и отправили его в Дакку, велев совершить кражу и называться именем Дашоротхи. Негодяй так и сделал. Он украл кувшин для воды, его приговорили к месяцу тюремного заключения. Как только его выпустили, Бхубон Бишишаш сообщил в полицию, что Дашоротхи сидит в тюрьме города Дакки. В результате расследования выяснилось, что Дашоротхи действительно был в тюрьме, но уже вышел; около тюрьмы был найден его шарф. Куда девался Дашоротхи потом — это уж Бхубона Бишишаша не касалось.

Этот рассказ можно, пожалуй, сравнить с банковским чеком добрых старых времен, предъявленным несостоятельному должнику — нашей эпохе. Дни процветания для Гхошалов миновали, им не оставалось ничего другого, как жить воспоминаниями о славном прошлом. И рассказы о прошлом повторялись тем чаще, чем печальнее становилось настоящее.

Масло сгорает, светильник гаснет, но за это время проходит ночь. Для Гхошалов вновь засияло солнце благодаря Модхушудону, отцу Обинаша Гхошала.

Отец Модхушудона, Аондо Гхошал, служил в конторе у крупных оптовых торговцев Роджобпуря. Его небольшого заработка едва хватало на грубую пищу и простую одежду. Женщины в его доме носили дешевые дутые браслеты и браслеты из морских раковин, а мужчины —

латунные амулеты с заклинаниями и очень толстые брахманские шнуры, склеенные соком плодов. Чрезмерная толщина шнуро^в была единственным доказательством принадлежности Гхозалов к касте брахманов, ибо других доказательств они не имели.

Модхушудон начал учиться грамоте в провинциальной школе. В то же время он пополнял свои знания в бесплатной школе жизни — на берегу реки, в торговых складах, где он пристраивался на тюках джута. Каникулы он проводил среди торговцев, погонщиков волов, толпы покупателей. Он бродил по базару с таким же удовольствием, с каким другие гуляют по парку. На базаре под жестяными навесами были расставлены рядами глиняные кувшины с патокой, насыпаны кучками зерна горчицы, лежали спрессованные листы табака, тюки с привозными стегаными халатами, стояли бидоны керосина, мешки гороха, и над всем этим, возле каждого торговца, возвышались большие весы с чугунными гирями.

Если средства позволяют и Модху удастся закончить школу, он достигнет предела мечтаний людей благородных: ему пожалуют пост учителя или даже адвоката, и тогда он будет принят в кругу людей состоятельных. Остальные сыновья Анондо Гхозала могли рассчитывать лишь на карьеру конторских служащих и поступили в обучение, кто к помещику, кто к купцу. Теперь отец получил возможность часть своих скучных средств отдавать Модхушудону. Юноша переехал в Калькутту и поступил в колледж.

Профессора возлагали на Модхушудона большие надежды. Его успехи могли принести колледжу славу. Но неожиданно умер его отец, и Модхушудон понял, что пришло время самому зарабатывать на жизнь. Он собрал свои учебники, тетради и продал их. Это была его первая торговая операция. Мать горько плакала, у нее были более скромные желания, чем у отца, она мечтала о заработке клерка для сына.

С юных лет Модхушудон обладал двумя ценностями качествами: он умел выбрать хороший товар и полезного друга. Самым близким его товарищем по колледжу был Канаи Гупто, его дед и прадед служили приказчиками у

богатых купцов, а отец стал главным управляющим керосиновой компании.

Вскоре случилось так, что Модхушудону пришлось взять на себя свадебные хлопоты: выдавали замуж сестру его друга. Модхушудон принял самое деятельное участие в торжестве: он следил за тем, как плетут циновки, как украшают комнаты цветами, как печатают золотыми буквами пригласительные билеты; он сам добывал большой ковер, на котором должны были сидеть гости, сам стоял у ворот, отвешивая низкие поклоны приезжавшим на празднество, сам разносил блюда, до хрипоты уговаривая гостей отведать кушанья. Он проявил такое знание обычая, такую деловую хватку, что Роджони-бабу, отец Канаи Гунто, остался очень доволен. Роджони-бабу знал толк в людях и понял, что этот молодой человек далеко пойдет. Он дал Модхушудону немало денег и устроил его на склад керосиновой компании в Роджобпуре.

Колесница богатства Модхушудона начала свой триумфальный бег. На ее пути керосиновый склад промелькнул незаметной точкой. Незначительная сумма, полученная от отца Канаи, стала расти, и вот уже Модхушудон со склада перебрался в контору, от торговли в розницу перешел к оптовым поставкам, а потом из маленького переулка переселился на главную улицу. Так, пройдя через чистилище, проникают в рай.

«Вот это повезло!» — твердили все вокруг, объясняя успехи Модхушудона его особыми заслугами в прежних рождениях. Однако судьба не раз пыталась обмануть Модхушудона, и ошибиться он в расчетах, строгий экзаменатор — жизнь не пощадила бы его. На снисходительность экзаменаторов надеется лишь тот, кто не уверен в своих знаниях.

Но Модхушудон надеялся только на самого себя и никого не посвящал в свои дела. Теперь уже было ясно, что в иссущенное бедностью русло его жизни влился живительный поток богатства. При подобных обстоятельствах в нашей домовитой Бенгалии люди обычно подумывают о женитьбе, чтобы пользоваться богатством не только при жизни, но и после смерти, пребывая в приятной уверенности, что все состояние перешло к их сыновьям. Отцы, у которых были дочери на выданье, уже начали

обхаживать Модхушудона, но на все намеки он отвечал: «Прежде надо набить собственный живот, а потом уж думать о том, как прокормить семью». Видно, заботы о жерлудке беспокоили Модхушудона гораздо больше, чем сердечные дела.

Вскоре благодаря Модхушудону Роджобпур прославился как крупный центр джутовой промышленности. Совершенно неожиданно Модхушудон задешево скупил все земли по обеим берегам реки и там построил печи для обжига кирпича, привез из Непала строительный лес, из Силхета — известь, из Калькутты — целый вагон рифленого железа для крыш. На рынке, среди деловых людей, пошли суды и пересуды: «Ну вот, скопил денежки, а увереть не может. Теперь все спустит. Проторговался, наверное».

Но и на этот раз Модхушудон не просчитался. В Роджобпуре вихрем закружила коммерция. Пришли в движение разного рода дельцы, прибыли торговцы-марвары, увеличился приток рабочей силы. Был пущен новый завод по обработке джута. Из трубы устремились к небу черные клубы дыма.

О богатстве Модхушудона можно было не спрашиватьсь в приходных книгах, оно бросалось в глаза издалека. Модхушудон один владел всем своим состоянием. Он поселился в двухэтажном доме, окруженном высоким забором. На воротах висела табличка с надписью: «Модхучокро». Так называл его когда-то в колледже учитель санскрита, воспылавший теперь к Модхушудону еще большей любовью.

Старая мать решилась наконец обратиться к Модхушудону с просьбой: «Сынок, я скоро умру, неужели я так и не увижу невестку в нашем доме?» Модхушудон нахмурился и сказал, как отрезал: «Свадьба — пустая трапа времени. Семейная жизнь — тоже. А мне время дорого». Мать не смела перечить. Она знала, что время — деньги. Кроме того, всем было хорошо известно, что Модхушудон не меняет своих решений. Отчаявшись дождаться внучат, его мать покинула этот мир.

Шли годы. Дела процветали. Модхушудон перенес свою контору из провинции в Калькутту. Торговая компания Гхосала прославилась не только в Индии, но и за

ее пределами, у нее были тесные деловые связи с местными и иностранными торговыми фирмами. Англичане служили у него управляющими отделов.

Но вот Модхушудон сам объявил, что настало время жениться. Он высоко котировался на рынке женихов и мог рассчитывать на невесту из самого знатного дома. Со всех сторон к нему несли вести о родовитых, красивых, богатых, образованных девушках. Но Модхушудон сказал: «Мне нужна невеста из дома Чаттерджи».

Те, у кого затронута родовая честь, не менее опасны, чем раненая гиена.

3

А теперь расскажем об избраннице Модхушудона. Ныне ее семья уже не была так богата, как прежде. Плотина благосостояния дала течь. Заминдары, владевшие землей вместе с Чаттерджи, отделились от них и потребовали отдать принадлежавшие им земли. Получив свои три восьмых части земельного надела, они стали точить зубы на оставшиеся у Чаттерджи пять восьмых. Это, однако, не помешало им объединиться с семьей Чаттерджи и попытаться отобрать наследственные права и доходы у жреца Радхаканто Джу. Они почти ничего не выиграли, зато проиграли много: деньги утекли на подкупы судейских чинов и гражданских чиновников. Нурногор утратил прежнее могущество. Доходов почти не было, а расходы возросли в четыре раза. Пришлось заложить поместье. Оно попало в сети паука-кровососа, который давал ссуды из девяти процентов годовых.

В семье Чаттерджи было два сына и пять дочерей. А иметь пять дочерей, как известно, преступление, и штраф за это еще не был уплачен. При жизни отца четырех дочерей успели выдать замуж в знатные семьи, чья слава восходила к глубокой древности, а богатство было нажито сравнительно недавно. Поэтому пришлось дорого платить и за весомое богатство, и за легковесную славу. В итоге на девятипроцентной нити долга появился узел в двенадцать процентов. Младший брат сокрушенно покачал головой: «Поеду за границу. Буду учиться на адвоката. Придется зарабатывать себе на жизнь». И он уехал

в Англию. Все заботы о семье легли на плечи Бипродаша, старшего брата.

Как раз в это время судьбы Гхошалов и Чаттерджи снова переплелись, словно нити воздушных змеев. И вот как это произошло.

Чаттерджи задолжали крупную сумму Тоншукдашу, кондитеру из Боробазара. Они аккуратно платили ему проценты, и никаких недоразумений не было. Как вдруг к Бипродашу пожаловал засвидетельствовать свое почтение его старый школьный товарищ Омуллодхон, проходивший стажировку в крупной юридической конторе. Очкастый молодой человек сразу разглядел, что Нурногор в тяжелом положении. И не успел он вернуться в Калькутту, как Тоншукдаш тотчас же потребовал назад свои деньги, объясняя это тем, что собирается открыть новое кондитерское предприятие.

Бипродаш в отчаянии схватился за голову.

В этот критический момент и скрестились вновь пути Гхошалов и Чаттерджи. Незадолго перед тем правительство пожаловало Модхушудону титул раджи. Уже известный нам Омуллодхон сообщил Бипродашу: «Новый раджа пребывает в благодушном настроении. Как раз удобный случай попросить у него взаймы». Бипродаш так и сделал. Он занял у нового раджи миллион сто тысяч рупий из семи процентов годовых и расплатился со всеми долгами. Теперь он мог вздохнуть с облегчением.

У Бипродаша оставалась последняя незамужняя сестра — Кумудини, но и ресурсы семьи к этому времени достигли последней степени истощения, и Бипродашу становилось страшно при мысли о приданом. Сестра была красавица. Высокая, стройная, она походила на цветущую ветвь туберозы. Тонкий, безупречно правильной формы нос, ноздри, как лепестки. Глаза не очень большие, зато темные и глубокие, подернутые легкой печалью. Кожа такая же светлая, как морская раковина внутри. Прелестные руки. Получить дар из таких рук — все равно что принять милость Лакши, богини красоты и счастья. В подернутых мягкой грустью глазах Куму светилась скорбная непримиримость судьбе.

Кумудини понимала всю безвыходность своего положения. Она была убеждена, что родилась несчастной.

Куму знала, что мужчины сами строят свою жизнь, женщина же приносит в семью счастье, лишь когда это угодно судьбе. А ей не повезло, с самого детства ее преследуют несчастья. А то, что она до сих пор незамужем, — не только несчастье, но и позор, тяжкое бремя для семьи. И ничего тут не поделаешь, хоть бейся головой о стену. Творец не дал женщине умения находить выход из положения, зато наделил ее способностью страдать. Неужели так и не произойдет чуда? Неужели боги не пошлют ей дара? Быть может, ей воздастся сторицей за какое-нибудь доброе дело, совершенное в прежних рождениях? По ночам Куму часто вставала с постели, подходила к окну и, взглядываясь в шумящие вершины тамарисковых деревьев, вопрошала тьму: «Где же мой суженый? Где его волшебные сокровища? Приди, — молила она, — спаси моих братьев, и я навеки останусь твоей рабыней».

Считая себя виновницей всех несчастий семьи, Куму весь нектар своей любви изливала на братьев. Любовь эта становилась тем сильнее, чем горше была печаль. Братья же винили себя за то, что не могут выполнить свой долг перед сестрой, и старались окружить ее лаской и заботой. Они хотели дать осиротевшей девушке все тепло родительской любви, которой она была лишена по вине всеышнего. Сестра была лучом лунного света, разгонявшим мрак бедности. Когда она, бывало, винила себя в бедах семьи, Бипрадаш говорил ей с мягкой улыбкой: «Куму, в тебе наше счастье. Кто бы озарял наше жилище светом, если бы не ты?»

Образование Куму получила дома. Она совершенно не знала, что происходит за его стенами, и жила в каком-то призрачном мире. В этом мире распоряжались грозная богиня Дурга, покровительница купцов Гандхешвари, Гхенту — бог желаний и Шоштхи — покровительница детей. В этом мире надо было строго следовать приметам: не смотреть на луну в запретные дни, чтобы не навлечь беду; во время затмения солнца трубить в раковины, чтобы отогнать злых духов; в период амбувачи пить молоко, чтобы не бояться змей; читать заклинания, закалывать в честь богов козлят, приносить богам в дар орехи бетеля, отборный рис, разные сладости; непременно носить амулеты. В этом мире можно было купить счастливую судьбу.

Соблюдая все обряды, люди надеялись отвратить зло и обрести благо, но тысячи раз надежды не сбывались. Нередко дело, начатое в благоприятный момент, не приносит желаемых результатов, и все же люди не в силах расстаться со своими иллюзиями. Они не рассуждают, они следуют велениям свыше. В этом мире случайность — все, логика и разум — ничто. Там не ведают, что такое добро и зло. Вот почему на лице у Куму лежала печать грусти. Она добровольно приняла на свои плечи тяжкое бремя страданий, хотя знала, что ни в чем не повинна. Это произошло после смерти отца.

4

Старое время, поселившись в богатых старых домах, чувствует себя там, как в крепости. Новому времени трудно проникнуть в такой дом, надо одолеть много запоров. Обитатели этих домов с большим опозданием входят в новую эпоху. Не мог поспеть за бегом времени и Мукундолал, отец Кумудини.

Это был человек высокого роста, не очень смуглый, с длинными до плеч вы ющимися волосами. Взгляд его больших продолговатых глаз был неукротим и властен, зычный голос наводил ужас на слуг. У него было хорошо тренированное тело — он занимался гимнастикой. Мукундолал держал в доме борца и занимался борьбой. Он носил тонкую рубашку из муслина, а его дхоти, изготовленное в Форашданга или Дакке, задрапированное ровными складками, волочилось по земле. Появлению Мукундолала предшествовал аромат дорогих стамбульских духов. За Мукундолалом неизменно шествовал слуга с золотой коробочкой для бетеля, а у дверей его комнаты, ожидая приказа, стоял посыльный с бляхой, главный вход охраняли привратники с мечами в руках и там же на скамеечке сидел старый Чондробхан — джомадар; он растирал табак, резал листья гашиша и время от времени расчесывал свою длинную бороду, разделяя ее на две прядки, которые закладывал за уши. Стены в передней были увешаны щитами, пиками, кольями, кривыми саблями и старинными ружьями.

В гостиной Мукундолал восседал на возвышении, откинувшись на мягкие подушки. Его приближенные сидели ниже, спереди и слева от него. Слуги точно знали, какому гостю подать какую хукку: большую или маленькую, простую или разукрашенную. Хозяину они подносили большой курительный прибор с сосудом, наполненным розовой водой, и с длинным мундштуком.

В другой части дома была еще одна гостиная, обставлена в европейском вкусе восемнадцатого века. Напротив двери висело большое зеркало, все в темных пантах. К золоченой раме справа и слева были приделаны крылатые серафимы с подсвечниками в руках. На столике под зеркалом стояли часы из черного камня с золотыми узорами и несколько заграничных статуэток из фарфора, на стульях с прямыми спинками, на диване и даже на люстре были чехлы из голландского полотна. На стенах висели портреты предков, покровителей дома, писанные масляными красками. На полу лежал английский ковер, вытканный крупными, кричаще яркими цветами. Эту гостиную открывали только по случаю приезда губернатора провинции. Как ни странно, но именно в этой единственной, убранной по-современному комнате и поселился дух седой древности. Там царило безмолвие, воздух был душным и спертым. Вечно запертая, эта комната была отрезана от всей жизни дома.

Роскошь была непременной уступкой тогдашней моде. Богачи заставляли уважать себя, соря деньгами. Богатство не властвовало над ними, напротив, они сами небрежно попирали его ногами. В ту пору роскошь отмерялась определенными дозами: одна доза шла на удовлетворение собственных потребностей, другая являлась данью общественному вкусу. Знать отечески заботилась о своих подданных, но твердой рукой карала дерзких, которые осмеливались покушаться на ее права. Как-то некий скороспелый богач надрал уши непочтительному мальчишке, сыну садовника, служившего у одного знатного лица. Знатное лицо жестоко отомстило высокочке-богачу, хотя на это пришлось ухлопать столько денег, сколько в наши дни не тратят на образование собственного сына. Знатное лицо не оставило без внимания и сына садовника: по его приказу мальчишку избили так, что он

слег в постель. Поскольку беднягу наказали суровее, чем он этого заслужил, хозяину пришлось позаботиться о его судьбе. Впоследствии мальчишку выучили на казенный счет, и он стал стряпчим.

Так уж повелось в старину в богатых домах: жизнь хозяина как бы делилась на две части — дома и вне дома. Дома это был добропорядочный глава семьи, вне дома большой охотник до всяких удовольствий. Дома хозяин самозабвенно соблюдал все правила благочестия, за пределами дома так же самозабвенно совершал нечестивые поступки. В доме дарили бог, покровитель домашнего очага, и хозяйка. За стенами дома господствовали старинные феодальные нравы, устраивались пышные пиры с веселыми женщинами. Люди знатные считали, что у подобных женщин можно научиться хорошим манерам. Жены много страдали от этого, но терпели. Не такой была жена Мукундолала Нондорани — женщина гордая, самолюбивая.

Она отлично знала: что бы ни делал муж, к дому его привязывают крепкие узы — любовь к жене. Поэтому прощать мужа, когда он сам оскорблял свою любовь, она не желала. И вот что случилось однажды,

Наступил веселый праздник в честь бога Кришны. В Калькутте и Дакке было закуплено все необходимое для торжеств. Во дворе устраивались представления в честь бога-пастуха или исполнялись хвалебные гимны. Там собирались обитательницы женской половины дома и бедняки-соседи. Иногда празднества устраивались в гостиной, женщины тогда всю ночь не могли заснуть, боль терзала им душу; они подходили к дверям, заглядывали в щели, чтобы посмотреть, что там происходит.

На этот раз мужчины решили взять большую широкую лодку и устроить на ней танцы. Нондорани не знала, что происходит на лодке, она лишь догадывалась, ей некому было высказать свое возмущение, и она в отчаянии плакала. Но надо было выполнять обязанности хозяйки: угождать гостям, улыбаться им, следить за порядком. Душевная

боль терзала ее все больше, но никто об этом не догадывался. То и дело раздавались возгласы довольных гостей: «Да здравствует рани-ма!»

Наконец праздники кончились, дом опустел. Во дворе валялись разорванные банановые листья, битые глиняные миски, горшки, кувшины. Среди них шумно пировали собаки и вороны. Слуги подставляли лесенки, снимали фонари, убирали навесы. Соседские ребятишки дрались из-за разбитых фонариков и обрывков искусственных цветов. То и дело их награждали звонкими шлепками, вслед за которыми, словно ракета, к небу устремлялся громкий плач. Во дворе, на женской половине дома, стоял кислый запах объедков. Там были грязь и запустение.

Муж все не возвращался, и тишина опустевшего дома казалась Нондорани невыносимой. Мукундолал был вне пределов досягаемости, и плотина ее терпения рушилась.

Она позвала управляющего и, пряча лицо за краем сари, приказала:

— Передайте хозяину: мне надо срочно ехать к матери в Бриндаван, она захворала.

Управляющий потер лысину и тихо возразил:

— Надо бы дождаться господина. Он сегодня вернется, мне сообщили.

— Нет, медлить нельзя, — стояла на своем Нондорани.

Ей тоже было известно, что муж должен вернуться. Поэтому она и торопилась так. Она знала наперед: муж станет каяться, вымолит прощение, и опять все пойдет по-старому. Так бывало всегда. Но на этот раз так не должно быть. Чтобы муж ощущил кару в полной мере, жена должна исчезнуть.

Уже собравшись в путь, она не могла двинуться с места: лежала ничком на постели и горько плакала. И все же в два часа дня она уехала.

Стояла осень, но было еще жарко. Согретый солнцем ветер не приносил прохлады. Молодые деревья шелестели, и им вторил кокиль, распевавший свою песню. Дорога, по которой несли паланкин, пролегала через зеленеющее рисовое поле. За ним блестела река. Нондорани не удержалась и приоткрыла дверку паланкина. У противоположного берега реки стояла лодка. На мачте реяло знамя. Ей

показалось, будто сидящий на палубе человек — Гупи, их посыльный. Булавка на его тюрбане сверкала в лучах солнца. Нондорани резко захлопнула дверку паланкина. Сердце ее словно окаменело.

6

Мукундолал входил в собственный дом, как входит в родной порт потрепанный бурей корабль со сломанной мачтой, разорванными парусами, пробитым днищем. Сознание вины угнетало его. Он вспоминал теперь о своих развлечениях с таким же отвращением, с каким пресытившиеся на пиру люди смотрят на остатки пищи. Попадись ему сейчас тот, кто затеял эту поездку, он, пожалуй, отхлестал бы его кнутом. Мукундолал поклялся себе, что впредь ничего подобного не допустит.

Увидев мрачное выражение его лица, налитые кровью глаза, всклокоченные волосы, все в доме попрятались, и никто не решался сообщить ему об отъезде жены. Он робко направился на женскую половину дома. Подошел к спальне, потоптался перед дверью и, мысленно повторяя про себя: «Прости меня. Я виноват. Это никогда больше не повторится», — вошел в комнату, уверенный, что застанет жену в постели. Он уже готов был броситься ей в ноги, но обнаружил, что в комнате никого нет, и похолодел от страха. Окажись жена в спальне, это означало бы, что она готова простить его и сама делает первый шаг к примирению. Но сейчас Мукундолал понял, что искупление будет долгим и трудным. Наверно, придется томиться до самой ночи, а может быть, и дольше. Но он не умел так долго ждать. Он должен сейчас же получить наказание и испросить прощение. А он еще не совершил омовения и не поел: нехорошо жене так долго мучить мужа. Он вышел из спальни и увидел на веранде служанку Пери, которая стояла, прикрыв лицо краем сари.

— Где хозяйка? — обратился он к ней.

— Госпожа еще позавчера уехала к матери в Вриндаван, — пролепетала Пери.

Словно не понимая, Мукундолал переспросил охрипшим голосом:

— Куда уехала?

— В Вриндаван. Мать у нее захворала.

Мукундолал постоял немного, судорожно сжимая пальцами перила. Потом стремительно направился в гостиную, сел там и не произнес больше ни звука. Никто не осмеливался к нему войти.

Наконец явился управляющий.

— Я пошлю людей за госпожой? — предложил он.

Мукундолал продолжал хранить молчание, только едва заметным движением пальца дал понять, что запрещает. Когда управляющий ушел, он позвал слугу и приказал:

— Подай бренди.

В доме все трепетали от страха. Когда из недр рвется наружу огненная лава, остановить ее уже невозможно.

День и ночь Мукундолал пил неразбавленное бренди. Он почти ничего не ел. Уже подточенный излишествами во время пира, организм не вынес этого нового насилия: Мукундолала стало рвать кровью.

Врач, вызванный из Калькутты, велел класть лед на голову больному.

Стоило кому-нибудь появиться, как Мукундолал приходил в бешенство. Ему казалось, будто весь дом в заговоре против него. «Зачем они позволили ей уехать?» — не переставая бормотал он про себя.

Одной только Кумудини разрешал он находиться в своей комнате. Она сидела у постели. Мукундолал не сводил с нее глаз. Что-то в ней напоминало мать — не то глаза, не то еще что-то. Он молча прижимал ее голову к своей груди, и слезы текли у него по щекам. Но ни разу он не спросил у нее о матери.

Между тем в Вриндаван послали телеграмму. На следующий день должна была вернуться хозяйка. Но тут прошел слух, что на той дороге произошло крушение.

Был третий день светлой половины месяца. К вечеру разразилась буря. Утренний ветер с треском ломал деревья, обрушивал на землю потоки воды. С летней столовой для слуг с грохотом сорвало и сбросило в водоем

железный навес. Ветер походил на раненого тигра, который рычал и выл, в ярости кружил на месте, бил хвостом по земле. В доме хлопали двери, дребезжали стекла.

Мукундолал схватил Куму за руку и пробормотал:

— Куму, родная, не бойся, на тебе нет греха. Слышишь, как скрежещут зубами? Они пришли меня убить.

Кумудини крепче прижала ко лбу отца пузырь со льдом.

— Это тебе кажется, отец. На дворе буря. Скоро она утихнет.

— Бриндаван... Бриндаван... чондро Чоккроборти... Так звали домашнего жреца моего отца. Он умер, стал привидением и бродил в лесах Бриндавана. Кто говорил, что он придет?

— Молчи, отец, попробуй уснуть.

— Вон, слышишь? Кому это он говорит: «Берегись! Берегись!»

— Да нет, это деревья скрипят на ветру.

— За что он на меня сердится? В чем я виноват, скажи?

— Ты ни в чем не виноват. Спи.

— Может, это Бинде, сводня? Та, которая устраивала встречи Кришны с Радхой... «Зачем ты зря упрекаешь Кришну, о Бинде? — вдруг запел он. — Чья это свирель поет в Бриндаване? Подружка моя, подружка... Разве могу я усидеть дома?» — Прервав пение, он крикнул: — Радху, неси бренди!

Куму склонилась над ним:

— Отец, зачем тебе бренди?

Мукундолал посмотрел на нее и умолк. Даже сейчас, когда мысли путались у него в голове, он помнил, что при дочери пить вино не полагается.

— Надо отобрать флейту у Темноликого. «А то мне придется покинуть Бриндаван», — снова запел он.

Сердце Куму разрывалось на части. Она сердилась на мать и, словно прося за нее прощения, припадала к ногам отца.

Вдруг Мукундолал крикнул:

— Управляющий!

Тот приблизился.

— Что это за стук я слышу? — спросил Мукундолал.

— Это дверь хлопает на ветру, — объяснил управляющий.

— Нет, это пришел старик, тот самый Вриндаванчондро Чоккроборти. Посмотри на него! Лысый, с палкой в руке, на плечах — шелковый чадор. Это он стучит. Чем он стучит? Палкой или башмаками?

Мукундолала снова стало рвать кровью. После этого он немного успокоился. Но в три часа ночи состояние его ухудшилось. Он водил пальцами по постели и чуть слышно бормотал: «Жена, в комнате темно. Почему ты не зажжешь огня?»

Так в первый и в последний раз — после возвращения с праздника — он произнес вслух слово «жена».

Вернувшись из Вриндавана, Нондорани рухнула без сознания у дверей дома. Ее подняли и отнесли на постель.

Ничто больше не радовало ее в родном доме. Плакать она не могла, не было слез. Даже в кругу семьи она не находила утешения. Пришел гуру, прочитал стихи из древних шастр, она безучастно слушала. Железные браслеты Нондорани не сняла и сказала так: «Глядя на мои браслеты, он говорил, что я не стану вдовой. Значит, это неправда?»

Сестра мужа Кхема, утирая слезы краем сари, говорила ей: «Чему быть, того не миновать. Теперь ты должна заботиться о семье. Ведь, умирая, он сказал: «Жена, почему ты не зажжешь огня?» Услышав это, Нондорани приподнялась на постели, устремила в达尔 взор и проговорила: «Да, я зажгу. Непременно зажгу огонь. На этот раз я не опоздаю!» При этих словах ее бледное измученное лицо вспыхнуло, словно она уже несла в руках лампу, и свет этой лампы озарял ее лицо.

Близилась весна. Наступил февраль. Шел четырнадцатый день светлой половины месяца. Нондорани нарисовала киноварью красное пятно на лбу, облачилась в бенаресское красное свадебное сари. И с улыбкой на устах ушла из этого мира, покинув семью.

После смерти отца Бипрадаш обнаружил, что черви подточили корни у дерева благосостояния их дома. Все, чем владела семья, попало в зыбучие пески долгов и погружалось в них все глубже и глубже. Необходимо было изменить весь уклад жизни и сократить расходы. Вопрос о том, как выдать Куму замуж, пока так и оставался неразрешенным. В конце концов, Бипрадаш решил уехать из Нурногора и поселиться с сестрой в Калькутте, в районе Багбазара.

В деревне Куму жилось легко и привольно. Сады, поля и пашни, хозяйствственные постройки и домашний храм, близкие люди — вот тот мир, в котором протекало ее детство. Во внутреннем саду женской половины дома Куму рвала душистые цветы, наполняя ими целые корзины; готовила себе запретные лакомства из незрелых плодов ююбы, приправленных солью, перцем и кориандром; ела неспелые фрукты; подбирала в саду манго, опавшие после бури; она любила забираться в дальний угол сада, где под навесом стояли рисодробилки. Там женщины приготовляли сладости и выполняли другие домашние дела. Куму принимала участие в их оживленном разговоре. На заднем дворе был пруд, весь в густой тени, сплошь поросший водорослями. Какие только птицы не прилетали сюда, распевая свои песни! Каждый день Куму ходила к пруду. Плавала, рвала белые лилии, а потом сидела на берегу. Там она предавалась своим мечтам или вышивала.

Человек неотделим от природы. Из года в год он празднует свои праздники вместе с ней. Эти праздники шли непрерывной чередой, с самой ранней весны, и устраивались в честь всех богов, начиная от Кришны и кончая богиней Васанти. Казалось, люди и природа трудились вместе, рука об руку, и каждый месяц в году украшали плодами своего искусства. Но не всегда царили счастье и красота. Порой и в этом мире вспыхивала застененная зависть или начиналась громкая ссора, то слышались коварные нашептывания, то открытые обвинения. Поводы к тому бывали различные: подарок к празднику, пристрастие хозяйки, а то вдруг кто-нибудь из взрослых, защищая свое чадо, вмешивался в детскую ссору.

Но над всеми этими мелкими заботами и печалями витала главная: в каком настроении хозяин? Какое новое бедствие назревает в его гостиной. И уж если в гостиной начиналось веселье, на много дней все лишались покоя. Кумудини замирала от страха, мать не показывалась и лила слезы, дети ходили словно пришибленные.

Но горе сменяется радостью, счастье — невзгодами.

И вот жизнь Кумудини неожиданно потекла по другому руслу. Калькутта казалась ей похожей на огромный океан, в котором нечем утолить жажду. В деревне даже ветерок был знакомым. Там Куму окружал близкий ей мир: густые джунгли, подступавшие к самой деревне, сверкающая лента реки, песчаные отмели, вершины храмов, просторы полей, заросли тамариска, прямая как стрела дорога — многообразный, красочный, родной с детства мир. Даже солнце светило там по-иному. Оно озаряло своим сиянием пруд, рисовые поля, заросли тростника, бурые паруса рыбачьих лодок, глянцевитые листочки молодых побегов бамбука, сочную зелень хлебных деревьев, бледно-желтый песок на берегу реки, — такую знакомую Кумудини картину. В Калькутте то же солнце сурово и недоверчиво, словно на незнакомого человека, смотрело на непривычный городской пейзаж, исчерченный прямыми резкими линиями стен и крыш каменных домов. Боги и те отвернулись от этого зрелица.

Бипрадаш привлек к себе сестру и спросил:

— Что, Куму, грустно тебе?

— Нет, ничего, — улыбнулась Кумудини.

— Хочешь, пойдем в музей?

— Пойдем! — Она с такой радостью откликнулась на это предложение, что, не будь Бипрадаш мужчиной, он сразу догадался бы, что радость эта деланная. Сестре совсем не хотелось идти в музей. Кумудини не привыкла бывать среди незнакомых людей и до того робела, что у нее холодели руки и ноги и она не видела ничего вокруг.

В Калькутте у Куму не было подружки, и брат стал ей самым близким другом. Он относился к ней не как к сестре, а как к младшему брату.

Бипрадаш научил Куму играть в шахматы. Сам он был неплохим шахматистом и с интересом наблюдал, как

сестра делала первые неуверенные ходы. Но очень скоро она достигла таких успехов, что ему пришлось играть с большой осмотрительностью. Бипрадаш великолепно знал и очень любил санскритскую литературу. С его помощью Куму принялась учить санскритскую грамматику. Прочитав «Рождение бога войны» Калидасы, она совсем по-другому стала смотреть на представления в честь бога Шивы. Он уже не был для нее грозным богом. Из грозного бога он превратился для Куму в великого отшельника, чья любовь явилась заслуженной наградой Уме за ее подвижничество. В девичьих мечтах Куму будущий супруг стал являться ей в ореоле божественной святости, похожий на могучего Шиву. Бипрадаш увлекался фотографией, сестра тоже. Они вместе проявляли и печатали свои снимки. Бипрадаш был отличным стрелком. Когда они ездили на праздники в деревню, он уходил к пруду па заднем дворе, бросал в него орехи, кожуру плодов, служившие ему мишенью, и упражнялся в стрельбе из пистолета.

— Попробуй и ты, Куму, — звал он сестру.

Куму старательно училась всему, чем увлекался Бипрадаш. В игре на эдрадже она сделала такие успехи, что брат сам признал себя побежденным.

Бипрадаш, к которому Куму с детства относилась с нескрываемым восхищением, в Калькутте стал для нее единственным близким человеком. Так что в какой-то степени переход в Калькутту оказался для нее благом. Куму была замкнута и одинока. Как и отшельница Ума, она совершила свое подвижничество, — но только в воображаемом лесу, на берегу воображаемого Манаса. Людям ее склада нужна ничем не стесняемая свобода, уединение и рядом — человек, которому они готовы отдать всю свою любовь и преданность. Однако женщины не терпят стремления держаться в стороне от окружающего мира, считая, что это несвойственно женскому характеру, что это надменность или бессердечие. Вот почему у Куму не было подруг даже в деревне.

Давно, еще до смерти отца, была почти решена свадьба Бипрадаша. Но неожиданно за два дня до начала свадебных обрядов невеста заболела лихорадкой и умерла,

Астрологи предсказали, что теперь не скоро положение планет на небе будет благоприятным для свадьбы. И Бипродашу пришлось временно отказаться от мысли о женитьбе. Потом умер отец, и уже некогда было думать о собственной свадьбе. Все же в один прекрасный день к нему пожаловал сват и посулил ему богатое приданое. Однако ответ Бипродаша был настолько неожиданным, что сват опрометью выскошил на улицу, едва успев прислонить к стене хукку, которую ему предложили, когда он вошел.

9

Младший брат Шубодх, уехавший учиться в Англию, сначала писал довольно аккуратно, но потом письма стали приходить все реже и реже. И вот сегодня неожиданно почтальон принес письмо. Зная, с каким нетерпением Кумудини ожидает почту, слуга подал письмо ей. Бипродаш как раз брился, когда Куму вбежала к нему с криком:

— Дада! Письмо от брата!

Кончив бриться, Бипродаш сел в кресло и осторожно стал вскрывать конверт, словно ожидал чего-то неприятного. Прочитав письмо, он нервно скомкал его. Написанное, видно, причинило ему боль.

— Что, брат заболел? — испуганно спросила Куму.

— Нет, здоров.

— Что же он пишет?

— Да все про учебу.

Последнее время Бипродаш не давал сестре письма от Шубодха, он сам читал ей отдельные места. Но в этот раз не прочел ничего. Куму очень встревожилась, но попросить письмо сочла неудобным.

Дело в том, что первое время Шубодх старался укладываться в свой скромный бюджет. В его душе еще свежа была память о несчастье, постигшем их семью. Но, по мере того как образы прошлого тускнели, расходы его все увеличивались. Он объяснял, что должен жить широко, иначе не сможет проникнуть в высшее общество и завязать полезные знакомства. А без этого нечего и мечтать о карьере.

Раза два Бипродаш высыпал ему по телеграфу деньги сверх положенных. И вот теперь он снова просит — целых тысячу фунтов, они ему крайне нужны.

Бипродаш сидел, обхватив голову руками. Где взять такую сумму? Даже денег, которые он с таким трудом скопил, чтобы выдать замуж сестру, и то не хватит. И потом какой прок от того, что Шубодх станет адвокатом, если ради этого придется загубить жизнь Куму?

Всю ночь Бипродаш ходил по веранде. Он не знал, что сестра тоже не могла сомкнуть глаз. Наконец тревога стала невыносимой, и Куму, встав с постели, побежжала к брату.

— Дада, — взмолилась она, схватив его за руку, — что случилось с братом? Умоляю, не скрывай от меня.

Бипродаш понял, что надо все объяснить, иначе она ни за что не успокоится. Он немного помолчал и наконец решился:

— Шубодх просит денег, а у меня нет нужной суммы. Куму крепче сжала руку брата:

— Дада, я тебе что-то скажу, только обещай, что не рассердишься.

— А вдруг ты скажешь такое, что я непременно должен буду рассердиться? Что тогда?

— Не шути, дада. Выслушай меня. Мамины украшения принадлежат мне, значит...

— Перестань! Неужели мы можем прикоснуться к твоим драгоценностям!

— Ну, так я могу.

— Нет, и ты не можешь. Оставим этот разговор, иди спать.

Карканье ворон и скрип тачек, которые катили мусорщики, разогнали мрак ночи, предвещая рассвет. Издалека доносились свистки паровозов, гудки фабричных труб. Прошел, таща на плече лестницу, расклейщик реклам, на этот раз он нес рекламы нового жаропонижающего средства. Прогрохотала пустая телега, запряженная волами, которых изо всех сил погонял хозяин. У водопроводной колонки девочка-хиндустанка и брахман-ориссец затеяли скору из-за того, кому первому брать воду.

Бипродаш сидел на веранде и курил. На полу рядом с ним валялась свежая газета.

Куму подошла к брату:

— Дада, не говори «нет».

— Ты хочешь лишить меня права свободно выражать собственное мнение? По твоему велению ночь должна стать днем, а «нет» превратиться в «да»?

— Послушай, возьми мои украшения, и у тебя не останется больше забот.

— Какая же ты наивная! Разве это выход из положения?

— Я не могу видеть, как ты терзаешься!

— Надо придумать что-то такое, что даст полное успокоение. А так только хуже. Потерпи немножко, я все улажу.

В тот же день Бипродаш написал брату, что нужную сумму он мог бы ему выслать, лишь продав драгоценности Куму, но на это он не пойдет. Ответ пришел очень скоро. Шубодх писал, что ему не нужно приданого Куму, он просит брата продать принадлежащую ему, Шубодху, половину имущества и выслать деньги. К письму была приложена доверенность на продажу.

Прочитав письмо, Бипродаш почувствовал такую боль, словно в грудь ему вонзилась стрела. Как мог Шубодх послать такое ужасное письмо?

Бипродаш позвал управляющего и спросил:

— Кажется, Бхушон Рай хотел арендовать наше имение в Коримхати? Сколько он предлагает?

— Тысяч двадцать.

— Пригласи его сюда. Я хочу с ним переговорить.

Поместье Коримхати раньше принадлежало деду Бипродаша. Едва в семье сына появился первенец, как дед на радостях преподнес это имение внуку. Бхушон Рай был богатым ростовщиком, его оборотный капитал доходил до двух с половиной или даже трех миллионов рупий. Родом он был из Коримхати и давно хотел заполучить это имение в аренду. Уже не раз, оказавшись в стесненных обстоятельствах, Бипродаш готов был удовлетворить его желание, но крестьяне умоляли не губить их. Они уверяли, что не смогут признать этого ростовщика своим хозяином. Бипродаш уступал их просьбам, и дело расстраивалось. Но теперь Бипродаш решил твердо. Он знал, что Шубодх будет просить деньги еще и еще. «Пусть

арендная плата с моего родового именья идет на нужды Шубодха, а там видно будет», — думал он.

Управляющий не посмел возразить хозяину. Он тайком отправился к Куму.

— Диди, — обратился он к ней, — господин послушает тебя. Не дай ему совершить ошибку.

Слуги любили Бипродаша и не могли равнодушно смотреть, как он разоряет себя ради брата.

Близился полдень. Бипродаш сидел за бумагами. Он еще не совершал омовения и не завтракал. Куму уже несколько раз посыпала за ним. Но вот наконец он появился на женской половине дома. Взглянув на брата, Куму совсем расстроилась. Бипродаш походил на дерево, опаленное молнией.

Позавтракав, Бипродаш взял свою хукку с длинным мундштуком и прилег на постель, подложив подушку. Куму присела у изголовья и стала нежно перебирать пальцами его волосы.

— Дада, ты не отдашь в аренду свое поместье, — вдруг выпалила она.

— Уж не вселился ли в тебя дух наваба Сирадж-удаулы? Что это ты все приказываешь?

— Дада, не отмахивайся от моих слов.

Тут выдержка изменила Бипродашу, он сел, привлек к себе Куму и усадил ее перед собой. Откашлявшись, чтобы голос не звучал слишком хрипло, он спросил:

— Знаешь, что написал Шубодх? Смотри! — Он вынул из кармана письмо и протянул его Куму. Прочитав его, она в смятении закрыла лицо руками.

— О ма, как он мог написать такое, — простонала она.

— Хоть он и отделяет свое имущество от моего, но я-то никак не могу считать, что это поместье принадлежит только мне. Ведь у него нет отца, кто ему поможет в трудную минуту, если не старший брат?

Куму молчала, слезы текли по ее щекам. Бипродаш опять откинулся на подушку и закрыл глаза.

Куму долго сидела, растирая брату ноги. Наконец она нарушила молчание:

— Дада, драгоценности мамы и сейчас принадлежат ей. А раз это ее драгоценности, почему ты не...

— Как ты не поймешь, Куму,— возразил брат,— неужели я смогу простить Шубодху, если он на твои деньги будет ходить по театралам и концертам! Как он посмотрит мне в глаза после этого? Зачем же обременять его совесть?

Куму замолчала, ее доводы были исчерпаны. Как всегда в трудную минуту, она стала мечтать о том, чтобы свершилось чудо. Неужели какая-нибудь звезда или планета не укажет выхода из этого положения? Да ведь было же ей счастливое предзнаменование: вот уже несколько дней, как у нее дергается левое веко! У нее и раньше оно дергалось, но она как-то не придавала этому значения. А теперь вспомнила, что это счастливый знак. Верная примета не должна ее обмануть.

10

За окном не переставая лил дождь. Бипродаш немногого прихворнул. Он прилег на постель, укутался пледом и стал просматривать газеты. Любимая кошечка Куму завладела свободным краешком пледа, свернулась в клубок и сладко уснула. А терьер Бипродаша, вынужденный мириться с наглостью кошки, устроился у ног хозяина и время от времени рычал во сне.

Вот тут и пожаловал новый сват.

— Здравствуйте.

— Кто вы такой?

— Я сват Нильмони, сын покойного Гонгамони, — представился он. — Вы не помните меня, вы были тогда ребенком, а старые господа меня хорошо знали. (Это была явная ложь.)

— Что вам нужно?

— У меня есть хороший жених. Достойный вашего дома.

Сват назвал имя Модхушудона Гхашала. Бипродаш в изумлении привстал.

— Разве у него есть сын? — спросил Бипродаш.

Сват прикусил язык, а потом, запинаясь, проговорил:

— Да нет, он не женат. Но сам он очень богатый, дела у него идут хорошо, вот он и решил жениться,

Бипродаш выдержал паузу, затянулся хуккой. А потом резко сказал:

— У нас в доме нет невесты, подходящей ему по возрасту.

Но сват не отставал. Заискивающим голосом он стал твердить о богатстве жениха, о том, что он даже в доме у губернатора принят.

Бипродаш слушал не перебивая, а потом раздраженно сказал:

— Не годится. Стар.

— Подумайте, я зайду через несколько дней, — не отставал сват.

Бипродаш тяжко вздохнул и откинулся на подушку.

Как раз в это время Куму несла брату чай. У дверей его комнаты она остановилась, заметив чужую накидку, мокрый дырявый зонтик и облепленные грязью сандалии. Из-за двери доносились голоса. «Не пройдет и года, — говорил сват, — как раджа-бахадур удостоится титула махараджи, так сказал сам губернатор Калькутты. Вот поэтому раджа-бахадур и озабочен мыслями о женитьбе, ведь не годится, чтобы место махарани оставалось незанятым. Ваш астролог Кину Бхоттачарджо мне приходится дальним родственником. Я видел у него гороскоп невесты. По всем признакам ваша сестра подходит для раджи-бахадура. Я изучил гороскопы всех городских девушек и такого хорошего не нашел ни у кого. Уверяю вас, они предназначены друг другу судьбой, такова воля Владыки вселенной».

Едва он произнес эти слова, как у Куму опять задергалось левое веко. Что за таинственная сила у этой приметы! Астролог Кину Бхоттачарджо, рассматривая ее ладонь, не раз говорил, что она будет махарани. И вот сейчас предсказания его сбываются. Совсем недавно Кину приезжал в Калькутту, чтобы получить причитающиеся ему деньги. Вот что он тогда предсказал: «Того, кто родился под знаком Тельца, в июне ждут почести, достойные раджи, деньги, полученные благодаря женщине, и победа над врагами. Опасности таковы: недомогания, возможна также болезнь или даже смерть жены». Бипродаш родился под знаком Тельца. Это предсказание уже начало сбываться: со вчерашнего вечера Бипродаш слегка

занемог. Жены у него не было, поэтому беспокоиться о ее здоровье или опасаться ее смерти не имело смысла. Ну а все остальные предсказания были счастливыми.

Когда сват откланялся, Куму вошла к брату.

— Дада, голова болит? — спросила она, подойдя к постели.

— Нет.

— Чай не холодный? Я не могла войти, у тебя кто-то был.

Бипрадаш посмотрел на сестру и вздохнул. Судьбе нравится зло шутить над нами: возьмет вдруг да и подарит нам золотую колесницу, а ехать в ней нельзя: колеса не крутятся.

Куму погрустнела, глядя на расстроенное лицо брата. Ну почему он не рад дару богов? Она даже не задумывалась над тем, что при заключении брака должно приниматься в расчет и такое немаловажное обстоятельство, как чувство. Еще маленькой девочкой она видела, как выдавали замуж ее сестер. При выборе жениха главное внимание обращали па то, чтобы его каста была не ниже касты невесты, а о каких-нибудь там чувствах никто и не вспоминал. Это не помешало сестрам народить детей и стать хорошими женами. Если же брак оказывался несчастливым, они не роптали. Им и в голову не приходило, что можно желать какой-то иной судьбы. Разве мать выбирает себе детей? Она любит их всех: и плохих и хороших. Мужа тоже не выбирают. Ведь у бога нет лавки женихов. Судьбу себе не закажешь.

Вот наконец и к Куму явился принц ее мечты. Он пересек бесконечную пустыню ее страданий, и в биении своего сердца Куму слышит грохот его колесницы. Нет, она не будет судить о человеке по его внешности.

Куму поспешила в свою комнату и заглянула в календарь. Сегодня был день исполнения желаний. Она созвала всех брахманов, которые служили у них в доме, устроила для них угощение и дала им денег. Они благословили ее, провозгласив: «Быть тебе махарапи! Да пошлют тебе боги много детей и богатство!»

Сват нанес Бипрадашу второй визит. Он пришелкивал пальцами, поминал бога и громко зевал. На этот раз Бипрадаш не решился отвергнуть предложение. «Как я

могу взять на себя такую ответственность? — спрашивал он себя. — Как знать, может быть, этот жених — самый подходящий для Куму?» Он выпроводил свата, пообещав дать ответ послезавтра.

11

Вечер. В комнате Куму темнее обычного, потому что небо все в тучах и льет дождь. Мебели у Куму почти нет. Около стены узенькая кровать. Рядом — вешалка, на ней сари и полотенце золотистого цвета. В углу деревенский сундук, в нем хранится одежда. Под тахтой спрятана выкрашенная в зеленый цвет оловянная коробочка с приналежностями для приготовления бетеля, около нее шкатулка с гребenkами, шпильками и другими атрибутами женского туалета. В стенной нише на полочке несколько книг, чернильница, перо, бумага для писем, в углу — туфли покойного отца, которые мать соткала из шерсти. Над постелью, у изголовья, висит картина с изображением Радхи и Кришны, в углу — эсадж.

Не зажигая огня, Куму сидела на сундуке и смотрела в окно. Сквозь струи дождя смутно виднелась грохочущая Калькутта, вся в языках пламени, похожая на огромного доисторического зверя, закованного в панцирь.

Но Куму ничего не видела. Она мысленно унеслась в воображаемый мир, который был уготован для нее судьбой. И дома и люди здесь были такими, какими хотела их видеть Куму. В самом центре этого мира восседала сама Куму, воплощение благочестия, смирения и преданности мужу. Однажды ее мать, нестерпев обиды от собственного мужа, уехала, запятнав тем самым свое добреое имя. Куму никогда не повторит этой ошибки.

Раздались шаги Бипродаша. Куму очнулась.

— Зажечь огонь? — спросила она.

— Нет, Куму, не надо.

Бипродаш сел рядом с сестрой на сундук. Куму опустилась на пол и, как обычно, принялась растирать брату ноги.

— Ко мне приходили, поэтому я не звал тебя, — осторожно начал Бипродаш. — А ты одна сидела?

— Нет, у меня была тетя Кхема. А к тебе кто приходил? — смущенно спросила Куму о том, что ее больше всего интересовало.

— Вот об этом я и хотел поговорить. В июне тебе минет восемнадцать лет, верно?

— Верно, а разве это плохо?

— Да нет. Сегодня приходил сват Нильмони. Сестричка, милая, не смущайся. Давно еще, когда тебе было десять лет, отец хотел выдать тебя замуж. Никто не спросил: хочешь ты этого или нет. А теперь я не могу так поступить. Ты наверняка слышала о радже Модхушудоне Гхошали. Он из благородной семьи, но гораздо старше тебя. Я пока не ответил ничего определенного, хочу услышать, что ты скажешь, и покончить с этим делом. Не стыдись, Куму.

— Я не стыжусь, дада. — Куму немного помолчала, собираясь с силами. — Тот, о ком ты говоришь, предназначен мне судьбой. — Куму почти слово в слово повторила то, что сказал тогда сват, его слова глубоко запали ей в душу.

Бипродаш был потрясен.

— Как предназначен? — воскликнул он.

Куму не отвечала. Бипродаш погладил ее по голове.

— Ну же, не ребячься, Куму!

— Как ты не понимаешь, дада, это не ребячество.

Она безгранично уважала брата, но знала за ним один недостаток: он не верил в судьбу.

— Ты же его не видела, — пытался предостеречь ее Бипродаш.

— Ну и что же, я и так знаю.

Бипродашу отлично было известно, что в таких вопросах братьям не понять сестер, тут между ними пролегает бездонная пропасть. Влияние старшего брата не распространялось на самую сокровенную часть души Кумудини.

И все же Бипродаш сделал еще одну попытку:

— Послушай, Куму, речь ведь идет о целой жизни! Надо хорошенъко подумать, нельзя решать так поспешно, подчиняясь капризу.

— Но это не каприз, — горячо возразила Куму. — У ног твоих я клянусь тебе, я ни за кого больше не выйду замуж!

Дрожь пронизала Бипродаша. Что толку спорить там,

где разум молчит? Это так же бесполезно, как пытаться помешать появлению новой луны. Бипродаш догадался, что Куму поступает так лишь потому, что сбылась какая-то ее примета.

И он не ошибся. Как раз сегодня Куму принесла цветы в дар богу. Цветов было нечетное число. Она подбирала цветы парами, по цвету, и загадала, что если последний цветок будет голубым, под стать цвету бога, которому она дарит эти цветы, значит, сам бог велит ей выходить замуж. Последний цветок оказался голубым.

Гонг призывал к вечерней молитве. Куму молитвенно сложила руки и склонилась к земле. Долго сидел Бипродаш, не двигаясь с места. За окном сверкала молния. Дождь не унимался.

12

Не раз еще пытался Бипродаш образумить Куму. Но на все уговоры она не отвечала ни слова, только низко опускала голову и принималась теребить край сари.

Свадьба была делом решенным, об одном только никак не могли договориться: где ее праздновать. Бипродаш хотел в Калькутте, жених в Нурногоре. Пришлось уступить жениху.

Для приготовлений к свадьбе брат и сестра уехали в деревню. Кумудини находилась в радостном возбуждении от предстоящей встречи с человеком, чей образ она взлеяла в своих мечтах. Словно иссущенная долгим зноем земля после теплых дождей, Куму ожила и расцвела. Золотые лучи осеннего солнца нежили и ласкали девушку, шептали ей о сокровенных тайнах вечности.

На открытой веранде перед своей спальней Куму рассыпала рис, прилетали птицы и клевали белые зерна. Она бросала кусочки засохшего хлеба, и с дерева, тревожно поблескивая глазками, стремглав спускалась белочка, подбирала передними лапками эти крошки и, усевшись на задние лапки и опираясь на хвост, с хрустом их разгрызала. Спрятавшись, Куму с радостным чувством наблюдала за белкой и птицами. Она готова была любить весь мир. Вечером, совершая омовение в пруду на заднем дворе, Куму по самую шею заходила в воду и долго стоя-

ла так, ей казалось, будто вода о чем-то шепчет ей. Лучи заходящего солнца играли на деревьях батавского лимона у западного берега водоема, и их огненные вершины отражались в темной воде. Куму смотрела на игру света и мрака, и невольная дрожь восторга вдруг пронизывала ее. В жаркий полдень она забиралась в каморку на самой крыше и сидела там, слушая, как среди ветвей воркуют голуби. Она отдавалась мыслям о будущем супруге, божестве, образ которого она вылепила в мечтах и возвела на трон в храме своей юности. Над этим божеством витала нежная любовь Радхи и Кришны. Куму тихонько напевала, аккомпанируя себе на эсрадже, песню, которой ее научил брат:

В мое сердце утром постучался милый.
Встрепенулась радость птицей белокрылой¹.

Вечером, ложась спать, и пробуждаясь утром, Куму совершила пронам. Кому предназначался этот пронам — она сама толком не знала. Это был просто порыв души, стремящейся посвятить себя служению божеству.

Но созданное воображением божество недолго остается скрытым за дверью храма. Когда суды и пересуды добираются до этого божества, оно теряет свою притягательную силу. И тогда для его творца и почитателя наступают тяжкие дни.

Однажды пришла старуха Тинкори, родом из касты маслоделов, и завела с Куму такой разговор:

— Где это наша Куму раздобыла себе раджу?
Знаешь, что поют про него бродячие певцы?

А раджа наш воздвиг свой трон
В лесу безлистом и гнилом.
Среди ветвей колючих
В унынье и во мраке
Теперь его соседи
Шакалы да собаки.

Твой жених и есть тот самый раджа из леса, где растут деревья-колючки. Я знаю Модху, он сын роджобпурского Анондо-писца. Когда был голод, этот Модху привез из Бирмы рис и продавал его за большие деньги, вот откуда у него богатство. Богач, а старуху-мать до самого ее

¹ Здесь и дальше стихи в переводе А. Сенкевича.

смертного часа заставлял хлопотать по дому — совсем извел бедняжку.

Тинкори окружили женщины.

— Так ты знаешь жениха?

— А то не знаю! Его мать жила по соседству с нами, она дочка жреца Чоккроборти. — Старуха вдруг понизила голос: — Сказать по правде, дорогие мои, не годится хорошим брахманам вступать с ними в родство. Да что уж там, Лакшми не очень-то смотрит на касты.

Я уже говорил, что Куму не походила на современных девушек и придавала большое значение чистоте касты. Ей было обидно выслушивать подобные разговоры. Она рассердилась на непрошенную гостью, разрыдалась и выбежала из комнаты. Кумушки, подталкивая друг друга, затараторили:

— Подумаешь, сразу и обиделась! Хочет показать, что будет служить мужу вернее, чем сама Сати!

Хотя Бипрадаш мыслил вполне по-современному, однако и он понимал, что чистота касты — дело немаловажное, и потому всячески старался пресечь эти сплетни. Но хорошо известно: чем сильнее давишь на рваную подушку, тем больше из нее лезет ваты.

Вскоре их старый арендатор Дамодор Бишшаш разунал, что в далеком прошлом Гхошалы владели деревней Шейакули, соседней с Нурногором. Теперь эта деревня принадлежала Чаттерджи. Дамодор с восторгом поведал о том, как после истории со статуей богини Чаттерджи разорили Гхошалов, с какой ловкостью им удалось изгнать Гхошалов не только из этих мест, но и из общины. Бипрадаш обрадовался, узнав, что некогда Гхошалы были равны им богатством и кастой, но в душу ему закралось опасение: не является ли затея с этой свадьбой всего лишь продолжением старых распри?

Свадьбу назначили на декабрь месяца. Только успели отпраздновать Лакшми-пуджу, как вдруг нагрянул служивший у Гхошала инженер, а вместе с ним несколько рабочих из западных провинций Индии. Они привезли

большие шатры и разную утварь. В чем дело? Оказывается, им велено разбить шатры в Шейакули, на берегу Гхошалова пруда. Во время свадебных торжеств там будут жить жених и его гости.

Что все это значит?

Бипродаш сказал инженеру:

— Пусть приезжает сколько угодно гостей, пусть живут здесь, сколько пожелаю, мы обо всем позаботимся. Для чего же шатры? У нас еще есть дом, я велю его освободить.

— Так приказал раджа-бахадур, — доложил инженер. — Он распорядился срубить деревья по берегам пруда. Вы заминдар, я прошу вашего разрешения.

Бипродаш побагровел от гнева.

— Кому это нужно? Мы и сами можем расчистить берега и срубить деревья! — воскликнул он.

— Здесь жили предки раджи-бахадура, — почтительно объяснил инженер, — поэтому ему очень хочется взять расчистку берегов на себя.

Все это казалось довольно резонным, но родственники стали ворчать. Арендаторы Бипродаша говорили: «Все это делается для того, чтобы унизить нашего господина. Разбогател, ну и пусть, зачем же бить в барабаны? В прежние времена такого жениха со всей его свитой давно бы отправили на тот берег Вайтарани. Был бы тут младший брат нашего господина, несдобровать этим пришельцам с их шатрами!» Они отправились к Бипродашу и заявили:

— Хузур, нельзя им уступать. Если нужны деньги, возьми у нас!

Нобогопал, потомок тех самых заминдаров, которые в свое время отделились от Чаттерджи, забрав принадлежавшие им три восьмых части общего земельного надела, тоже предложил свои услуги.

— Нельзя терпеть, когда оскорбляют честь рода. Было время, Чаттерджи низвергли Гхошалов, а теперь эти самые Гхошалы явились в наши края и пытаются ослепить нас блеском своего богатства! Не бойся, потребуются деньги — мы поможем. Можно делить имущество, но честь рода неделима.

Нобогопал сам взялся за предсвадебные хлопоты.

Вот уже несколько дней, как Бипродаш не видел Куму. Он не решался показаться ей на глаза. Однако сплетникам чуждо благородство, не знают они и чувства жалости. Вместо того чтобы как-то помягче рассказать о поступке высокомерного жениха, они рассказали Куму все, да еще от себя немало прибавили. Женщины были очень рассержены. Подумать только: оскорбляют весь род, а из-за Куму приходится терпеть! Захотелось ей стать женой раджи! Подумаешь, красавица какая нашлась!

Для Куму желания будущего супруга были важнее касты и рода. И все же она не могла не испытывать чувства горечи, слушая о том, как Модхушудон старается унизить ее семью, хвастая своим богатством. Куму стала прятаться от людей. Позор Гхашалов был теперь и ее позором. Опа хотела услышать обо всем от Бипродаша, но он не показывался, даже не заходил к ней завтракать.

Однажды утром он отправился во внутренний сад, чтобы подыскать место для летней кухни, и у пруда наступил на Куму. Она сидела на самой нижней ступеньке спуска и смотрела на воду. Увидев брата, она бросилась к нему.

— Дада, я ничего не понимаю, — проговорила она глухим голосом, закрыла лицо краем сари и горько заплакала.

Брат ласково погладил ее по плечу.

— Не слушай, что говорят люди, сестричка.

— Неужели он в самом деле так поступил? Как ты можешь с этим мириться?

— Пойми и его положение. Он приехал во владения своих предков, почему же ему не отпраздновать такое событие? Не думай, к свадьбе это не имеет никакого отношения.

Куму молчала. Бипродаш не сдержался и, цепляясь за последнюю надежду, снова сделал попытку отговорить ее.

— Если ты хоть немного колеблешься, можно сию минуту отказаться от свадьбы.

Куму замотала головой:

— Нет, нет! Нельзя!

Сам всевышний священными узами связал ее судьбу с судьбой Модхушудона. Все остальное не имело значения.

Бипрадаш был человеком современных взглядов. Куму вывела его из себя.

— Узы брака святы лишь тогда, когда муж и жена одинаково честны и добродетельны! — воскликнул он. — Тому, кто не умеет играть, незачем браться за инструмент, если даже этот инструмент настроен умелыми руками. Вспомни пураны: Сита и Рама, Сати и Махадева, Арундхати и Васиштха — они были достойны друг друга. А теперь у мужчин может не быть добродетели, но от женщин они ее требуют. Они не понимают, что, если фитиль с одного конца зажечь, но не опустить другой конец в масло, фитиль сгорит, превратится в пепел.

Напрасно взывал Бипрадаш к здравому смыслу Куму. Девушка в тот момент повторяла про себя горячо, как молитву: «Плохой или хороший, он послан мне судьбой!»

Сумел он одолеть и горе и несчастье,
Под жарким солнцем не сгореть, не потускнеть в ненастье.
В себе смиряя гнев и страх, отбросив все, что пусто,
Он сжег дотла, как на кострах, свои хмельные чувства, —

твердила Куму санскритские стихи. Эти строки можно было отнести и к добродетельности замужней женщины. Заповедь учит быть выше счастья и несчастья, преодолевать гнев и страх. А любовь? Так ли она необходима? Любовь приносит себя в жертву и требует ответной жертвы, она ведет строгий учет отдаваемому и получаемому. Преданное служение мужу выше любви. Жена должна отдавать всю себя, ничего не требуя взамен. Истинно благочестивая жена поклоняется божеству в облике мужа, поэтому служение ее имперсонально, по выражению англичан. Пусть у Модхушудона есть недостатки, но он муж и в глазах жены всегда должен быть чист и безгрешен. Так убеждала себя Кумудини, твердо решив принести себя в жертву этому вымышленному безликому существу.

У Гхошалова пруда вырубили весь лес. Место стало неузнаваемым, там образовалась ровная площадка. На ней утрамбовали дорожки, посыпали их битым кирпичом, вдоль дорожек установили столбы для светильников. В очищенном от водорослей пруду покачивались две новенькие английские яхты. На борту одной было выведено «Модхумоти»¹, на другой — «Модхукори»²; на берегу для раджи-бахадура разбили шатер, у входа висело суконное полотнище с вышитой красным шелком надписью «Модхучокро»³. Другой шатер предназначался для женщин. От него прямо к воде вела дорожка, огороженная с обеих сторон циновками, сплетенными из пальмовых листьев. В конце дорожки, у самой воды, росло дерево ним, на дощечке, прибитой к дереву, красовалась надпись «Модхушагор»⁴. Там и сям высились плетеные арки, увитые оранжевыми ноготками, цветами бальзамина, каннов, подсолнечника, жасмина, повсюду стояли деревянные ящики с привезенными из-за границы цветами. В центре праздничного городка был устроен фонтан с фигурой обнаженной женщины, отлитой из металла; во рту она держала раковину, из раковины лилась вода. Это место называлось «Модхукунджа»⁵. Над чугунными воротами у въезда в городок развевалось знамя, на нем было написано «Модхупури»⁶. Словом, каждое название напоминало об имени Модхушудона. Толпы людей стекались издалека, чтобы поглазеть на неожиданно выросший сказочный город, разукрашенный флагами, разноцветными драпировками и навесами, яркими цветами и китайскими фонариками. В этом городке расхаживали, поскрипывая английскими ботинками, слуги Модхушудона, облаченные в красные суконные мундиры с золотыми галунами, в тюрбанах из желтого шелка с красной каймой, на которых блестали кокарды. Днем и ночью в

¹ «Модхумоти» — «Медовая».

² «Модхукори» — «Пчелка».

³ «Модхучокро» — «Улей».

⁴ «Модхушагор» — «Медовое море».

⁵ «Модхукунджа» — «Медовый сад».

⁶ «Модхупури» — «Медовый город».

«Медовом городе» били часы, по вечерам там стреляли из ружей холостыми патронами. У некоторых слуг на кожаных поясах висели английские сабли, которые при каждом шаге вонзались в землю заминдаров Чаттерджи.

Слуги Чаттерджи в своем ветхом древнем одеянии не решались от стыда показаться на люди. В доме Чаттерджи все кипели негодованием. Какстерпеть, когда в самую грудь Нурногора вонзилось копье Гхашалов, на котором победно реет их знамя?

Так начались свадебные торжества.

15

Бипрадаш позвал Нобогопала и сказал ему:

— Состязаться в богатстве — недостойно, низко.

— Большую часть человечества четырехликий создал, смахивая веником пыль со своих стоп. Его четыре рта были нужны ему лишь для того, чтобы изрекать священные слова. Вот почему на свете так много низких людей, и чтобы снискать их уважение, приходится совершать низкие поступки, — возразил Нобогопал.

— Но этим ты ничего не достигнешь. Я буду совершать только добрые дела, это благороднее. Я созову брахманов и пандитов и устрою торжество так, как это предписывает нам «Самаведа». У Модхушудона титул раджи, пусть он и кичится своим богатством, а нам, брахманам, положено заботиться о соблюдении всех ритуалов.

— Ты забыл, сейчас не сатьяюга! — воскликнул Нобогопал. — Стоит ли плыть в лодке по болоту? У тебя есть твои арендаторы — Бхаду Пораманик, Комородди Бишаш, Панчу Мондол, и даже такой богач, как Тину Шоркар! Неужели ты думаешь, что они оценят твои брахманские затеи! Они ведь не внуки Ядженявалкви, знаменитого законодателя древности. Что им за дело до древних законов! Сердце их разорвется от боли. Ты лучше молчи и ни о чем не беспокойся.

И Нобогопал вместе с арендаторами взялся за дело. Арендаторы били себя в грудь, говоря при этом: «Нечего беспокоиться о деньгах!» И благодаря их усилиям слуги Чаттерджи, от самых главных до самых низших,

облачились в красные суконные чадоры и яркие дхоти. Они размахивали яркими знаменами, били в барабаны; шум стоял на всю округу. Арендаторы привели четырех слонов, богато разукрашенных по случаю праздника. Этих слонов то и дело водили по дороге к Гхошалову пруду. Слоны поднимали хобот и громко трубили — они были приучены трубить в определенное время. Сторонники Чаттерджи в восхищении топали ногами и отпускали ехидные замечания: «Да уж, у владельцев джутовых фабрик слонов нету, не из джута же их сделают!»

Свадьба была назначена на семнадцатое декабря, оставалось еще десять дней. И вдруг пронесся слух, будто едет жених со своей свитой. В Нурногоре стали думать да гадать, почему он не сообщил о приезде. Быть может, Модхушудон считал, что вежливость — свойство простых смертных, а ему, радже, она не к лицу? В доме Чаттерджи никак не могли решить, ехать ли на станцию встречать гостей, не будет ли это при данных обстоятельствах унизительным? Раз жених не известил о своем прибытии, лучше всего сделать вид, что никто ничего об этом не знает.

Все это было резонно, но, чтобы разрешить все жизненные трудности, одних доводов разума недостаточно. Бипрадаш горячо любил Куму и не мог даже помыслить о том, чтобы причинить ей хоть какую-то боль — тут отступали все доводы рассудка. Девушку обидеть легко, она так уязвима. Общество дает в руки сильному кнут, а спину слабого не охраняет ни единым законом. Бипрадаш считал, что потопить сокровище нежности в потоке гнева, ненависти и зависти лишь ради того, чтобы доказать собственное превосходство, может лишь человек низкий.

Никому не сказавшись, Бипрадаш оседлал лошадь и поскакал к станции. Поезд прибыл в пять часов вечера. Из салон-вагона в сопровождении своей свиты вышел раджа. Он сухо поздоровался с Бипрадашем и спросил:

— Зачем вы беспокоили себя?

— Как же иначе! — воскликнул Бипрадаш. — Вы впервые посещаете мои владения, мой долг приветствовать вас.

— Вы ошибаетесь, — изрек раджа. — Пока я еще не в ваших владениях. Там я побываю, когда будет свадьба.

Бипродаш не совсем понял смысл этих слов. Но здесь, на станции, в толпе, не место было выяснять отношения, поэтому он сказал:

— У пристани вас ждет лодка.

— Ова не потребуется. Сюда прибыл мой катер, — был ответ.

Теперь стало ясно, что Бипродаш приехал зря. Но все же вежливость в нем взяла верх, и он добавил:

— Для вас приготовлена лодка, там повар и провизия.

— К чему все эти хлопоты! Мне ничего не нужно. Прошу вас помнить, что я прибыл на родину моих предков, а вовсе не в ваши владения. К вам я приеду, когда начнутся свадебные торжества.

Бипродаш окончательно убедился в том, что приехал напрасно. Сердце его сжалось. Он пошел в зал ожидания, опустился в кресло и долго сидел там. Было холодно, на улице уже совсем стемнело. Ударил колокол, возвещая о прибытии поезда. На станции зажгли огни. Наконец Бипродаш вышел из зала и отправился домой. Он опустил поводья и дал лошади волю. Приехал Бипродаш домой уже ночью. О том, куда он ездил и что произошло, он не обмолвился ни словом.

Во время поездки Бипродаш простудился и стал кашлять. Кашель с каждым днем усиливался, но Бипродаш не обращал на это внимания. Куму с трудом уговорила его лечь в постель. Всеми приготовлениями к свадьбе пришлось заниматься Нобогопалу.

16

Как-то Нобогопал пришел к Бипродашу.

— Посоветуй, что делать.

— А что случилось? — встревожился Бипродаш.

— Да вместе с женихом приехали англичане — не то торговые агенты, не то виноторговцы. Они охотились на Пирпурской отмели и убили там чуть не две сотни бекасов! А сегодня отправились на болото в Чондондохо.

Сейчас там зимуют гуси. Они настреляют их столько, что впору будет накормить всех прожорливых ракшасов, у самого десятиголового Раваны и то челюсти устанут.

Бипродаш не мог вымолвить ни слова.

— Ты ведь запретил охотиться в тех местах. Помнишь, мы задержали там англичанина, самого начальника округа? Мы тогда здорово испугались, думали, как бы он тебя не пристрелил вместо гуся. Но он оказался благородным человеком, уехал без всякого шума. А эти не щадят никого — ни птиц, ни зверей. Только прикажи, мы разочек...

— Нет, нет, не говори им ничего! — взволнованно прервал его Бипродаш.

Бипродаш славился на всю округу как лучший охотник на тигров. Как-то раз он подстрелил какую-то птичку и после этого так мучился от угрызений совести, что запретил охоту на птиц в своих владениях.

Куму подошла к брату, села у изголовья и стала гладить его по голове. Когда Нобогопал ушел, она заговорила с братом.

— Дада, запрети им, — сказала она непреклонно.

— Что запретить?

— Убивать птиц.

— Они не поймут и еще обидятся.

— Ну и пусть. Не только они могут обижаться.

Бипродаш взглянул на сестру и улыбнулся про себя. Он знал, что Куму твердо решила стать примерной женой. А примерная жена должна следовать за мужем, как тень. Неужели из-за какой-то пташки тень решила расстаться с телом?

— Не сердись, Куму, — мягко сказал брат. — Однажды я тоже убил птичку и не сразу понял, что это плохо. Так и они.

Непрерывной чередой следовали охота, пикники; вечером англичане танцевали под оркестр. Днем играли в теннис или устраивали гонки на яхтах. На берегу собирались крестьяне и глазели на эти развлечения. После обеда до поздней ночи гости горланили английскую песенку: «For he is a jolly good fellow»¹. Во всех развлечениях глав-

¹ Ведь он веселый, добрый малый (англ.).

ными участниками были белые мужчины и женщины, и это удивляло зрителей больше всего. До чего же потешно было смотреть, как англичане, нахлобучив на головы пробковые шлемы, ловят удочкой рыбу. Перед этими забавами бледнела борьба, палочные бои, лодочные гонки, представления любительского театра; даже слоны не привлекали больше внимания зевак.

За два дня до свадьбы состоялся обряд помазания куркумой. Жених прислал подарки. Все сбежались и рассматривали их, онемев от изумления. Тут было все, начиная от драгоценных украшений и кончая детскими игрушками. А сколько понадобилось людей, чтобы нести эти подарки! Чаттерджи щедро наградили посланцев.

Наконец начался второй период свадебной битвы. Кто кого перещеголяет в угощении: Гхашалы Чаттерджи или Чаттерджи Гхашалов? Барабанный бой зазывал всех званных и незваных гостей на берег «Медового моря» в «Медовый город». Вход был открыт всем.

Нобогопал кипел от ярости. Какая дерзость! Мы заминдары. Это наши владения! Как посмел он устроить здесь какой-то «Медовый город»?

Меж тем у Модхушудона, на виду у всех, полным ходом велись приготовления к пиршеству. Было ясно, что тут дело не обойдется традиционным угощением. Замышлялось нечто грандиозное. Рыба, творог, кислое молоко, сладости, топленое масло, мука, сахар — все это привезли издалека. Под деревом устроили огромный очаг. Были припасены разных размеров котлы, кувшины, горшки, миски. В ряд стояли телеги, доверху груженные всякими овощами и зеленью. Пир должен был начаться вечером, при свете фонарей.

У Чаттерджи тоже готовились к приему гостей. Арендаторы Бипрадаша сами все устраивали для праздника. Кушанья для индусов и мусульман готовились отдельно. Мусульман было больше. Они хлопотали с самого рассвета. В полдень начался пир. Какое ни подавали угощение, гости все равно с удвоенным усердием прославляли хозяев дома. Нобогопал сам не ел, не пил, хлопотал до пяти часов вечера. После пира, по заведенному обычаю, одарили нищих и бедняков-крестьян. Богатые арендаторы собственоручно раздавали дары. И снова воздух

огласился приветственными криками, изъявлениями благодарности в адрес хозяев.

В «Медовом городе» весь день стряпали: варили, жарили, парили. Ароматы кушаний разносились далеко вокруг. Всюду возвышались целые горы глиняных мисок, горшков, банановых листьев. Над очистками и отбросами каркали вороны, со всей округи сбежались собаки, они рычали и дрались из-за каждого куска. Наконец настал вечер, зажглись фонари. Музыканты заиграли популярные мелодии. То и дело к радже-бахадуру подбегали встревоженные слуги и шептали ему на ухо, что почти никто не идет на пир, хотя день был ярмарочный и сюда съехались люди из разных мест. Лишь немногие захотели воспользоваться даровым угождением, да еще забрело несколько нищих.

Модхушудон зашел в один из шатров. Там никого не было. Он нахмурился и что-то буркнул.

К нему подошел его младший брат.

— Дада, — сказал он, — чего ждать? Уедем!

— Куда?

— Обратно в Калькутту. Они подло поступили с нами. Стоит тебе только мизинцем шевельнуть, и невесты, куда знатнее этой, кинутся к тебе. Только свистни.

— Убирайся! — рявкнул Модхушудон.

Случилось то же, что и сто лет назад. Опять Гхашалы решили перешеголять Чаттерджи, и снова Чаттерджи сбили им спесь. Но со стороны трудно судить, кто победитель, а кто побежденный. Поле боя было скрыто от людских глаз.

Сторонники Чаттерджи весело смеялись. Бипрадаш, больной, лежал в постели. Он ни о чем не догадывался.

В день свадьбы раджа отменил торжественную процессию, которая должна была сопровождать его к дому невесты. Факелов не зажигали, в барабаны не били. Раджу сопровождали только его домашний жрец и два певца. Жених прибыл в дом невесты незаметно. А тем временем в «Медовом городе» в шатрах горели огни, играл

«Слеза на листе лотоса»

Художник Абаниндрранат Тагор

оркестр, гости сидели за столами, услаждали себя яствами и прославляли хозяина. Нобогопал понял, что это месть за испорченный пир. В таких случаях родственники невесты должны смиренно молить жениха о прощении. Однако Нобогопал и не подумал извиняться. Он даже не поинтересовался, почему жених прибыл без свиты.

Кумудини, уже наряженная, зашла к брату совершить пронам. Она вся дрожала. У Бипродаша был сильный жар. Ему поставили горчичники. Сестра склонила голову к его ногам и не смогла удержать рыданий. Тетя Кхема зажала ей рот рукой.

— Тише, не надо так громко плакать, — уговаривала она племянницу.

Бипродаш привстал, усадил сестру рядом с собой и посмотрел ей в лицо. Из глаз у него медленно текли слезы.

— Пора, — заторопила тетя Кхема.

Бипродаш положил руку на голову сестры.

— Да будет с тобой благословение дающего благо, — произнес он сдавленным голосом и в изнеможении откинулся на подушки.

Все время, пока продолжалась свадебная церемония, по лицу Куму струились слезы. Рука девушки, когда жених коснулся ее, была холодна и дрожала. Настал момент благоприятного взгляда. Но разве Куму видела лицо жениха? Сейчас больше всего на свете она боялась человека, который стал ей мужем. Куму чувствовала себя как итица, попавшая в клетку.

Нельзя сказать, что Модхушудон был некрасив, но своим грозным видом он внушал страх. На его темном лице прежде всего обращал на себя внимание крупный горбатый нос, похожий на клюв хищной птицы. Он пависал над ртом, будто охраняя его. Густые черные брови, словно плотина, сдерживали поток широкого покатого лба. Из-под бровей пронзительно смотрели узкие, чуть раскосые глаза. Усов и бороды он не носил. У него был тяжелый подбородок, плотно сжатые губы, жесткие, курчавые, как у кафра, коротко стриженные волосы. Модхушудон выглядел моложе своих лет, только виски его слегка серебрились. Массивный, плотно сбитый, с короткими волосатыми руками, он был невысок, почти такого же

роста, как и Куму. Модхушудон производил впечатление человека твердого и непреклонного. Словно стрела, выпущенная владыкой судеб, он упрямо стремился к намеченной цели. При взгляде на него сразу становилось ясно, что он не станет тратить времени на пустые разговоры, ненужные дела и бесполезных людей.

Свадьба вызвала у всех какое-то тягостное чувство. Само прибытие жениха в дом невесты прозвучало диссонансом свадебным песням. Обида Куму росла, в душу ей закралось подозрение: уж не обманул ли ее бог? Она пыталась заглушить свои сомнения, отбивала земные поклоны и молила: «Да не ослабнет мой дух». Труднее всего было скрыть свои мысли от брата.

После смерти матери все заботы по дому легли на Куму. Она распоряжалась деньгами, отдавала в стирку и починку одежду, расставляла книги в шкафу, отпускала зерно на корм лошадям, проверяла, вычищено ли ружье, накормлены ли собаки, в порядке ли фотоаппарат и музыкальные инструменты, следила за чистотой в доме. Бипродаш привык к ее заботам, и ему казалось, что никто не сможет так хорошо справляться с домашними хлопотами, как Куму.

Последние дни перед отъездом в дом мужа Куму провела у постели больного брата. Она изо всех сил старалась скрыть от него свою печаль, чтобы не омрачать дни накануне разлуки. Бипродаш всегда гордился тем, как хорошо сестра играет на эсрадже, однако застенчивая девушка неохотно бралась за инструмент. Но в эти дни она сама, без всяких уговоров, подолгу играла для брата. В звуках, рождавшихся под ее пальцами, слышались гимны божеству, мольба, страх, горячее желание принести себя в жертву. Бипродаш слушал, закрыв глаза, и время от времени просил сыграть то одну, то другую мелодию. И музыка передавала боль предстоящей разлуки, в ней слились затаенные рыдания брата и сестры. Им не надо было ничего говорить друг другу: ни слов утешения, ни слов печали, — все сказала музыка.

У Бипродаша по-прежнему был сильный жар, его мукал кашель, боль в груди становилась все сильнее. Доктор сказал, что это грипп, который может перейти в вос-

паление легких, поэтому надо быть особенно осторожным. Куму была в отчаянии. Модхушудон объявил, что увезет жену в Калькутту через два дня после свадьбы, когда будет совершена церемония бashi-бийе, но неожиданно переменил свое решение и сказал, что заберет ее на следующий же день после свадьбы. Куму поняла, что это делается не ради соблюдения обычаев, не потому, что его зовут дела, и вовсе не из-за любви к ней, а лишь для того, чтобы проучить ее. Уязвленное самолюбие подсказывало Куму, что не следует обращаться к мужу с просьбами. И все же, смирив свою гордость и преодолевая застенчивость, в ночь после свадьбы Куму дрожащим голосом попросила мужа задержаться хоть на два дня, за это время брату станет лучше, и тогда она сможет уехать. Ответ Модхушудона был краток: «Уже все решено». Этот бездушный ответ поразил Куму в самое сердце. И когда ночью Модхушудон попытался заговорить с ней, Куму отвернулась и не ответила ни слова.

Еще затемно, едва зазвучали первые неуверенные голоса птиц, Куму встала с постели и ушла.

Всю ночь Бипрадаш метался без сна. Накануне вечером ему очень хотелось присутствовать на свадебной церемонии, и врач с большим трудом удержал его в постели. Бипрадаш беспрестанно посыпал слугу узнавать, что происходит. Сообщения, которые он получал, были похожи на донесения с театра военных действий — они совсем не соответствовали действительности.

— Когда прибыл жених? — спрашивал Бипрадаш. — Почему не слышно было музыки?

— Жених очень деликатный, — отвечал гонец — слуга Шибу, — узнав, что в доме больной, он запретил музыку. Даже шагов его свиты не было слышно.

— Шибу, а угощения всем хватило? Я так беспокоюсь, ведь здесь не Калькутта.

— Хватило? Что вы говорите, хузур! Посмотрели бы вы, как много всего осталось! Еще столько же людей на-кормить можно!

— А гости довольны?

— Жалоб не было. Ни единого словечка недовольства. Сколько я свадеб перевидал! Гости всегда стучат,

орут, топают, у хозяев голова кругом идет. А эти вели себя так тихо, точно их и не было.

— Они же из Калькутты, — объяснял Бипродаш, — поэтому знают, как вести себя. Они понимают, что оскорбить дом невесты — все равно что нанести оскорблениe своему собственному дому.

— Да, хузур, ваши слова я передам гостям, им так приятно будет это услышать.

Еще накануне вечером Куму поняла, что брату стало хуже. Мысль об отъезде все больше мучила ее. Сердце билось в груди, как пойманная птица. Девушка знала, что никакое лекарство не заменит брату ее заботы.

Совершив омовение, Куму принесла цветы в дар божеству. Когда она заглянула к брату, солнце еще не взошло.

Промучившись всю ночь, Бипродаш лежал в забытьи. Привязанность к жизни, тревога о близких — все казалось ему серым, как пустое поле. Так бывает всегда после долгой борьбы с болезнью.

Дверь в комнате больного всю ночь была закрыта. Под утро врач открыл окно, обращенное на восток. В пролеты между мокрыми от росы листьями фигового дерева в комнату лился пурпурный свет утренней зари. Становилось все светлее. На фоне порозовевшего неба уже был виден залатанный парус на лодке ростовщика, медленно плывшей по реке. Кто-то тихо выбивал на барабане затейливый ритм.

Куму села возле брата и коснулась прохладными пальцами его сухой горячей руки. Терьер Бипродаша, уныло лежавший под кроватью, вылез, положил передние лапы на колени Куму и приветливо завилял хвостом. Он смотрел ей в лицо и жалобно повизгивал, будто хотел о чем-то спросить.

Бипродаш очнулся и вдруг без всякого предисловия заговорил:

— Диidi, в сущности, не имеет никакого значения, кто богат, а кто беден, кто внизу, а кто наверху, — все это выдумали люди. Разве важно, как расположены в пне пузырьки? Оставайся сама собой — и тогда никакие удары судьбы не страшны тебе.

— Дай мне твое благословение, дада, твое благословение. — Куму обеими руками закрыла лицо, стараясь сдержать рыдания.

Бипродаш приподнялся, опираясь на подушки, привлек к себе сестру и поцеловал ее в лоб.

В комнату тихо вошел доктор.

— Куму-диidi, — сказал он, — больному нужен покой.

Куму поправила подушки, укрыла брата теплым одеялом, аккуратно расставила лекарства на столике у его изголовья. Потом наклонилась и тихо прошептала:

— Дада, когда поправишься, приезжай в Калькутту, там мы сможем видеться.

Большие добрые глаза Бипродаша смотрели ей в лицо.

— Куму, облака с запада движутся на восток, а с востока — на запад. Так несет их ветер. В нашей жизни дуют такие же ветры. Учись плыть так же легко, как облачко. Теперь уж ты не беспокойся о нас. Я благословляю тебя и всей душой желаю, чтобы там, где ты будешь жить, тебя почтали и любили, как Лакшми. Это единственное мое желание и мое благословение.

Куму склонилась к ногам брата. «Отныне я буду одна на моем пути», — думала она. Человек не в силах постичь при разлуке, какой долгой может она оказаться. Куму в отчаянии обнимала ноги брата. Так лодка, сорванная бурей, из последних сил цепляется якорем за землю.

Опять вошел доктор.

— Больше нельзя, диidi, — тихо произнес он. В глазах у него стояли слезы.

Куму вышла из комнаты, опустилась на стул, стоявший у дверей, закрыла лицо краем сари и беззвучно заплакала.

Вдруг она вспомнила, что собиралась покормить Бесси, лошадь брата. Еще вечером она приготовила для нее лепешку из пшеницы и муки. Сегодня утром конюх отвел ее на задний двор. Куму пошла туда. Бесси щипала траву под деревом. Заслышиав шаги Куму, лошадь занрядала ушами и радостно заржала. Куму ласково потрепала ее по холке и протянула лепешку. Бесси ела и косила глазом на хозяйку. Куму поцеловала ее в лоб и бросилась прочь.

Бипродаша не оставляла уверенность, что Модхушудон зайдет его навестить. Но Модхушудон не приходил, и Бипродаш понял наконец, что эта свадьба, как меч, окончательно разрубила надежду на примирение двух семейств. Однако болезнь так измучила Бипродаша, что у него не было сил переживать это новое несчастье.

Он позвал врача и спросил:

— Можно мне поиграть на эрадже?

— Нет, пока не надо.

— Тогда позовите Куму, пусть она поиграет. Кто знает, когда я теперь услышу ее.

— У нее нет времени. Сегодня утром она с мужем уезжает с девятичасовым поездом, чтобы вечером быть в Калькутте.

Бипродаш вздохнул:

— Восемнадцать лет прожила она в этом доме, а теперь не может задержаться здесь и на час.

Перед отъездом муж и жена зашли к Бипродашу проститься.

— О, я вижу, вы нездоровы, — сказал Модхушудон, отдавая дань вежливости.

Бипродаш не обратил внимания на его слова.

— Да хранит вас бог, — произнес он свое благословение.

— Дада, береги себя. — Куму склонилась к его ногам и зарыдала.

На улице раздались приветственные крики, затрубили раковины, застучали барабаны, забили литавры. Модхушудон и Куму вышли.

Бипродаш смотрел им вслед. Край сари Куму и чадор Модхушудона по обычай были связаны узлом. Это показалось Бипродашу отвратительным. Он вдруг вспомнил, что в древние времена Тимур и Чингис-хан воздвигали пирамиды из черепов. Чем лучше эта свадьба, свяжавшая воедино жизнь двух людей? Кто знает, какие несчастья повлечет она за собой? Но что за мысли лезут ему в голову!

Бипродаш был равнодушен ко всякого рода обрядам. Однако сейчас он сложил руки и вознес к небесам горячую мольбу.

Неожиданно он вздрогнул и попросил доктора:

— Позовите управляющего.

Бипродашу почему-то пришел на память случай, который произошел незадолго до свадьбы Куму, в те дни, когда он мучился, не зная, где достать денег для Шубодха. Как-то утром, часов в одиннадцать, Бипродаш, утомленный долгим изучением приходных книг, сидел на веранде. Вдруг перед ним появился оборванный человек с давно не бритым изможденным лицом и костлявыми руками, на которых отчетливо проступали вены. Человек был одет в грязный чадор, очень короткое дхоти и рваные сандалии.

Пришелец поклонился и спросил:

— Господин, вы не узнаете меня?

Бипродаш всмотрелся в него:

— Как, Бойкунхо, неужели это ты?

Когда Бипродаш был еще мальчиком, рядом с его школой была лавочка Бойкунхо. Он торговал тетрадями, учебниками, перьями, ножами, ракетками, волчками и арахисом. В его лавочке любили собираться старшие школьники: никто лучше Бойкунхо не умел рассказывать разные были и небылицы и забавные истории.

— Что же с тобой приключилось? — спросил Бипродаш.

И Бойкунхо поведал свою историю. Несколько лет назад он выдал замуж дочь в богатый дом. Там не очень нуждались в приданом, потому и запросили немало. С Бойкунхо потребовали расписку, в которой он обязывался уплатить тысячу двести рупий и дать за дочерью золотых украшений общим весом чуть менее килограмма. Бойкунхо горячо любил свою единственную дочь и скрепля сердце вынужден был согласиться на эти тяжкие условия. Он не мог собрать сразу всех денег; тогда ему стали мстить, мучая дочь. Бойкунхо продал все свое имущество и все же остался должен двести пятьдесят рупий. Не имея больше сил терпеть оскорблений, дочь ушла к отцу. Но ее вернули. Преступника наказывают по всей

строгости закона. Единственное, чем можно было спасти дочь, это уплатить оставшийся долг, чтобы хоть умереть спокойно.

Бипродаш виновато улыбнулся. Он не в состоянии был дать бедняге такую сумму. Поколебавшись секунду, он вытащил из ящика десять рупий и протянул Бойкунто.

— Может, еще у кого-нибудь достанешь, а я сейчас не могу дать тебе больше, — проговорил он.

Бойкунто не поверил и поплелся прочь, сердито шаркая сандалиями.

Этот случай, о котором Бипродаш уже успел забыть, сегодня всплыл в памяти. Услыхав о том, что надо послать Бойкунто деньги, управляющий почесал в затылке. Уж и так из последних сил справили свадьбу, долго еще придется затыкать дыры, а двести пятьдесят рупий — сумма не малая.

Тогда Бипродаш снял с пальца кольцо с алмазом.

— Из тех денег, что я положил в банк для брата, возьми двести пятьдесят рупий, а в залог отдав это кольцо, — распорядился он. — Деньги пошлешь от имени Куму.

19

Свадебные мытарства все еще продолжались. Модхушудон и Куму должны были уехать утром после церемонии кушандика, и Нобогопал приготовил для этого все необходимое. Однако, выйдя от Бипродаша, раджа-бахадур объявил, что церемония будет совершена у него, в «Медовом городе».

Этого Нобогопала уже не мог стерпеть. Был бы кто-нибудь другой на его месте, дело давно бы дошло до драки. Но драться он не стал, зато пустил в ход такие крепкие словечки, что они вполне заменили удары.

Новая выходка Модхушудона особенно возмутила женщин. На свадьбу понеехало много близких и дальних родственников, были среди них и недоброжелатели. И вот при них семье невесты нанесено такое оскорбление.

Когда Модхушудон и Куму пришли прощаться, тетя Кхема сидела насупившись и сквозь зубы процедила

полагающееся благословение. Уж лучше бы этот обряд совершили в Калькутте, а не здесь, по соседству, по крайней мере, не было бы так обидно.

Куму очень страдала и, чувствуя себя виноватой перед всеми предками, взывала к своему божеству: «Чем я проницалась перед тобой, что ты так меня караешь? Ведь я поверила тебе и поступила, как ты велел!»

Они прибыли в «Медовый город». Оркестр, который Модхушудон привез с собой из Калькутты, оглашал окрестности бравурными мелодиями. Под большим навесом горел жертвенный огонь. Гости — англичане и англичанки — сидели, развались в мягких креслах, некоторые из них подходили поближе посмотреть на церемонию кушандика. Гостям был подан чай с печеньями. На столе красовался громадных размеров свадебный торт. После свершения обряда гости стали приносить свои поздравления.

Куму стояла вся красная, низко опустив голову. Ка-кая-то дородная, уже немолодая англичанка, не в силах сдержать своего любопытства, бесцеремонно приподнимала подол бенаресского сари, вертела на руках Куму массивные золотые браслеты и одобрительно лопотала по-английски. К Модхушудону то и дело подходили гости: «Как все это интересно!» — восклицали одни, другие подхватывали: «О да, очень! Не правда ли?»

С англичанами Модхушудон вел себя совсем не так, как с братом и родственниками Куму. Тут он был воплощением вежливости и предупредительности, с лица его не сходила улыбка. У него, как у луны, было две стороны: светлая и темная. Светлой он был обращен к англичанам, темная же, закованная в льды неприступности и надменности, была сейчас недоступна взорам.

Модхушудон с англичанами разместился в салон-вагоне. В другом вагоне вместе с женщинами ехала Куму. Женщины брали Куму за подбородок, разглядывая ее лицо. «Ну и дылда!» — говорили одни. «Дохлая!» — презрительно бросали другие. А трети пели сладким голосом: «У тебя такой красивый цвет лица, небось твой братец присыпает из Англии разные притирания?» Все пришли к единодушному мнению, что глаза у Куму маленькие, а

ноги чересчур велики. Они перебрали на ней все украшения и произнесли приговор: «Старомодные и тяжелые — чистое золото, а работа грубая!»

Куму смотрела в окно, выходившее на противоположную вокзалу сторону, и старалась не слушать всех этих разговоров. Вот проковыляла какая-то несчастная собака на трех лапах, жадно обнюхивая землю. Куму пожалела, что не может покормить ее. Вслед за тем раздался чей-то голос:

«Посмотрите на эту крестьянку, вербовщик заманил ее в Ассам, на чайные плантации, но она убежала, и сейчас у нее не хватает денег на билет до дома. Помогите ей». Это говорил какой-то человек приличного вида, стоявший у салон-вагона. В ответ раздалась грубая брань. Куму не выдержала, достала из своей бисерной сумочки все деньги, какие были там, — десять рупий, — открыла окно и протянула их девушке. «Щедрая ручка у нашей молодой», — заметила одна из женщин в вагоне. «Не щедрая, а дырявая, все денежки утекут», — отозвалась другая. «Швырять деньги умеет, лучше бы научилась их беречь», — добавила третья. Они были убеждены, что Куму так расщедрилась назло сидевшим в салон-вагоне. К чему такая кичливость! Они восприняли поступок Куму как проявление давнишней вражды между Чаттерджи и Гхошалами.

Вдруг к Куму подсела полная женщина, очень смуглая, с большими влажными глазами и добрым выражением лица. С виду она казалась ровесницей Куму.

— Не расстраивайся, дорогая, — сказала женщина. — Не обращай на них внимания. Еще дня два они будут приставать к тебе, изольют весь яд, а потом успокоятся.

Эта женщина приходилась Куму невесткой, она была замужем за младшим братом Модхушудона — Нобином. Имя ее было Нистарини, но все называли ее «мать Моти».

— Когда мы приехали в Нурногор, — продолжала она, — я видела на станции твоего брата.

Куму вздрогнула. Она впервые услыхала о том, что брат ездил встречать Модхушудона.

— Какой красивый мужчина! — доносился до нее откуда-то издалека голос Нистарини. — Я никогда таких не

видала. Как посмотрела на него, так сразу вспомнила песню:

Славен красотою светлоликий. Хлынула любовь разливом вод.
И сердца всех женщин Навадвипа затянул страстей водоворот.

Куму не могла совладать с собой и отвернулась к окну. Сквозь слезы она как в тумане видела небо, лес, поле.

Нистарини понимала, почему так печальна Куму, и продолжала разговор о брате:

— Он женат?

— Нет.

— Не может быть! Красив, как бог, а дом у него пустой! Какой же счастливице достанется такой муж!

Куму думала с горечью: «Ради меня, смирив свою гордость, брат ездил встречать Модхушудона. Но ни сам Модхушудон, ни его родственники даже не навестили больного. Они смеют презирать такого человека, как Биннодаш, только потому, что богаты! Быть может, из-за них брат заболел! Зачем он ездил на станцию! Зачем унижался! Все из-за меня. Ах, почему я не умерла!» — восклицала она про себя, терзаясь запоздалым раскаянием.

Теперь Куму всей душой жалела о случившемся, о том, чего уже нельзя поправить. Перед ее взором неотступно стояло спокойное, измученное болезнью лицо брата, его ласковые глаза, посыпавшие ей свое благословение.

Поезд прибыл в Калькутту. Было четыре часа пополудни.

Муж и жена прошествовали к ожидавшему их экипажу. Край сари и чадора опять были связаны узлом. В Калькутте много любопытных, и Куму не знала, куда деваться от смущения. Эта восемнадцатилетняя девушка была скована стыдливостью, словно Карна латами. Не так-то легко сбросить их с себя. Есть, правда, заклинания, от которых эти латы вмиг освобождают тело, но они еще не прозвучали в сердце Куму. Человек, который сидел

рядом, казался ей совсем чужим. Было в нем что-то, мешавшее стать близким. Куму отталкивала его грубость.

Между тем для Модхушудона Куму явилась откровением. Он был человеком дела и до сих пор не очень-то интересовался тонкостями женского характера. Он не прикасался к продажным женщинам, впрочем нельзя сказать, что ни одна женщина не волновала его. Однако крепость его сердца не дрогнула бы даже от землетрясения. С женщинами, которые жили в его доме, Модхушудон тоже очень мало общался. Они занимались хозяйством, скорились, сплетничали, плакали из-за всяких пустяков. Все это проходило мимо Модхушудона. Поэтому он был убежден, что жена займет в его жизни отведенное ей скромное место, — поглощенная повседневными домашними заботами, будет вести незаметное существование на женской половине дома под бдительным оком мужа. Ни в одном уголке его расчетливої головы не гнездилась мысль о том, что уменье обращаться с женщинами — тонкое искусство, и, не владея им, мужчина может потерпеть поражение. Хлебное дерево — царь лесов — не обременяет себя цветами, и ему незачем учиться галантности у бога брака Праджапати. Но обойтись без услуг этого бога дерево не может, потому что плодоносит. В своем супружестве Модхушудон хотел уподобиться хлебному дереву.

И вот после свадьбы Модхушудон впервые соприкоснулся с Куму. Бывает красота особая. Она всякий раз поражает нас, как неожиданно посланная небом милость, заставляет нас трепетать, благоговеть, ошеломляет нас, настолько она значительнее всех явлений нашей повседневной жизни, настолько превосходит все наши ожидания. Именно такой красотой обладала Куму. Она, как утренняя звезда, не принадлежала ночи и сторонилась дня. Сам не отдавая себе в том отчета, Модхушудон ощутил превосходство жены над собой. Во всяком случае, он понял, что с Куму надо обращаться не так, как с другими.

Когда они ехали в экипаже, он никак не мог придумать, с чего бы начать разговор.

— Тебе солнце не мешает? — ни с того ни с сего спросил он.

Куму не ответила. Тогда он задернул штору с правой стороны.

Опять наступило молчание.

— Ты не озябла? — выпалил Модхушудон и, не дожидаясь ответа, укутал английским пледом ноги себе и Куму. Он надеялся, что так сама собою между ними возникнет близость. Но Куму вздрогнула — ей захотелось сбросить плед, однако она сдержалась, лишь отодвинувшись подальше. Модхушудон же, прикоснувшись к Куму, испытал блаженство.

— Ну-ка, ну-ка, — сказал Модхушудон, заметив у Куму кольцо, и взял ее левую руку. — Что это у тебя, сапфир, да?

Куму молчала.

— Знаешь, придется тебе снять это кольцо, я не люблю сапфиры.

Когда-то давно Модхушудон купил себе кольцо с сапфиром, и в тот же год затонула, ударившись о мост в Ховре, его баржа, груженная джутом. С тех пор он не взлюбил сапфиры.

Кумудини попыталась высвободить свою руку. Модхушудон не отпускал.

— Погоди, я сниму кольцо, — сказал он.

Сердце Куму сжалось.

— Не надо, — попросила она.

Как-то она выиграла у брата партию в шахматы, и в награду он подарил ей свое кольцо.

Модхушудон ухмыльнулся про себя. Значит, она неравнодушна к драгоценностям так же, как и он сам? И Модхушудон почувствовал облегчение. Ну, теперь он поладит с этой недотрогой, будет дарить ей разные украшения. Тогда-то уж она станет поласковей, хоть он для нее и староват.

Модхушудон снял с пальца перстень с большим алмазом и сказал, улыбаясь:

— Не бойся, я подарю тебе другое.

Куму с силой вырвала свою руку. Модхушудон рассердился. Строптивости он не потерпит.

— Запомни, ты снимешь это кольцо, — сердито сказал он.

Кумудини покраснела и, низко опустив голову, молчала.

— Слышишь? Лучше сними его, — повторил Модхушудон. — Отдай мне. — И он снова потянулся к кольцу.

Куму отдернула руку.

— Я сама сниму.

— Отдай его мне.

— Я оставлю его у себя.

— Зачем оно тебе? — Модхушудон повысил голос. — Думаешь, это такая ценность? Я не позволю его носить, слышишь?

— Хорошо, я не буду его носить.

Она сняла кольцо и положила в сумочку.

— И чего ты так дорожишь этой дешевой безделушкой? Очень уж ты упрямая! — Голос у Модхушудона был неприятный, скрипучий, и Куму задрожала от охватившего ее отвращения.

— Кто дал тебе это кольцо?

Молчание.

— Наверно, мать?

Отвечать все равно пришлось бы, и Куму едва слышно произнесла:

— Брат!

Брат! Ну, тогда все понятно. Модхушудон хорошо знал, кем был для нее брат. Надо во что бы то ни стало забрать это кольцо — оно принесет несчастье. Но досаднее всего, что брат для нее дороже всех на свете. Правда, любовь к брату вполне естественна, но все равно Модхушудон не хотел мириться с этим. Он испытывал чувство ростовщика, который купил у старого заминдара его поместье и слышит, что его новые подданные горько вздыхают и вспоминают добрые старые времена. «Надо как можно скорее внушить ей, что отныне я должен быть для нее единственным на свете», — думал Модхушудон. Кроме того, он был уверен, что именно по вине Бипрода никто не пришел к нему на пир в «Медовый город». Даже Нобогопал не сумел его в этом разубедить, когда сказал ему на следующий день после свадьбы: «Хоть на время свадебной церемонии расстались бы со своими торгашескими замашками. Прошу вас только ничего не рассказывать Бипрода. Он тяжело болен и ни о чем не знает».

Модхушудон прекратил разговор о кольце, но не забыл о нем.

Для Модхушудона Куму поднялась в цене не только благодаря своей красоте. Еще в Нурногоре, как раз в день свадьбы, Модхушудону сообщили, что продажа льняного семени дала ему прибыль почти в два миллиона рупий. Значит, жена принесла ему богатство. Астролог так и предсказывал. Вот почему Модхушудон с такой заботливостью усаживал жену рядом с собой в экипаж: он вез домой не просто жену, а живой залог будущих прибылей. Если бы не это, история с кольцом не сошла бы Куму так легко.

21

С тех пор как Модхушудону пожаловали титул раджи, на дверях его дома в Калькутте появилась надпись: «Медовый дворец». Сейчас у железных ворот дворца барабанщики били в барабаны, а в саду, в шатре, играл европейский оркестр. Над воротами полукругом горела надпись на санскрите: «Слава Праджапати!» Языки газового света, которым были написаны эти слова, ярко выделялись на фоне вечернего неба. От ворот к дому вела усыпанная гравием дорожка, с обеих сторон украшенная хвоей гималайских кедров и гирляндами оранжевых ноготков. Красная дорожка устилала ступеньки крыльца.

Сопровождаемый толпой друзей и родственников экипаж подъехал к самому дому. Раздались приветственные крики, затрубили раковины, загремели литавры, заиграл оркестр, — поднялся такой шум, словно столкнулись несколько товарных поездов. Вперед вышла дальняя родственница Модхушудона — старуха в сари с красной каймой, ее редкие волосы были расчесаны на пробор, густо накрашенный киноварью. В пухлых руках, украшенных толстыми золотыми браслетами, она несла серебряный кувшин. Полив из кувшина на ноги новобрачной, старуха вытерла их краем сари, приговаривая: «Ах, наконец-то на нашем синем небе взошла полная луна, наконец-то в нашем синем пруду расцвел золотой лотос», — и сунула Куму прямо в рот немного меду.

Когда муж и жена поднимались на крыльце, толпа молодых людей провожала их завистливыми взглядами. «Он выкрал из обители богов небесную деву и заковал ее

в золотые цепи», — сказал один. «В былые времена раджи сражались за таких девушек. А сейчас продал выгодно льняное семя — и получай невесту. В наш век боги совсем забыли о романтике. Все небесные светила перешли в касту торговцев», — добавил другой.

До глубокой ночи совершались послесвадебные обряды: сначала поздравляли новобрачного, потом замужние женщины приветствовали новобрачную.

Куму хорошо запомнилась свадьба одной из сестер. Но она никогда не видела, как приходит в дом молодая жена. Вступив в пору юности, Куму переехала в Калькутту и там жила, окруженная лаской и заботой брата. Духовный мир девушки не был замкнут в тесные рамки будничности. В детстве, когда она совершила поклонения Шиве, будущий супруг представлялся ей похожим на этого великого бога-аскета. Образцом жены была для нее собственная мать — воплощение мягкости, доброты и обаяния. С какой самоотверженностью принимала она удары судьбы, как неутомима была в своем религиозном рвении! Отец Куму не мог служить примером идеального мужа, но это был благородный, мужественный человек, не терпевший ни лицемерия, ни обмана. Его понятия о чести были так же высоки, как у героев древности. Каждым своим поступком он доказывал, что честь и репутация дороже жизни, величие — выше богатства. Такие люди, как он, больше всего дорожили своей гордостью и презирали чванство. Они умели ценить чувство собственного достоинства.

С того самого дня, как небеса подали ей знак и у нее стало дергаться левое веко, Куму твердо решила преданно и самоотверженно служить мужу. Она и не предполагала, что на этом пути ей могут встретиться какие-нибудь препятствия. Дамаянти заранее знала, что изберет себе в мужья Ная, раджу Видарбхи. Знала, потому что получила весть. Куму тоже получила весть. Она ждала своего раджу. И он явился. Но разве таким рисовался ей суженый в мечтах? Пусть он немолод, некрасив. Не в этом дело! Просто он совсем не был похож на раджу.

Сегодня Куму вошла в его дом. Были торжественные церемонии, приветствия, но почему Куму не услышала

благословения семи небесных мудрецов? Почему, заглушия шум, никто не запел громким голосом:

Привет небесным супругам — Парвати и Парамешваре.

Почему на этом празднике не прозвучали слова о святости брака, в котором вечные супруги едины, как едины в слове значение и звучание?

22

В те времена, когда Модхушудон перебрался в Калькутту, он купил старый дом с небольшим двориком, а через некоторое время рядом с ним возвел большое здание в современном стиле. В старом доме поселились женщины, новый был отведен под парадные покой самого хозяина. Хотя эти два дома и составляли единое целое, они резко отличались один от другого. В новом были мраморные полы, устланные английскими коврами, стены, оклеенные яркими обоями и увешанные картинами. Там были картины, писанные масляными красками, гравюры, олеографии. На них изображалась охота на лань с собаками, знаменитые скакуны — победители дерби, английские пейзажи, а то и купальщицы. Кроме того, на стенах красовались китайские фарфоровые тарелки, морадабадские медные блюда, японские веера, тибетские изделия из кожи. Все это было разнообразно и безвкусно.

Устройство дома Модхушудона поручил своему помощнику — англичанину. Комнаты были заставлены креслами и диванами, обитыми шелком и бархатом. В застекленных шкафах мерцали золотые корешки английских книг, до которых никто никогда не дотрагивался, разве что слуга, стирающий с них пыль. На маленьких трехногих столиках лежали альбомы с фотографиями европейских актрис и родственников Модхушудона.

Комнаты в первом этаже женской половины дома были сырье, темные, закопченные. Во дворе стояла непролазная грязь: у водопроводной колонки мыли посуду и стирали белье; кран никогда не закрывался, и вода лилась день и ночь. По всему двору были рассыпаны остатки коры маракаду. На верхней террасе вечно сушились сари,

свешивавшиеся чуть не до самой земли. Стены и веранда были заляпаны ярко-красными плевками любителей бетеля, в трещины пола въелась грязь. Во дворе позади западной веранды помещалась кухня. Дым и запахи пищи проникали в комнаты. Рядом с кухней был отгорожен угол для свалки: тудасыпали сгоревший уголь, золу, бросали битую посуду, рваные сита, старые тростниковые корзины. В другом углу двора жили две коровы с телятами. Из их навоза пополам с соломой готовили кизяки и прилепляли их для просушки к стенам. Во дворе росло единственное дерево. Кора на нем была совсем ободрана, потому что к дереву привязывали коров, листья почти облетели, дерево сохло.

А у нового дома был разбит сад с беседками, увитыми зеленью, цветочными клумбами, газонами, дорожками, посыпанными битым кирпичом, каменными статуями и железными скамейками.

На третьем этаже женской половины дома была устроена спальня для Куму. Там стояла огромная массивная кровать красного дерева с москитной сеткой, обшитой бахромой. В ногах кровати висела большая, в человеческий рост, картина, изображавшая голую красавицу, стыдливо прикрывавшую грудь. Напротив — писанный маслом портрет Модхушудона. Тщательнее всего был вырисован узор на дорогой кашмирской шали, перекинутой через плечо. У стены стоял комод для одежды, на нем — зеркало с двумя фарфоровыми подсвечниками по бокам, на фарфоровом подносе лежали пудреница, гребенка, оправленная в серебро, стояли бутылочки с притираниями, пульверизатор и другие принадлежности женского туалета, закупленные помощником-англичанином. В замысловатых розовых вазах — цветы. У другой стены стоял письменный стол, на нем — чернильница из дорогого камня, перо и стопка бумаги. Еще в комнате были диванчики, кресла, маленькие столики, чтобы можно было пить чай или играть в карты.

Модхушудону пришлось немало подумать над тем, какой должна быть спальня у жены раджи. В конце концов, комната оказалась похожей на украшенный драгоценными каменьями парчовый тюрбан, который нахлобучили на голову нищего, закутанного в грязные лохмотья.

После утомительного, шумного, полного торжества дня Куму вошла в спальню. Ее привела сюда Нистарини. Эту ночь она должна была провести с Куму. Вместе с ними вошла целая толпа женщин. Они никак не могли налюбоваться великолепием спальни и удовлетворить свое любопытство. Нистарини их выпроводила и, обняв Куму, сказала:

— Я пойду посижу в соседней комнате. А ты поплачь немного, родная. Легче станет. — Нистарини ушла.

Куму опустилась на стул. Поплакать она успеет, а сейчас ей надо разобраться в своих чувствах. Куму осталась недовольна собой, и это было хуже всего. Она поступала совсем не так, как обещала себе перед свадьбой. Она не могла справиться со своей взбунтовавшейся гордостью. «О творец, дай мне силы, — взывала она, — дай мне силы, не омрачай мою жизнь. Я твоя раба, помоги мне совладать с собой. Пусть моя победа над собой будет твоей победой».

В этот момент в комнате появилась полная женщина средних лет, красивая и очень смуглая, в белом сари и без украшений — она была вдовой.

— Нистарини оставила тебя на минуточку одну, вот я и прокралась сюда, — затараторила она. — Никого к тебе не подпускает, словно забором огородила. Будто я собираюсь сломать ее забор и похитить тебя. Я твоя невестка, Шемашундори. Мой покойный муж приходился младшим братом твоему мужу. Мы, признаемся, думали, что нашему Модхушудону вместо жены будет счетная книга. Да, видать, эта книга волшебная, вон какую красотку ему, старику, выискала. Хорошо, если он сумеет тебя удержать. Ведь тут никакие счетные книги не помогут. А скажи по правде, сестрица, нравится тебе твой муженек?

Куму молчала. Она не знала, что отвечать.

— Видно, не очень нравится. Да уж раз обошли семь раз вокруг огня, горевать поздно, — не унималась Шема.

— Зачем так говорить, диди, — пробормотала Куму.

— Что ж тут такого, ведь я говорю правду. У тебя по лицу все видно. Да я тебя и не виню. Хоть Модхушудон и родственник нам, но мы не слепые, видим, какой он. В жесткие руки ты попала, сестрица, будь осторожна да осмотрительна!

Вошла Нистарини, и Шема сменила тему разговора.

— Не бойся, не бойся, милая, я ухожу, — обратилась она к Нистарини. — Увидела я, что тебя нет, дай, думаю, зайду, полюбуюсь на нашу новую невестку. И вправду, такое сокровище, как она, надо беречь. Я говорила сестрице, что теперь ее муженьку ломать да ломать себе головушку: получить-то он жену получил, а вот пусть попробует ее удержать.

Шема вышла, но тотчас же вернулась.

— Угощайся, — предложила она Куму, открыв перед ней коробочку с бетелем. — Ты любишь?

— Нет. — Куму покачала головой. Шема засунула в рот трубочку бетеля и выплыла из комнаты.

— Пойду покормлю свою тетушку. Я скоро. — И Нистарини опять оставила Куму одну.

Речи Шемы совсем смущили Куму. Именно сейчас ей, больше чем когда бы то ни было, хотелось взглянуть на события сквозь многоцветную сеть собственной фантазии. Куму призывала на помощь творца, который создал небо и землю, а потом забавлялся, придавая им по своему желанию разную окраску. Но пришла Шемашундори и разорвала сеть самообмана.

Куму крепко зажмурилась и стала убеждать себя: «Неправда, что я не люблю мужа из-за того, что он старый. Даже думать так стыдно! Так могут говорить только скверные женщины». Она ведь знает, что Сати вышла замуж за Шиву. Враги Шивы говорили тогда, что он слишком стар, но Сати их не послушала.

Куму как-то раньше не задумывалась над тем, красив ли Модхушудон, молод ли. Ей неведомо было, что союз двух людей бывает истинным лишь в том случае, если муж и жена достойны друг друга и между ними существует физическая и духовная гармония. Куму всеми силами старалась не думать о том, нравится ли ей муж.

Вдруг дверь отворилась, и перед Куму появился мальчик лет семи, в цветастой курточке и дхоти с золотой каймой. Он подошел к Куму, уставился на нее своими большими добрыми глазами и, робея, тихо произнес: «Тетя...»

Куму посадила его на колени и спросила:

— Как тебя зовут?

— Меня зовут шри Мотилал Гхошал, — серьезно ответил малыш, не забыв прибавить к своему имени уважи-

тельную частицу «ши». Никто его так почтительно не называл, для всех он был просто Хаблу, поэтому он считал, что при соответствующих обстоятельствах должен произносить свое имя полностью, чтобы соблюсти достоинство.

Боль в груди Куму растаяла, она крепко прижала к себе мальчугана. Ей вдруг показалось, будто в облике этого ребенка к ней сошел сам Гопал, бог-пастух, которому она всегда приносила в дар цветы. Он явился как раз, когда она молила небеса о помощи, будто пришел сказать ей: «Я хочу утешить тебя».

Куму ушипнула его за пухлую щечку и спросила:

— Гопал, хочешь, я дам тебе цветок?

В этот миг она не могла произнести никакого другого имени. Мальчик удивился — его никто никогда так не называл. Но это имя прозвучало так нежно, что он не стал возражать и согласился взять цветок.

Заслышав голос сына, в комнату прибежала Нистарини.

— А, эта обезьянка уже здесь! — воскликнула она.

Обезьянка! Разве можно так называть шри Мотилала Гхонгала? Он молча, с укоризной смотрел на мать, сжимая ручонкой сари новой тети.

Куму обняла ребенка:

— Пусть побудет здесь.

— Уже поздно, сестричка. Ему спать пора. Он вечно бегает по всему дому. В жизни не видала такого ребенка. Помани его — он тут как тут. — И она увела упиравшегося сына.

Это незначительное событие немного утешило Куму. «Небо услышало мои молитвы. Надо смотреть на жизнь проще, как этот ребенок», — думала Куму.

Ночью Нистарини проснулась и увидела, что Куму сидит на постели, сложив руки на коленях, и смотрит перед собой отсутствующим взором. Казалось, она мысленно ведет с кем-то разговор.

Куму пыталась побороть в себе неприязнь к мужу. Ведь он для нее — воплощение бога на земле. Служа ему,

она служит богу. Небеса послали ей тяжкое испытание: они наделили ее божество далеко не светлым обликом, но это испытание веры. Вишнуиты поклоняются черному камню, он совсем не похож на Вишну, но сила веры помогает им увидеть в бесформенном камне бога. «Подвижничество и заключается в том, чтобы увидеть божество, даже если оно избегает встречи со мной. Мой долг приносить себя в жертву к ногам невидимого бога, и ему не избежать этой встречи», — говорила себе Куму.

«О Кришна, держащий гору, я поклоняюсь одному тебе», — повторяла Куму слова песни Мира-бай. Этой песне научил ее брат.

Не стоит обращать внимания на грубость Модхушудона. Надо поклоняться богу, вечному, вседесущему — «одному тебе, одному тебе».

И еще терзала Куму тоска по дому, разлука с родными, которые были для нее всем на свете, ей так их недоставало!

Но Куму говорила себе, что эта пустота в ее жизни заполнена, и вспоминала песню:

Отец и мать от Миры отреклись,
Но сам всевышний протянул ей руку.

Куму тоже покинули отец и мать, но тот, кто вечен в них, не покинул ее. Если бог лишает нас чего-нибудь, он заполняет собой образовавшуюся пустоту. «Я посвятила себя богу, — думала Куму, — а там будь что будет».

Куму очнулась от звука собственного голоса: она сама не заметила, как запела песню Мира-бай; по лицу ее струились слезы.

Нистарини не проронила ни слова, она не сводила глаз с Куму. Куму склонилась в долгом поклоне, потом тяжело вздохнула и легла на постель. Нистарини завладели мысли, которые никогда раньше не приходили ей в голову.

Маленькая девочка, которую выдают замуж, мало что понимает. Она не раздумывая может сунуть в рот зеленый плод; и так же легко заглатывает ее самое семья мужа. Для девочки все легко и просто. Ей не надо делать над собой усилий или с тоской считать дни, проведенные в доме мужа. Когда ей говорят, что завтра состоится обряд «цветочного ложа», ей все равно, потому

что эти слова для нее ничего не значат, она воспринимает всю церемонию как игру. Завтра в доме будет обряд «цветочного ложа». Как тягостно это для такой девушки, как Куму! Муж ей — совсем чужой. Пройдет много времени, прежде чем она привыкнет к нему. Как она приблизится к мужу? Как перенесет насилие над собой? Модхушудону потребовалось много лет, чтобы добиться богатства, так неужели он не может потерпеть и двух дней, чтобы завоевать сердце жены? Добиваясь богатства, он без устали ходил у ворот Лакшми — богини богатства, неужели теперь он не может постоять у ворот Лакшми — богини красоты с протянутой рукой?

Нистарини не понять было бы всех горестей Куму, но она полюбила ее всей душой, с первого взгляда. Преплюдией этой любви была встреча с Бипродашем на станции. Ей показалось, будто перед ней предстал сам Бхишма. Такой же стройный, как герой «Махабхараты», с красивым, спокойным, как у отшельника, лицом, на котором лежало выражение мягкой грусти. Нистарини захотелось подойти и взять прах от его ног. До сих пор она помнила, какое сильное впечатление он на нее произвел. Потом она увидела Куму и подумала: «Сестра под стать брату».

Часто разницу в характерах людей бывает труднее преодолеть, чем социальные различия. И в таких случаях женщины страдают гораздо больше мужчин. Нистарини вышла замуж девочкой, и ей не пришлось испытать этого на себе. Но она хорошо понимала страдания Куму. Нистарини содрогнулась. Ей представилась страшная картина: в мрачной пещере ползает, высунув жадный язык, какое-то неведомое животное, а Куму стоит перед этой пещерой и взывает к своему богу о помощи. Нистарини сердито пробормотала: «Чтоб ему, этому богу!.. Ведь это он вверг ее в такую беду! Разве он спасет ее?!»

На следующее утро Куму получила телеграмму от брата. «Да будет с тобой благословение всевышнего», — писал он. Куму положила драгоценный листок на грудь. Ей показалось, будто брат, благословляя, коснулся ее рукой.

Но почему он ничего не пишет о своем здоровье? Значит, ему хуже? Раньше он делился с ней всеми своими мыслями, а теперь она ничего не знает.

Сегодня должна была состояться церемония «цветочного ложа». Приехали много гостей. Женщины, жившие в доме, ни на минуту не оставляли Куму в покое. А ей так надо было побывать одной!

К спальне Куму примыкала комната для омовений. Там были кран и душ. Куму улучила минутку и, достав из своего сундучка картину с изображением Радхи и Кришны, ушла в эту комнату и заперлась там. Она поставила картину на белую каменную скамью и опустилась перед ней на пол. «Я твоя раба, возьми меня, — молила она. — В облике моего мужа скрываешься ты, ты, ты! Пусть моя жизнь будет такой же, как твоя жизнь с Радхой!»

Доктора определили у Бипрадаша воспаление легких — осложнение после гриппа. В Калькутту смог приехать только Нобогопал. Он привез новобрачной подарки по случаю предстоящего обряда. Подарки были доставлены очень торжественно. Бипрадаш не стал бы затевать такого шума.

Четырем сестрам Куму были посланы приглашения. Но, прослушав о том, что Гхошалы — не настоящие брахманы, мужья не отпустили их на праздник. Только третья сестра приехала в Калькутту, поссорившись из-за этого с мужем. Однако Нобогопал запретил ей идти к Гхошалам. «Позор нашему дому, если ты пойдешь к ним», — сказал он. Молодая женщина хорошо помнила, как этот обряд совершили на ее свадьбе. Она послала к Куму с поздравлениями нескольких девочек, дальних родственниц, и старую служанку. Куму поняла, что и в этот раз семьи не помирились, наверно, никогда не будет забыта старая вражда.

Женщины уже нарядили Куму. Даже самые ехидные родственницы прекратили свои насмешки и удалились — настало время потчевать гостей. Модхушудон заранее предупредил, что не намерен допоздна затягивать церемонию, завтра у него много дел.

Часы внизу пробили девять. Гости поспешило закончи-

ли трапезу. Никто не смел задерживаться. Сердце Куму испуганно забилось, как голубка, на которую упала тень ястреба. Руки стали холодны, как лед, лицо покрылось мертвенною бледностью. Она вышла из комнаты и схватила за руку Нистарини. «Уведи меня куда-нибудь. Мне надо несколько минут побывать одной», — попросила она. Нистарини быстро проводила ее в свою спальню, а сама осталась за дверью. И, вытирая слезы, шептала: «Такая уж у нее судьба».

Прошло десять минут, прошло пятнадцать минут. Прибежали люди.

— Молодой пошел в спальню, где молодая? — кричали они.

— Ну чего вы все суетитесь? Уж и переодеться нельзя человеку! — уверяла их Нистарини, чтобы хоть немножко оттянуть время. В конце концов, пришлось открыть дверь. Молодая лежала на полу в обмороке.

Поднялась суматоха. Куму уложили на постель, стали брызгать на нее водой, обмахивать веером. Когда Куму пришла в себя, она никак не могла понять, где находится, и стала звать:

— Дада!

Нистарини поспешило наклонилась к ней:

— Успокойся сестрица, я с тобой. — Она крепко обняла Куму и прижалась голову к своей груди.

— Нечего стоять здесь, — крикнула она на собравшихся. — Сейчас я ее приведу.

— Не бойся, родная, не бойся, — шептала она на ухо несчастной.

Куму медленно встала, мысленно призывая бога, потом, подойдя к Хаблу, который спал в углу на кровати, поцеловала его в лоб.

Нистарини проводила ее до дверей спальни.

— Ты все еще боишься? — спросила она.

— Нет, я совсем не боюсь, — ответила Куму, слабо улыбаясь и судорожно сжимая пальцы в кулаки. «Я иду на свидание. Меня окутывает мрак, но я освещаю дорогу светом моего сердца», — сказала она себе. В ушах у нее снова прозвучала песня: «О Кришна, держащий гору, я поклоняюсь одному тебе».

Между тем к Модхушудону примчалась запыхавшаяся Шема.

— Твоя жена лежит в обмороке! — доложила она.

Гнев охватил Модхушудона.

— Почему? Что с ней стряслось?

— Не знаю. Мечется и даду своего зовет. Ты бы пошел к ней.

— Зачем? Я ведь не дада.

— Зря гневаешься. Жена твоя из знатного дома, ее сразу не приручишь.

— Она будет каждый день падать в обморок, а я должен смазывать ей голову целебными мазями? Для этого я, что ли, женился?

— Даже слушать смешно! Чем же она виновата? В наше время мужьям приходилось на коленях вымаливать прощение у разбушевавшихся жен, а теперь вот приходится приводить их в чувство.

Модхушудон сидел насупившись. Шемашундори подошла к нему, коснулась его руки и с участием проговорила:

— Не расстраивайся, мне так жаль тебя.

Раньше Шема не осмелилась бы приблизиться к Модхушудону и утешать его. Бойкая вдова при нем всегда помалкивала, так как знала, что Модхушудон не терпит болтовни, но сейчас со свойственной женщинам проницательностью Шема догадалась, что перед ней не прежний Модхушудон. Он был в смятении и совершенно не думал о том, что следует соблюдать должное расстояние между собой и остальными. Дотронувшись до его руки, Шема поняла, что ему не противно ее прикосновение. Слова утешения смягчили боль от удара, нанесенного молодой женой его самолюбию. Хоть Шема им не пренебрегает. А разве она менее красива, чем Куму? Только кожа у нее темнее, зато какие большие у нее глаза, какие густые волосы, как сочны ее губы!

— Ну вот и наша молодая, я ухожу. Не ругай ее, она ведь совсем ребенок, — прошебетала Шема.

Но едва Куму вошла, как Модхушудон набросился на нее:

— Ты из отцовского дома привезла привычку падать в обморок? У нас так не принято! Придется тебе отучиться от твоих нурногорских замашек.

Куму смотрела на него широко открытыми глазами и не отвечала ни слова.

Ее молчание окончательно вывело из себя Модхушудона. Его душила бессильная ярость: он никак не мог покорить сердце этой девочки.

— Я человек деловой, времени у меня мало, и потакать капризам я не намерен, заранее тебя предупреждаю!

— Ты хочешь меня обидеть? — тихо проронила Куму. — Это тебе не удастся. Я не стану обращать внимания на твои оскорблении.

Уж не ослышался ли он? Или это жена стоит перед его грозными очами? Почему она не идет на скору? Что это она задумала?

— Ты примерная ученица своего дады, — съязвил Модхушудон. — Так знай, что я — его кредитор и могу без труда купить его и перепродать.

В стремлении доказать свое превосходство над Бипродашем Модхушудон не мог придумать ничего более неподходящего.

— Ты жесток, и тут ничего не поделаешь, но не будь, по крайней мере, низок, — сказала Куму и села на диван.

— Что? Я низок? Может, твой брат благороднее меня? — задыхаясь от злобы, прорычал Модхушудон.

— Я считала тебя благородным и поэтому вошла в твой дом.

— Из-за моего благородства? А может, из-за моих денег? — продолжал издеваться Модхушудон.

Куму покинула комнату, поднялась на крышу и села там.

Неприветлива зимняя калькуттская ночь. Дым и туман заслоняют небо. Едва различимы тусклые звезды. Их неровный свет подобен хриплому прерывающемуся голосу. Куму сидела оцепенев, ни о чем не думая, даже не испытывая страданий. Она словно потерялась в этом густом тумане.

Модхушудон никак не ожидал такой развязки. В своем поражении он опять винил Бипродаша. Он бросился в кресло и погрозил небу кулаком. Ему не сиделось на месте. Он поднялся и в волнении направился на крышу.

— Боро-боу, — позвал он Тихонько, остановившись позади Куму.

Она вздрогнула, оглянулась и встала.

— Здесь холодно, иди в комнату.

Куму, не робея, взглянула ему прямо в глаза. Куда девалось властное выражение его лица?

— Иди в комнату, — повторил он, взяв Куму за левую руку.

В правой она держала телеграмму от брата, прижимая ее к груди. Куму медленно пошла за мужем в спальню.

26

Когда Куму проснулась, Модхушудон еще спал. Стремясь не смотреть на него, чтобы не содрогнуться от отвращения, Куму осторожно встала с постели, совершила пронам и пошла в комнату для омовений. Оттуда она поднялась на крышу.

На востоке сквозь туман пробивалась тусклая золотая полоска зари. Когда солнце поднялось высоко и стало жарко, Куму заглянула в спальню. Мужа не было. Куму взяла с комода свою бисерную сумочку, чтобы положить туда телеграмму брата, и обнаружила, что исчезло ее кольцо с сапфиром.

Утром она помолилась, и покой снизошел на ее душу. Но сейчас ее снова обуял гнев.

Вошла Нистарини, предложила Куму выпить молока и съесть чего-нибудь сладкого. Но Куму сидела окаменев и не отвечала ни слова.

— Что случилось, родная? — испуганно спросила Нистарини.

Куму не могла говорить, у нее дрожали губы.

— Сестричка, скажи мне, что произошло? — уговаривала Нистарини.

— Он украл, — прерывающимся голосом произнесла Куму.

— Что?

— Кольцо, которое подарил мне брат.

— Кто украл?

Куму встала и молча указала на мужскую половину дома.

- Успокойся, дорогая моя, это шутка, он отдаст.
- А я не возьму. Посмотрю, на что он еще способен!
- Потом все уладится. Пойдем, поешь хоть немного.
- Не могу. Здесь кусок не лезет мне в горло.
- Милая сестрица, хоть ради меня поешь.
- Скажи, неужели у меня теперь не может быть ничего своего?

— Ничего. Все зависит от желания твоего господина. Ты же знаешь, как надо подписываться в письмах к мужу: «твоя раба».

«Раба!» Куму вспомнила слова Индумати из поэмы Калидасы:

Хозяйка дома, друг мой и жена,
В искусстве страстном ученица.

Здесь нет слова «раба». Разве Савитри была рабой Сатьявана? Или Сита рабой Рамы?

— Что ж это за люди, у которых жена — раба? — спросила Куму.

— Раньше ты с такими не встречалась. Модхушудон поработил не только других, но и самого себя. Он, когда не может идти в контору, вычитает деньги из собственного жалованья. Как-то он проболел целый месяц и не платил себе денег, так потом чуть не три месяца экономил на еде, все старался восполнить ущерб. За то, что я веду хозяйство, он платит мне жалованье. Для него не существует родственных связей. В этом доме все рабы, даже сам хозяин.

Куму молчала.

— Я тоже могу жить, как раба, — сказала она наконец. — Каждый день я буду зарабатывать себе на жизнь. Я не желаю чувствовать себя наложницей. Пойдем, покажешь мне, что делать. Ты ведешь хозяйство, — возьми меня к себе в помощницы. Пусть никто не насмехается надо мной, называя меня рани.

Нистарини засмеялась и нежно взяла Куму за подбородок.

— В таком случае ты должна подчиняться мне. Я приказываю: иди кушать.

Когда они выходили из комнаты, Куму сказала:

— Знаешь, родная, я хотела отдать себя мужу всю, без остатка. Но он не сумел принять мой дар. Пусть теперь довольствуется рабыней.

— Садовнику достаются цветы и плоды, а дровосеку — дрова, — заметила Нистарини. — Ты попала к дровосеку. Он делец, и чувства ему неведомы.

Вернувшись в спальню, Куму заметила на столе леденцы. Хаблу тайком принес ей их в дар, а сам где-то спрятался. Оказывается, и в этом доме сквозь расщелины камней пробиваются цветы. Куму была растрогана, ей хотелось и плакать, и смеяться. Она нашла мальчика за дверью, он притаился и стоял тихо-тихо. Мать запретила Хаблу ходить в эту комнату, чтобы не навлечь гнев Модхушудона. В доме хорошо знали, что Модхушудону лучше не попадаться на глаза, если он сам не позовет.

Куму привела Хаблу в спальню, усадила к себе на колени и стала показывать ему безделушки и другие красивые вещицы, которых здесь было много.

Хаблу больше всего понравилось пресс-папье. Он долго рассматривал его и всё не мог понять, как под стеклом оказались яркие цветы.

— Хочешь взять его себе, Гопал? — спросила Куму.

Никто никогда не предлагал ему такого богатства. О подобных сокровищах он и не мечтал. Удивленно и в то же время робко смотрел он на Куму.

— Возьми. — Куму протянула ему пресс-папье.

Хаблу не мог скрыть своей радости, запрыгал и вихрем вылетел из комнаты.

В тот же день вечером к Куму зашла Нистарини.

— Что ты делаешь, родная? — начала она. — Ты дала Хаблу пресс-папье, а Модхушудон увидел и поднял скандал. Отобрал пресс-папье, да еще избил ребенка за воровство. Мальчик даже имени твоего не упомянул. А потом будут говорить, что я учу сына воровать.

Куму осталбенела.

За дверью раздались шаги хозяина дома. Нистарини поспешно удалилась. Вошел Модхушудон и бережно положил пресс-папье на место. А потом произнес, отчеканивая каждое слово:

— Хаблу утащил его из твоей комнаты. Вещи надо беречь.

— Он не утащил! — пылко возразила Кумудини.

— Значит, взял.

— Нет, я сама дала.

— Зачем же портить мальчишку? Запомни, никому ничего нельзя давать без моего разрешения. Я не люблю беспорядка.

Куму вскочила с места и спросила:

— А кто взял мое кольцо?

— Я.

— Оно не возместило тебе цену этого куска стекла?

— Я предупреждал, что оно у тебя не останется.

— Ты свои вещи бережешь, а я не могу?

— Запомни, в этом доме у тебя нет ничего своего.

— Ничего? Да пропади этот дом пропадом! — и она выбежала из комнаты.

Едва Куму вышла, в комнату вбежала возбужденная Шема.

— Куда она ушла?

— А что?

— Я с самого утра жду ее с завтраком. Выходит, она так ничего и не будет есть в нашем доме?

— Подумаешь. Невелика беда, если нурногорская принцесса поголодаает немножко. Ты ведь ей не служанка.

— Зачем сердиться на этого ребенка? Я так страдаю из-за того, что она ничего не ест! Зря, что ли, она тогда упала в обморок?

— Ступай! — рявкнул Модхушудон. — Нечего беспокоиться. Захочет есть — сама придет.

Шема прикинулась расстроенной и неохотно вышла.

Модхушудона бросило в жар. Он пошел в умывальню и сунул голову под душ.

Настал вечер. Куму куда-то исчезла, ее нигде не могли найти. Наконец ее разыскали в маленькой комнате. рядом с кладовой. Там хранились подсвечники, светильники, масляные лампы. Она сидела на полу, разостлав циновку.

— Что это ты задумала, диди? — воскликнула Нистарини.

— В этом доме я буду чистить лампы. Здесь мое место.

— Что же, может быть, ты и права. Ведь ты пришла в наш дом, чтобы озарить его своим сиянием. Но для этого все же обязательно чистить лампы да подсвечники. Пойдем.

Куму не двинулась с места.

— Ну, тогда и я буду здесь сидеть, вместе с тобой, — сказала Нистарини.

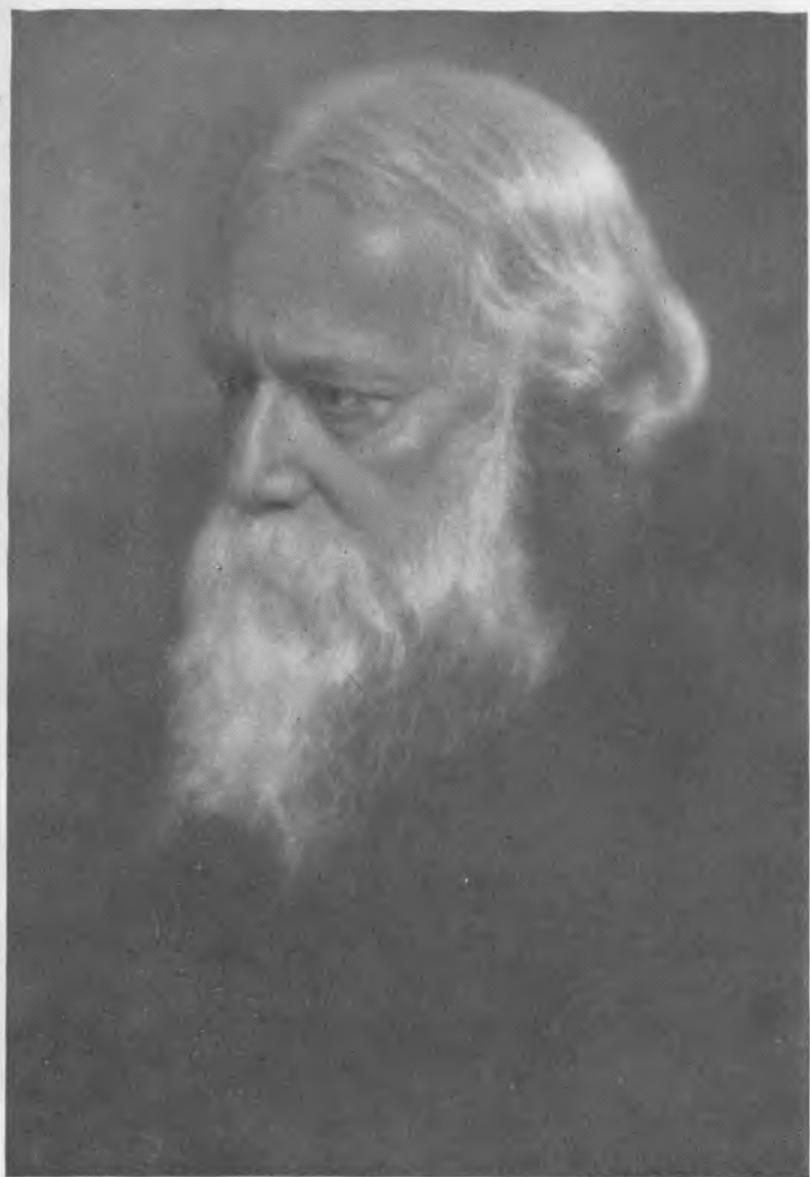
— Нет, — твердо ответила Куму.

Нистарини поняла, что это юное, кроткое существо умеет приказывать. Пришлось уйти.

Вечером, прия в спальню, Модхушудон спросил о Куму и, узнав, где она, решил: «Ну и пусть остается там. Посмотрим, долго ли она выдержит. А начнешь уговаривать, она еще заупрямится».

Он погасил лампу и лег в постель. Но сон не шел к нему. Ему все время мерещились шаги Куму. Вдруг ему почудилось, будто она стоит за дверью. Он вскочил с постели иглянул в коридор — ни души. Бесновество Модхушудона все росло. Он не мог заставить себя презирать Куму. А пойти к ней — означало признать свое поражение. Это было не в его правилах. Он встал, умылся холодной водой, снова лег, но, проворочавшись с боку на бок, опять встал, взял фонарь и тихо, почти бесшумно пошел к той каморке, где пряталась Куму. Все в доме уже спали. Подойдя к двери, Модхушудон прислушался. Ни звука. Он осторожно открыл дверь. Куму лежала на полу, подостлав циновку. Один угол циновки был подвернут и служил Куму подушкой. Модхушудон обозлился: раз его мучила бессонница, значит, и жена должна была бодрствовать. Но она спала безмятежным сном. Она не проснулась даже, когда на ее лицо упал свет фонаря, лишь задвигалась и перевернулась на другой бок. Модхушудон поспешил удалиться, как вор, который забрался в дом и услышал, что проснулся хозяин. Он испугался, что разбудит Куму, и она посмеется над ним.

Возвращаясь в спальню, Модхушудон заметил на ве-ранде Шему с лампой в руке.

Р. Тагор в Токио
1929

— Где ты был? — спросила она.

— А ты куда идешь? — вопросом на вопрос ответил Модхушудон.

— Завтра у меня пост, надо приготовить все необходимое. Приходи ко мне. Только я не смогу найти подарка, достойного тебя.

Модхушудон хотел было ей ответить, но промолчал.

В этот поздний час, освещенная светом лампы, Шема показалась ему необыкновенно красивой.

Она улыбнулась и сказала:

— Завтра меня ждет удача, дар мой не будет отвергнут, потому что, пробудившись от сна, я увидела счастливого человека.

Она сделала ударение на слове «счастливый», и Модхушудон воспринял это как издевку. Шема не осмелилась спросить его про Куму.

— Приходи завтра ко мне, прошу тебя. По случаю торжества будет угощение. — Сказав это, Шема ушла.

Вернувшись в комнату, Модхушудон лег на постель, но за дверью оставил фонарь на тот случай, если Куму все же придет.

Лицо спящей Куму стояло у него перед глазами. Он видел ее прелестные руки, лежавшие поверх шали, которой она укрывалась. Во время свадьбы, когда Модхушудон впервые взял ее руки в свои, он не заметил, как они прелестны. А сегодня любовался ими и не мог налюбоваться. Когда он обретет власть над ними?

Он не мог больше оставаться в постели. Встал, зажег свет, подошел к комоду, открыл ящик. Там лежала маленькая сумочка. Он вынул из нее телеграмму Бипрадаша, прочел: «Да будет с тобой благословение бога». Потом достал две фотографии, на обеих был изображен все тот же дада. Вместе с фотографиями лежал листок бумаги, на нем рукой Бипрадаша были написаны строки из «Бхагавадгиты»:

Что б ни было с тобой, что б ни случилось,
В святую жертву веря вполне,
Хочу, чтоб в каждом подвиге светилась
Вся жизнь твоя, как приношение мне.

Волна ревности захлестнула Модхушудона. Он стиснул зубы и мысленно уничтожил Бипрадаша. Модхушудон был

убежден, что настанет день его торжества: нужно только постепенно прибирать Куму к рукам. Однако мысль о том, что он не властен над теми восемнадцатью годами, которые она провела рядом с братом, не давала Модхушудону покоя. Он не знал иного средства, кроме грубой власти. Но сегодня он не отважился забрать сумочку женщины. Он был куда храбрее в тот день, когда взял ее кольцо. Тогда он думал, что Куму такая же, как и все женщины, что она с готовностью подчинится силе, и это ей даже понравится. А сегодня он уже понимал, что Куму способна на самые неожиданные поступки.

Была единственная возможность навсегда привязать Куму к себе, сделать ее матерью своего ребенка. И эта мысль принесла Модхушудону утешение.

Часы пробили пять. Было темно, но уже близился рассвет. Модхушудон торопливо вышел из спальни. Подойдя к комнате, где спала Куму, он нарочно застучал ботинками и с грохотом распахнул дверь. Но Куму там не было. Куда же она девалась?

До него донесся шум воды, бегущей из крана. С площадки на крыше он увидел, что Куму во дворе чистит тамарином старые ржавые подсвечники. Видимо, в это холодное утро она решила причинить ему, измученному бессонницей, новую неприятность.

Модхушудон изумленно смотрел вниз. Он не знал, как лишить силы слабого. Что скажут люди, когда увидят Куму во дворе? Что подумает слуга, который всегда чистит эти подсвечники? Нет лучшего способа сделать мужа всеобщим посмешищем.

Первым побуждением Модхушудона было сойти вниз и объясняться с Куму. Но, представив себе, как они будут ссориться иосреди двора и как все выскочат, чтобы поглязеть на них, Модхушудон отказался от этой мысли.

Он вызвал Нобина и спросил:

— Ты что, не знаешь, что у нас творится?

Нобин испугался. В его обязанность входило следить за порядком в доме.

— Что случилось, дада? — Нобин знал, если Модхушудон гневается, он ищет виновного, чтобы сорвать на нем гнев. А не найдет виновного, и невиновный сгодится.

Иначе в доме не будет порядка и Модхушудон потеряет свой престиж.

— Думаешь, я не знаю, почему боро-боу затеяла такую глупость?

Нобин не посмел спросить, какую глупость затеяла боро-боу. За то, что он ничего не знал, ему могло влеть еще сильнее.

— Я уверен, это твоя жена настраивает ее! — бушевал Модхушудон.

— Да нет, моя жена... — неуверенно начал Нобин.

— Я сам видел, — оборвал его Модхушудон. Продолжать разговор было бесполезно. В словах Модхушудона таился намек на историю с пресс-папье, которое якобы похитил Хаблу.

28

Когда Нистарини стала открыто проявлять свое расположение к Куму, Нобин понял, что окружающие этого не потерпят. Женщины в доме непременно вмешаются в их отношения. И Нобин решил, что они нашептали что-то Модхушудону. Но возражать старшему брату не имело смысла, он распался бы еще сильнее.

Модхушудон так и не объяснил толком, что произошло, наверно, ему было стыдно. Поэтому Нобин не знал, что предпринять, он понял, что вся вина возложена на его жену. Стало быть, ему, как главе семьи, придется взвалить на себя всю тяжесть ответственности.

Он пошел к жене.

— Беда, — сказал он.

— А что случилось?

— Ну, об этом известно всеведущему и брату, а может быть, еще и тебе. Но нагоняй получил я.

— Да в чем дело?

— Я должен бы, в свою очередь, дать нагоняй тебе, а ты — новому приобретению брата.

— Ну, начинай. Посмотрим, умеешь ли ты так же хорошо ругаться, как твой брат.

— Когда у брата слуга-ориссец разбил блюдо от дорогого сервиса, почти весь штраф пришлось уплатить мне. Потому что моя обязанность — следить за сохранностью

вещей. Но разве за его новым приобретением тоже я должен следить? Этот штраф давай уж разделим с тобой пополам. Делай что хочешь, только избавь меня от лишних хлопот и неприятностей.

— А какой может быть штраф?

— Пошлет нас в Роджобпур. Он и так все время грозит.

— Боишься, вот он и грозит. Один раз уже отоспал, да пришлось звать назад и еще за билет платить. Твой брат злится, злится, а просчитаться себе не позволит. Он знает, что невыгодно отстранять меня от хозяйства. Он не станет терпеть убыток ни на пайсу.

— Ясно. Но посоветуй, что делать теперь.

— Скажи брату, хоть он и большой раджа, пусть не нанимает слуг улаживать его отношения с женой. Пусть сам постоит перед ней на коленях, сам снимет с ее сердца тяжесть обиды. В делах сердечных незачем призывать на помощь грузчиков.

— Стоит ли ему советовать? Дня через два он и сам все поймет. Ты лучше выступи в роли посредницы, может, что-нибудь и удастся сделать. А уж я в долгу у тебя не останусь.

Нистарини отправилась искать Куму. Она знала, что утром Куму обычно сидит на крыше.

Площадка на крыше была окружена высокой оградой, в нескольких местах уже разрушившейся. Там валялись старые вазоны из-под цветов. В углу стояла железная клетка с прогнившим деревянным дном. Когда-то в клетке держали кроликов или голубей, а теперь под ее железную сетку ставили густеть на солнце манговый сок — чтобы он не достался воронам. С крыши небо казалось нависшим над головой, высокая ограда закрывала горизонт. С задней стороны виднелась труба металлического завода. Вот уже третий день Куму с утра уходила на крышу и смотрела на клубы дыма, вырывавшегося из трубы. Дым казался ей живым существом, — он свивался в кольца и плыл по небу.

Еще не рассвело, когда Куму, вычистив подсвечники и лампы, совершила омовение и пришла на крышу. Она сидела, обратясь лицом к восходящему солнцу. Влажные

волосы струились по ее спине. На ней не было никаких украшений, она надела скромное белое сари с узкой черной каймой, на голову накинула шарф из ассамского шелка.

Куму мысленно унеслась к тем дням, когда она, пытаясь заполнить пустоту в сердце, создала образ будущего мужа. Ему она поклонялась, ему давала обеты, о нем говорили ей древние предания, и постепенно его образ облекся для нее в плоть и кровь. Это она, а не Радха, спешила на свидание в созданном ее воображением Вриндаване. Она вставала на заре и пела песню:

Любовь для нас — как для полета высь.
О, Кришна мой, на зов ты отзовись!

Она каждый день посыпала дар своей души будущему, еще неизвестному ей супругу.

В ненастную ночь шум деревьев в потоках дождя отдавался в душе Куму песней:

На ногах браслетов звон:
Дзинь-дон,
Дзинь-дон.
Как пробраться с ними в дом?
Дзинь-дон,
Дзинь-дон...

И Куму отчетливо слышала звон браслетов, видела Кришну, который стоит у дверей и не знает, как попасть в дом к Радхе. Песни рисовали ей образ того, кого она с таким нетерпением ждала. Если бы в те дни, исполненные тайных радостей и печалей, ей явился какой-нибудь юноша, она увидела бы в нем героя своих песен. Но неведомый путник не стучался в ее дверь. Куму спряталась одна в беседке, сплетенной ее фантазией. У нее не было подруг. Всю свою любовь к будущему супругу она изливала на темноликого Кришну, принося к его ногам гирлянды цветов. Когда пришел сват, Куму спросила у своего божества: «Скажи, это твой вестник?» — «Да», — шепнул ей голубой цветок.

И вот любовь и вера обмануты. Ладья ее мечты наскоцила на камень и в одно мгновенье затонула. Но юная душа, хоть и была изранена, все еще порывалась

приносить в дар цветы. Только блюдо, на котором они лежали, стало теперь невыносимо тяжелым. И Куму опять пела песнь, стараясь укрепить в себе свою пошатнувшуюся веру:

О Кришна, держащий гору, я поклоняюсь одному тебе.

Но сейчас песня звучала в пустоте, не достигая цели. Эта пустота вселяла в Куму страх. Неужели до конца жизни огонь ее души будет устремляться к небу так же одиноко и бесцельно, как этот дым?

Нистарини сидела позади Куму и наблюдала за ней. В чистом утреннем свете одухотворенная красота молодой женщины, одиноко сидящей на крыше, вновь поразила Нистарини. «Кто здесь может ее оценить? — думала Нистарини. — Ни одна женщина из нашего дома не может сравниться с ней. Они сторонятся Куму, часто обижаются на нее, а подружиться с ней не осмеливаются».

Вдруг Куму прижала к лицу шарф и заплакала. Нистарини подошла к ней, обняла.

— Диди моя, Лакшми моя, — приговаривала она, — скажи, что случилось?

Куму долго не могла произнести ни слова. Наконец, овладев собой, объяснила:

— До сих пор нет письма от брата. Не понимаю, что произошло.

— А разве может уже быть письмо?

— Конечно! Когда я уезжала, брат был болен. Он ведь знает, как я беспокоюсь.

— Не горюй, я постараюсь что-нибудь разузнать.

Куму не раз подумывала о том, чтобы послать телеграмму, но не знала, кого об этом попросить. С тех пор как Модхушудон похвастался тем, что он кредитор Бипрадаша, она не произносила при нем имени брата.

— Если ты пошлешь брату телеграмму от моего имени, я буду тебе очень благодарна, — сказала Куму.

— Ладно, не беспокойся.

— Только знаешь, у меня нет денег.

— Ну к чему ты это говоришь? У меня есть деньги на хозяйство, эти деньги принадлежат тебе. Ведь теперь ты здесь старшая рани.

Куму энергично затрясла головой:

— Нет, нет и нет! В этом доме мне ничего не надо, ни единой монетки.

— Хорошо, родная, ради тебя я возьму деньги из моих собственных сбережений. Ну, что ж ты молчишь? Что за беда в том? Если бы я предложила тебе деньги как милостыню, ты бы их не взяла из гордости. А я даю тебе их от чистого сердца, поэтому ты должна их принять, если любишь меня.

— Спасибо.

— Диди, твоя спальня и сегодня будет пустой? — спросила наконец Нистарини о том, что ее больше всего интересовало.

— Там для меня нет места.

Нистарини не стала ее уговаривать. «Не мое это дело, — решила она, — кому надо, пусть тот и уговаривает».

— Принести тебе молока? — тихо предложила она.

— Нет, чуть попозже. — Куму еще не закончила своего разговора с божеством. Она должна была услышать его ответ.

Нистарини вернулась к себе.

— Слушай, что я скажу, — обратилась она к мужу. — Посмотри, не лежит ли на столе в кабинете у твоего брата письмо для диди. Загляни в ящик.

— Что ты! — воскликнул Нобин.

— Не пойдешь, я сама пойду.

— Да это все равно что украсть медвежонка из берлоги!

— Хозяин ушел в контору и не скоро вернется. За это время...

— Знаешь что, днем я не стану этого делать. Кругом люди. Вечером все узнаю.

— Ладно, — согласилась Нистарини. — А сейчас отправь в Нурногор телеграмму, надо справиться о здоровье Бипродаша.

— Хорошо. А брату об этом сказать?

— Не надо.

— Очень уж ты стала отчаянной. В этом доме без приказа хозяина даже ящерица не смеет схватить муху, а ты...

— Ты пошлешь телеграмму от имени Куму. Чего же тебе волноваться?

— Так ведь посыпать ее буду я.

— Рассыльный из конторы твоего брата каждый день отправляет кучу всяких телеграмм. Ему и дай. Вот тебе деньги, это от Куму.

Не будь Нобин всей душой расположен к Куму, он ни за что не взялся бы за такое рискованное дело.

Как обычно, во втором часу пополудни Модхушудон прошел на женскую половину дома. Вокруг него засуетились родственницы, стали обмахивать его опахалом, отгонять мух и подавать еду. Как известно, женская половина дома была обставлена без излишней роскоши. В еде Модхушудон был непритязателен. Ему нравился простой рис, без него он и дня прожить не мог. Зато посуда, из которой он ел, была дорогой, из чистого серебра. Обычно ему подавали вареный горох или бобы, уху, тамариндовый соус, острое рыбное кари. Все это он запивал чашкой молока с сахаром, причем не оставляя ни капельки, а потом засовывал в рот трубочку бетеля, добавив изрядную порцию извести. Две порции бетеля он клал в коробочку, чтобы пожевать потом. После еды он позволял себе отдохнуть с четверть часа, покурить табак и отправлялся в контору. Такой порядок был установлен, когда Модхушудон еще не разбогател, и с тех пор ни разу не нарушился. В еде Модхушудон не находил никакого удовольствия — просто это было средство утолить голод.

Шемашундори размешивала сахар в молоке. Очень смуглая, полная, она, однако, не производила впечатления слишком толстой. В своем скромном белом сари она всегда казалась нарядной. Эта женщина, уже не первой молодости, напоминала собой летний полдень, когда солнце перевалило зенит, но до заката еще далеко. Ее острые темные глаза под густыми бровями никогда не смотрели прямо, а будто скользили взглядом по всему, что ее окружало, но все замечали. Яркие губы были плотно сжаты, словно напоминая о том, что их обладательница знает много, но не болтает зря. Жизнь не баловала Шемашундори, но она не унывала. Она ценила себя вы-

соко, а так как окружающие не догадывались о ее великих достоинствах, то она относилась к ним с безграничным презрением.

Шема вошла в семью Модхушудона как раз в то время, когда к нему устремился поток богатства, и тотчас составила план, как с помощью колдовских чар молодости стать хозяйкой в этом доме. Нельзя сказать, что сердце Модхушудона ни разу не дрогнуло. Но он не сдался. К коммерческим делам у Модхушудона были не просто способности, а настоящий талант. Это помогло ему приобрести капитал. Мысль о нажитом богатстве доставляла Модхушудону наивысшее наслаждение. Модхушудон знал наверняка, что это бог Индра слал ему искушение, не раз Модхушудона подстерегал соблазн, но он оставался тверд и непреклонен. Его спасало то, что в полдень он был занят делами. Относясь к Шеме с кажущимся равнодушием, Модхушудон радовался ее заботам, они скрашивали его подчас трудную жизнь. О том, что Модхушудон выделял Шему среди других женщин, говорили подарки, которые она получала к празднику, и все же он держал ее на почтительном расстоянии от себя. Шема заметила расположение Модхушудона, но, как и прежде, побаивалась его.

Шемашундори всегда присутствовала при трапезе Модхушудона. Так было и сегодня. Она только что совершила омовение. Влажные, иссиня-черные волосы рассыпались по спине, от них исходил слабый аромат пряностей. Край сари Шема накинула на голову.

Не поднимая лица от чашки с молоком, в которой она мешала сахар, Шема тихо предложила:

— Может, позвать жену?

Модхушудон ничего не сказал, лишь строго взглянул на нее. Шема смущалась и стала объяснять, почему осмелилась надоедать ему своими советами.

— Я думала, было бы хорошо, если бы она сидела около тебя, когда ты ешь, прислуживала бы... — она зинулась, не в состоянии разгадать выражение лица Модхушудона. Он снова принял за еду.

Прошло немного времени, и он спросил, не глядя на Шему:

— Где она?

— Сейчас я ее найду, — встрепенулась Шема.

Модхушудон нахмурил брови и жестом остановил ее. Как ни велико было его стремление услышать ответ, которого он жаждал, он не хотел услышать его от Шемы.

Поев, он поднялся в спальню, страстно желая застать там Куму. Заглянул на крышу. Прошел в соседнюю комнату, в которой совершали омовение, постоял там немного. Потом лег на постель и стал курить хукку. Истекли положенные пятнадцать минут, потом двадцать. Когда прошло более получаса, Модхушудон достал из кармана часы и взглянул на них.

За все эти годы он ни разу не опоздал в контору даже на пять минут. В конторе была книга, в которой регистрировался приход и уход служащих. В зависимости от этих записей возрастало или падало жалованье. Среди всех служащих меньше всего штрафов начислялось на Модхушудона. И не потому, что он был снисходителен к самому себе, напротив, он штрафовал себя в двойном размере.

Сегодня, чтобы наверстать упущенное время, Модхушудон решил задержаться в конторе дольше обычного. Но он никак не мог сосредоточиться. Не высидев в конторе и получаса, он бросил бумаги и отправился домой. Он хотел нагрянуть неожиданно и заглянуть в спальню. Вдруг он кого-нибудь там застанет? Днем он никогда не заходил в спальню. А сейчас, в костюме, в котором ходил в контору, прошел прямо на женскую половину дома.

Нистарини сидела на крыше и резала на кусочки сущеное манго. Завидев в неурочное время у дверей спальни Модхушудона, она поспешило натянула на голову сари. Смех разбирал ее. Модхушудон был смущен и раздосадован тем, что жена Нобина заметила его. Он хотел проникнуть в комнату незаметно, чтобы не спугнуть робкую лань. Но был застигнут врасплох. Стремясь поскорее скрыться от любопытных глаз, он торопливо вошел в комнату. Эря он вернулся из конторы! В комнате никого не было, да, видимо, и в его отсутствие никто туда не заходил. Не в силах совладать со своим нетерпением, Модхушудон, хоть ему и не полагалось разговаривать с женой брата, все же решил спросить у нее, где Куму. Он взглянул за дверь, но Нистарини уже спустилась вниз.

«Невестка»

Гравюра на линолеуме. Художник Нондолал Боуш

Оставаться дольше в спальне, которую покинула его молодая жена, было позорным для Модхушудона, и он стремглав бросился прочь. Придя на службу, он притворился, будто у него важные дела, и склонился над конторкой, стоявшей у входа. На конторке лежала тетрадь. Обычно он в нее не заглядывал, за нею следил старший клерк, но сейчас Модхушудон открыл тетрадь, чтобы спрятаться от любопытных взглядов. В этой тетради регистрировались время и даты отправления корреспонденции. Прежде всего Модхушудону бросилась в глаза телеграмма, посланная сегодня на имя Бипродаша. Отправителем значилась его жена.

— Позвать управляющего! — загремел Модхушудон.

Управляющий явился.

— Кто велел послать эту телеграмму?

— Ваш брат.

— Позвать сюда брата!

Перед ним предстал побледневший Нобин.

— Кто посмел отправить без моего разрешения эту телеграмму?

Не так-то легко было назвать имя виновной перед лицом громовержца. Не зная, что сказать, Нобин молчал. Хотя было холодно, лоб его покрылся испариной.

— Наверно, твоя жена? — спросил Модхушудон, не дождавшись ответа.

Нобин стоял, понурив голову, все было ясно без слов.

Кровь бросилась в голову Модхушудону, он побагровел от гнева и не мог выговорить ни слова. Резким движением он указал Нобину на дверь.

После ухода брата Модхушудон стал нервно шагать по комнате.

Расстроенный, Нобин пошел к жене:

— Ну, теперь все кончено.

— Что случилось?

— Укладывай вещи.

— А завтра опять все распаковывать? Ну, что там такое? Наверно, твой брат в дурном настроении?

— Теперь паверняка выгонит. Я хорошо его знаю.

— Ну и уедешь. Чего зря беспокоишься? Не пропадешь.

— Что ты меня выпроваживаешь? Скорее он тебя велит отослать в деревню.

— А ты не выполнишь его приказа.

— Откуда ты знаешь?

— Думаешь, только я это знаю? Все в доме знают, что ты послушный муж. Твой брат и подумать не мог, что окажется во власти жены. А вот, видишь, попался.

— Что ты хочешь сказать?

— А то, что у вас это в роду: все мужчины непременно попадают под влияние жены. Твой брат долго держался, зато расплата будет тяжелой. Всю страсть, с которой он набивал мешок деньгами, он обратит теперь на молодую жену.

— Ну и пусть. Попал старший брат под каблук к жене — пусть все над ним смеются. Но как быть бедному младшему брату?

— Это уж моя забота. Делай так, как я тебе скажу. Залезь к нему в стол.

— Что ты! — воскликнул Нобин, умоляюще сложив руки. — Лучше сунуть руку в нору змеи!

— В нору змеи я и сама могу сунуть руку, а вот в стол заглянуть придется тебе. Ты ведь знаешь, что все письма прежде всего показывают ему. Чует мое сердце, что у него есть письмо для Куму.

— Мне тоже так кажется. Но еще мне кажется, что брат придумает страшное наказание, если я дотронусь до письма. Возьмет да и приговорит меня к семи годам каторги и к виселице в придачу.

— А ты не бери письма. Только посмотри, есть оно или нет.

Нобин так уважал свою жену, что считал себя недостойным ее. Поэтому он всегда был рад выполнить любое, даже самое трудное ее поручение, с какими бы оно ни было сопряжено опасностями.

Поздно вечером он доложил жене, что для Куму есть письмо и телеграмма.

А Куму сидела в каморке, где хранились фонари и лампы, и обдумывала свое положение. В пылу гнева она покинула спальню мужа и решила зарабатывать на про-

питание собственным трудом, но сейчас чувство глубокой обиды сменилось апатией. Куму понимала, что подобные отношения с мужем не могут длиться вечно. И все же она не могла сейчас поступить иначе.

Комнаташку, где уединилась Куму, отделяла от воронды деревянная перегородка. В ней была всего одна дверь. А на стенах до самого потолка висели деревянные полки с различными лампами и светильниками. Вся комната была в масляных пятнах. На стену, в которой была проделана дверь, кто-то из слуг наклеил картинку, вырезанную из абажура, очевидно, стремясь таким образом удовлетворить свои эстетические потребности. В углу, в жестяном ящике, хранился толченый мел, в корзинке лежали сушеный тамаринд и грязные тряпки, стояли бидоны, почти все пустые, только в двух или трех был керосин.

С самого утра Куму взялась за непривычную для нее работу. Выдав продукты слугам, Нистарини заглянула к Куму. Увидев, как усердно она трудится, Нистарини смекнула, что это небезопасно для хрупких вещей. А в этом доме замечали всё, каждую разбитую безделушку. Нистарини встревожилась.

— Я освободилась, вот и пришла, — сказала она. — Дай, думаю, помогу диidi, доброе дело сделаю. — С этими словами Нистарини придинула к себе стеклянный шар и корзинку с золой и принялась за работу.

Куму не стала возражать, она уже убедилась в своей полной неспособности к такого рода вещам. Помощь Нистарини подоспела весьма кстати. Но и сама Нистарини была не очень искушена в подобных делах. Как, например, заправлять фитиль в керосиновую лампу — она понятия не имела, хотя лампы были в ее ведении и она собственными руками отпускала для них керосин и масло. Пришлось женщинам признать свое поражение и обратиться за помощью к старому слуге Бонку.

Бонку быстро привел все в порядок. Каждый вечер он разносил по комнатам лампы и, будучи человеком прямоудушным, спросил, приходить ли ему и сегодня за лампами. В его словах женщинам почудилась насмешка. Куму покраснела до ушей.

Не успела Куму произнести и слова, как Нистарини ответила:

— Конечно, приходи.

И Куму стало ясно, что она нарушила заведенный в доме порядок.

31

В полдень, после еды, Куму заперлась в своей каморке. Она твердо обещала себе никогда больше не давать волю своему гневу. «Сегодняшний день я еще посвящу размышлениям, — решила Куму. — А завтра с утра по прошу благословения у моего бога, чтобы с готовностью следовать по пути, предписанному благочестивой жене». Вернувшись к себе после обеда, Куму опять стала думать о том, как ей вести себя. Перед ней возник образ брата. Какая удивительная у него выдержка, какое мужество! Печаль на его лице, казалось, отражала все величие его души. Ее брат был сторонником позитивизма, распространенного среди образованных людей того времени, — он не соблюдал обрядов внешнего поклонения богу, зато бог словно воплотился во всей его жизни.

Вечером Бонку постучался к Куму, она открыла ему и вышла из комнаты. Нистарини она сказала, что сегодня вечером будет поститься, чтобы очистить душу от греха. Взглянув на нее, Нистарини изумилась. На лице Куму уже не было отблеска гнева. Из глаз лился мягкий спокойный свет. Можно было подумать, будто она только что совершила омовение в святых водах. Сам всеведущий, наверно, смягчил ее гнев. Нистарини догадалась, что Куму в душе принесла в дар своему божеству гирлянды цветов. И теперь наслаждается их ароматом. Поэтому, услышав, что Куму хочет поститься, Нистарини не стала возражать: она поняла, что Куму делает это не из-за уязвленной гордости.

Куму села в уголке на крыше и устремилась мыслями к богу. Сегодня она поняла, что ей не удалось бы почувствовать бога так близко, совсем рядом, если бы не ее горе. Она молитвенно сложила руки и прошептала, обратившись лицом к заходящему солнцу: «О мое божество,

да не разлучусь я с тобой никогда. Пошли мне стра-
данье, чтобы я всегда оставалась рядом с тобой!»

Зимний день быстро угасал. От пыли, тумана и дыма заводских труб потускнели чистые величавые краски ве-
чера. Отягченное плотной, грязной пеленой, небо, каза-
лось, повисло над самой землею. Такой же плотной пе-
леной обволокли душу Куму печальные мысли о брате.

В сердце Куму жили одновременно радость освобож-
дения от уз гордости и тревога за брата. Куму мечтала
с помощью всевышнего освободиться от своих терзаний.
Она ругала себя, упрекала, но облегчение не приходило.
Мысль о том, почему нет ответа на телеграмму, не да-
вала ей покоя.

Имея неограниченное право на тело и душу Куму, Модхушудон все же никак не мог подчинить ее своей власти. Модхушудон не знал, как разрушить неожиданно возникшее на его пути препятствие. Он запустил свои дела в конторе, чего прежде с ним никогда не случалось. Даже болезнь и смерть матери не отвлекли его от дел, и это всем было известно. Тогда многие восхищались его необыкновенной силой воли. А сейчас Модхушудон открыл в себе нечто новое. Какая-то непреодолимая сила тащила его прочь с проторенной дороги. Куда — он сам не мог понять.

Поужинав, Модхушудон направился в спальню. Втайне он надеялся застать там Куму, хотя не верил, что она придет, и нарочно явился немного позже. Модхушудон отличался крепким здоровьем, и стоило ему лечь в по-
стель, как он тут же засыпал. Опасаясь, что Куму может застать его спящим и уйдет, Модхушудон не лег в по-
стель. Он посидел немного на диване, потом поднялся на крышу и походил там. Обычно он ложился в девять. Но вот в передней раздался бой часов: он вздрогнул. Пробило одиннадцать. Модхушудону стало стыдно перед самим собой. Он уже несколько раз подходил к постели, но не ложился — спать ему не хотелось. Тогда он отправился на мужскую половину дома — поговорить с Нобином.

Дойдя до веранды, он заметил, что в кабинете горит свет. Оттуда навстречу ему вышел Нобин с лампой в ру-
ках. Если бы было светло, Модхушудон увидел бы, как сильно побледнел Нобин.

— Что ты здесь делал так поздно? — осведомился Модхушудон.

— Да вот пришел перед сном завести часы и перевернуть листок календаря, — нашелся Нобин.

— Зайдем в комнату, поговорим.

Нобин испугался. Он стоял перед старшим братом, как преступник перед судьей, и не произносил ни слова.

— Мне не нравится, что кто-то настраивает против меня жену. Она должна слушать только меня. Отныне будет так.

— Правильно, — убежденно сказал Нобин.

— Поэтому придется твою жену отослать в деревню, — продолжал Модхушудон.

— Вот и хорошо, дада, — сказал Нобин, словно обрадовавшись, — а я боялся, что ты не дашь согласия.

— Что ты хочешь сказать? — Модхушудон был изумлен.

— Да вот уже несколько дней жена пристает ко мне, просит отпустить ее в деревню. Даже вещи все уложила. Только ждет благоприятного дня.

Все это было чистой выдумкой. Но одно дело, если Модхушудон выгоняет кого-то из дома сам, и совсем другое, если этот человек заявляет, что хочет уехать по собственной воле.

И Модхушудон пробурчал:

— С чего это ей не терпится уезжать?

— Да вот, говорит, что теперь в доме появилась хозяйка, и неизвестно, как все обернется, если она, Нистарини, останется.

— Не ее это ума дело.

— Что поделаешь, женщины упрямые, — пожаловался Нобин. — Вбила себе в голову, что в один прекрасный день ты ее прогонишь, а она не вынесет такого оскорбления. Она собирается уехать тринадцатого числа. Сейчас заканчивает все дела, приводит в порядок счета.

— Ты во всем потакаешь жене, Нобин, вот и испортил ее. Строго-настрого запрети ей уезжать. Ты мужчина, а в семье у тебя верховодит жена. На что это похоже?

Нобин с сомнением почесал в затылке:

— Я скажу ей, дада, только...

— Тогда передай от моего имени: никуда она сейчас не поедет. Когда найду нужным, тогда и назначу день отъезда.

— Ты ведь сам только что сказал, что ее надо отослать в деревню, — напомнил Нобин.

— Но не сию же минуту! — раздраженно крикнул Модхушудон.

Нобин медленно пошел прочь. Модхушудон зажег газовый рожок и сел в кресло с высокой спинкой. Едва он задремал, как в комнату вошел сторож, совершивший ночной обход по дому. Модхушудон вздрогнул и открыл глаза. Сторож стоял перед ним, держа лампу, и вглядывался в его лицо. Он не мог понять, то ли хозяин мертв, то ли без сознания. Чувство досады охватило Модхушудона, он заворочался в кресле и встал. Куда это годится, чтобы слуга наблюдал такое печальное зрелище: раджа-бахадур вскоре после свадьбы дремлет ночью в кабинете!

— Закрой дверь! — набросился он на слугу, как будто тот был виноват, что дверь открыта.

Часы пробили два. Прежде чем уйти, Модхушудон еще раз заглянул в стол. Поколебавшись, сунул в карман телеграмму для Куму и вышел из комнаты. Перед тем как подняться к себе, на третий этаж, он немного постоял на лестнице.

Если внезапно разбудить человека, он просыпается расслабленным и может совершить такое, чего ни за что не совершил бы днем. Так случилось и с Модхушудоном. Оставшись наедине с самим собой, когда кругом не было ничьих любопытных глаз, он вдруг почувствовал, что готов признать перед Куму свое поражение.

Постояв на лестничной площадке, Модхушудон повернулся назад. Кровь бурлила в нем. Он взял керосиновый фонарь, горевший у одной из дверей, и остановился перед комнатой, где спала Куму. Потом тихонько толкнул дверь и вошел. Куму крепко спала на циновке, укрывшись покрывалом; правая рука лежала у нее на груди.

Модхушудон поставил фонарь в угол и сел рядом с Куму, не сводя с нее глаз.

На лице Куму лежало то выражение глубокого душевного покоя, которое так манило к себе взор Модхушудона. В отчём доме Куму не знала душевых терзаний. Нужда и невзгоды приносили огорчения, но не затрагивали ее души. Мир, в котором она росла, гармонировал с развитием ее характера. Вот почему лицо ее было так спокойно, а поступки исполнены чувства собственного достоинства.

Модхушудону же всю жизнь приходилось сражаться с трудностями, что ни день — преодолевать мучившие его сомнения. Поэтому его и поразило ясное спокойствие души Куму. Модхушудону никогда не удавалось быть самим собой, Куму же отличалась простотой и естественностью, как сама богиня. Куму была полной противоположностью ему, и именно это влекло к ней Модхушудона.

Модхушудон перебрал в памяти все, что произошло с тех пор, как он привез жену в дом, и понял, что бессилен перед ее твердой волей и чувством собственного достоинства. В Куму не было и следа строптивости, свойственной женщинам. Иначе Модхушудон не замедлил бы осуществить свои права и наказать жену. Что произошло между ним и Куму, он никак не мог понять, но подчинить себе жену был не в силах.

Сначала Модхушудон решил не будить Куму и сидеть около нее всю ночь. Но не утерпел и осторожно взял руку Куму, лежавшую у нее на груди. Куму зашевелилась, высвободила руку и перевернулась на другой бок.

Тут уж Модхушудон не выдержал и прошептал ей на ухо:

— Боро-боу, тебе телеграмма от брата.

Куму сразу проснулась и села, удивленно уставившись на Модхушудона.

— От твоего брата, — повторил Модхушудон, протягивая телеграмму и придвигая поближе лампу.

Куму развернула маленький листок бумаги. Там было написано по-английски: «Не волнуйся поправляюсь шлю благословения». Все напряжение и тревога последних дней нашли выход в слезах. Куму вытерла слезы и ста-

рательно завязала телеграмму в край сари. Модхушудон почувствовал укол ревности. Он не мог придумать, с чего бы начать разговор.

— А письма нет? — спросила Куму.

О письме Модхушудон решил умолчать и быстро ответил:

— Нет, письма нет.

Куму стало стыдно, что они среди ночи сидят в этой кладовке. Она уже хотела встать, как вдруг Модхушудон решился:

— Боро-боу, не сердись на меня.

Это не был приказ господина, а мольба влюбленного, в ней слышались угрызения совести. Куму изумилась: «Что это? Новый каприз ее бога? Ведь еще днем она твердила себе: «Не сердись». Кто научил Модхушудона произнести эти слова так неожиданно, сейчас, посреди ночи?»

— Ты все еще сердишься? — спросил Модхушудон.

— Нет, совсем нет.

Модхушудон удивился: как странно произнесла она эти слова, словно они обращены не к нему, а к кому-то другому.

— Тогда пойдем к нам в комнату.

Но к этому Куму не была еще готова. После того, как ее внезапно разбудили ото сна, она не могла настроить свои мысли на нужный лад. С вечера она решила, что на следующий день совершил омовение, вознесет молитву и начнет подвижничество в доме мужа. И вдруг сейчас, среди ночи, бог позвал ее, не дал отсрочки. Разве может она ответить ему отказом? Куму почувствовала угрызения совести оттого, что ей очень не хотелось идти. Борясь с собой, она решительно встала и сказала: «Пойдем».

Она поднялась наверх и остановилась перед спальней.

— Подожди немного, я сейчас, — сказала Куму.

Она пошла на крышу и села в своем уголке. Прямо над головой сияла ущербная луна.

«О бог мой, это ты позвал меня, я знаю. Ты помнишь обо мне и поэтому призываешь к себе. Ты ведешь меня по пути, усеянному терниями. Во всем ты один и больше никто», — твердила про себя Куму.

Все остальное иллюзия! Испытания, выпавшие ей на долю, — это тернии на пути к богу. Благословение брата поможет ей. Его телеграмму она хранит в своем сари. Куму приложила драгоценный узелок к голове. Потом коснулась лбом пола.

В это время за ее спиной прозвучал голос Модхушудона:

— Боро-боу, простудишись, иди в комнату.

Куму вздрогнула. Не такой голос и не такие слова жаждала услышать ее душа. Но такова уж ее судьба. Бог не хочет звать ее нежным напевом свирели, скрывает от нее свой лик.

33

Чем больше душа Куму страдала от обид и унижений — ударов, наносимых ей грубой рукой жизни, тем больше нуждалась она в убежище, где бы могла скрыться от всех печалей, заглушить душевную боль. Ей нужно было средство, подобное хлороформу. Но хлороформ действует два-три часа, ей же необходимо избавиться от отвращения и боли, терзавших ее день и ночь. В таких случаях женщинам помогает духовный наставник. Но у Куму его не было. Поэтому в трудные минуты она читала молитвы и заклинания, чаще всего прибегала она к санскритской мантре:

«О божество мое, тебе приношу в жертву себя и прошу у тебя милости: будь ко мне добр и снисходителен, как отец к сыну, как друг к другу, как возлюбленный к возлюбленной. В доказательство твоей любви ко мне дай мне силу прощать, больше мне ничего не надо».

Смежив веки, Куму взвывала к богу: «Ты говорил, что человек, который видит меня всегда и через мое посредство видит все, никогда не покинет меня, и я его никогда не покину. Не дай мне ослабеть в моем подвижничестве».

С утра Куму долго совершала омовение сандаловой водой. Чисто вымытая, благоухающая, она приносила себя в дар богу. Она заставила себя почувствовать всем существом своим его прикосновение. Воистину она целиком приносит себя в дар божеству. Ее телесная оболочка не

нужна богу, она — иллюзия, прах, прахом и станет. До тех пор, пока она чувствует бога рядом с собой, она не может быть нечистой. Эта мысль принесла Куму утешение, на глазах у нее выступили слезы радости: она почувствовала себя свободной от грубой телесной оболочки. Она даже испытала нечто вроде благоговения к своему телу, в котором обитало божество. Если бы она могла сейчас достать гирлянду, сплетенную из цветов кундо, она надела бы ее на шею, украсила бы цветами волосы. После омовения Куму нарядилась в белоснежное сари с широкой алоей каймой. Когда она поднялась на крышу, ей показалось, будто небо приветствует ее и ласкает лучами солнца.

Куму пошла к Нистарини и сказала:

— Я хочу помочь тебе.

— Тогда давай резать овощи, — улыбнулась Нистарини.

Кругом лежали большие деревянные подносы, стояли высокие медные кувшины, корзины, наполненные овощами. Ножи так и сверкали в руках женщин, на глазах росли горы нарезанных овощей.

Куму пристроилась в сторонке. За оградой в соседнем дворе она увидела старый тамаринд, в его дрожащих листьях струился и рассыпался брызгами солнечный свет.

Настарини время от времени поглядывала на Куму. «Что с ней? Это не она работает, это душа ее, воплотившись в движения пальцев, устремилась к святым местам». Куму — словно парусная лодка, гонимая ветром, неслась вперед, не замечая волн, бьющих о борт.

Женщины не решались втянуть Куму в разговор. Одна только Шемашундори обратилась к ней:

— Ты совершаешь утром омовение, почему же не вeliши принести теплой воды? Еще простудишься.

— Я привыкла, — коротко ответила Куму. Она медленно повторяла про себя, будто молитву: «Как отец к сыну, как друг к другу, как возлюбленный к возлюбленной, будь снисходителен».

Когда женщины, кончив работу, шумной толпой направились во двор мыться, Куму сказала Нистарини:

— От брата пришла телеграмма.

- Когда? — Нистарини казалась удивленной.
- Сегодня ночью.
- Ночью?
- Да, поздно ночью. Муж сам принес.
- Значит, письмо тоже получила?
- Какое письмо?
- От брата.
- Никакого письма не было. Разве от него пришло письмо? — Куму встревожилась. Нистарини не отвечала. — Где ты видела письмо? Принеси его мне, — не отставала Куму, вцепившись в ее руку.
- Не могу, — тихо проговорила Нистарини. — Оно в комнате у твоего мужа.
- Но ведь это письмо мне!
- Будет скандал, если твой муж узнает, что я лазила к нему в стол.
- Разве я не имею права прочесть письмо от брата? — взволнованно спросила Куму.
- Когда Модхушудон уйдет в контору, проберись к нему в комнату, прочитай письмо и положи его на место.
- Неужели я должна тайком читать свои письма! — вспыхнула Куму. Она не могла совладать со своим гневом. Куму вспомнила свое намерение быть добродетельной. Внутренний голос предостерегал ее: «Не давай волю гневу». Она закрыла глаза. Губы ее беззвучно шептали: «Как возлюбленный к возлюбленной, будь снисходителен».
- Если кому-то понадобилось украсть мое письмо — пусть. Я не буду воровать у вора, — сказала она и сразу же поняла, что слова прозвучали дерзко. Значит, гнев все же вырвался наружу, как ни старалась она его подавить. Нет, она должна справиться с собой. Куму воздвигла храм своих чувств в неприступной пещере, как же проникнуть туда? Поток любви должен пробить туда дорогу, освободить заточенные чувства и утопить ее гнев. У нее есть средство приглушить боль, средство это — музыка. Но Куму стесняется играть в доме мужа, да и эсрадж остался у брата. Куму умела петь, только голос у нее был не сильный. А ей так хотелось донести свою песнь до неба, песнь, в которой она излила бы свою душу.

Она спросила бы словами песни: «Я пришла на твой зов, почему же ты скрылся? Я не колебалась ни секунды. Зачем же ты вселил в меня сомнение?» Ей хотелось во весь голос запеть эту песню: быть может, в ней прозвучит ответ.

34

Единственное место, где Куму могла уединиться, была площадка на крыше. Туда она и пошла. Жарко палило солнце, крыша раскалилась. Куму нашла место у самой стены в тени и села там. Ей вспомнилась песня на хинди. Куму знала только первую строчку: «О флейта моя...» Певец сильно коверкал слова, поэтому дальше нельзя было ничего разобрать. Но мелодию Куму запомнила. Она сама сочинила новые слова и запела: «О флейта моя, почему ты не поешь? Почему твой напев не проникает сквозь мрак туда, где все еще крепко спят? О флейта моя, флейта моя».

Когда Нистарини пришла звать Куму есть, она застала ее сидящей на солнцепеке. Тень уже отодвинулась, но Куму, поглощенная пением, не заметила этого. Все обиды ее растаяли. Гнев, вызванный низким поступком Модхушудона, утаившего письмо от брата, прошел, растворился, словно пчела в залитом солнечными лучами небе. Боль постепенно утихла. И только желание прочесть полные ласки слова брата не покинуло Куму.

Мысль о письме не давала ей покоя. Поев, Куму сказала Нистарини:

— Пойду прочитаю письмо.

— Погоди немножко. Скоро слуги отправятся обедать, тогда и пойдешь.

— Нет, тогда это будет похоже на кражу, — возразила Куму. — Пусть видят и пусть думают, что хотят.

— В таком случае, и я пойду с тобой, — предложила Нистарини.

— Нет, ни за что, — отказалась Куму. — Объясни только, как туда пройти.

Нистарини с веранды показала Куму дорогу. Слуги, попадавшиеся навстречу Куму, изумленно кланялись ей. В ящике действительно лежало письмо от брата. Конверт

был вскрыт. Куму запылала негодованием. В доме ее отца подобное оскорбление было немыслимо.

Куму опомнилась. Опять она дала волю своим чувствам! «Как возлюбленный к возлюбленной, будь снисходителен», — произнесла она, но буря в груди не унималась, и Куму несколько раз повторила эти слова. Рассильный, стоявший за дверью, очень удивился, услышав, как молодая хозяйка разговаривает сама с собой.

Понемногу Куму успокоилась. Она положила перед собой письмо, села на стул и сложила руки. Она не станет читать письма тайком от мужа.

Тут как раз в комнату вошел Модхушудон и застыл на месте. Куму даже не взглянула в его сторону. Он подошел к ней и увидел на столе письмо.

— Зачем ты здесь? — спросил он.

Куму молчала и спокойно смотрела ему в лицо. В ее взгляде не было упрека.

— Что ты здесь делаешь? — опять спросил Модхушудон.

Вопрос был излишним, но Куму объяснила:

— Я пришла посмотреть, нет ли письма от брата.

После ночного разговора Модхушудон уже не мог сказать: «А почему ты у меня не спросила?» Поэтому он сказал так:

— Я сам собирался принести письмо. Тебе незачем было сюда приходить.

Куму молчала, стараясь успокоиться. Потом проговорила:

— Ты не хотел, чтобы я читала это письмо, и я не буду его читать. Вот, я разорвала его. Но больше никогда не причиняй мне такой боли. Для меня не может быть муки, больше этой.

Она накинула на голову край сари и выбежала из комнаты.

А незадолго перед этим произошло вот что.

В полдень Модхушудон не мог найти себе места. Его одолевало нетерпение. Он решил послать за Куму сразу, как только она поест. Сегодня он особенно тщательно расчесал волосы. Утром он купил у англичанина-парикмахера ароматное масло и дорогие духи, чего прежде никогда не делал. И вот, надувшись и напомадив волосы

сы, он приготовился встретить Куму. В контору он уже опоздал на целых сорок пять минут.

Услышав шаги на лестнице, он встрепенулся. Схватил попавшуюся на глаза старую газету и с таким вниманием уставился в раздел объявлений, будто это входило в его служебные обязанности. Он даже вынул из кармана толстый синий карандаш и стал делать пометки.

В комнату вошла Шемашундори. Модхушудон нахмурил брови.

— Ты сидишь здесь, а жена тебя ищет, — выпалила она.

— Ищет? Где?

— Я только что видела, как она пошла в твой кабинет. Что ты так удивился? Наверно, она решила...

Модхушудон выбежал из комнаты. После этого и произошла история с письмом.

Модхушудон сейчас напоминал потерпевший крушение корабль.

Он все же пошел в контору, но делать ничего не мог, мешали тревожные мысли. Сославшись на головную боль, он ушел домой задолго до конца работы.

35

Нобин и Нистарини поняли, что все погибло.

— Уж так, как я здесь работаю, я везде смогу себя прокормить, — сказала Нистарини. — Жаль только диди, некому будет о ней позаботиться.

— Да и я сколько унижений терпел в этом доме, — отозвался Нобин, — часто кусок в горло не лез. Но сейчас тяжело уезжать. Какую жену брат привел в дом, а обходиться с ней, позаботиться о ней не умеет. Сам все и портит. В домах, где все рушится, поселяется богиня несчастья.

— Скоро твой брат сам это поймет. Да уж сломанного не склеишь.

— Жаль, что не пришлось мне быть Лакшманой. Ну ладно, собирай вещи. Когда станет невмоготу, уедем.

Нистарини ушла. Нобин не удержался и пошел к спальню Куму. Заглянув туда, он увидел, что Куму

устроила себе постель на полу. Видно, никак не может забыть о письме.

Заметив Нобина, Куму приподнялась.

— Боу-диidi, я пришел совершить пронам, дай мне взять прах от твоих ног. — Нобин впервые разговаривал с Куму.

— Заходи, присядь, — пригласила Куму.

Нобин сел на пол.

— Я думал, что смогу быть тебе полезным. Но разве Нобину суждено такое счастье? Ты уже несколько дней живешь в нашем доме, а я ничего не успел для тебя сделать. Так обидно.

— Куда вы уезжаете? — спросила Куму.

— Дада посыпает нас в Роджобпур. И мы с тобой больше не увидимся. Вот я и пришел попрощаться. — И он низко поклонился.

В комнату вбежала Нистарини.

— Иди скорей! — крикнула она. — Тебя ищет хозяин.

Нобин торопливо вышел. Нистарини последовала за ним.

Модхушудон сидел в своем кабинете у письменного стола. Нобин остановился перед ним. Раньше в таких случаях лицо его выражало испуг, сейчас оно было спокойно.

— Кто сказал моей жене, что для нее есть письмо?

— Я сказал, — ответил Нобин.

— Что это ты так расхрабрился?

Я и посмотрел в твоем ящике, ведь все письма складывают туда.

— Не мог потерпеть и узнать у меня?

— Она очень беспокоилась, поэтому я и...

— Поэтому ты и нарушил мой запрет?

— Она ведь хозяйка в доме. Откуда я знал, что ее приказа можно ослушаться? Она для меня не только госпожа, но и старшая в доме, ведь она твоя жена. Я должен был выполнить ее приказ еще и потому, что почти-таю ее.

— Нобин, я знаю тебя с детства. Это не твои слова. Мне известно, кто учит тебя уму-разуму. Сейчас уже

поздно, а завтра придется отослать вас в Роджобпур с первым же утренним поездом.

— Как тебе будет угодно, — согласился Нобин и быстро пошел к двери. Такой короткий ответ очень не понравился Модхушудону. Нобину следовало умолять брата, чтобы, в конце концов, получить отказ.

— Получишь расчет, — крикнул он вслед Нобину. — Больше кормить тебя я не намерен.

— Знаю. В деревне у меня есть клочок земли, не пропаду. — И не дожидаясь, пока Модхушудон скажет еще что-нибудь, Нобин ушел.

Человеческий характер полон противоречий. Одним из доказательств этого может служить горячая любовь Модхушудона к Нобину. Когда Модхушудон уехал из Роджобпуря, два других его брата остались там. Модхушудон почти не поддерживал с ними связи. Но после смерти отца он привез Нобина в Калькутту, выучил его и поселил у себя в доме. Нобин оказался незаменим. Своей честностью и приветливым обхождением он снискал любовь всех окружающих. Если в доме случалась ссора, Нобин с легкостью ее улаживал. Нобин всегда улыбался, был справедлив, и каждому казалось, что именно к нему Нобин питает особое расположение.

Модхушудон терпеть не мог Нистарини, он ревновал ее к Нобину. Все, кого любил Модхушудон, должны были находиться только в его власти. Поэтому ему все время казалось, что Нистарини плохо влияет на Нобина. Раньше он, на правах отца, единолично распоряжался младшим братом, и вдруг появилась посторонняя женщина и стала мешать ему, Модхушудону. Если бы он не любил Нобина так сильно, приговор о ссылке Нистарини был бы давно подписан.

После разговора с Нобином Модхушудон решил вернуться в контору. Он никак не мог справиться с волнением. Перед глазами у него все время стояла картина: Куму рвет в клочья письмо брата. То было поразительное зрелище. Модхушудон и вообразить не мог, что такое возможно. По свойственной ему подозрительности, на миг он допустил мысль, что Куму уже успела прочитать письмо до его прихода. Но у Куму было такое ясное

лицо, что даже Модхушудон не мог долго сомневаться в ее правдивости.

Модхушудон потерял всякую надежду подчинить себе Куму. Теперь он хорошо видел собственные недостатки, и это тревожило его. Ему много лет, если бы можно было избавиться от седин! Как несправедлив творец, наделивший его слишком темной кожей. Будь он молод и хорош собой, он непременно покорил бы Куму. Но он бессилен и безоружен. Он захотел жениться на девушке из рода Чаттерджи, но не предполагал, что всевышний обрек его на поражение. И в то же время он не смел признаться себе в том, что было бы лучше, если бы ему досталась в жены простая девушка, которую он легко подчинил бы себе.

У Модхушудона был лишь один козырь — богатство. С утра он вызвал ювелира и купил три кольца. «Интересно, какое из них понравится Куму?» — думал он. Он сунул в карман коробочки с кольцами и пошел в спальню. Одно кольцо было с рубином, другое с изумрудом, а третье — алмазное. Модхушудон представил, как сперва он медленно откроет коробочку с рубиновым кольцом — и у очарованной Куму заблестят глаза. Потом он покажет ей изумрудное кольцо — и глаза ее раскроются еще шире. Под конец он достанет алмазное кольцо — и красавица будет вне себя от изумления, увидев такой огромный алмаз. Модхушудон по-царски небрежно обронит: «Выбирай, какое хочешь». Если Куму выберет алмазное, Модхушудон усмехнется ее робости и наденет ей все три кольца. Потом он представил себя и Куму ночью в спальню.

Модхушудон собирался подарить Куму кольца вечером, после ужина. Но история с письмом ускорила события. Он решил вечерний спектакль устроить днем и отправился к жене.

Войдя в спальню, он застал Куму сидящей на полу. Она что-то искала в сундуке. Рядом с ней лежали ее вещи, одежда.

- Что случилось? Уезжаешь?
- Уезжаю.
- Куда?
- В Роджобпур.

— Что это значит?

— Ты наказал своего брата за то, что он открывал ящик твоего стола. Но это моя вина.

Упрашивать было не в характере Модхушудона. «Пусть едет! — пронеслось у него в мозгу. — Посмотрим, долго ли она там проживет!» Пылая гневом, он выбежал из комнаты.

36

Модхушудон пошел к себе и велел позвать Нобина.

— Это вы сбиваете с толку мою жену! — заорал он.

— Дада, мы завтра же уедем. Но в первый и в последний раз я скажу тебе то, что думаю. Теперь некому будет, кроме тебя самого, сбивать с толку твою жену! Мы могли успокоить и уговорить ее, но ты нас отсылаешь.

— Не смей дерзить! — рявкнул Модхушудон. — Это вы подучили ее уехать в Роджобпур!

— Такое мне и в голову не приходило!

— Смотри, будете восстанавливать ее против меня, худо вам придется! Так и знай!

— Дада, напрасно ты все это говоришь!

— Разве вы не уговаривали ее уехать?

— Клянусь тебе, что нет!

— А если она все же будет стоять на своем?

— Тогда мы позовем тебя. И ты велиишь своим слугам насилино удержать ее. Но не вини мою жену, если твои враги напечатают об этом в газетах...

— Замолчи! — оборвал его Модхушудон. — Пусть едет, я ее не держу!

— А как мы ее прокормим?

— Продашь драгоценности своей жены. Ступай. Убирайся вон!

Нобин удалился. Модхушудон смочил лоб одеколоном и решил вернуться в контору.

Услышав обо всем от Нобина, Нистарини примчалась к Куму, как раз когда та укладывала свои сари.

— Что ты делаешь, боу-рани? — воскликнула Нистарини.

— Я поеду с вами.

- Да разве мы можем взять тебя!
- Почему же нет?
- Хозяин нас тогда знать не захочет!
- Стало быть, и меня тоже!
- Предположим, ты поедешь. Но ведь мы очень бедны.
- Ну и я не богаче вас, как-нибудь проживем.
- Люди будут смеяться над твоим мужем.
- А я не хочу, чтобы вы страдали из-за меня.
- Диди, не из-за тебя, за наши грехи мы страдаем.
- Какие у вас грехи?
- Мы сказали тебе про письмо.
- Разве ответить на вопрос — преступление?
- Но мы сделали это без позволения хозяина.
- И вы и я одинаково виноваты. Вместе будем нести наказание.
- Ну, ладно. Я закажу для тебя паланкин. Хозяин не велел тебя удерживать. Давай помогу уложить вещи, а то ты совсем измучилась.

И они занялись сборами.

Вдруг в коридоре громко заскрипели ботинки. Нистарини выбежала из комнаты. Вошел Модхушудон.

- Боро-боу, ты не поедешь.
- Почему?
- Я запрещаю.
- Хорошо, не поеду. Какие еще будут приказы?
- Распакуй вещи.
- Сейчас. — И Куму направилась к двери.
- Постой, постой!

Куму вернулась.

- Что еще?

Модхушудону ничего было сказать. Вдруг он вспомнил:

- Я принес тебе колечко.

— Ты запретил носить кольцо, которое я хотела.

Другого мне не надо.

- А ты посмотри!

И Модхушудон открыл все три коробочки. Куму не проронила ни слова.

- Возьми, какое нравится.

- Прикажи, какое.

- Я думаю, все три хороши.

— Три так три, раз ты велишь.

— Дай, я надену.

— Надевай.

Модхушудон надел Куму все три кольца.

— Что еще прикажешь?

— Боро-боу, зачем ты сердишься?

— Я нисколько не сержусь. — И Куму направилась к двери.

— Куда ты? — встревожился Модхушудон. — Постой!

Куму обернулась.

— Чего ты хочешь?

Модхушудон не знал, что сказать, и густо покраснел.

— Ладно, ступай, — сердито бросил он. И вдруг крикнул: — Отдавай кольца! Слышишь?

Куму сняла кольца и положила их на столик.

— А теперь ступай вон, — прорычал Модхушудон.

Куму вышла из комнаты.

Теперь Модхушудон твердо решил идти в контору. Когда он явился туда, все уже кончили работу. Англичане отправились играть в теннис. Старшие клерки собирались домой. Модхушудон занял свое место и погрузился в дела. Пробило шесть, семь, а он все не уходил. И только в восемь сложил бумаги и встал.

До сих пор жизнь Модхушудона шла заведенным порядком. Каждая минута каждого дня была расписана. Теперь в его жизни появилось что-то непонятное, и все смешалось. Вот и сейчас он не знает, что ждет его дома. Модхушудон с опаской вошел в комнату, долго сидел за ужином. Потом, не отваживаясь идти в спальню, вышел на южную веранду и стал ходить там взад и вперед. Когда пробило девять — в это время Модхушудон обычно ложился спать, — он отправился в спальню. Сегодня ничто не должно помешать его сну. Он вошел в комнату, откинул москитную сетку и повалился на постель, но уснуть не мог. Все больше одолевала тоска. И не нашлось никого, кто бы разогнал ее, все стражи его души обессилели.

До часу ночи Модхушудон ворочался в постели, потом встал. Где Куму? Слуге Бонку был отдан строгий приказ запирать комнату, где хранились лампы. Модхушудон поднялся на крышу — там никого не было. Он снял туфли и тихонько прокрался через веранду на первом этаже, к комнате Нистарини. Оттуда доносились голоса. Должно быть, муж и жена обсуждали предстоящий отъезд. Модхушудон приложил ухо к двери. Разговаривали двое. Слов он не разобрал, зато хорошо были слышны женские голоса. Значит, это Куму беседует с Нистариной накануне разлуки. Модхушудон рассвирепел. Ему захотелось сломать дверь и устроить скандал. Но где же этот Нобин? Наверняка слоняется по дому.

Модхушудон отправился на поиски. Впереди мерцал свет лампы. Он подошел ближе и увидел Шему, закутанную в красную шаль. Модхушудон смущился и от этого еще больше обозлился.

— Ты что здесь делаешь так поздно? — буркнул он.

— Я спала. Да вот проснулась от шума шагов. Мне почудилось...

— Ты совсем обнаглела! — оборвал ее Модхушудон. — Берегись, не смей хитрить со мной! Отправляйся спать!

Шемашундори день ото дня становилась все смелее. Но сейчас она поняла, что выбрала неудачный момент. Она сделала жалобное лицо и посмотрела на Модхушудона, потом отвернулась и вытерла глаза. Уходя, она сказала:

— Зачем я буду хитрить? Я вижу, что творится, и глаз не могу сомкнуть. Мы ведь тебе не чужие, давно здесь живем, каково же нам смотреть на все это? — С этими словами Шема поспешно ушла.

Модхушудон постоял некоторое время, а потом побрал на мужскую половину дома. Навстречу ему попался сторож. Что же это такое! Даже по собственному дому нельзя спокойно пройти! Со всех сторон подстерегают любопытные глаза. Сторож удивился, увидев, что раджабахадур глубокой ночью босиком крадется по веранде, словно злой дух. Сначала он даже не узнал хозяина. «Кто там?» — окликнул он, подойдя ближе, и тут же испуганно прикусил язык и низко поклонился,

— Что прикажет раджа-бахадур?

— Я пришел проверить, все ли в порядке, — сказал Модхушудон. Это прозвучало правдоподобно.

Модхушудон зашел в гостиную. Так он и знал. Нобин лежал на диване и, обняв подушку, спал крепким сном. Модхушудон зажег газовые рожки, но Нобин не проснулся. Лишь когда Модхушудон растолкал его, он заворочался и вскочил. Не дав ему и слова вымолвить, Модхушудон приказал:

— Ступай, скажи моей жене, что я велю ей идти в спальню. — И ушел.

Вскоре в спальню появилась Куму в простом сари с красной каймой. Край его был накинут на голову. Как странно было видеть Куму в этой пустой, слабо освещенной комнате.

Она села на диван, стоявший у двери. Модхушудон подошел к ней и опустился на пол у ее ног. Куму смущалась и попыталась встать, но Модхушудон удержал ее.

— Посиди, выслушай, что я тебе скажу, — попросил он. — Прости меня, я виноват.

Куму онемела, услышав покаянные слова из уст мужа.

— Я не пуши Нобина и его жену в Роджобпур, — продолжал Модхушудон. — Они останутся здесь, будут тебе служить.

Куму не знала, что сказать. Модхушудон надеялся, что, унизвившись, сможет сломить гордость жены. Держа за руку Куму, он молил:

— Я сейчас же уйду, только скажи, что ты не уедешь.

— Я не уеду.

Модхушудон ушел.

Куму легче было сносить грубость и жестокость мужа. Но сейчас, когда он был с ней добр и даже унизился, она не знала, что ей делать. Дар ее сердца упал в пыль. «Как возлюбленный к возлюбленной, будь снисходителен», — повторяла Куму.

Немного погодя Модхушудон вернулся, ведя за собой Нобина и Нистарини.

— Я велел вам ехать завтра в Роджобпур, но теперь разрешаю остаться, — обратился он к ним. — С завтрашнего дня будете выполнять все желания боро-боу.

Супруги изумились. Они никак не ожидали такого поворота событий. И потом разве уж так необходимо было объявлять им это среди ночи?

Модхушудону изменила выдержка. Он пустил в ход все доступные ему средства, чтобы завоевать расположение жены. Дорого ему это стоило, еще ни разу в жизни его самолюбие так не страдало. Он, как умел, дал Куму понять, что признает себя полностью побежденным.

Смятение охватило душу Куму. Она не знала, как принять дар Модхушудона. Что может она дать ему взамен? Когда жизнь посыпает человеку испытания, он находит в себе силы противостоять им, сам бог ему помогает. Когда же внешние силы перестают действовать и борьба прекращается, в душе не сразу воцаряется мир — начинают бушевать внутренние силы. Куму вдруг поняла, что ей легче было сносить грубости Модхушудона, хотя они и причиняли ей боль. Теперь же, когда Модхушудон проявил смирение, она почувствовала невыносимую тяжесть. Покрывало оскорблённого достоинства больше не служило ей защитой. Теперь ей не о чём даже было просить бога.

Если бы Куму под каким-нибудь предлогом могла удержать Нистарини! Однако вслед за Нобином, подавленная, ушла и Нистарини. У дверей она обернулась и грустно посмотрела на Куму. Кто спасет теперь эту женщину от расположения супруга?

— Боро-боу, ты не собираешься спать? — спросил Модхушудон.

Куму медленно встала, пошла в комнату, где совершили омовения, и закрыла за собой дверь. Она хотела оттянуть время. У стены стоял стул. Куму опустилась на него. Полная смятения, она не знала, где ей укрыться от Модхушудона.

А Модхушудон нетерпеливо посматривал на часы, вычитывая, сколько нужно времени, чтобы раздеться. Взглянул в зеркало, — напомаженные волосы торчали дыбом. Он провел по ним несколько раз щеткой — все напрасно — и побрызгал лавандой одежду.

Прошло пятнадцать минут, время вполне достаточное, чтобы переодеться. Модхушудон осторожно подошел к двери и стал прислушиваться. В комнате было тихо, ни-

какого движения. Наверно, Куму делает прическу, украшает волосы. Модхушудон знал, что женщины любят прихорашиваться. Что ж, придется подождать.

Прошло полчаса. Модхушудон снова приложил ухо к двери, опять ни звука. Тогда он сел в кресло и принялся рассматривать портрет европейской красавицы, висевший в ногах кровати. Вдруг он вскочил, стремительно подошел к двери и окликнул:

— Боро-боу, ты еще не готова?

Немного погодя дверь тихо распахнулась. Появилась Кумудини в том же сари и коричневой саржевой кофточке с рукавами до локтя. На голове шерстяная шаль бежевого цвета с красной каймой. Кумудини была словно во сне: она стояла в нерешительности, держась рукой за дверь. Как хороша была она! Ее округлые руки украшали золотые браслеты в виде змей. Браслеты были старомодные, — вероятно, их носила еще ее мать. Эти тяжелые дорогие украшения не могли затмить прелести ее рук, ее величавой красоты. И опять Куму предстала в новом свете. Модхушудон поразился тому, с каким достоинством она держалась, и невольно подумал, что богатство, нажитое таким трудом, принесло ему самое ценное, что есть на свете, — красоту. Разбогатев, Модхушудон привык считать себя неизмеримо выше тех людей, с которыми ему приходилось встречаться. Сегодня же, глядя на эту молодую женщину, застывшую в дверях его комнаты, озаренную светом газовых рожков, он подумал: «Всех моих сокровищ не хватит, чтобы одарить ее. Вот будь я самым великим императором, я был бы достоин ее». Модхушудон вдруг понял, что Куму воспитана в духе родовой гордости. Этот дух царил в их доме еще задолго до рождения Куму. Не всякому дано преодолеть эту преграду и проникнуть в душу Куму, которой безраздельно владел Бипрадаш, тоже окруженный ореолом врожденной гордости.

Модхушудон почувствовал себя уязвленным. Ведь в Бипрадаше не было и тени высокомерия, просто он умел вну什ить к себе уважение. Невозможно было представить, чтобы даже самый близкий родственник подошел к нему, хлопнул по плечу и спросил: «Ну, как делишки?»

В присутствии Бипрадаша Модхушудон чувствовал себя приниженным и злился. Вот почему он и Куму не мог подчинить себе. В собственной семье он потерпел поражение! Но Модхушудон даже не гневался: Куму неудержимо влекла его к себе.

Видно, Куму еще не готова к встрече с ним! Их разделяла какая-то незримая стена. Как Куму красива! Она излучает сияние чистоты и величия, она — как утренняя заря над покрытой снегами горной вершиной.

Модхушудон шагнул к ней.

— Боро-боу, тебе не хочется спать? — тихо спросил он.

Куму удивилась. Она была уверена, что муж рассердится и станет ее ругать. Но слова Модхушудона напомнили ей детство: отец всегда ласково называл мать «боро-боу». Вспомнилось и то, как мать, не дождавшись отца, уехала из дома. Глаза Куму заволокло слезами, она опустилась к ногам Модхушудона и прошептала:

— Прости меня.

Модхушудон судорожно схватил ее за руку и усадил на стул.

— Но в чем ты провинилась?!

— Я не готова. Дай мне еще немного времени.

Это ожесточило Модхушудона:

— Зачем тебе время, объясни!

— Я не знаю, это трудно объяснить...

— Нисколько не трудно! — В голосе Модхушудона уже не было прежней мягкости. — Ты хочешь сказать, что я тебе не нравлюсь.

Куму пришла в замешательство. В словах Модхушудона была доля правды. Куму твердо решила принести дар от всего сердца. Но ее дар еще в пути, он скоро прибудет, если не встретится препятствий, надо только немного подождать. Пока же ей печего дарить.

— Подожди еще немного, — повторила Куму. — Я не хочу тебя обманывать.

Модхушудон начал терять терпение.

— Зачем ждать? — раздраженно воскликнул он. — Уж не хочешь ли ты посоветоваться с братом, прежде чем войти в спальню мужа?

Модхушудон не зря помянул имя Бипродаша. Он считал, что это из-за него Куму так строптива.

— Ведь твой дада для тебя гуру! — с насмешкой добавил Модхушудон.

Куму встала.

— Да, мой дада — мой гуру! — сказала она.

— Без его приказа ты и не разденешься, и спать не ляжешь! Что, не правда?

Сдерживая гнев, Кумудини сжала кулаки и стояла не двигаясь.

— Что ж, пошлем ему телеграмму, спросим разрешения. Ведь уже поздно!

Куму молча направилась к двери.

— Не смей уходить! — закричал Модхушудон.

Куму остановилась.

— Чего ты хочешь? — спокойно спросила она.

— Раздевайся сейчас же! — Он посмотрел на часы. — Даю тебе пять минут.

Куму скрылась в комнате для омовений, переоделась и поверх сари накинула чадор. Она ждала нового приказа. Оглядев ее, Модхушудон понял: Куму приготовилась к новому сражению, — и еще больше обозлился, но не мог придумать, что делать. Во всяком случае, он решил не давать волю своему гневу.

— Ну, что ты теперь собираешься делать? — спросил он довольно сдержанно.

— Что прикажешь.

Модхушудон в отчаянии опустился на стул. Эта молодая женщина, укутанная в чадор, стояла перед ним, как вдова. Казалось, ее отделяет от мужа безмолвное море смерти. Это море не одолеть, угрозы тут не помогут. Разве поплынет лодка, если налетит ветер? Ни за что не поплынет.

Модхушудон молчал. Слышалось только тиканье часов. Куму не уходила. Она стояла как изваяние, устремив взор на темную крышу. С улицы доносилось хриплое пение пьяного, а в соседнем дворе слышалось повизгивание щенка, привязанного на ночь.

Время, словно бездонная пропасть, глотало минуту за минутой. Что-то сломалось в хорошо наложенном механизме жизни Модхушудона. У него уйма дел завтра в

конторе. Состоится совещание директоров. Ему необходимо будет умело провести несколько важных решений, минуя многие препятствия. Но все эти дела сейчас казались ему пустяками. Раньше он непременно набросал был план действий в своей записной книжке. Но теперь единственной реальностью была эта молодая женщина.

Модхушудон тяжелым вздохом нарушил молчание. Потом резко поднялся со стула и подошел к Куму.

— Боро-боу, неужели твое сердце из камня?

Слова «боро-боу» звучали для Куму как заклинание. Они напоминали ей о матери и о том, что она дала зарок следовать ей во всем. Мать всегда живо откликалась на этот зов, и, видно, Куму это передалось по наследству. Поэтому она мгновенно обернулась.

— Я недостоин тебя, — с горечью проговорил Модхушудон, — но неужели у тебя нет жалости ко мне?

— Не надо, не говори так! — взволнованно остановила его Куму. — Я твоя рабыня. Приказывай мне. — Она опустилась на землю и коснулась ног Модхушудона.

Модхушудон поднял ее и прижал к груди.

— Нет. Я не стану приказывать. Когда захочешь — тогда и придешь.

Куму задыхалась в его объятьях, но не пыталась высвободиться.

— Нет. Я не стану тебе приказывать, — сдавленным голосом повторил Модхушудон. — Ты должна прийти ко мне сама. — И он отпустил Куму.

Бледное лицо Куму покрылось румянцем.

— Прикажи, и мне легче будет выполнить мой долг, — едва слышно произнесла она, опустив глаза. — Сама не могу.

— Ну, тогда сними чадор. Я не могу его видеть.

Куму смущенно стянула чадор. На ней оказалось полосатое сари с узенькой каймой. Темные полоски обволакивали стройную фигуру Кумудини, словно струи дождя; казалось, они текли вокруг нее нескончаемым потоком. А может быть, эти полоски — следы, оставленные взглядами чьих-то черных глаз, которые восхищенно смотрели на Куму и не могли оторваться. Модхушудон не в силах был отвести от нее взор и все же сразу заме-

тил, что это сари — нездешнее. Оно очень шло Куму, но было совсем дешевое, да к тому же еще из дома ее отца. В комнатке, прилегающей к той, где совершали омовение, стоял большой шкаф красного дерева с зеркальными дверцами, битком набитый дорогими сариями. Все они предназначались для Куму. Но она из гордости даже не поинтересовалась ими. Модхушудону вспомнилось, что Куму с полнейшим равнодушием отказалась от трех его драгоценных колец, а золотое колечко с сапфиром бережно хранила. Вот как любила она своего брата, не то что Модхушудона.

Эти мысли вихрем закружились в голове Модхушудона, едва Куму спяла чадор. Но как она была красива, как удивительно красива! Даже гордое презрение украшало ее. Такой женщине нипочем любое богатство! Ее не подкупишь никакими сокровищами. Как же Модхушудону завоевать ее сердце?

— Иди спать, — вымолвил Модхушудон.

Куму молча смотрела на него, будто спрашивая: «А ты не ляжешь раньше меня?»

— Ложись, уже поздно, — строго повторил Модхушудон.

Когда Куму легла, Модхушудон сел на диван.

— Я буду здесь всю ночь. Если позовешь — приду. Я согласен ждать годы.

Дрожь пробежала по телу Куму. Почему судьба обрекла ее на такие испытания? У чьих дверей биться теперь головой о землю? Бог не внемлет ей. Путь, по которому она пришла сюда, оказался ложным. Сидя на постели, Куму мысленно взывала: «О мой бог, ты не мог меня обмануть, я верю тебе. Ведь это ты велел Дхруве идти в лес, ты обещал явиться ему там!»

В комнате стояла тишина. Пьяный на улице умолк. Лишь изредка повизгивала привязанная собачонка.

Время тянулось медленно, будто застыло на месте. Ночь, казалось, никогда не кончится. Муж и жена сидели друг против друга, их разделяло безмолвие.

Наконец Куму собрала все свои силы, встала с постели и подошла к Модхушудону:

— Не вини меня.

— Скажи, чего ты хочешь? Что я должен делать? — глухо проговорил Модхушудон, с трудом произнося каждое слово.

— Ложись спать, — проговорила Куму.

Но разве можно было это назвать победой?

На следующее утро, когда Нистарини принесла молоко, ее поразили красные, вспухшие глаза Куму и ее серое, осунувшееся лицо. Не застав Куму на крыше, где она обычно молилась по утрам, обратившись лицом на восток, Нистарини поднялась по лестнице на крутую площадку. Куму сидела там, с грустным видом прислонившись к стени. Она, видимо, обиделась на своего бога. Выражение лица у нее было такое, какое бывает у ребенка, несправедливо наказанного отцом: удары сыплются на него, бедняжка ничего не может понять, но протестовать не смеет. Неужели голос, который она приняла за голос бога, позвал ее для того, чтобы ввергнуть в грех, чтобы сделать ее плохой женой? Неужели бог захотел сделать своей жертвой ту, которая ему безгранично верила? Неужели он примет в жертву ее тело, лишенное души? В душе Куму не было больше благоговения. Раньше Куму говорила своему богу: «Терпи меня». Теперь же она воропшила: «Как я буду терпеть тебя?» Как буду я смотреть тебе в глаза, принося дары? Ты отверг ту, которая почитала тебя, молилась тебе, продал ее на ярмарке рабынь. Там женщинами торгуют, как скотом, там никому не нужны цветы, приносимые в дар от чистого сердца, их швыряют на корм козам».

Нистарини поставила перед Куму молоко, но Куму сказала:

— Не надо.

— Почему? Чем виновато мое молоко?

— Я еще не совершила омовения, не молилась.

— Так ступай, я подожду.

Когда Куму вернулась, Нистарини подумала, что она снова пойдет на крышу. Куму по привычке повернула

было туда, но не пошла, а села на прежнее место. Она не была готова к молитве.

— От брата нет письма? — спросила Куму.

Утром Нистарини ходила в кабинет Модхушудона, но ящик стола оказался запертым. Отныне похищать у похитителя было уже невозможно.

— Не знаю. Попробую разузнать, — ответила Нистарини.

Их разговор прервала Шема.

— Что ты так похудела? Уж не больна ли? — приставала она к Куму.

— Нет, я здорова.

— Все о доме печалишься. Что ж, обычное дело, — тараторила Шема. — Твой дада приезжает, скоро увишишь его.

Куму вздрогнула и впилась глазами в лицо Шемы.

— Откуда ты все это знаешь, милая? — полюбопытствовала Нистарини.

— Да это все знают. На кухне Парвати рассказывала, что к радже-бахадуру приходил управляющий, чтобы узнать, как тут живется старшей невестке, он и сказал, что ее дада сегодня приезжает в Калькутту лечиться.

— Разве ему хуже? — встревожилась Куму.

— Не знаю. Но должно быть, нет, а то стало бы известно.

Шема поняла, что Модхушудон ничего не сказал жене о приезде ее брата. Он не может завоевать ее расположения и не хочет лишний раз напоминать ей о доме. И Шема решила подлить масла в огонь.

— Твой дада — необыкновенный человек! Это все говорят! — воскликнула она. Потом повернулась к Нистарини: — Идем, дорогая, выдай продукты. Беда будет, если запоздаем с едой.

Нистарини снова пододвинула к Куму молоко и ласково сказала:

— Диди, остынет, выпей, родная.

Куму послушалась.

— Пойдешь со мной выдавать продукты? — тихонько спросила Нистарини.

— Сегодня нет. Пришли ко мне Гопала, если можно,

Куму чувствовала себя совсем разбитой. У нее было такое чувство, будто ее проглотил голодный, жестокий демон, вроде Раху, чья любовь подобна алчности. Любовь в зрелом возрасте должна быть спокойна, нежна, светла и сдержанна. А Куму соприкоснулась с человеком сластолюбивым, необузданым, неспособным справиться со своими страстями. Это внушало ей отвращение. Она страдала не оттого, что муж был ее старше, а оттого, что он забыл, что в его возрасте нельзя терять чувства собственного достоинства. Полное самоотречение — дар, который готовятся принести от всей души. Оно похоже на созревающий плод, которому необходимы воздух и солнце. Если же зеленый плод давить и жать, он никогда не нальется соком.

Модхушудон не дал созреть чувствам Куму, потому и причинил ей боль, оскорбил ее. Куму надо было забыться, и она попросила Нистарини прислать к ней сынишку. Может быть, безгрешный ребенок поможет ей избавиться от терзавших ее мыслей? После отравленного, зловонного воздуха Куму мечтала о благоухании сада.

Пришел Хаблу и робко остановился в дверях. Он был одет в тонкую ситцевую курточку на вате. Глаза у него большие, как у матери, похожие на темную тучу, готовую пролиться дождем; пухлые щечки и коротко остриженные волосы.

Куму прижала к груди засмутившегося Хаблу.

— Скверный мальчик, почему ты так долго не приходил ко мне!

Хаблу обвил ручонками ее шею и тихонько сказал на ухо:

— Угадай, что я тебе принес?

— Ты принес мне сокровище, Гопал, — ответила Куму, поцеловав его в щеку.

— У меня в кармане лежит.

— Ну так достань.

— Ни за что не узнаешь!

— Где уж мне, я не знаю даже того, что вижу, а того, что не видно, мне и подавно не узнать.

Хаблу осторожно вынул из кармана что-то, завернутое в коричневую бумагу, положил Куму на колени и рванулся прочь.

- Нет, я тебя не отпущу, — удержала его Куму.
Хаблу прижал сверток рукой и испуганно попросил:
— Не смотри сейчас.
— Не бойся, я разверну, когда ты уйдешь.
— А скажи, видела ты когда-нибудь бабушку Джатай?
— Не знаю, может, и видела, да не узнала ее.
— Каждый вечер она прилетает верхом на летучей мыши к нам в сарай, где хранят уголь.
— Верхом на летучей мыши?
— Захочет, станет маленькой, такой, что ее совсем не видно.
— Надо будет научиться у нее волшебным заклинаниям.

— Зачем?

— А вдруг я захочу бежать отсюда, пойду в сарай, а меня увидят?

Хаблу не понял и продолжал выкладывать все, что знал:

— У нее в сарае хранится коробочка с киноварью. Знаешь, где она достала киноварь?
— Кажется, знаю.
— Ну, скажи.
— У облаков на утренней зорьке.

Хаблу разинул рот. А ему говорили, что Джатай достает киноварь за морем, в городе Дайтъяпури. Он был озадачен. Однако слова тети, по его мнению, заслуживали доверия. Поэтому он не стал спорить и рассказал еще одну тайну:

— Если девушка разыщет эту коробочку и помажет киноварью свой лоб, она станет женой раджи.

— О ужас, неужели какая-нибудь несчастная знает об этом?

— Кхуди, моя двоюродная сестра, знает. Когда Чхонну ходит по утрам за углем, Кхуди каждый раз идет вместе с ним, она ни капельки не боится.

— Она маленькая, поэтому и не боится стать женой раджи.

Налетел холодный ветер, и Куму увела Хаблу к себе в комнату. Она села на диван и усадила его на колени.

Рядом стоял маленький столик, там на серебряном блюде лежали зимние цветы — ноготки, жасмин, китайские розы. Их каждый день приносил садовник. Они увядали в ожидании, когда Куму возьмет их, пойдет на крышу и привнесет в дар богу. Сейчас она взяла цветы, так и не доставшиеся богу, и пододвинула их к Хаблу.

— Хочешь? — спросила она.

— Хочу.

— А что ты будешь с ними делать?

— Буду играть в жертвоприношение.

Куму достала шелковый платок, сложила в него цветы и протянула Хаблу.

— Возьми, — сказала она и поцеловала мальчика. «Вот и я поиграла в жертвоприношение», — подумала она. А вслух спросила: — Гопал, какой цветочек тебе нравится больше всего?

— Китайская роза.

— А я знаю почему.

— Скажи!

— Потому что китайская роза украла киноварь у башушки Джатай.

Хаблу сидел, задумавшись. Вдруг он объявил:

— Тетя, а у китайской розы точно такой цвет, как у каймы на твоем сари. — В эти слова он вложил всю свою любовь к Куму.

Неожиданно появился Модхушудон. Они не слышали, как он вошел. В это время он никогда не бывал на женской половине, а сидел у себя в кабинете и решал разные мелкие вопросы, скопившиеся за день. К нему стучались просители, приходили агенты, являлся секретарь с разными новостями и бумагами. Не главных дел было столько же, сколько и главных.

Модхушудон чувствовал себя как пищий, у которого в суме осталась одна шелуха от риса. Неудовлетворенность обладает страшной силой. Сопротивление лишь усиливает упорство.

При виде Модхушудона у Хаблу вытянулось лицо, сердце громко застучало. Он приготовился улизнуть, но Куму не пустила его.

Модхушудон это заметил.

— Чего тебе здесь надо? — сердито спросил он у мальши. — Почему бездельничаешь?

Хаблу не осмелился объяснить, что учитель еще не пришел. Он виновато опустил голову и тихонько пошел прочь.

Куму не хотелось отпускать его.

— Почему же ты не взял своих цветов? — окликнула она мальчика.

Хаблу продолжал стоять, испуганно глядя на Модхушудона.

Резким движением Модхушудон вырвал из рук Куму узелок с цветами:

— Чей это платок?

Куму вспыхнула:

— Мой!

Платок действительно принадлежал Куму: она привезла его из дома и даже шелковую кайму сама пришила.

Модхушудон вытряхнул цветы на пол и сунул платок в карман.

— Я возьму его себе. На что он ребенку? — сказал он и обратился к Хаблу: — Ступай отсюда!

Куму была потрясена грубостью Модхушудона. У Хаблу было такое обиженное лицо, когда он уходил, но Куму не произнесла ни слова.

— Я вижу, ты открыла благотворительный приют, — заговорил Модхушудон, заметив, как изменилась Куму в лице. — А мне так ничего и не достанется? Теперь этот платок мой. Буду воображать, что ты мне его подарила.

Модхушудон по собственной вине не мог получить то, к чему так стремился.

Куму сидела на краешке дивана, опустив глаза. Красная полоса сари обрамляла ее лицо, из-под сари выбивались мокрые волосы. Точеную нежную шею обвивало золотое ожерелье. Это ожерелье принадлежало ее матери, и Куму никогда с ним не расставалась. На Куму не было кофточки, одна нижняя рубашка, руки были обнажены.

Казалось, в этих прекрасных руках, сложенных на коленях, таится вся красота Куму.

Модхушудон исподтишка наблюдал за женой и не мог отвести глаз от ее рук с массивными золотыми браслетами. Он сел рядом с ней и взял ее за руку. Он почувствовал сопротивление, хотя Куму руки не отняла. Модхушудон заметил, что она держит какой-то бумажный пакетик.

— Что это? — заинтересовался Модхушудон.

— Не знаю.

— Что значит «не знаю»?

— Это значит, что я не знаю.

Модхушудон не мог поверить.

— Дай мне. Я посмотрю.

— Не могу. Это секрет.

Гнев, будто стрела, пронзил Модхушудоча.

— Что за дерзость! — крикнул он и вырвал пакетик из рук Куму. Развернул и увидел конфеты. Мать кормила Хаблу незатейливой едой, и эти дешевые конфеты были для него лакомством. Вот почему он сберег их для своей любимой тети.

Модхушудон удивился. Ну и дела! Он решил, что Куму привезла эти конфеты из дома тайком и стыдилась в этом признаться. Он усмехнулся про себя: видно, Куму не скоро привыкнет к богатству. Мгновенно в голове у него созрел план, и он быстро вышел из комнаты.

После его ухода Куму достала из комода коробочку из сандалового дерева и положила в нее пакетик с конфетами, потом села за письмо к брату.

Не успела она написать и нескольких строк, как снова появился Модхушудон. Куму поспешило прикрыть письмо. Она вся напряглась. Модхушудон принес вазу для фруктов, инкрустированную золотом, серебром и эмалью, покрытую надутенным шелковым платком, разрисованным цветами. Сияя, Модхушудон поставил вазу на стол перед Куму.

— Взгляни, что здесь! — торжественно произнес он.

Куму приподняла платок и увидела, что драгоценная ваза доверху наполнена конфетами. Будь Куму одна, она не сдержала бы смеха. Но сейчас она сидела с самым серьезным видом и как в рот воды набрала. Уж лучше бы она рассмеялась!

— Зачем есть конфеты тайком? — спросил Модхушудон. — Тут нечего стыдиться. Я готов приносить их тебе каждый день. Только скажи сколько. Отчего ты мне раньше об этом не говорила?

— Ты все равно не сможешь исполнить моего желания, — ответила Куму.

— Не смогу? Ты меня удивляешь!

— Да, не сможешь!

— Уж будто конфеты очень дороги!

— За деньги таких не купишь.

В душу Модхушудона закралось подозрение:

— Наверно, тебе прислал их твой дада?

Куму предпочла не отвечать, отодвинула вазу и встала, собираясь уйти. Модхушудон схватил ее за руку и силой усадил. Прежде чем он успел что-нибудь сказать, Куму проговорила:

— К тебе приходил управляющий от брата?

Модхушудон был неприятно поражен! Откуда Куму знает?

— Я и пришел к тебе пораньше, чтобы сообщить об этом, — соврал он.

— Когда приезжает брат?

— Через неделю.

Модхушудон прекрасно знал, что Бипродаш приедет завтра, но хотел скрыть это от Куму.

— Ему стало хуже?

— Да нет, ничего такого я не слышал. — Модхушудон и тут солгал, ему было известно, что Бипродаш болен и приезжает в Калькутту лечиться.

— Мне нет письма?

— Еще не смотрел: если есть, пришлю.

Куму пока верила Модхушудону, поэтому и приняла его слова за правду.

— Так ты посмотришь, пришло ли письмо?

— Если пришло, я принесу после обеда.

Справившись со своим нетерпением, Куму промолчала. Только было Модхушудон потянулся к ее руке, как дверь распахнулась, и в комнате появилась Шема.

— О ма! Это ты! — воскликнула она и уже хотела уйти, но ее настиг вопрос Модхушудона:

— Что тебе?

— Я пришла позвать твою жену в кладовку. Ведь она хозяйка в доме, наша Лакшми. Ну, да уж потом.

Модхушудон поднялся с дивана и молча вышел.

Поев, Модхушудон пошел в спальню, сел на постель, откинулся на подушки и сунул в рот бетель. Он велел позвать жену. Куму поспешила к нему, так как надеялась получить письмо от брата. Она вошла в спальню и остановилась перед Модхушудоном.

Указав мундштуком трубки на постель, Модхушудон сказал:

— Садись.

Куму села. Он протянул ей письмо. Там было всего несколько строк: «О, дыхание моей жизни, да пребудут с тобой тысячи благословений», — писал брат по-санскритски и потом наベンгали: — Скоро я приеду в Калькутту лечиться. Когда поправлюсь, навещу тебя. В свободное от хлопот время хоть изредка пиши о себе, тогда я не буду беспокоиться».

Вначале Куму огорчилась оттого, что письмо было таким коротким. «Мы стали чужими», — подумала она. Но тут же, не давая разрастись обиде, сказала себе: «Ну и глупая же я! Наверно, брату нездоровится. Вечно я думаю только о себе».

Видя, что Куму собирается уйти, Модхушудон остановил ее.

— Куда ты? Посиди немного. — Куму осталась, но Модхушудон, как всегда, не знал, о чем с ней говорить. Вдруг он вспомнил о том, что мучило его с самого утра:

— Что это у тебя за тайна с этими конфетами? Тут нечего стыдиться.

— Это мой секрет.

— Секрет! Даже мне нельзя знать?

— Нельзя.

— Это все твои нурногорские привычки, от братца перешли! — раздраженно сказал Модхушудон.

Куму промолчала. Модхушудон приподнялся с подушек.

— Не будь я Модхушудон, если не отучу тебя от этих замашек.

— Чего ты хочешь?

- Отвечай, кто дал тебе пакетик с конфетами?
- Хаблу.
- Хаблу? Почему же ты скрыла это от меня?
- Этого я не могу объяснить.
- Кто велел ему передать тебе эти конфеты?
- Никто.
- Что это значит?
- Ничего. Больше мне нечего сказать.
- Зачем тогда играть в прятки?
- Ты не поймешь.

Модхушудон схватил Куму за руку и тряхнул ее.

- Твоя заносчивость невыносима!

Лицо Куму покрылось пятнами, но она спокойно ответила:

- Я готова выполнить все твои приказания, но помни, я не привыкла к такому обращению.

На лбу у Модхушудона вздулись вены. Он не знал, что сказать, ему хотелось ударить дерзкую.

Вдруг за дверью раздалось покашливание, и чей-то голос произнес:

- Пришел сахиб из конторы, ждет вас.

Модхушудон вспомнил, что сегодня у него совещание директоров, и устыдился: он даже не успел подготовиться, а утро уже потеряно. Такая разболтанность была несвойственна его характеру, и он сам изумился.

40

Едва Модхушудон ушел, Куму встала с постели и села на пол. Неужели ей всю жизнь придется плавать по морю, так и не достигнув берега? Прав был Модхушудон, говоря о ее нурногорских замашках — и характером, и поведением Куму отличалась от тех, кто жил в этом доме. Это было тяжело и ей самой, и окружающим. Что ей делать?

Вдруг Куму что-то вспомнила и поспешно пошла вниз, к Нистарини. Навстречу ей по лестнице поднималась Шемашундори.

- Ты куда? — спросила Шема. — А я к тебе.
- Что-нибудь случилось?

— Да нет, ничего особенного. Я сейчас встретила твоего мужа, он чем-то рассержен, вот и хотела спросить, какое еще препятствие выросло на пути вашей любви. Ты помни: мы можем научить тебя, как с ним ладить. Небось идешь к своей невестушке? Иди, иди, облегчи душу.

Неожиданно Куму поняла, что Шемашундори и Модхушудон вылеплены из одной и той же глины. Неизвестно, почему ей пришла в голову эта мысль. Характерами они не похожи друг на друга, наружностью и манерами тоже, но было что-то общее в их поведении, как будто оба они дышали одним воздухом. Шемашундори старалась подружиться с Куму, но только все больше отталкивала ее, внушала ей неприязнь.

Когда Куму вошла к Нистарини, то увидела, что Нобин пытается отнять что-то у Нистарини. Куму хотела уйти, однако Нобин обратился к ней:

— Погоди. Я как раз собирался к тебе. Хотел пожаловаться.

— А что случилось?

— Присядь. Я расскажу.

Куму села на тахту.

— Меня притесняют! — продолжал Нобин. — Эта женщина прячет от меня книги.

— За что же такое тяжкое наказание?

— Да ни за что, просто она завидует, потому что сама не умеет читать по-английски. Я сторонник женского образования, а она против образованных мужчин. Чем больше я развиваю свой ум, тем резче становится между нами разница, вот она и сердится. Сколько раз я ей толковал, что сама Сита всегда шла позади Рамы. Я ей говорил: «Я намного опередил тебя по уму и развитию, не мешай мне».

— О твоем образовании пусть судит Сарасвати, а уж умом лучше бы не хвастался, — проворчала Нистарини.

Нобин так забавно изображал, как он несчастен, что Куму рассмеялась. Первый раз она так весело смеялась в этом доме.

Нобина это обрадовало. «Теперь я знаю, что мне делать, буду почтить ее смешить», — решил он.

— Зачем же ты прячешь его книги, сестрица? — все еще смеясь, спросила Куму.

— Вот послушай, диди. Может, он думает, что у нас в спальне сидит его школьный учитель? Вечером я захожу в спальню и вижу: горит лампа и еще один светильник зажжен, а наш великий ученый сидит и читает. Еда стынет, зову его, зову, а он даже не отвечает.

— Это правда? — повернулась Куму к Нобину.

— Не стану уверять, будто я такой праведник, что не люблю поесть. Но еще больше я люблю слушать, как она нежно зовет меня. Поэтому нарочно долго не иду, а книга — это только предлог.

— Ну разве его переговоришь? — прервала мужа Нистарини.

— А ее тем более не переговоришь, потому что она не желает со мной разговаривать.

— Разве так бывает? — полюбопытствовала Куму.

— Я могу привести два совсем свежих примера. Они вписаны в мою память сверкающими буквами из слез.

— Ладно, ладно, нечего приводить примеры. Отвечай лучше, где мои ключи. Знаешь, диди, он спрятал мои ключи.

— Не мог же я подать в суд на свою же родню? Я решил наказать воришку — отобрать у него ключи. Я отдаю их, но прежде пусть она возвратит мне книгу.

— Тебе не дам, дам диди.

Нистарини подошла к корзине, стоявшей в углу комнаты, и со дна ее, из-под шерстяных и шелковых лоскутков, из-под рваных носков извлекла второй том малой Британской энциклопедии и положила Куму на колени.

— Унеси к себе, — наказала она, — не давай ей. Уж на тебя-то он не посмеет сердиться.

Нобин достал с самого верха москитной сетки ключи и вручил Куму.

— Никому не давай! — произнес он. — Пусть попробует на тебя рассердиться.

Куму полистала книгу.

— Ему нравятся такие книжки? — спросила она.

— Нет такой книжки, которая бы ему не нравилась. Как-то он притащил книгу о том, как ухаживать за коровами, и усердно ее изучал.

— Что же в этом плохого? Вот если бы я читал книгу по уходу за самим собой, тогда другое дело.

— Диди, я вижу, ты пришла мне что-то сказать, — переменила тему разговора Нистарини. — Если хочешь, я сейчас же выставлю этого болтуна.

— Нет, зачем же, — возразила Куму. И после паузы сообщила: — На днях приедет мой дада.

— Да, он завтра приезжает, — сказал Нобин.

— Завтра? — изумилась Куму. Она помолчала, не в силах говорить, потом перевела дух и спросила: — Как мне увидеться с ним?

— А ты ничего не говорила мужу? — спросила, в свою очередь, Нистарини.

Куму покачала головой.

— И не скажешь? — поинтересовался Нобин.

Куму молчала. С Модхушудоном ей трудно было говорить о брате. Модхушудон только и ждет случая, чтобы его оскорбить, и она не хотела лишний раз напоминать мужу о брате.

Нобин расстроился, увидев, как погрустнела Куму.

— Не беспокойся, мы все уладим, тебе не надо будет ни о чем просить, — поспешил он ее утешить.

Нобин с детства боялся своего старшего брата. Но сегодня, как только появилась Куму, страх его бесследно исчез.

Когда Куму ушла, Нистарини спросила:

— Что ты будешь делать? В ту ночь, когда он привел нас к своей жене и унижался перед ней, я почуяла не-доброе. С тех пор он отворачивается от тебя, едва за-видит.

— Дада понял, что свалял дурака. Сгоряча он выдал большой задаток, опустошил кошелек, а взамен ничего не получил. Нас он видеть не может, потому что мы — свидетели его глупости.

— Ну и пусть. Плохо только, что он злится все больше и больше на Бипрадаша-бабу, совсем с ума спятил. И чего злится?

— А это у него признак уважения к человеку. Такие, как он, стараются уколоть того, кого считают выше себя. Я слышал, что злой демон Равана глубоко почитал Раму, поэтому и сражался с ним всеми своими двадцатью руками. Не легко ей будет увидеться с братом. Вот посмотришь.

- Что предсказывать, надо найти какой-нибудь выход.
- А я уже нашел.
- Какой?
- Не скажу.
- Почему?
- Стыдно.
- Перед мной?
- Да, перед тобой.
- Отчего же это?
- Надо будет обмануть брата. Но ты не должна об этом знать.
- Ради того, кто мне дорог, я и на обман пойду.
- Уж не на мне ли ты учились искусству обмана?
- Разве найдешь более подходящего человека, чем ты?
- О госпожа, я выдам тебе письменное разрешение, обманывай сколько хочешь.
- С чего это вдруг?
- Сказать? Творец научил вас разным способам обмана и дал вам много меду. А сладкий обман называют иллюзией.
- Лучше бы ее совсем не было.
- Что ты! Как можно! Если исчезнет иллюзия, что останется в этом мире? Соскреби краску со статуи бога — увидишь солому да глину! О богиня, вводи неразумного в заблуждение, обманывай его, опьяняй его ум, застирай ему глаза пеленой! Делай все, что хочешь!
- Дальше пошли такие речи, которые совсем не относятся к делу, а к нашей истории и подавно.

Модхушудон впервые потерпел поражение на директорском совещании. Обычно его предложения находили поддержку. Он был уверен в себе, и эта уверенность передавалась его компаньонам. Поэтому он часто действовал по собственному усмотрению. На этот раз он решил купить старую индиговую фабрику вместе с прилегающим к ней большим участком. С этой фабрикой они имели

торговые дела. Он уже внес крупную сумму в качестве задатка. Все было подготовлено. Оставалось лишь поставить печати на документах, зарегистрировать их и уплатить оставшиеся деньги. Уже наняли людей на работу. И вдруг — осечка. Незадолго перед тем в кантоне освободился пост казначея. Один из компаний прочил туда своего зятя, но Модхушудон отказал ему, так как зять совершенно не подходил для этой должности. Теперь семена недовольства пустили ростки. Для них нашлась благоприятная почва: владелец индиговой фабрики приходился Модхушудону дальним родственником со стороны тетки. Этот родственник подослал к Модхушудону тетушку, которая всячески уговаривала его купить поместье. Модхушудон произвел расчеты и обнаружил, что поместье удастся приобрести с большой выгодой, а заодно можно будет выступить перед родственниками в роли благодетеля. Компаньон, зять которого был сочтен недостойным поста казначея, приложил много усилий, чтобы найти свидетельства приверженности Модхушудона к своим родственникам. Он представил доказательства кому следует. Кроме того, этот человек пустил слух, что Модхушудон от имени компании единолично совершает сделки и даже получает комиссионные. Обычно никто не требует доказательств в подтверждение такого рода слухов, потому что люди большей частью корыстолюбивы и это корыстолюбие — для них самый верный свидетель. Были и еще причины, которые помогли восстановить всех против Модхушудона: богатства его все росли и росли, но он пользовался репутацией необыкновенно честного человека. Мысль о том, что даже такой человек, как Модхушудон, может пойти ко дну, доставляла корыстолюбцам величайшее удовлетворение. Все они воображали, что могут плавать в глубоких водах, да жаль, негде было показать свое уменье.

Модхушудон обещал владельцу купить поместье. А он был не из тех, кто нарушает свое слово, опасаясь убытков. Поэтому он решил купить поместье для себя и доказать компаниям, как они прогадали.

Модхушудон пришел домой поздно. До сих пор он слепо верил в свою счастливую судьбу, но сегодня в душу

ему закралось подозрение: уж не свернула ли колесница его жизни на другой путь? Эта мысль потрясла его.

Он прошел в кабинет, сел в кресло и закурил хукку. Его сумрачные думы вились такими же причудливыми кольцами, что и клубы дыма.

Вошел Нобин и сообщил, что от Бипродаша пришел посыльный.

— Отосли его прочь, мне некогда, — раздраженно бросил Модхушудон.

По мрачному виду брата Нобин заключил, что на собрании его постигла неудача, и поэтому он сейчас в дурном настроении. Потерпевший поражение не бывает великолепным, оскорбленное самолюбие ожесточает человека. Нобин не сомневался, что брат постарается выместить злобу на собственной жене. Этому надо во что бы то ни стало помешать!

Если до сих пор Нобин колебался, то теперь он решил действовать. Он вышел из комнаты, походил немного и снова вернулся. Модхушудон перелистывал адресную книгу. Едва Нобин вошел, как он поднял голову и грубо спросил:

— Что тебе нужно? Пришел замолвить словечко за своего Бипродаша-бабу?

— Нет, дада. Его посыльного так обругали, что он и носа сюда не сунет, даже если ты сам его позовешь.

Эти слова не понравились Модхушудону.

— Стоит мне мизинцем шевельнуть, сразу прибежит. Зачем он приходил?

— Сообщить, что Бипродаш-бабу прибудет на два дня позже. Сейчас ему очень плохо.

— Ну и отлично, мне не к спеху.

— Дада, отпусти меня завтра утром на два часа.

— Зачем?

— Ты рассердишься, если узнаешь.

— Рассержусь еще больше, если не узнаю.

— Из Кумбхоконама приехал астролог, я хочу сходить к нему, пусть предскажет, что ждет меня.

У Модхушудона застучало сердце, он готов был сию минуту бежать к астрологу. Но спросил недовольным тоном:

— Ты веришь в такие вещи?

— Вообще-то нет, а вот когда боюсь чего-нибудь, верю.

— Чего это ты боишься?

Нобин ничего не ответил, только покачал головой.

Модхушудон повторил свой вопрос.

— Да я никого не боюсь, кроме тебя. С некоторых пор я стал замечать, что тебя что-то гнетет, вот я и беспокоюсь.

Модхушудону очень правилось, что все в доме его боялись больше, чем тигра. Он воззрился на Нобина, с важным видом затянулся хуккой, упиваясь собственным величием.

— Я хочу знать, что со мной будет, — снова заговорил Нобин. — До каких пор судьба будет благосклонна ко мне.

— Ты же безбожник, ни во что не веришь, и вдруг...

— Если бы я верил в богов, я не верил бы звездам. Можно не верить докторам — но обращаться за помощью к знахарю.

Модхушудону не терпелось узнать, что сулят ему звезды, поэтому он накинулся на Нобина:

— Хоть ты и учился, а глупее обезьяны. Чему тебя учили? Веришь всему, что тебе наплетут!

— У этого астролога есть Бхригу-самхита, там указано, когда кто родился или родится, для всех составлены гороскопы, они написаны на санскрите. А уж больше ничего и не требуется для верного предсказания, надо только взглянуть на руку и сопоставить линии.

— Для тех, кто набивает себе живот, одурачивая других, творец создал достаточно дураков, вроде тебя.

— Творец создал и таких умных людей, как ты, чтобы спасать дураков. Творец одинаково любит тех, кто бьет, и тех, кого бьют. А ты попробуй испытать свой острый ум на этой самой Бхригу-самхите.

— Ну, ладно, завтра утром пойду с тобой, посмотрю, насколько хитер этот астролог из Кумбхоконама.

— Твое неверие, дада, может помешать при составлении гороскопа. Так уж повелось: если человеку верят, он старается оправдать доверие. И с астрологами то же. Вон, посмотри, англичане не верят, что планеты влияют на жизнь человека, и планеты не имеют над ними власти.

Помнишь, как-то был неблагоприятный день, а сахиб из вашей конторы выиграл на скачках. А если бы мне случилось выиграть, все равно бы плохо кончилось, наверно, лошадь встала бы на дыбы и лягнула меня в живот! Дада, не пытайся постигнуть астрологические вычисления умом, тут нужна вера.

Модхушудон остался доволен разговором, он распыхлся в улыбке и затянулся хуккой.

На следующее утро в семь часов Модхушудон вместе с Нобином узкими переулками по кучам отбросов прошли в дом к Бенкото Шастри. Комната, где жил астролог, была темная, с затхлым воздухом. Стены, изъеденные сыростью, напоминали кожу больного экземой. Тахта была накрыта грязным, рваным покрывалом. В углу в беспорядке валялось несколько старинных книг. На стене висела картинка с изображением Шивы и Парвати.

— Шастри-джи! — громко позвал Нобин.

В комнате появился низенький, болезненного вида человек, очень смуглый, с длинным пучком волос на бритой голове, в грязной ситцевой куртке на вате.

Нобин почтительно его приветствовал.

Облик прорицателя не внушал Модхушудону уважения. Но, вспомнив, что этот человек общается с богами, Модхушудон вдруг испытал страх и поспешно изобразил что-то вроде поклона. Нобин протянул астрологу гороскоп Модхушудона, но Шастри даже не взглянул на него, а изъявил желание посмотреть руку Модхушудона. Вынув из деревянного ящичка бумагу и перо, он начертил на бумаге круг и, взглянув в лицо Модхушудону, произнес:

— Третий пяток.

Модхушудон ничего не понял. Человечек посчитал суставы у него на пальцах и пробормотал:

— Вторая буква.

И тут для Модхушудона ничего не прояснилось.

— А, б, в, г, д, е, ж, з, и, к, л, м, — забубнил старик. Модхушудон терпеливо ждал.

— Пятью два десять, — изрек ясновидец.

Модхушудон уразумел только, что астролог начинает свои предсказания с самой первой буквы алфавита.

— Десять букв, — заключил прорицатель.

Нобин встрепенулся и шепнул брату на ухо:

— Я понял, дада!

— Что понял?

— В третьем пятке вторая буква «м» — начальная буква твоего имени. Пятью два — десять, в твоем имени десять букв. М-о-д-х-у-ш-у-д-о-и! Благодаря непостижимой благосклонности планет эти цифры соединились в твоем имени!

Модхушудон был поражен. Оказывается, за тысячи лет до того, как отец и мать нарекли его Модхушудоном, его имя уже было записано в Бхригу-самхите. Удивительна власть планет! Потом, совсем сбитый с толку, он прослушал свое краткое жизнеописание, изложенное на санскрите. Он не так уж хорошо знал санскрит и мало что понял, но это лишь увеличило его уважение к астрологу. Оказывается, все, что случилось и должно случиться с ним, давным-давно было записано в изречениях пророков. Он даже провел рукой по груди, и ему показалось, будто все его тело, подобно древнему писанию лесного отшельника, усеяно санскритскими знаками.

А мудрец продолжал предсказывать. В дом к Модхушудону пришло несметное богатство, так как в его доме должна была появиться богиня Лакшми. Недавно Модхушудон привел в дом молодую жену. Надо отнестись к ней внимательно. Если она будет печалиться, судьба отвернется от Модхушудона.

Бенкото Шастри предостерег: есть признаки, что судьба уже гневается. Если не принять мер, будет беда. Модхушудон окаменел от страха. Он вспомнил, как в самый день свадьбы ему сообщили об огромной прибыли. А теперь вот он потерпел поражение. Сама Лакшми пришла в его дом! Но это чревато опасностями.

На обратном пути Модхушудон сидел в машине, не произнося ни слова.

Нобин решил нарушить молчание:

— Я не верю тому, что сказал этот Бенкото Шастри. Наверняка выведал все про тебя.

— Какой ты умный! Будто так просто добывать сведения о каждом?

— Да уж, конечно, проще, чем составлять гороскопы для миллионов людей. Где мудрый Бхригу достал бы

столько бумаги и где Бенкото Шастри хранил бы все эти гороскопы?

— Такие люди умеют вмещать тысячу слов в один знак.

— Невероятно!

— Чего ты не в силах понять, то тебе кажется невероятным. Чересчур ученым сделался. Хватит спорить! Отправляйся, позови того человека, что приходил от брата моей жены. Сегодня же, не откладывай.

Нобину было очень не по себе оттого, что он обманул Модхушудона. Ловушка была так проста, а брат так смешно в нее попался, что Нобину стало и стыдно и неприятно: он проявил неуважение к страшему брату. Но бину не раз случалось обманывать брата по пустякам, и он не считал это зазорным. Но сейчас он испытывал сильные угрызения совести.

42

С плеч Модхушудона свалилось бремя ложной гордости, которое давило на него тяжелым камнем и не давало вырваться на волю все растущему чувству к жене. И то, что он был очарован Куму, вызывало в нем внутренний протест. Чем больше Модхушудона влекло к Куму, тем сильнее он сердился на нее, сам не понимая почему. Но когда звезды раскрыли ему, что в дом вошла Лакшми, что ее надо ублаготворять, — все сомнения исчезли, его охватило блаженство. «Лакшми! В моем доме Лакшми! Драгоценный дар судьбы!» — твердил про себя Модхушудон. Ему хотелось сразу же сломать все преграды, отделявшие его от жены, пойти к ней, превознести ее до небес, сказать ей: «Если я еще провинюсь перед тобой, будь ко мне снискходительна!» Но сейчас у него нет на это времени, — надо спешить в контору, чтобы привести в порядок дела. Он даже не зашел домой перекусить.

А Куму весь день не покидала тревога. Завтра приезжает дада, он болен, а им, быть может, даже не удастся повидаться. Нобин ушел по делам и не возвращается. Нобин был уверен, что Модхушудон сам явится и будет всячески ублажать свою жену. Потому он и не шел к Куму.

Сегодня Куму не пришлось посидеть на крыше. Ночью набежали тучи, и с полудня зарядил мелкий дождь. Дождь зимой все равно что незваный гость. Облака какие-то тусклые, дождь идет бесшумно, ветер дует лениво, земля томится в унынии из-за скверноти бессолнечного неба. Куму поднялась на веранду, неподалеку от спальни. Порывы ветра бросали на нее брызги. В этот сырой, тусклый и нудный день Куму вдруг пришла в голову мысль, что жизнь, словно удав, проглотила ее, и теперь она не может вырваться на волю: нигде не видно ни малейшего просвета. Обида на бога, который обманул ее и вверг в это безнадежное и безвыходное положение, обида, до сих пор едва тлевшая в ее душе, сегодня вспыхнула ярким пламенем гнева. Куму резко встала. Она пошла в спальню и достала из ящика письменного стола картину с изображением Радхи и Кришны. Картина была завязана в пестрый шелковый лоскут. Куму захотелось разорвать эту картину. «Я больше не верю вам!» — готова была крикнуть Куму. Но у нее дрожали руки, и она никак не могла развязать узел, он затягивался все крепче. Куму в нетерпении разорвала его зубами. Взглянув на знакомую картину, Куму прижала ее к груди и разразилась рыданиями. Она прижимала картину все крепче и крепче, боль в душе не проходила.

В комнату вошел слуга Мурли, чтобы постелить постель. Руки у него дрожали от холода, он кутался в какую-то ветхую грязную накидку. Он был лыс, со впавшими висками, ввалившимися щеками, обросший, борода его торчала жесткой щетиной. У него только недавно кончился приступ малярии, и старик был совсем изнурен. Доктор велел ему ехать в деревню. Но судьба жестока! Надо работать.

— Тебе холодно, Мурли? — обратилась к нему Куму.

— Да, дождик, на улице похолодало.

— У тебя нет ничего теплого?

— Махараджа подарил мне теплую одежду в тот день, когда получил свой титул, да мне пришлось отдать ее: простудился внук, доктор велел держать его в тепле.

Куму пошла в соседнюю комнату, достала из шкафа старую шаль серого цвета и протянула ее бедняку:

— Вот, возьми.

— Прости меня, ма, — отказался Мурли, низко поклонившись. — Махараджа разгневается.

Куму вспомнила, что в этом доме для благодеяний оставлена лишь узенькая тропинка. Но Куму хотелось получить милость богов, а лучшее средство для этого — самой делать добро людям.

Она с досадой бросила шаль на пол.

Мурли с мольбой сложил руки:

— Рани-ма, ты Лакшми! Не гневайся на меня. Мне не надо теплой одежды. Я живу в доме слуги, который ведает хукками. Там в больших жаровнях горит уголь, и мне тепло.

— Мурли, если брат мужа вернулся домой, пошли его ко мне.

Когда Нобин пришел, Куму сказала:

— У меня к тебе просьба. Выполнишь?

— Если во вред себе — тотчас выполню, если же во зло тебе — ни за что не стану.

— Какое может быть зло? Я ничего не боюсь. — И Куму сияла с руки два золотых браслета. — Продай эти браслеты и соверши молебен в честь богов, чтобы мой дада выздоровел.

— К чему это? — воспротивился Нобин. — Ты его пежно любишь, и от этого для него больше пользы, чем от молебна.

— Я не могу ничем ему помочь. Могу лишь усердно молиться.

— Не надо совершать никаких обрядов. Ведь мы с женой должны выполнять каждое твое желание.

— А что вы можете сделать?

— Мы грешники и можем согрешить. Мы будем счастливы, если пригодимся тебе для грешных дел.

— Не надо так шутить.

— А я и не шучу. Совершить грех куда труднее, чем благочестивый поступок. Если бы всевышний понимал это, он награждал бы грешников.

Куму было неприятно неуважительное отношение Нобина к богам, но она помнила, что и ее брат был таким же, и не могла сердиться на этого вольнодумца, как не может сердиться мать на капризы ребенка.

Бледная улыбка пробежала по лицу Куму.

— Вы, мужчины, можете полагаться в этом мире на собственные силы, а мы — нет. Чем могу я помочь брату? Ведь он так далеко от меня! Время тянется му-чительно медленно, я не вижу никакого выхода. Неужели не найдется человека, который бы сжалился надо мной?

На глаза Нобина навернулись слезы.

— Я должна что-то сделать для моего брата, — горячо убеждала его Куму, — я отдаю браслеты. Они принадле-жали моей матери. Я хочу принести их в дар богу от ее имени.

— Зачем приносить дары? Бог и так внемлет твоим мольбам. Потерпи два дня; если он не явит своей милости, тогда я сделаю, как ты хочешь. Я даже согласен буду ублажать бога, который к тебе безжалостен.

Стемнело. На лестнице послышались знакомые шаги. Нобин вздрогнул: это были шаги брата, но он не кинулся прочь, а остался. У Куму сжалось сердце. Чувство от-вращения, охватившее ее, было так сильно, что она ис-пугалась. Неужели этот грех будет всегда тяготеть надней?

— Не знаешь ли ты кого-нибудь, кто стал бы моим гуру? — внезапно обратилась она к Нобину.

— Для чего это?

— Я не могу справиться с собой.

— В этом не твоя вина.

— Мой дада часто говорил, что мы не виноваты в том, что с нами происходит, и все же должны отвечать за свои поступки.

— Твой дада и будет твоим гуру, он даст тебе совет. Не беспокойся.

— Не дождаться мне этого.

Когда деловой талант Модхушудона заключил компро-мисс с его любовью, любовь стала лучшей помощницей в его делах. Прелестное лицо Куму оказалось для Модху-шудона счастливым даром судьбы. Он только что получил свидетельства того, что его поражение вовсе не было по-ражением. Некоторые из его вчерашних противников при-сли письма, в которых вели уже совсем иные речи. Когда Модхушудон заявил, что покупает фабрику для

себя, им показалось, что они прогадали, и они выразили желание обсудить вопрос еще раз.

Сегодня в канторе во время перерыва посыльный упал в ноги Модхушудону и умолял его простить: с него собирались удержать в качестве штрафа половину месячного жалованья за то, что он не вышел на работу. Модхушудон на радостях его простили. Это означало, что он сам, из собственного кармана, выплатит посыльному половину жалованья. Запись о штрафе нельзя вычеркнуть из книги: таков порядок.

Сегодня для Модхушудона был удивительный день. Небо затянуло тучами, шел дождь, однако это нисколько не умаляло его радости. Вернувшись из канторы, Модхушудон обычно до самого ужина находился на мужской половине дома. После свадьбы, когда ему случалось в неурочное время зайти на женскую половину, он старался никому не попадаться на глаза. Сегодня же он шел на свидание с женой, громко стуча ботинками, словно хотел, чтобы все об этом знали. Он вдруг понял, что каждый может позавидовать его счастью.

Дождь на короткое время утих. Еще не во всех комнатах были зажжены огни. Навстречу Модхушудону попалась старая-престарая старуха с курильницей в руках. Во дворе у освещенных окон женской половины дома металась летучая мышь. Модхушудон приблизился к веранде. Там сидели служанки и скручивали фитили. Завидев хозяина, они вскочили, накинули на голову сари и бросились прочь. Услышав шаги Модхушудона, из своей комнаты вышла Шема, держа в руках коробочку бетеля. Все знали, что только Шемашундори умела готовить бетель так, как нравилось Модхушудону, и, рассказывая об этом, многозначительно улыбались. Шема преградила Модхушудону дорогу и протянула ему коробочку.

— Твой бетель готов, отведай, — предложила она.

Раньше они при этом обменялись бы несколькими фразами, не лишенными теплоты и взаимной приязни.

Сегодня же, кто знает почему, быть может, боясь осквернить себя присутствием Шемы, Модхушудон не взял бетеля и быстро прошел мимо. В больших глазах Шемы вспыхнула обида, и по щекам ее заструились крупные

слезы. Всеведущему хорошо было известно, что Шема расположена к Модхушудону всей душой!

Когда Модхушудон вошел в спальню, Нобин только что взял прах от ног Куму. Модхушудон услышал его слова:

— Я помню о гуру, постараюсь найти.

— Боу-рани хочет получить наставление от гуру, — сказал Нобин брату, — у нас есть гуру, но...

— Наставление? — взволнованно перебил Модхушудон. — Хорошо, я сам найду гуру, тебе нечего беспокоиться.

Нобин ушел.

Идя сюда, Модхушудон все время мысленно повторял: «Боро-боу, ты озарила мой дом светом!» Он не привык говорить о чувствах и поэтому решил сказать эти слова сразу же, как только войдет. Но в комнате был Нобин, и слова застряли у него в горле. А тут еще разговор о наставнике! И Модхушудон совсем лишился дара речи. Он настроился на разговор с Куму, но появилось препятствие, и весь его пыл угас. К тому же на лице Куму он прочел выражение страха и скованности. Прежде он этого не заметил бы, но сейчас огонь, вспыхнувший в его душе, пролил свет на все окружающее. Особенно остро он чувствовал сегодня все, что касалось Куму, и счел жестокой несправедливостью выражение неприязни на ее лице. Он твердо решил не обращать ни на что внимания, но легкости, с которой он шел сюда, уже не было.

После небольшой паузы, он обратился к Куму:

— Боро-боу, тебе хочется уйти? Ты не посидаешь немного?

Куму была удивлена словами Модхушудона и тоном, которым они были сказаны.

— Зачем же мне уходить? — ответила она.

— Я тебе что-то принес. — Он протянул ей золотую коробочку.

В коробочке Куму увидела свое сапфировое колечко. Сердце ее сжалось, она не знала, что делать.

— Можно, я сам тебе его надену?

Куму протянула руку. Модхушудон медленно надевал кольцо. Ему хотелось продлить эти мгновенья. Потом он поднес руку жены к губам.

— Я напрасно отнял у тебя это кольцо, — признался он. — Красоту твоих рук не смогут затмить никакие драгоценности.

Если бы он ее ударили, Куму удивилась бы гораздо меньше; и Модхушудон остался доволен, заметив на ее лице почти детское изумление. Он понял, как дорожила Куму этим колечком. У него был еще один сюрприз для жены:

— Пришел Калу Мукхерджи от твоего брата. Хочешь его повидать?

Лицо Куму озарила радость.

— Калу? — пролепетала она.

— Я позову его. Вы побеседуйте, а я пока пойду поем. В глазах Куму заблестели слезы благодарности.

43

Род Калу Мукхерджи был издавна связан с заминдарами Чаттерджи, которые всегда поручали им самые важные дела. Один из предков Калу даже отсидел в тюрьме за Чаттерджи. Сегодня Калу приходил в контору Модхушудона, чтобы уплатить очередной взнос Бипрадаша.

Калу был невысокого роста, со светлой кожей. Лицо полное, глаза большие, желтовато-карие. Черные, чуть тронутые сединой волосы, наполовину белые и очень густые брови и совсем белые усы. Его шантipurское дхоти лежало аккуратными складками, с плеч спускалась дорогая кашмирская шаль — ему, посланцу Чаттерджи, нельзя ударить в грязь лицом перед Гхошалами. На пальце у него сверкало кольцо с большим драгоценным камнем.

Когда Калу вошел в комнату, Куму совершила пронам. Они сели на ковер.

— Девочка моя, ты совсем недавно от нас ушла, а кажется, будто прошло много лет! — воскликнул Калу.

— Прежде скажи, как дада? — попросила Куму.

— Много было волнений из-за него. На следующий день после твоего отъезда ему стало хуже. Но, видно, он очень крепкий, справился с болезнью. Даже доктора удивлялись.

— Он приедет завтра?

— Собирался, но еще задержится дня на два. Сейчас полнолуние, может снова появиться жар, ему не советуют ехать. А ты как поживаешь, диди?

— Очень хорошо.

Калу не спросил вслух, но подумал: «Куда же делась прежняя твоя красота? Почему под глазами темные круги? Отчего поблек румянец?»

На языке у Куму вертелся вопрос: «Дада ничего не просил мне передать?», однако она не решалась его задать. И Калу сказал, словно угадав ее мысли:

— Он хочет передать тебе одну вещь.

— Что? Где же она, эта вещь? — возбужденно спросила Куму.

— У меня ее нет.

— Почему же ты не принес?

— Не волнуйся, диди. Махараджа сказал, что сам отдаст тебе.

— Скажи, что он послал?

— Махараджа не велел говорить. — Калу огляделся по сторонам и заметил: — Махараджа о тебе так заботится. Я расскажу об этом твоему брату, он будет рад. Он очень беспокоился, особенно первое время, когда от тебя не было вестей. Видно, почта плохо работала, потом мы сразу получили три письма.

Но Куму знала, почему почта плохо работала.

Куму хотелось угостить Калу, но она не смела.

— Ты не голоден? — неуверенно спросила она.

— Диди, вчера вечером я поел, и мне стало нехорошо. Я принял лекарство, которое мне дал наш лекарь Рамшодой, но оно не очень помогло. — Калу понимал, что Куму еще не взяла хозяйство в свои руки и стесняется распорядиться, чтобы гости накормили.

Как раз в это время приотворилась дверь, и Нистарини поманила Куму.

— Для господина Мукхерджи приготовлено угощение, — шепнула она. — Проводи его вниз и угости.

Куму вернулась в комнату.

— Можешь не рассказывать мне про своего лекаря. Пойдем лучше со мной.

— Что такое! Это же насилие! — запротестовал Калу. — Только не сегодня, как-нибудь в другой раз!

— Нет уж, пойдем, — настаивала Куму.

Оказалось, что лекарство прекрасно подействовало на Калу, аппетит у него был превосходный.

Когда Калу закончил трапезу, Куму вернулась в спальню, охваченная воспоминаниями о родном доме. В их маленьком садике уже распускаются бутоны на манговых деревьях. Как часто в жаркий безлюдный полдень отыхала она на берегу пруда под цветущими деревьями джамрул. Она любила лежать там, подложив руки под голову и распустив мокрые волосы. Жужжали пчелы, в воздухе, казалось, висела живая сетка, сотканная из света и тени. В сумерки, когда, поднимая облака ивы, возвращались с пастбища коровы, в груди Куму рождалась неясная боль. Откуда она? Куму не догадывалась, что боль эта — тоска по неведомому другу. Она искала его всюду. Поклоняясь Шиве и Парвати, она мечтала о нем, но он не являлся ей, к нему неслись ее призывы из сокровенных глубин сердца, когда она исполняла замысловатые мелодии на эрадже. С думой о нем, этом неуловимом образе, она бродила по дому, поднималась на крышу, откуда видны были кривые деревенские улочки, поросшие по краям яркими цветами: о нем мечтала она, бродя вдоль ограды, покрытой черно-зелеными пятнами плесени, в которых ей мерещились картины прошлого; о нем она грэзила по утрам, едва встав ото сна и всматриваясь в далекие белые паруса, маячившие в алом небе; она мысленно стремилась к нему, как эти белые паруса к далекому горизонту. Этот идеал ее юности вместе с ней перенесся в Калькутту, ему посвящала она свои молитвы и песни. Это он притворился божественным гласом и обманом завлек ее в петлю замужества. Но под палящими лучами жизни он исчез, растворился, словно мираж в знойной пустыне.

Модхушудон вошел в комнату и остановился позади Куму. В зеркале отражалось ее лицо. Он понял, что дух Куму витает в каких-то неведомых, недостижимых для него далях. Случись это раньше, он возмутился бы. Но сейчас тихо, с печальным видом сел рядом с женой.

— О чём ты думаешь, боро-боу? — спросил он.

Куму вздрогнула и побледнела. Модхушудон взял ее руку в свою.

— Неужели ты никогда не сможешь меня полюбить?

Куму не знала, что ответить. Она сама не раз задавала себе этот вопрос. Прежде, когда Модхушудон был с ней жесток, она легко могла бы на него ответить, но сейчас он проявил смиление, и ей уже некого было винить, кроме самой себя. Куму твердо знала, что жена должна служить мужу всей душой, иначе она совершает великий грех. Почему же ей так трудно? Ведь единственное, к чему стремятся все женщины, — это стать такой, как Сати, такой, как Савитри. Куму стремилась к тому же. Она хотела спасти себя от великого греха и с мольбой обратилась к Модхушудону:

— Прости меня!

— Но в чем ты провинилась? — изумился он.

— Подчини меня своей власти, приказывай мне, накажи меня! Мне кажется, я тебя недостойна.

Модхушудон горько усмехнулся. Оказывается, Куму хочет выполнить свой долг. Он вполне удовольствовался бы этим, будь его жена обычной женщиной, от Куму же ему хотелось получить больше. Однако все попытки его были тщетны. Он осознал свое бессилие. Мысль о том, что между ним и Куму стоит непреодолимая преграда, все больше и больше его угнетала.

Тяжело вздохнув, он сказал:

— Если я дам тебе одну вещь, что я получу взамен?

Куму взволнованно смотрела на Модхушудона, она догадалась, что речь идет о подарке ее брата.

— Каков товар, такова должна быть и цена, — изрек Модхушудон, доставая из-под постели эсадрж в шелковом чехле. Он снял чехол, и Куму увидела свой эсадрж, инкрустированный слоновой костью. Когда она уезжала, эсадрж остался дома.

— Ну, довольна? — спросил Модхушудон. — Теперь плати.

Куму смотрела на него, не догадываясь, чего он хочет.

— Поиграй мне! — попросил он.

Только и всего. Но это было так трудно. Куму уже успела заметить, что Модхушудон не любит музыки. Она никак не могла побороть смущения и, низко опустив голову, водила смычком по струнам.

— Играй же, боро-боу, не стыдись!

— Эсадж не настроен.

— Уж лучше скажи, что ты не настроена играть.

Так оно и было, поэтому его слова причинили Куму боль.

— Я приведу инструмент в порядок и поиграю для тебя в другой раз, — тихо произнесла она.

— Когда? Завтра?

— Хорошо, завтра.

— Вечером, когда я вернусь из конторы?

— Да.

— Ты довольна, что получила эсадж?

— Очень.

Модхушудон вынул из-под шали кожаный футляр.

— Я принес тебе жемчужное ожерелье, оно тебя меньше обрадует?

К чему задавать такой трудный вопрос? Куму молча перебирала струны эсаджа.

— Понимаю, прошение мое отвергнуто, — сделал вывод Модхушудон.

Куму не поняла, что он имел в виду.

— Это прошение, обращенное к тебе из глубин моей души, мне хотелось самому приложить к твоей груди. Но оно отвергнуто, — грустно повторил Модхушудон.

Дорогое украшение упало к ногам Куму. Ни муж, ни жена не промолвили ни слова. Куму стояла как во сне. Потом она встрепенулась, подняла ожерелье, надела его на шею и склонилась к ногам Модхушудона в низком поклоне.

— Хочешь, я сыграю? — проговорила она.

— Хочу.

— Сейчас. — Она настроила эсадж, коснувшись струн и забыла обо всем на свете. Куму исполнила свою любимую песнь на хинди: «Явись на миг». В звуках музыки возник для Куму образ того, к кому она обращала свою песню, к кому стремилась всей душой, кого мечтала увидеть, кого молила: «Явись на миг!»

Модхушудон не понимал музыки, но он смотрел на вдохновенное лицо Куму, следил, как под ее пальцами рождаются звуки, и ему казалось, что боги послали эту

женщину ему в дар. Играя, Куму перенеслась в другой мир. Вдруг она почувствовала на себе взгляд Модхушудона: он не отрываясь пристально смотрел на нее. Куму застыдилась, оборвала песню.

Преисполненный благодарности, Модхушудон спросил:

— Боро-боу, скажи, чего ты хочешь.

Ответь Куму, что она хочет ухаживать за больным братом, Модхушудон даже и на это согласился бы.

Пока Куму играла, он думал: «Она вошла в мой дом! Не чудо ли это?»

Куму опустила эсрадж на пол, отложила смычок.

Модхушудон еще раз смиренно спросил:

— Боро-боу, чего бы ты хотела? Проси, отказа не будет.

— Я хочу подарить Мурли теплую одежду, — ответила Куму.

Уж лучше бы она сказала, что ей ничего не надо. А то — одежду для слуги! Все равно что попросить шнурки для ботинок у того, кто может подарить золотую диадему!

Модхушудон лишился дара речи. Как он был зол сейчас на этого слуги!

— Я вижу, ты очень беспокоишься о Мурли, — процедил он.

— Я давала ему теплую шаль, а он не брал. Он осмелится взять, если ты сам прикажешь ему.

Модхушудон сидел не двигаясь. Потом произнес:

— Хочешь подать милостыню. Хорошо, где твоя шаль?

Куму принесла шаль. Он накинул ее себе на плечи. Потом позвонил в маленький колокольчик, лежавший на столе. Вошла старая служанка.

— Позови Мурли, — бросил ей Модхушудон.

Вошел Мурли и остановился у двери, почтительно сложив ладони. Руки его дрожали от страха и холода.

— Твоя мать-благодетельница хочет преподнести тебе подарок, — провозгласил Модхушудон. Он достал из кошелька банкноту в сто рупий, сложил ее и передал Куму. Никогда еще Модхушудону не приходилось ни с того ни с сего делать такие подарки, тем более если его об этом

не просили. Мурли был потрясен и от страха не знал, что делать.

— Хузур... — дрожащим голосом обратился он к Модхушудону, но тот оборвал его:

— Что «хузур»! Бери, глупец, что дает тебе твоя мать. Купиши теплой одежды, сколько захочешь.

На этом все и кончилось, и одновременно кончилось все, что могло начаться в тот день. Поток, в который готова была погрузиться душа Куму, иссяк. Волна самоотречения, поднявшаяся было в душе Модхушудона, разбилась, налетев на ничтожную просьбу о презренном слуге. После этого им уже не легко было найти общий язык.

Модхушудон вспомнил, что вечером к нему должен прийти человек для переговоров об индиговой фабрике. Он спохватился, обругал себя и встал.

— У меня дела, — сказал он Куму и торопливо вышел.

Проходя мимо комнаты Шемы, он громко спросил:

— Ты здесь?

Шемашундори весь день ничего не ела. Накрывшись покрывалом, она лежала на циновке. Засыпав голос Модхушудона, Шема вскочила и подбежала к двери.

— Что, господин?

— Ты не угостишь меня бетелем?

44

У дверей комнаты Куму кто-то прятался. Это был Хаблу. Он боялся Модхушудона не меньше бога смерти и все же стоял в темноте. С того дня, как Модхушудон его прогнал, он не решался зайти к своей тете, хотя ему очень хотелось этого. Прийти сюда сегодня было небезопасно. Как только мать уложила его в постель и отправилась по своим делам, он услышал звуки эсраджа. Он не знал, кто играет и что это за мелодия, но звуки доносились из комнаты его тети. Малыш был уверен, что его грозного дяди там нет, потому что ведь никто не осмелился играть в его присутствии! Он поднялся на третий этаж и у дверей спальни увидел дядины туфли. Он хотел убежать, но остался и, спрятавшись за дверью, стал

слушать музыку. Когда Модхушудон ушел, он ворвался в комнату, бросился к Куму и обвил ручонками ее шею.

— Тетя! — прошептал он ей на ухо.

Куму прижала его к груди.

— Что с тобой? У тебя такие холодные ручонки! Совсем застыл.

Хаблу ничего не сказал, он испугался, что тетя отошлет его спать. Но Куму укрыла его шалью и прижала к себе.

— Ты почему до сих пор не спишь?

— Я пришел послушать музыку. Как это ты научилась играть?

— Если захочешь, тоже научишься.

— А ты мне поможешь?

В комнату влетела Нистарини.

— Вот разбойник, где прячется! — воскликнула она.— А я-то его ищу! Как стемнеет, нос боится высунуть из комнаты, а к тете идти не страшно! Ступай, ступай спать!

Хаблу теснее прижался к тете.

— Пусть побудет немного, — замолвила словечко Куму.

— Так он и вовсе от рук отобьется. Сейчас уложу его спать и приду.

Куму очень хотела что-нибудь дать мальчику, игрушку или какую-нибудь сладость, но у нее ничего не было. Она поцеловала Хаблу.

— Иди спать, милый, а завтра я тебе поиграю.

Хаблу уныло поплелся за матерью.

Нистарини скоро вернулась. Ей не терпелось узнать, чем закончился заговор, устроенный Нобином. Она уселась рядом с Куму. В глаза ей бросилось сапфировое колечко на ее пальце. Значит, дело выгорело! Чтобы как-нибудь начать разговор, она поинтересовалась:

— Диди, как ты получила свой эрадж?

— Дада прислал.

— А передал кто, муж?

— Да, — коротко ответила Куму.

Нистарини взглянула на Куму, но на лице ее не было следов радости или удивления.

— Он сказал тебе что-нибудь о брате?

— Ничего.

— Брат приезжает завтра. О встрече с ним не было разговора?

— Нет.

— Почему же, диди?

— Я могу просить его о чем угодно, только не о том, что касается брата.

— Да тебе не надо просить. Поезжай, и все. Муж ничего не скажет.

Нистарини до сих пор не могла понять, что Куму тягостно расположение Модхушудона, ведь она при всем желании не могла дать ему того, чего он хотел взамен. Она оказалась в положении несостоятельного должника. Куму трудно было принимать дары мужа, они лишь увеличивали ее долг. Пожалуй, было бы лучше, если бы брат задержался еще немного.

Не дождавшись ответа, Нистарини сказала:

— Мне показалось, будто сегодня твой муж в хорошем настроении.

Куму в смятении смотрела на Нистарини.

— Почему он так добр ко мне? Даже страшно. Я не знаю, что делать.

— Ничего не делай, — посоветовала Нистарини и нежно взяла Куму за подбородок. — Пойми наконец, он до сих пор ничего не знал, кроме своих дел, а таких женщин, как ты, в жизни не видел. Чем больше он узнаёт тебя, тем больше любит.

— Сестрица, а что узнавать? Ничего во мне нет. Придет время, и он это поймет. Мне кажется, что я его в чем-то обманула. Как только он это обнаружит, то страшно разгневается. И гнев его будет справедлив. Я готова к возмездию.

— Ты не знаешь себе цены, диди! Ты принесла бесценный дар, за который никто не в силах тебя отблагодарить. Мой муж и то голову потерял, готов ради тебя море переплыть. Если бы я сама тебя так сильно не любила, то давно поссорилась бы с мужем!

— Мне повезло, что у меня такой деверь, — улыбнулась Куму.

— А кто же, по-твоему, его жена — Раху или Кету? — лукаво спросила Нистарини.

— Все, что я говорю о тебе или твоем муже, относится к вам обоим, — серьезно ответила Куму.

Нистарини обвила рукой ее шею:

— Вот о чем я хотела тебя попросить...

— О чем же?

— Делись со мной своими сокровенными думами.

— Хорошо. Только прежде мне надо самой в них разобраться.

— Не скрывай от меня ничего. Что с тобой? Ты сегодня какая-то странная.

Куму молча всматривалась в лицо Нистарини. Потом призналась:

— Сказать тебе? Мне почему-то страшно самой себя.

— Что ты говоришь! Почему?

— Сейчас я вдруг поняла, что ошиблась в себе. Ведь я все продумала, во всем разобралась, прежде чем выйти замуж. Брат колебался, но я настояла на своем. Где та прежняя Кумудини, которая смело пошла избранной дорогой?

— Ты не можешь полюбить! — подхватила Нистарини. — Не таись от меня, скажи, ты любила кого-нибудь? Знаешь ли ты, что такое любовь?

— Ты будешь смеяться, если я скажу, что знаю. Любовь, как заря, родилась в моей душе. Я ждала, что солнце вот-вот взойдет. И я несла ему навстречу священную воду, гирлянды цветов. Мне казалось, что со мною бог, которого я почитала всей душой. Я шла, как идут на свидание. Ночь не казалась мне темной. Но что увидела я в своей душе, когда рассвело? Что увидела вокруг? Как же я буду жить год за годом, час за часом?

— Ты думаешь, что не сможешь полюбить мужа?

— Я пришла сюда, готовая все принять и полюбить. Но теперь ничто мне не мило. У меня такое чувство, будто с меня содрали кожу, и малейшее прикосновение причиняет боль. Может, со временем я огрубею и притерплюсь ко всему. Но никогда уже мне не видеть радости.

— Родная моя, нельзя так говорить.

— Можно. Сейчас у меня больше нет иллюзий. С моей жизни сброшено покрывало. И мне не обмануть себя, единственный выход — это смерть. Почему жестокий творец не дал женщинам места в этом мире?

Нистарини ни разу не видела Куму такой взволнованной. Она огорчилась: они с Нобином приложили столько усилий, чтобы расположить к Куму мужа, а она из-за этого страдает. Нистарини поняла, что корни лианы подрублены, и теперь сколько ни поливай, лиана не оживет.

— Я знаю, это мой великий грех, что я не могу почитать мужа, служить ему всем сердцем, — продолжала Куму. — Но меня страшит больше то, что я должна подчиниться человеку, которого не уважаю.

Нистарини сидела сраженная, не зная, что сказать.

А Куму, помолчав немного, снова заговорила:

— Какая ты счастливая, сестрица, как милостива к тебе судьба, ты любишь мужа всей душой. Раньше мне казалось, что любить просто, что все жены любят своих мужей. Теперь я понимаю, как трудно любить. Умение любить — это дар, и его надо заслужить в прежних рождениях. Скажи мне правду, все жены любят своих мужей?

— Можно и не любя быть хорошей женой, — улыбнулась Нистарини. — А иначе что было бы с миром?

— Убеди меня в этом, и я стану хорошей женой. Это и есть добродетель, это и есть трудный подвиг.

— Тебе встретится на пути много препятствий.

— Я буду преодолевать их, я призову на помощь все мои силы. Я смогу, я не сдамся.

— Если ты не сможешь, кто тогда сможет?

Дождь полил сильнее. Пламя лампы затрепетало. Влажный ветер влетел в комнату и заметался, словно почтная птица. По телу Куму пробежала дрожь, ее душа согрнулась.

— Я больше не жду помощи от моего бога. Я возношу молитвы, но душа моя молчит. И это для меня страшнее всего.

Нистарини не могла говорить ей лживые слова утешения. Она молча обняла Куму.

— Ты здесь? — раздался за дверью голос Нобина.

— Заходи, пожалуйста, — обрадовалась Куму.

— Вечер, а у нас в комнате темно, вот я и пошел искать жену, — оправдывался Нобин.

— Ты, как змея, потерявшая свой драгоценный камень! — съязвила Нистарини.

— А вот мы сейчас узнаем, кто змея, а кто драгоценный камень. Невестка поможет.

— Я не гожусь в судьи.

— Тогда — сдаюсь.

— Можешь получить свое утерянное сокровище, я не собираюсь его присваивать, — пошутила Куму.

— Да оно ему и не нужно, диди, просто это предлог, чтобы поклониться в ножки своей невестке, — поддеда мужа Нистарини.

— На что мне предлог? — возразил Нобин. — Она ведь не прячется. Стоит ли стремиться к недостижимому, если достижимое само идет в руки. На земле есть тысячи людей куда более достойных, чем я, но они не могут склоняться в поклоне у прекрасных ножек нашей невестки, а я могу! Я получил это счастье, хоть и незаслуженно!

— Ну к чему ты это говоришь? Наверно, вычитал в своей энциклопедии...

— Разве сочинители энциклопедий разбираются в прекрасных ножках? Они предлагают заточить ножки современных Лакшми в туфли на высоченных тонких каблуках, хотят, чтобы ножки томились в них, как женская душа в зенане. Разве в состоянии они понять все величие этих ножек! Лакшмана четырнадцать лет терпел тяготы изгнания, чтобы прислуживать у ног Ситы, своей невестки. Уж мы-то, девери, знаем, что это значит. Вы закрываете ножки длинными складками сари, ну что ж, закрывайте. Лотос к ночи тоже закрывает свои лепестки, так ведь не всегда же, утром лепестки опять откроются.

— Сестрица моя, признайся откровенно, — обратилась Куму к Нистарини, — наверно, муж заворожил тебя такими вот речами?

— Вовсе нет, диди, он не из тех, кто будет зря расточать похвалы.

— Стало быть, ты не слышишь от него сладких речей?

— Богини всегда расположены слушать лесть, им она просто необходима! — опять вступил в разговор Нобин. — Только ведь я не Шива, у меня нет пяти голов и пяти

уст. А моей жене надоели хвалы, которые источает мой единственный рот.

Поток его слов прервал Мурли, доложивший Нобину:

— Махараджа зовет вас, он в кабинете.

У Нобина вытянулось лицо. Он думал, что сегодня Модхушудон, вернувшись из конторы, сразу же пройдет в спальню. Значит, лодка Нобина снова села на мель!

Когда Нобин ушел, Нистарини тихо сказала:

— Ты только помни, что муж тебя любит.

— Вот это меня и удивляет, — отозвалась Куму.

— Да что же тут удивительного! Что он, из камня, что ли?

— Я недостойна его.

— Да разве есть человек, которого ты была бы недостойна!

— Он могуществен, богат, всеми уважаем. Что он мог во мне найти? Здесь мне сразу стало ясно, как я молода и неопытна. Я боюсь его любви. Ведь во мне ничего особенного нет. Как же я могу обманывать его? Вчера ночью мне вдруг пришло в голову, что я — вроде доплатного письма. За него заплатили, а когда распечатали — то оказалось, что внутри ничего нет.

— Диди, ты меня смешишь! Твой муж — опытный коммерсант, в деловой смекалке нет ему равных, но ведь ты пришла к нему не управляющим в контору, чего же жаловаться на молодость и неопытность? Будь он с тобой пооткровеннее, он бы сам наверняка сказал, что недостоин тебя.

— Он говорил.

— И ты не поверила?

— Нет. Я испугалась. Мне показалось, будто он во мне ошибся и со временем поймет это.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что я вышла замуж совсем неожиданно и, стремясь к этому, была в каком-то странном ослеплении, я, как ребенок, играла в игру. Я была обманута, введена в заблуждение. Но я так твердо верила в необходимость свадьбы, была так упрямая, что меня никто не мог отговорить. Дада знал это и не препятствовал мне. Но как он боялся за меня, как был расстроен! Ведь я все понимала, но не остановилась. Я была так глупа! А теперь я

несчастна и делаю несчастными других, и я всегда буду знать, что сама всему виной.

Нистарини не знала, что сказать. Немного помолчав, она спросила:

— Диди, а почему ты решила выйти замуж?

— Тогда я считала, что мужа — плохого ли, хорошего — посыпает жene небо, чтобы испытать ее благочестие. Я нисколько не сомневалась, что буду любить человека, предназначеннаго мне в мужья самим Праджапати. Передо мною был пример моей матери, я читала пураны, слушала их толкование и думала, что очень легко поступать так, как велят шаstry.

— Диди, шаstry писаны не для девятнадцатилетних девушек.

— Теперь я поняла, что в этом мире любовь — роскошь. Не надо думать о ней, надо помнить о своем долге и плыть по морю жизни. Ни радости, ни счастья это не принесет, зато не утонешь.

Нистарини повела разговор так, что Куму сама высказала то, что намеревалась сказать ей Нистарини.

45

В конторе Модхушудона ждали плохие вести. Один из крупнейших банков Мадраса, с которым была связана их контора, обанкротился, кроме того, Модхушудону доносили, что служащие одного из директоров их конторы роются в его бумагах. До сих пор никто не смел подозревать Модхушудона, но стоило заговорить одному, как ореол непогрешимости исчез.

В больших делах мелкие промахи незаметны. Великие полководцы могут терпеть отдельные поражения, но всегда выигрывают войну. Так было и с Модхушудоном — никто не замечал его мелких неудач. Но время шло, и счет им рос. Когда же эти неудачи заметили люди заурядные, они стали хвалиться собственной проницательностью, утверждая, что уж они-то ни в коем случае не допустили бы таких промахов. И никто не смог им объяснить, что Модхушудону приходилось плыть в дырявой лодке, потому что другой не было, и главное, что оп все же доплыл.

Но когда лодка благополучно причалила к берегу, плывшие в ней обнаружили в днице течь и затряслись от страха. Глупцов легко обмануть мелочной критикой — они не любят рассуждать, для них главное — выгода. Если же они над чем-нибудь задумаются — беда. У Модхушудона эти дураки вызывали гнев и презрение. Но раз они у власти, приходится ладить с ними, иного выхода нет. Представьте себе человека, который поднимается по ветхой лестнице: опа трещит под ногами, качается, вот-вот развалится, но он идет, потому что это единственное средство подняться наверх. Хочется стукнуть по такой лестнице палкой, но тогда так и останешься внизу.

Когда речь шла о его деле, Модхушудон уподоблялся львице, которая бросает добычу ради спасения своего детинца. Модхушудон сам создал дело, и оно было ему дороже капитала. Человек, одаренный творческой энергией, чувствует себя неотделимым от своего детинца, и если этому детинцу грозит опасность, все его горести, радости и желания отступают на задний план. Сейчас Модхушудона уже не так влекло к Куму, как прежде. Модхушудон ощутил острую потребность любви лишь на склоне лет. А это чувство становится необоримым, если появляется не вовремя. Он был поражен в самое сердце. Но вот боль неожиданно исчезла.

Не успел Нобин войти, как Модхушудон спросил:

— Ты знаешь, что в моих бумагах кто-то рылся?

Нобин вздрогнул.

— Не может быть! — воскликнул он.

— Выясни — не заходил ли кто-нибудь в комнату к нашему секретарю.

— Наш Ротиканто — надежный человек! Разве он когда-нибудь...

— Есть подозрение, что кто-то договорился с конторщиками... Разузнай все, только будь осторожен.

Пришел слуга напомнить, что еда стынет. Но Модхушудон пропустил его слова мимо ушей.

— Вели немедленно подать экипаж, — бросил он Нобину.

— Может, прежде поешь? Уже поздно.

— В другом месте поем. У меня дела.

Нобин наклонил голову в знак согласия и ушел, размышляя о случившемся. Выходит, ни к чему была вся его затея.

Вдруг за его спиной раздался голос Модхушудона:
— Вот письмо, отдавай его Куму.

Письмо было от Бипродаша. Видно, оно пришло утром, и Модхушудон сам собирался вручить его жене. Теперь Модхушудон всякий раз, идя к Куму, старался приносить ей что-нибудь приятное. Но сегодня ураган дел разрушил его планы.

Мадрасский банк пользовался хорошей репутацией. Ни директора, ни пайщики компании Гхошала никакого не сомневались в его прочности. Но как только банк рухнул, многие стали поговаривать, что они-де это давно предвидели.

Вместо того, чтобы спасать общее дело от грозной опасности, такие люди обычно начинают осыпать друг друга обвинениями, завистники поднимают голову и стараются подкопаться под соперников. И дело гибнет. Модхушудон боялся, что так будет и на этот раз. Еще неизвестно, как отразится на компании крах Мадрасского банка, но можно не сомневаться, что убытки, нанесенные ей, явятся хорошей приправой к тому блюду, которое готовили Модхушудону его враги. Что бы ни сулило будущее, положение было тяжелое, и, чтобы выйти из него, Модхушудону следовало напрячь все силы.

Когда поздно вечером Нобин вернулся к себе, Куму и Нистарини все еще о чем-то говорили.

— Боу-рани, вот тебе письмо от брата, — сказал Нобин.

Куму с трепетом взяла конверт и дрожащими руками вскрыла его. Она очень боялась дурных вестей. Может, брат снова задерживается? Куму медленно достала письмо. И, прочитав его, погрузилась в молчание. По лицу ее видно было, что она расстроена.

Наконец она сказала, обращаясь к Нобину:

— Дада приехал сегодня в три часа.

— Сегодня! Но ведь он...

— Он пишет, что собирался приехать через несколько дней, но по каким-то важным причинам выехал раньше.

Больше Куму ни слова не сказала. В конце Бипродаш

писал, что как только почувствует себя лучше, навестит Куму, пусть она не беспокоится. Это он писал и в предыдущем письме. Что же такое произошло? В чем она провинилась? Ведь это означало: «Не приезжай в наш дом». Ее душили слезы. Но она подавила рыдания и сидела, окаменев от горя.

Нобин с болью и состраданием смотрел на Куму: видно, письмо причинило ей нестерпимую боль.

— Боу-рани, поезжай к нему завтра же.

— Не поеду. — Едва выговорив эти слова, Куму закрыла лицо руками и разрыдалась.

Нистарини ни о чем ее не спрашивала, только привлекла к себе на грудь.

— Дада запрещает мне приезжать, — вырвалось у Куму.

— Не может быть! — воскликнул Нобин. — Ты просто его не поняла.

Куму замотала головой. Нет, она хорошо поняла.

— Знаешь, в чем дело? — стал объяснять Нобин. Бипродаш-бабу думает, что муж не пожелает отпустить тебя или обидит в ответ на твою просьбу, вот он и старается оградить тебя от неприятностей.

Куму сразу стало легче. Мокрыми от слез глазами она с признательностью смотрела на Нобина. Конечно, он прав. Она бранила себя за то, что на миг забыла о нежной заботливости своего брата. Куму приободрилась. Теперь она может спокойно ждать брата, она не помчится к нему тотчас же по его приезде. Так, пожалуй, будет лучше.

Нистарини взяла Куму за подбородок и сказала:

— Чуть подул ветер с другой стороны, и море разбудилось. Что-то не так твой дада написал, а ты сразу и обиделась. Ишь какая!

— Боу-рани, тогда я завтра же все подготовлю, чтобы ты могла навестить брата, — предложил Нобин.

— Нет, не надо.

— Как это не надо? Тебе, может быть, не надо, зато мне надо.

— Зачем?

— Вот тебе и раз! Твой брат будет строить козни моему брату, и ты думаешь, ему это так сойдет?! Я буду

зацищать интересы моего брата и не потерплю, чтобы ты одержала верх! Завтра же поедешь к твоему братцу!

Куму засмеялась.

— Нечего смеяться, боу-рани. Позор нашего дома — твой позор. Пойди умойся, вытри слезы, пора ужинать. Брат уехал к главному управляющему. Думаю, он будет ночевать сегодня в кабинете, я видел, ему там постелили.

Услышав об этом, Куму обрадовалась, но тут же устыдилась своей радости.

Ночью Нистарини и Нобин долго совещались.

— Ты обнадежил ее. А что будет дальше? — спрашивала Нистарини.

— Что дальше? У меня слова не расходятся с делом. Она поедет, а потом будь что будет.

Раджи, подобные Модхушудону, всегда тщательно заботятся о фамильной чести. По их разумению, молодая жена должна почитать за счастье войти в их дом. Поэтому надо заставить ее забыть о том, что существует на свете такая вещь, как отчий дом. Нобин понимал, что при подобных обстоятельствах угодить обеим сторонам невозможно, надо стараться ублаготворить, по крайней мере, одну. Какую именно, он уже твердо решил. А ведь он ни за что бы не посмел оспаривать власть старшего брата.

Посоветовавшись, муж и жена решили просить Модхушудона разрешить Куму с утра навестить брата. Пусть только разрешит, а там уже нетрудно будет под разными предлогами оставить ее у Бипродаша на несколько дней.

Модхушудон вернулся домой поздно и принес с собой целую кипу бумаг. Заглянув к нему, Нобин увидел, что брат не собирается спать. Модхушудон пачепил на нос очки, взял синий карандаш и, склонившись над конторкой, делал какие-то пометки в бумагах и что-то записывал в своей записной книжке.

Нобин рискнул войти в кабинет.

— Да, могу я тебе чем-нибудь помочь?

— Нет, — отрезал Модхушудон.

Модхушудон хотел сам, без чьей-либо помощи, найти выход из этого трудного положения, иначе он потеряет уверенность в себе.

Нобин понял, что разговор окончен, и вышел. Он знал, что теперь улучить удобный момент будет не так просто.

Однако он твердо решил утром отправить жену брата к Бипродашу. А для этого ему необходимо было получить разрешение нынешней ночью...

Немного погодя он снова вошел к брату и поставил на стол лампу.

— Тебе темно, — пояснил он.

Модхушудон подумал, что так ему и правда будет удобнее работать, однако продолжал молчать. Оinya пришлося Нобину уйти.

Он вернулся во второй раз и осторожно прислонил к столу хукку.

Модхушудон почувствовал, что это-то ему и нужно. Он отложил карандаш на минуту и с наслаждением затянулся.

Тут Нобин и завел с ним разговор.

— Ты не собираешься лечь? Поздно уже. А жена, наверно, не спит, тебя дожидается.

«Жена не спит, тебя дожидается», — эти слова проникли в самую душу Модхушудона. На какой-то миг он испытал то же, что испытывает моряк в открытом море, заметив вдруг птичку на мачте. Эта птичка для него вестница с далеких островов, укрытых зелеными рощами; но нельзя отклоняться от курса, надо вести корабль.

Модхушудон сам испугался своего волнения, но тут же справился с собой и сказал Нобину:

— Передай жене, пусть ложится спать. Я буду ночевать у себя.

— Может, я пошлю ее сюда? — Нобин принялся раздувать угли в хукке.

— Не надо! — вдруг рассердился Модхушудон.

Однако Нобин не сдавался.

— Она хочет о чем-то тебя попросить, — объявил он.

— Сейчас не время просить, — сухо ответил Модхушудон.

— У тебя нет времени, но и у нее времени мало.

— В чем дело, говори!

— Приехал Бипрадаш-бабу, завтра утром боу-рани...

— Она хочет ехать завтра?

— Ненадолго, только повидаться...

Модхушудон встал и махнул рукой.

— Пусть едет. А теперь ступай.

Нобин кинулся вон из комнаты. Однако на пороге его настиг голос брата:

— Нобин!

Нобин испугался, как бы Модхушудон не передумал.

— Вероятно, жена пробудет у брата несколько дней. Приготовь все необходимое.

Не желая выдавать своей радости, Нобин с сомнением почесал в затылке и заметил:

— В доме будет так пусто без боу-рани.

Модхушудон не удостоил его ответом, отодвинул кальян и занялся делами. Как ни сильно было искушение, Модхушудон не поддался ему.

Нобин ушел очень довольный. Модхушудон продолжал работать и не заметил, как подкрались мысли, ничего общего не имеющие с делами. В конце концов, он не выдержал, отложил карандаш и потянулся к кальяну. Днем Модхушудон заставлял себя не думать о Куму и очень радовался, полагая, что вновь обрел власть над собой. Но пришла ночь, и он понял, что мысли эти не покидали его — враг притаился в крепости.

Дождь перестал. В саду над старым деревом шишу повисла ущербная луна, озаряя мокрую землю. Потянуло холодным ветром. Модхушудона охватила тоска по мягкой постели и женской ласке. Он схватил карандаш и склонился над бумагами. Однако где-то в глубине души тихий, но отчетливый голос твердил: «А жена, наверно, не спит, тебя дожидается».

На этот вечер Модхушудон наметил одно важное дело. Закончи он его завтра утром — не случилось бы особой беды. Но у него было правило: неуклонно выполнять принятые решения. До сих пор он следовал этому правилу и был вознагражден. Но одно дело день, а совсем другое — ночь. Модхушудон сел за конторку с твердым намерением закончить дела, но в голове его все громче и настойчивее, как жужжение шмеля, звучало: «А жена, наверно, не спит, тебя дожидается».

Не погасив лампы и не убрав бумаг, Модхушудон пошел в спальню. На веранде он увидел Шемашундори. Она сидела на полу, освещенная ярким светом луны, выплившей на самую середину неба. Шема походила на сказочную фею. Это была не та Шема, которую Модхушудон

видел каждый день. Она будто сбросила с себя грубою оболочку, будто явилась из какой-то неведомой дали. Шема знала, что Модхушудон обычно идет к себе в спальню этой дорогой. Смотреть, как он идет к жене, было мучительно, но именно потому ее всегда тянуло сюда. Шема все же не теряла надежды: а вдруг что-то случится! Она томилась в ожидании, что невозможное когда-нибудь станет возможным.

Модхушудон скользнул по ней взглядом и прошествовал наверх. Шема вцепилась в ограду и, проклиная свою судьбу, стала в отчаянии биться головой о перила.

В спальне было темно, и Модхушудон обнаружил, что Куму вовсе не дожидается его. Сквозь приоткрытую дверь соседней комнаты пробивался слабый свет. Модхушудон хотел вернуться, но не смог. Он зажег газовый рожок и увидел, что Куму крепко спит, свернувшись клубочком. Даже яркий свет не разбудил ее. Модхушудон разозлился: спит как ни в чем не бывало. Он нетерпеливо откинул москитную сетку и всей своей тяжестью рухнул на постель. Кровать заскрипела и задрожала под ним.

Куму проснулась и вскочила. Она была уверена, что Модхушудон сегодня не придет, и от неожиданности не смогла совладать со своими чувствами. Заметив выражение ее лица, Модхушудон ощущил острую боль в сердце, в висках застучало.

— Я противен тебе? — спросил он.

Куму нечего было ответить. Ведь и в самом деле сердце ее задрожало от отвращения, когда она увидела рядом Модхушудона. Она боролась с этим чувством, но сейчас оно вдруг вырвалось наружу.

— Ты хочешь поехать к брату? — сквозь зубы процедил Модхушудон.

Куму уже готова была броситься к его ногам, просить прощения, но, услышав о брате, сразу оцепенела.

— Нет, — ответила она.

— Ты не хочешь ехать?

— Нет, не хочу.

— И ты не посыпала ко мне Нобина с такой просьбой?

— Нет, не посыпала.

— И ничего не говорила ему?

— Я сказала ему, что не поеду к брату.

— Почему?

— Этого я не могу сказать.

— Не можешь? До чего же ты упрямая!

— Но я ведь из Нурногора.

— Поезжай к своему братцу. Ты недостойна жить здесь. Я готов был на все, но ты не понимаешь хорошего обращения. Теперь пожалеешь.

Куму вся напряглась. Она не ответила ни слова. Модхушудон схватил ее руку и с силой тряхнул.

— Ты должна быть благодарна! — прошипел он.

— За что?

— За то, что тебе дано право спать на моей постели.

В то же мгновение Куму вскочила и ушла в соседнюю комнату.

Возвращаясь в кабинет, Модхушудон застал Шему на том же месте. Она ничком лежала на полу. Модхушудон подошел к ней, нагнулся и потянул за руку, пытаясь поднять.

— Что с тобой, Шема? — спросил он.

Шема быстро приподнялась, обняла его ноги и прижалась к ним грудью.

— Бей меня! — проговорила она дрожащим голосом.

Модхушудон помог ей встать.

— Смотри, ты совсем замерзла. Идем, я провожу тебя. Он накинул на нее край своей шали, крепко обнял и отвел в ее спальню.

— Побуденъ со мной немного? — пропела Шема.

— У меня дела, — последовал ответ.

Отныне он не допустит, чтобы злые духи тревожили его по ночам, мешали ему работать. Пусть Куму оттолкнула его от себя, теперь он знает, где искать забвенья. Именно сейчас ему было так важно осознать, что он любим, что Шема всем своим существом стремится к нему. Это явилось для него утешением, смягчило обиду, которую нанесла Куму.

Оскорбление Модхушудона не попало в цель, напротив, — Куму успокоилась. Всякий раз, как Модхушудон навязывал ей свою любовь, она лишалась покоя. Ведь на любовь надо отвечать любовью. Куму считала себя должницей. У нее не было никакой надежды побороть в себе

отвращение к мужу, хотя она знала, что это грехио, и всеми силами старалась подавить в себе это чувство. Но нынешней ночью оно неожиданно вырвалось наружу. Куму на мгновение потеряла власть над собой, и Модхушудон вдруг понял, какие разные они люди. И очень хорошо, что так случилось, теперь им легче будет договориться. Вся беда в том, что Модхушудона влечет к ней и теперь он гонит ее от себя только с досады. Да, у нее нет права спать на его постели. Разделяя с ним ложе, она обманывает его. Ничего, кроме фальши, в их отношениях нет.

Всю ночь Куму размышляла над тем, что влечет к ней Модхушудона. Ведь он без конца упрекает ее за «нурногорские замашки», значит, Куму не похожа на него ни воспитанием, ни характером. Зачем же он старается показать ей свою любовь? Разве будут они по-настоящему счастливы? Как бы то ни было, Куму знала, что никогда не полюбит Модхушудона. И чем скорее он это поймет, тем лучше будет для него.

От радости, охватившей Нобина после разговора с братом, не осталось и следа. В половине третьего ночи Модхушудон, закончив дела, послал за Нобином и распорядился отослать Кумудини к брату и не привозить ее до тех пор, пока он, Модхушудон, не прикажет. Нобин понял, что это было изгнание.

Дверь спальни Нобина выходила во двор, как раз напротив веранды, где ночью Шема ждала Модхушудона. Нобин и Нистарини не спали, они совещались насчет Куму. Заслышив голоса, Нистариниглянула за дверь и увидела на залитой лунным светом веранде Модхушудона и Шему. Нистарини поняла, что в безмолвии этой ночи на нити судьбы Куму завязался еще один крепкий узел.

— А хорошо, что наша лidi уезжает именно сейчас? — обратилась Нистарини к мужу.

— Не знаю, но когда ее не было в нашем доме, дело не заходило так далеко.

— Что ты хочешь сказать?

— Она пробудила жажду и не может утолить ее. Вот и случилась беда. Поэтому я считаю, что ей лучше уехать.

Это ничего не изменит, но, по крайней мере, она хоть поживет в покое.

— Значит, пусть все идет своим чередом?

— Если огонь нельзя погасить, приходится ждать, пока он сам угаснет, — изрек Нобин.

С самого утра Хаблу вертелся около Куму. Когда его позвали к учителю, он умоляюще посмотрел на тетю. Вели она ему идти, он бы пошел, но она сказала, что сегодня он может не заниматься.

У Куму было такое чувство, будто она уезжает из этого дома павсегда. Открой клетку, птица упорхнет и никогда больше не вернется.

— Боу-рани, я всей душой желаю, чтобы ты вернулась поскорее, но просить тебя об этом не могу, — обратился к ней Нобин на прощанье. — Живи там, где тебя любят. А если что-нибудь понадобится, вспомни Нобина.

Нистарини собственноручно приготовила и поставила в паланкин кувшин с соком манго и другие лакомства. Она почти ничего не сказала Куму при расставании. Нистарини не одобряла поступок Куму. До тех пор, пока причина страданий Куму была явной, пока Модхушудон обижал ее, Нистарини всем сердцем сочувствовала ей. Нистарини нелегко было понять, что наибольшие мучения причиняет страдание скрытое, невидимое. Она была убеждена, что жена должна почитать за величайшее счастье тот миг, когда муж обращает на нее свой благосклонный взор. И то, что Куму, видимо, думала иначе, казалось ей нарушением всех правил. Она даже сердилась на Нобина за то, что он по-прежнему был на стороне Куму. Нистарини, как и большинству женщин, трудно было понять, что Куму не притворялась и что не чрезмерная гордость была причиной ее отвращения к мужу. Нистарини не поверила бы, что душу Куму непрестанно терзают сомнения. Так, китаянка, которая в угоду обычаям, не задумываясь, уродует свои ноги, рассмеялась бы, если бы услышала, что на свете есть женщины, которые считают этот обычай противоестественным. Она бы, пожалуй, назвала их глупенькими, потому что насилие над природой ей кажется естественным. Нистарини принимала очень близко к сердцу

все беды Куму и, наверное, поэтому сейчас так ожесточилась. Как можно сочувствовать женщине, которая не склоняет головы и не принимает дара, посланного ей судьбой? Такую женщину, думала Нистарини, нельзя простить.

46

Когда паланкин приблизился к дому, Куму приоткрыла дверцу и взглянула наверх: обычно в это время Бипродаш сидел на веранде, выходившей на улицу, и читал газеты. Сегодня его там не было. Никто в доме не знал о приезде Куму. Только привратник, увидев рядом с паланкином посыльного махараджи, догадался, что это молодая госпожа пожаловала к брату. Паланкин пронесли через внешний дворик на женскую половину. Куму тотчас же поспешила вверх по лестнице на мужскую половину дома. Ей хотелось, чтобы первым в доме ее увидел брат. Она не сомневалась, что больного устроили в гостиной. Отсюда видны были деревья в саду: кришноколи, чампак, фиговое дерево. Рано утром сквозь листву деревьев в окно пробивались лучи солнца. Бипродаш очень любил эту комнату.

Едва Куму вошла, как навстречу ей бросился Том, прыгнул на нее, залаял, завилял хвостом от радости. Собака побежала следом за Куму.

Бипродаш полулежал, откинувшись на изогнутую спинку кушетки. Ноги его были укрыты ситцевым покрывалом. В опущенной правой руке он держал книгу — чтение, видно, утомило его. Рядом на столике стояли чашка и блюдце с ломтиками хлеба. На книжной полке, висевшей у изголовья, в беспорядке лежали книги. В углу комнаты стояла закопченная лампа, которую зажигали по ночам.

При взгляде на брата дрожь охватила Куму. Никогда еще она не видела его таким бледным и изможденным. Будто целая вечность отделяла этого Бипродаша от того, с которым она рассталась. Куму припала головой к его ногам и зарыдала.

— Куму, приехала? Иди же сюда!

И Бипродаш привлек ее к себе. Хоть он и не велел ей приезжать, но в душе надеялся, что она не послушается.

Увидев сестру, Бипрадаш подумал, что ей, быть может, и не так плохо живется в доме мужа, никто не помешал ей уехать. По обычаям, он должен был пригласить ее, послать за ней паланкин. И все же она приехала! Бипрадаш не ожидал, что в доме Модхушудона Куму будет предоставлена такая свобода.

Куму обеими руками приглаживала взлохмаченные волосы Бипрадаша.

— Как ты плохо выглядишь! — проговорила она.

— Не с чего мне хорошо выглядеть! Ты лучше скажи, что с тобой? Отчего ты такая бледная?

Прибежала тетя Кхема. Вместе с ней вошли слуги. Когда Куму совершила пронам, тетя крепко прижала ее к груди и поцеловала в лоб. Слуги поклонились Куму в ноги. Поздоровавшись со всеми, Куму обернулась к тете:

— Тетя, брат очень плохо выглядит!

— Еще бы! Без твоих забот он никак не хочет поправляться. Ведь он так к тебе привык!

— Тетя! Ты не собираешься угостить Куму?

— Она и сама поест. Разве нужно ей предлагать? Сейчас покормлю людей, которые привезли Куму, а потом вернусь сюда. Вы пока побеседуйте.

Бипрадаш поманил к себе тетю Кхему и что-то шепнул ей на ухо. Куму догадалась, что это он советуется с ней, как отблагодарить людей из дома Модхушудона. Значит, Куму стала тут посторонним человеком. Ее совета никто и не спрашивает. Это ей не понравилось. Куму решила занять свое прежнее место в доме и присяглась за дела.

Прежде всего она позвала слугу Гокула, что-то шепнула ему, а потом стала наводить порядок в комнате. Вынесла на веранду блюдце, чашку, лампу, пустые бутылки из-под содовой воды, плетеный стул с прорванным сиденьем, грязные полотенца и шерстяные фуфайки. Аккуратно расставила книги на полке, пододвинула к кушетке маленький столик, положила на него книжку, перо, пресс-папье, зеркальце, щетку и гребенку, поставила стакан и кувшин с водой.

Тем временем Гокул принес медный кувшин с горячей водой, таз, чистое полотенце и разместил все это на стуле.

Не спрашивая согласия Бипродаша, Куму смочила полотенце теплой водой, обтерла брату лицо и руки и расчесала волосы. Бипродаш молча покорялся, как ребенок. Куму расспросила его о том, когда и какие лекарства он должен принимать, что ему можно есть, и вела себя так, будто других забот у нее никогда и не было.

Бипродаш не мог понять, в чем тут дело. Он думал, она приехала только повидаться с ним, но непохоже было, что это так. Бипродашу хотелось узнать, как живется ей в доме мужа, но он не решался заговорить об этом прямо, надеялся, что Куму сама обо всем расскажет. Он только осторожно спросил ее:

- Когда тебе надо возвратиться?
- Сегодня не надо, — услышал он в ответ.
- А что скажут в доме мужа? — удивился Бипродаш,
- Муж отпустил меня.

Больше Бипродаш ни о чем не спрашивал.

Застелив стол, стоявший в углу, скатертью, Куму принялась расставлять на нем пузырьки и баночки с лекарствами.

— Значит, ты поедешь завтра? — после небольшой паузы снова спросил Бипродаш.

— Нет, я пробуду здесь несколько дней.

Том тихонько лежал под кушеткой, будто дремал. Но стоило Куму приласкать его, как он вскочил, положил лапы ей на колени и, то повизгивая, то громко лая, пытался выразить ей свой собачий восторг. Бипродаш понял, что Куму затеяла эту возню нарочно, чтобы избежать расспросов. Немного погодя она оставила собаку и повернулась к брату:

— Пора принимать ячменный отвар. Сейчас я принесу.

— Нет, еще рано, — отозвался Бипродаш и, поманив Куму к себе, усадил ее рядом.

— Куму, — проговорил он, взяв ее за руку, — скажи мне откровенно, как тебе там живется?

Куму не могла вымолвить ни слова. Она низко опустила залившееся краской лицо, потом, как в детстве, уткнулась носом в широкую грудь Бипродаша и горько заплакала.

— Дада, я ошиблась, я ничего не знала, — лепетала она.

Бипродаш осторожно гладил ее по голове.

— Я не сумел воспитать тебя, — произнес он. — Если бы у тебя была мать, она бы подготовила тебя к жизни в доме мужа.

— Ведь я не знала никого, кроме наших домашних, — продолжала Куму, — я представить себе не могла, что бывают совсем другие люди. Я думала, все такие, как ты, как те, кто живет здесь. И я ничего не боялась. Я знала, что отец часто обижал мать, но ведь не нарочно же, и потому его обиды легче было сносить. А мой муж старается оскорбить меня, нанести удар в самое сердце.

Бипродаш тяжело вздохнул и задумался. Еще в день свадьбы он понял, что Модхушудон — человек совсем другого склада, не такой, как все они. Наверно, это до сих пор его мучает, и он никак не может поправиться. И никто не в силах вырвать Куму из цепких объятий этого «столпа общества». Самое скверное то, что ему заложено все имущество. От этого Куму и страдает. Бипродаша не покидала мысль о том, как освободиться от долга Модхушудону. Он не хотел приезжать в Калькутту, опасаясь осложнений, которые могли возникнуть в его взаимоотношениях с семьей Куму. Из страха, как бы Модхушудон не оскорбил его нежную любовь к сестре, Бипродаш решил жить в Нурногоре. Но ему пришлось приехать в Калькутту, чтобы сделать заем у какого-нибудь другого ростовщика. Он знал, что это нелегко, и тревога терзала душу. Куму спросила, не глядя на брата:

— Дада, это грех, что я не могу любить мужа?

— Куму, ты же знаешь, что я смотрю на грех и добродетель совсем не так, как велят шаstry.

Куму рассеянно листала иллюстрированный английский журнал.

— Жизнь у людей складывается по-разному, поэтому законы добра и зла меняются в соответствии с обстоятельствами, иначе они утратили бы свой истинный смысл.

— Так было с Мира-бай, — пробормотала Куму, не поднимая глаз от журнала.

Когда для Куму становилась невыносимой борьба с долгом, она всегда вспоминала Мира-бай. Она так хотела, чтобы кто-нибудь разъяснил ей жизнь и поступки Мира-бай.

Куму поборола смущение и спросила:

— Мира покинула своего законного мужа потому, что нашла божественного супруга в своей душе. А могу я освободиться от оков общества?

— Куму, твой бог — в твоей душе.

— Одно время я тоже так думала. Но когда мне стало тяжело, я увидела, что душа моя словно иссохла. И сколько я ни старалась, я не могла ощутить бога. Это меня больше всего печалит.

— Куму, в душе бывают приливы и отливы. Не отчайвайся. После ночи вновь приходит день. Бог, которому ты поклоняешься, живет в твоей душе, он неотделим от тебя.

— Благослови меня, чтобы я никогда не разлучалась с богом. Он жесток, к нему можно приблизиться лишь путем страданий. Но, дада, я замучила тебя своими разговорами!

— Куму, еще когда ты была совсем маленькой, я привык беспокоиться о тебе. И если я ничего не знаю о твоей жизни, в душе у меня пустота. Эта пустота меня гнетет.

Куму принялась гладить ноги брата.

— Дада, не беспокойся обо мне. Бог — мой хранитель — всегда во мне. Мне ничто не грозит.

— Ну, ладно, оставим этот разговор. Давай лучше я буду учить тебя песням, как раньше.

— Как хорошо, что ты научил меня петь, дада, песни мне помогали. Но сегодня не надо, ты еще слаб. Лучше я тебе спою.

Куму пристроилась у изголовья брата и тихонько запела:

Возлюбленный пришел, прекрасноликий,
То Кришна — мира властелин великий,
Себя я приношу к его стопам.

Бипрадаш слушал, смежив веки. Куму пела, и перед глазами ее возникали чудесные картины. Казалось, на небе ее души занимается заря. В дом пришел возлюбленный, она может припасть к его ногам. Воображаемый мир, в котором происходят встречи с любимым благодаря песне, вдруг стал явью. «Себя я приношу к его стопам», — пела Куму, и эти мечты вошли в ее жизнь,

заполнили ее, в мире не осталось места для страданий и обид. «Возлюбленный пришел», — чего же еще желать! Если бы эта песня никогда не кончалась, Куму не ведала бы печали.

Гокул принес чашку ячменного отвара и ломтики поджаренного хлеба.

— Дада, — произнесла Куму, оборвав песню, — недавно я мечтала о гуру, теперь он мне не нужен. Ты научил меня песне, а песня лучшая советчица.

— Куму, не заставляй меня краснеть. Такие гуру, как я, встречаются на каждом шагу. Они раздают другим советы, а сами ничего не смыслят. Скажи мне, как долго ты здесь пробудешь?

— Пока меня не позовут.

— Ты хотела сюда приехать?

— Нет.

— Что это значит?

— Не надо об этом, дада. Мне трудно разобраться в своих чувствах. Но сейчас я так рада, что удалось приехать к тебе. Чем дольше здесь пробуду, тем лучше. Дада, ты ни к чему не притрагиваешься, поешь!

Слуга доложил о приходе господина Мукхерджи.

— Пригласи его, — сказал Бипродаш. Видно было, что он встревожен.

47

Когда Калу вошел в комнату, Куму склонилась впронаме.

— А, наша маленькая девочка приехала! — воскликнул Калу. — Ну, теперь твой дада скоро поправится.

На ресницах Куму задрожали слезы.

— В ячменный отвар добавить лимонного соку? — спросила она, утирая слезы.

Бипродаш печально махнул рукой, словно хотел сказать: «Не добавили, ну и что за беда».

Куму знала, что Бипродаш терпеть не мог ячменного отвара, и всегда добавляла в него лимонного соку и розовой воды со льдом, получалось что-то вроде шербета. Без нее никто этого не делал, и Бипродаш никого об этом не просил, он с отвращением съедал то, что ему давали.

P. Tarop
1930

Куму забрала чашку с отваром и вышла.

— Какие новости, Калу? — с тревогой спросил Бипрадаш.

— Никто не хочет давать денег под твое имя. Нужна подпись Шубодха. Кое-кто из ростовщиков-марвари согласился, но это похоже на западню: они требуют слишком высокие проценты.

— Надо телеграфировать Шубодху, чтобы приехал. Медлить больше нельзя.

— Мне тоже все это не нравится. В тот раз, когда я продал твое кольцо и принес Модхушудону деньги в счет долга, он не захотел их брать, тогда я понял — дело плохо. Стоит ему пожелать — и он затянет на нас петлю.

Бипрадаш, задумавшись, молчал.

— Дада, — снова заговорил Калу, — наша маленькая девочка приехала так неожиданно. Уж не поссорилась ли она с мужем? В нашем положении лучше не сердить Модхушудона. Об этом надо помнить.

— Она сказала, что муж согласился ее отпустить.

— Не успокоюсь, пока не узнаю, в чем тут дело. Надо ли тебе объяснять, как осторожно я веду себя с Модхушудоном. Я хладнокровно сионшу все, хотя гнев так и пылает во мне. Я — как вершина Гауришанкара, на которой даже от палящего солнца не тает снег. Муж твоей сестры — твой кредитор! Как тут не быть осторожным!

Бипрадаш ничего не ответил.

Из забытья его вывел голос Куму:

— Поешь, дада. — Она держала перед ним чашку.

Куму сразу поняла, что у брата неприятности.

Как только Калу вышел из комнаты, Куму выскользнула вслед за ним. Догнав его на веранде, она попросила:

— Расскажи мне все.

— Что тебе рассказать?

— У вас неприятности?

— Да разве бывает так, чтобы были дела и не было неприятностей? Проголодаяешься — так и на хлебное дерево полезешь за плодами, только, пока их достанешь, весь исколешься колючками.

— Оставь свои прибаутки, расскажи, что произошло.

- С женщинами не говорят о делах.
- Я знаю, о чем шла речь. Сказать?
- Ну?

— О деньгах, которые дада занял у моего мужа.
Не отвечая, Калу смотрел на Куму большими, широко раскрытыми глазами.

- Что, угадала?
- Ты, как твой дада — с полуслова обо всем догадываешься.

Сразу же после свадьбы, когда Модхушудон стал хвастаться, что он — кредитор Бипродаша и может его стереть в порошок, Куму поняла, как унизительно для брата находиться в зависимости у Модхушудона, и каждый день мечтала о том, чтобы этой зависимости пришел конец. Куму знала, как страдает Бипродаш. Когда Нобин объяснил ей смысл последнего письма Бипродаша, Куму тотчас подумала, что причиной всему — деньги, которые брат задолжал Модхушудону. Ничего удивительного в том, что у ее брата такой больной вид. Совершенно ясно, по каким делам он приехал в Калькутту.

— Калу, не скрывай от меня, ведь дада приехал занимать деньги?

— Да, надо платить долги. Только деньги не падают с неба. Плохо быть должником у родственников.

— Это верно. А ты достал деньги?

— Пока нет. Но достану, чего волноваться?

— Пока, значит, не удалось?

— Маленькая моя девочка, раз ты все знаешь, зачем спрашививать? Помнишь, в детстве ты тянула меня за усы и приставала, откуда они у меня? А я отвечал, что когда-то посеял их, и вот они выросли. Тебя вполне удовлетворяло мое объяснение. Если бы ты задала мне этот вопрос теперь, для разъяснений пришлось бы звать ученика. В каком законе сказано, что я должен все тебе объяснять?

— Но я хочу знать все, что касается брата.

— Откуда у него усы, да?

— Не уклоняйся от ответа. Я по лицу брата догадалась, что денег достать не удалось.

— Предположим, ты будешь знать, что я не достал денег, что тогда?

— Не могу тебе объяснить, но знать я должна. Так, ты не достал денег?

— Не достал.

— Это трудно?

— Нелегко, но я достану. Послушай, диди, вместо того чтобы отвечать на твои вопросы, пойду-ка я лучше добывать деньги. Больше пользы будет.

Калу ушел было, но вернулся.

— Девочка моя, вот ты приехала сюда, а у тебя у самой все в порядке? Скажи мне правду.

— Я и сама хорошенько не знаю.

— Муж тебя отпустил?

— Отпустил, но я не просила.

— Рассердился?

— И этого не знаю. Сказал, чтобы я не возвращалась, пока не позовет.

— Неважно. Возвращайся, не дожидаешься приглашения, сама.

— Тогда я нарушу его приказ.

— Ладно, об этом я позабочусь.

Куму не покидала мысль о том, что дада попал в беду из-за нее. Она готова была избить себя. Ведь есть же такие саньяси, которые спят на ложе из шипов! Она тоже согласна спать на шипах, только бы это помогло, она готова пойти в услужение к любому йогу, святому. Наверняка есть люди, которые знают выход, но где они? Не будь она женщина, она бы нашла какое-нибудь средство. А о чем думает ее младший брат? Как может он спокойно сидеть в Англии, взвалив все бремя на плечи старшего брата?

Когда Куму вернулась в комнату, Бипрадаш лежал, уставясь в потолок, и о чем-то мучительно думал. Так он никогда не поправится! Как немилостива к ней судьба!

Куму присела у изголовья брата и стала водить рукой по его волосам.

— Когда приедет наш брат? — спросила она.

— Не знаю.

— Напиши ему, чтоб приехал.

— Зачем?

— Тебе так трудно!

— Одним легко, другим — трудно. Так уж заведено в мире. Я сам предпочел трудности и не собираюсь перекладывать их на кого бы то ни было.

— Будь я мужчиной, я отняла бы у тебя все твои трудности.

— Значит, и ты понимаешь, что трудности — это не так уж плохо. Почему же ты хочешь отдать их другому? Разве я в чем-нибудь провинился?

— Дада, ты приехал занимать деньги?

— С чего ты взяла?

— Прочла это на твоем лице. Я ничем не могу тебе помочь?

— Ты?

— Ну, допустим, подписать какой-нибудь документ. Разве моя подпись ничего не стоит?

— Твоя подпись стоит очень дорого, но только для нас, а не для ростовщика.

— Умоляю тебя, скажи, что я могу сделать?

— Будь спокойна, терпеливо жди. Помни, что это в жизни тоже важно. Уменье владеть собой так же необходимо, как уменье управлять лодкой в бурю. Принеси эсрадж, поиграй мне.

— Дада, я так хочу что-нибудь сделать для тебя!

— Тогда поиграй.

— Я хочу сделать что-нибудь трудное.

— А играть на эсадже куда труднее, чем расписываться на бумажке. Неси инструмент!

Шема боялась Модхушудона так же сильно, как и все. Она догадывалась, что втайне он питает к ней слабость, но не знала, с какой стороны преодолеть преграду, чтобы приблизиться к нему. Она ощупью искала дорогу, но всякий раз, больно ударившись о преграду, возвращалась назад. Все помыслы Модхушудон отдавал своему любимому делу, главным для него были деньги. Женщины это чувствовали и боялись его. Но в страхе, который он внушал, была притягательная сила. Притворяясь смущенной, с

бьющимся от страха сердцем, Шемашундори кружилась около Модхушудона. Иногда, на миг забывшись, Модхушудон бывал к ней милостив, но и это пугало ее, потому что вскоре он бросался в другую крайность, пытаясь доказать, что к женщинам он может испытывать лишь презрение. Поэтому Шемашундори приходилось быть оченьдержанной в проявлении своих чувств.

Но с тех пор, как Модхушудон женился, она осмелела. Ей было бы легче, если бы Модхушудон презирал Куму так же, как и остальных женщин. Увидев, что даже такой человек, как Модхушудон, может потерять голову, Шема лишилась покоя. Она стала предпринимать новые шаги и увидела, что дело подвигается. Иногда она натыкалась на препятствия, но, оказывается, и их можно преодолеть. Обнаружив слабость Модхушудона, она дала волю своим чувствам. Никогда еще Модхушудон не был так добр к Шеме, как в ночь накануне отъезда Куму. И Шема испугалась, как бы он не оттолкнул ее от себя еще дальше. Однако она научилась понимать, что опасность не странна, если ее не бояться.

Модхушудон ушел из дома рано утром и вернулся только после полудня. Давно уже с пим такого не случалось. Он пришел усталый, измученный и первым делом вспомнил о том, что Куму уехала к своему брату и уехала с радостью. До сих пор Модхушудон всегда рассчитывал только на свои силы, и теперь, когда ему было так тяжело, когда он поддался минутной слабости и в нем пробудилась жажда ласки и любви, ему стало особенно горько, что Куму уехала.

Сегодня Шемашундори нарочно не пришла прислуживать ему во время еды. А вдруг после вчерашнего он зол на самого себя? Пообедав, Модхушудон поднялся в пустую спальню и через некоторое время послал за Шемой. Накинув красную английскую шаль, Шема поспешила на его зов. Она вошла в комнату со смущенным видом и остановилась у двери, потупив глаза.

— Входи, входи, садись, — пригласил Модхушудон.

Шема села у его изголовья.

— У тебя совсем больной вид, — пробормотала она и, наклонившись, положила руку ему на лоб.

— Какие прохладные у тебя руки, — вздохнул Модхушудон.

Вечером, когда он ложился спать, Шема без приглашения вошла к нему в спальню.

— Ты один, — посочувствовала она...

Шема даже не дала ему накинуть покров тайны на их отношения. Она как будто хотела, чтобы все видели ее торжество. Времени совсем мало, скоро вернется Куму, а до ее приезда надо непременно утвердить свои права. Стыд тут ни к чему. Если она открыто заявит о победе, ей легче будет отстоять свою власть. Скоро все стало известно и слугам. Долго сдерживаемая страсть вырвалась наружу и запылала ярким пламенем. Модхушудон ни на что не обращал внимания. Нобин и Нистарини понимали, что времени терять нельзя.

— Не пора ли вызвать диди? — сказала Нистарини.

— Я и сам об этом думаю, — ответил Нобин. — Только нельзя без приказа брата.

Утром, когда Нобин пришел к брату с намерением исподволь завести с ним разговор, он увидел, что тот собирается уезжать — у ворот стояла коляска.

— Ты куда? — осведомился Нобин.

— К астрологу Бенкото-свами, — смущенно ответил Модхушудон.

Он не хотел признаваться в этом Нобину, но вдруг подумал, что неплохо было бы взять его с собой.

— Поедем, — предложил он.

«Не миновать беды!» — пронеслось в голове Нобина.

— Я раньше узнаю, дома ли он. Он собирался к себе на родину, по крайней мере, я так слышал.

— Хорошо, посмотрим.

Нобину ничего не оставалось, как поехать. Он предчувствовал недобroе.

Как только коляска остановилась у дома астролога, Нобин живо соскочил и, заглянув в дом, объявил:

— Кажется, никого нет!

Едва он это сказал, как в дверях появился сам Бенкото-свами. Он что-то жевал. Нобин быстро подошел к нему вплотную и, совершая пронам, шепнул:

— Будьте осторожны!

Они вошли в ту же самую темную комнату и сели на диван. Нобин устроился позади брата. Не успел Модхушудон и рта раскрыть, как Нобин выпалил:

— Для махараджи настали плохие времена. Скажите нам, пожалуйста, когда расположение планет будет благоприятным.

Модхушудон разозлился на Нобина за то, что тот раскрыл его карты, и狠狠地踢了他一脚。

Бенкото-свами начертывал круг и объяснял, что расположение планеты Сатурн угрожает коммерческим делам Модхушудона.

Название планеты было Модхушудону ни к чему. Он хотел знать имена людей, которые ему вредят. Несчастье было в том, что Нобин совсем не знал положения дел Модхушудона и ничем не мог помочь прорицателю. Бенкото-свами бормотал правила из «Мугдха-бодхи», древней санскритской грамматики Вопадевы, исcosa поглядывая на Модхушудона. Сегодня Бхригу безмолвствовал. Вдруг предсказатель заявил, что всему виной — женщина.

Нобин облегченно вздохнул. Все уладится, если удастся доказать, что эта женщина — Шемашундори. Модхушудон требовал имя. Астролог вслух забарабанил алфавит. Дойдя до буквы «к», он заметил, что Модхушудон слегка вздрогнул. Тогда предсказатель сделал вид, будто мудрец Бхригу что-то шепнул ему. За его спиной Нобин отрицательно мотал головой. Нобин и понятия не имел о том, что в Мадрасе, откуда родом был почтенный предсказатель, этот жест означает утверждение. И Бенкото зычным голосом провозгласил, что имя женщины начинается на букву «к». По выражению лица Модхушудона он понял, что попал в точку. Тут он поспешил заявить, что все несчастья Модхушудона от этой «к».

Модхушудон больше не настаивал, чтобы ему открыли полное имя.

— Что же делать? — в страхе спросил он.

— Колючку извлекают колючкой, — глубокомысленно изрек Бенкото санскритскую пословицу и пояснил: — Тебя спасет другая женщина.

Модхушудон был потрясен. Астролог отлично разбирался в человеческих судьбах.

Нобин перепугался не на шутку.

— А скажите, победила ли лошадь махараджи на скачках?

Бенкото знал, что лошади чаще всего терпят поражение, поэтому он притворился, что делает вычисления, а потом сообщил:

— Я вижу здесь неудачу.

Совсем недавно лошадь Модхушудона одержала победу на скачках. Не давая брату вставить ни слова, Нобин с озабоченным видом задал новый вопрос:

— Какая судьба ожидает мою дочь?

Никакой дочери у Нобина, разумеется, не было.

Бенкото решил, что Нобина беспокоит будущее замужество дочери. Взглянув на Нобина, нетрудно было догадаться, что его дочери далеко до небесных красавиц.

— Жениха найти будет нелегко, придется уплатить много денег, — гласило предсказание.

Не давая Модхушудону опомниться, Нобин засыпал прорицателя чуть не десятком несуразных вопросов и получил на них еще более несуразные ответы. Наконец он сказал:

— Ну что, дада? Попали.

Едва они уселись в коляску, как Нобин начал:

— Дада, все он врет. Это плут какой-то.

— Но ведь в тот раз...

— В тот раз он заранее все знал.

— Откуда он знал, что я приеду?

— Это я глупил. Моя вина, что я тебя к нему привез.

Хоть провал прорицателя был явным, все же Модхушудон не мог забыть его фразы о том, что от «к» все его несчастья. Он поразмыслил и пришел к выводу, что планеты могут давать неверные ответы на незначительные вопросы, но в том, что касается важного, они не ошибаются. Модхушудон и не предполагал, что все его беды начнутся со времени свадьбы. Какие тут еще доказательства нужны?

— Прошло уже две недели, не привезти ли невестку? — осторожно предложил Нобин.

— Зачем? К чему спешить? Запомни, Нобин, я просил тебя никогда не говорить со мной об этом. Когда нужно будет, сам привезу!

Нобин знал брата, он попял, что разговор окончен.
И все же осмелился спросить:

— А можно моей жене навестить боу-рани?

— Пусть едет, — пренебрежительно бросил Модхушудон.

49

Бипрадаш в замешательстве указал на стул и пригласил:

— Проходите, Нобин-бабу, садитесь сюда.

— Вы ведь меня совсем не знаете, — заговорил Нобин. — Наверно, думаете, что я — балованный сынок из богатого дома. Я недостойный слуга вашей сестры, поэтому не лишайте меня вашего расположения. Но что с вами такое? От вас осталась одна тень!

— Время от времени полезно напоминать нам о том, что наше тело всего лишь тень. Так легче привыкнуть к мысли о смерти.

В комнату вошла Куму.

— Идем, я тебя угощу.

— Согласен, только с одним условием. И до тех пор, пока ты его не выполнишь, твой гость, брахман, будет стоять голодный у дверей.

— Что же это за условие?

— Помнишь, о чем я тебя просил? Ты должна подарить портрет твоему почитателю. Ты сказала, что у тебя его нет, теперь же ты не сможешь так сказать: он висит на стене в комнате твоего брата.

Так редко можно увидеть хорошую фотографию, но эта была просто великолепна. Чистое сияние озаряло лицо Куму. На лбу играл отблеск мысли, печальные глаза смотрели с глубокой искренностью. Куму была сфотографирована во весь рост. Правой рукой она опиралась о спинку стула. Взор ее был устремлен вдаль, будто она сквозь годы увидела перед собой свой образ и застыла, всматриваясь в него.

Куму еще не видела этого снимка. За несколько дней до свадьбы Бипрадаш пригласил из Калькутты фотографа, чтобы сделать ее портрет. Теплая волна прилила к сердцу Куму, когда она подумала о нежной любви брата.

Она вопросительно взглянула на него: наверняка должны быть еще фотографии.

— Вот видите, Бипродаш-бабу, она сжалилась. Посмотрите на нее. Она так добра ко мне, потому что я недостоин ее доброты.

— Куму, вон в той шкатулке есть еще несколько фотографий, — с улыбкой сказал Бипродаш. — Можешь сделать подарок своему почитателю, я от этого не обеднею.

Когда Куму увела Нобина, к Бипродашу зашел Калу.

— Я дал телеграмму брату.

— От моего имени?

— Да, от твоего имени, дада. Я знаю, ты до последнего момента будешь колебаться, но сейчас настали трудные времена. Доктор говорит, что ты не выдержишь всего этого.

Врач обнаружил у Бипродаша болезнь сердца и сказал, что ему необходим покой, душевный и физический. Одно время Бипродаш чрезмерно увлекался спортом и подорвал свое здоровье. К этому прибавились последние волнения.

Бипродаш не знал, стоило ли так настаивать на приезде Шубодха, и поэтому ничего не ответил Калу.

— Зря ты себя мучаешь, — стал уговаривать его Калу, — для окончательного решения всех дел приезд твоего брата просто необходим. Нельзя идти в кабалу к ростовщикам. Они потребуют двенадцать процентов годовых, что составит кругленькую сумму в двести тысяч рупий, да еще маклерам платить.

— Ладно, пусть приезжает, — согласился Бипродаш. — Только приедет ли?

— Да уж каким бы важным господином он ни стал, а, получив такую телеграмму, должен приехать. На этот счет ты не беспокойся. Дада, отправь сестру в дом мужа, не медли больше.

— Нельзя, пока не позовет Модхушудон.

— Почему? Что она — рабочий на джутовой плантации? Разве надо ждать приглашения, чтобы приехать к себе домой?

После угощения Нобин снова пришел к Бипродашу.

— Куму вас любит, — сказал ему Бипродаш.

— Наверно, потому, что я недостоин ее любви,

— Я хочу с вами поговорить о Куму, будьте со мной откровенны.

— Хорошо.

— Мне кажется, что-то неладно с ее приездом.

— Вы угадали. Оскорблений выпадают даже на долю тех, кого и в мыслях нельзя оскорбить.

— Значит, ее оскорбили?

— Да, потому я и приехал. Мне ничего не остается, как склониться к вашим ногам и просить прощения.

— Значит, Куму сегодня не возвратится в дом мужа?

— Сказать по правде, я не смею ей этого советовать.

Бипродаш счел неудобным выяснить у Нобина, что случилось. Приставать с расспросами к Куму ему не хотелось. Но он не находил себе места от беспокойства. Наконец он позвал Калу.

— Ты бываешь у них в доме, может быть, ты знаешь, что там произошло?

— Кое-что до меня дошло, но я не хочу тебе ничего говорить, пока не выясню все до конца. Потерпи дня два.

Бипродаш еще больше встревожился. Он был бессилен что-либо предпринять, и отчаяние сжимало его грудь.

50

Заветное желание Куму сбылось: она вернулась в родной дом и вновь окружена любовью брата, но куда девалась ее прежняя беззаботность? Иногда от обиды ей хотелось уехать, потому что она понимала, что у всех на языке вертится один и тот же вопрос: «Почему она не возвращается? Что произошло?» Сквозь нежные заботы брата проглядывало беспокойство. Но Куму избегала разговоров с ним на эту тему.

Настал вечер, жара спала. Куму сидела в спальне у окна, прислушиваясь к карканью ворон, грохоту колес, шуму большого города. Весна не украсила каменных громад. За окном росло миндалевидное дерево, оно почти совсем скрыло стоявший напротив дом. Сквозь его темнозеленые листья, трепетавшие на ветру, солнечные лучи просеивались вниз, на землю. В такие дни даже приученная лань порывается убежать в незнакомый ей лес.

Кажется, будто от дуновения весны, сама земля в тревожном ожидании всматривается в небесную синь. В такие дни нам кажется ложным все, что нас окружает, мы стремимся в лазурные дали, в неведомые края. Душа Куму тоже порывалась убежать от всего, от самой себя. Но вокруг — ограда. Нынче и в этом доме ей нет спасения. Смерть казалась ей желанной. Она уже представила себе, как идет к берегам Джамуны на встречу с Кришной, преодолевая мучительный, долгий путь. Брату становилось все хуже. Куму так хотела ухаживать за ним, так желала ему добра, но своим приездом принесла ему вред.

Закрыв лицо руками, Куму горько заплакала. А выплакавшись, решила вернуться к мужу. Будь что будет. Она стерпит все. Ведь в конце пути ее ждет избавление — холодные объятия смерти, навеки дарующие радость. Чем больше она думала о смерти, тем легче ей казалось бремя жизни. Она стала тихонько напевать:

Дорога окутана мглой,
Над садом сияет луна.

В полдень Куму уложила брата спать, теперь надо было накормить его и дать ему лекарства. Но брат не спал, он сидел на постели, положив на колени портфель, и писал Шубодху длинное письмо по-английски.

— Дада, ты же совсем не спал, — с укором сказала Куму.

— Я знаю, ты считаешь, что во сне человек отдыхает. Но когда на тебе висит какое-то дело, уж лучше поскорее покончить с ним.

Куму поняла, что брат пишет это письмо ради нее. Один брат мучается здесь, другой должен приехать из-за океана. Всем она приносит несчастье. Такая уж у нее судьба.

Напоив брата чаем, она тихо промолвила:

— Прошло уже много времени, мне пора домой.

Бипрадаш смотрел на нее и пытался понять, что означают ее слова. Раньше они понимали все без слов, теперь же они будто блуждали во тьме. Бипрадаш отложил письмо, усадил сестру рядом с собой и стал тихо гладить ее руки. Куму поняла, что он хотел ей сказать: узел жизни затянулся, но любовь брата к Куму не иссякла. Слезы

затуманили Куму глаза, но она подавила рыдания: она никогда не погасит огня любви в своей душе.

— Дада, я решила ехать, — повторила Куму.

Бипродаш молчал, он не знал, что сказать. Ей надо было ехать, в этом — ее долг.

Том вылез из-под кровати и заскулил, прося, чтобы его покормили.

Вошел слуга Рамшпоруп и доложил о приходе господина Мукхерджи.

— Ну вот, сегодня ты даже не поспал, а сейчас от разговоров с Калу совсем утомишься, — забеспокоилась Куму. — Лучше я пойду поговорю с ним, а потом передам все тебе.

— Хороший ты доктор, Куму! Думаешь, что больной скорее понравится, если ты выслушаешь то, что касается его самого.

— Хорошо, я не буду с ним говорить, но и ты не говори.

— Куму, один английский поэт сказал, что сладка та песнь, которую мы слышали, но еще слаще та, которой мы не слышали. Иногда получать вести бывает тяжело, но еще тяжелее не получать их. Лучше узнать все немедленно.

— Я приду через пятнадцать минут и, если вы еще не кончите, буду играть на эрадже самую громкую мелодию.

— Согласен.

Куму зашла через полчаса, неся с собой эрадж. Увидев выражение лица Бипродаша, она прислонила инструмент к стене, подсела к брату и спросила, скав его руку:

— Что случилось?

Куму видела, что к тревоге, которая владела теперь Бипродашем, примешивалась глубокая печаль. В жизни Бипродаша немало было горестей, но он редко падал духом. Несчастья не могли одержать над ним верх, он всегда находил утешение: читал книги, занимался музыкой, наблюдал в телескоп за звездами, увлекался верховой ездой, а то вдруг выписывал из разных краев диковинные садовые растения. Но болезнь подточила его силы и замкнула его интересы в узком кругу. Он теперь зависел от окружающих. Если он вовремя не получал письма, его начинали одолевать черные мысли. В заботах Куму о

брате появилось что-то материнское, а ее дада, всегда такой терпеливый и спокойный, подчас вел себя, как ребенок: стал капризен, упрям.

И вот, совершенно неожиданно для Куму, брат преобразился. В его глазах она увидела тот же огонь, что и в третьем глазу Махадевы: этот огонь порожден не собственной болью, он призван сжечь зло, царящее в мире. Не отвечая Куму, Бипродаш немигающим взором смотрел на стену перед собой.

— Дада, скажи, что же случилось?

— Если убегаешь от несчастий, они всегда настигают. Это надо твердо помнить, — произнес Бипродаш. Мысли его были сейчас далеко.

— Объясни, в чем дело, я, может быть, пойму тебя.

— Я вижу, что в оскорблении, которым подвергается у нас женщина, повинно само общество.

Куму не поняла, к чему он это говорит.

— Я долго мучился, думая, что страдаю только один, а теперь вижу, что надо бороться ради блага всех.

К бледному лицу Бипродаша прилила кровь. Он отшвырнул расшитую шелком подушку, лежавшую у него на коленях, встал и направился к креслу. Куму схватила его за руку:

— Успокойся, ложись, тебе опять станет хуже.

Она силой удержала его и снова уложила на подушки.

Бипродаш скомкал рубашку на груди и продолжал:

— На женщин сыплются удары, потому что они все терпят. У них нет иного выхода. Пришло время сказать, что терпеть больше нельзя. Куму, ты можешь считать этот дом своим. К мужу тебе ехать нельзя.

Калу рассказал Бипродашу все, что ему удалось узнать.

Отношения Модхушудона и Шемашундори уже не были тайной. Эти двое никого не стыдились. Пусть люди их осуждают, они всем бросили вызов. Они не беспокоились о своем добром имени и людской молве. Поговаривали, будто Модхушудон частенько бил Шему. Когда же она затевала ссору, Модхушудон орал на нее при всех:

— Убирайся, бесстыжая! Вон из моего дома!

Но эти перепалки ничего не значили. Модхушудон полностью подчинил ее себе. Стоило Шеме пожелать

больше, чем ей положено, как он тут же ее одергивал. Шема стремилась занять в семье место Нистарини, но и это ей не удалось. Модхушудон целиком полагался на Нистарини и не доверял Шеме. В их отношениях не было никакой романтики, одна лишь грубая страсть. Шема была для него чем-то вроде засаленного одеяла: узоры на нем поблекли, его не берегут, его можно сбросить на пол: но оно греет. Модхушудону не надо было ухаживать за Шемой, она и так была предана ему душой и телом. Она все стерпела бы ради него, пошла бы на что угодно. Шема укрепляла веру Модхушудона в его собственное величие. Не то что Куму, которая постоянно наносила удары его самолюбию.

Калу не пришлось очень стараться, чтобы разузнать последние новости.

Словно стрела пронзила Бипродаша, когда он все узнал. Модхушудон даже не пытался ничего скрывать. С такой легкостью оскорбить свою жену! Женщину можно обидеть, и никто не подумает защитить ее. Общество создало тысячи разных способов наказаний, чтобы заставить беззащитную женщину подчиниться мужчине, и не оставило слабой женщине никакого выхода, чтобы спастись от надругательств мужа. Взору Бипродаша вдруг открылась ужасная картина: в каждом доме из века в век на женщин обрушиваются оскорблении и страдания. Их учат гордиться своей преданностью мужу, но это лекарство лишь на время заглушает боль. Никто не старается избавить их от мук. Что стоит женщина в нашем обществе!

— Куму, стерпеть оскорбление не так уж трудно, но нельзя этого делать, — продолжал мыслить вслух Бипродаш. — Ты должна от имени всех женщин потребовать уважения к себе. И если общество захочет наказать тебя за это — пусть наказывает.

— О каком оскорблении ты говоришь? — прервала его Куму. — Я не понимаю.

— Так ты ничего не знаешь? — удивился Бипродаш.

— Нет.

Бипродаш умолк. Потом проговорил:

— Как жаль мне несчастных женщин! И знаешь, почему?

Куму молча смотрела на брата. Бипрадаш пояснил:

— Я не могу забыть несчастий, которые всю жизнь терзали нашу мать. За это в ответе наше безнравственное общество.

Тут мнения брата и сестры сильно расходились. Куму горячо любила отца, она знала, какое доброе у него было сердце. Она боготворила отца, несмотря на все его проповеди. И в гибели его она винила мать.

Бипрадаш тоже видел достоинства отца и глубоко чтил его. Но он никогда не мог ему простить поступков, которые оскорбляли мать. Бипрадаш даже втайне испытывал чувство гордости оттого, что мать не простила отца.

— Унижения нашей матери — это унижения всех женщин. Куму, забудь о себе и встань на защиту достоинства всех женщин. Тогда ты непременно победишь.

Куму опустила голову и тихо сказала:

— Не забывай, отец очень любил мать. За такую любовь можно простить любой грех.

— Знаю. И, несмотря на свою любовь, он с легкостью оскорблял мать — в этом повинно общество. И обществу я простить не могу. Оно отвергает любовь, для него важны лишь запреты.

— Дада, ты что-нибудь узпал?

— Да, но я расскажу тебе потом.

— Вот и хорошо. А то как бы от всех сегодняшних разговоров тебе не стало хуже.

— Нет, Куму, как раз наоборот. Я совсем было ослабел. Но сейчас, когда я знаю, что надо бороться, я чувствую прилив сил.

— С кем бороться, дада?

— С обществом, которое лишает женщину ее места в жизни.

— А что ты можешь сделать?

— Презирать законы этого общества. Я брошу ему вызов. Надо только подумать, с чего начать. Помни, в этом доме ты полновластная хозяйка. Тебе ни с кем не придется делить своего места.

— Хорошо, дада, пусть будет так. Только не надо больше разговаривать.

В это время доложили о приходе Нистарини.

Куму увела Нистарини в спальню.

Стемнело. Слуга принес лампы. Но Куму не велела их зажигать. Все, что рассказала ей Нистарини, Куму выслушала молча.

— Злые духи овладели домом, диди, — сокрушилась Нистарини. — Но ведь жить там как-то надо. Неужели ты не вернешься?

— Разве меня зовут?

— Нет, я думаю, он и не собирается тебя звать. Но ты должна вернуться.

— Не знаю, что мне делать. Все равно я не смогу ему угодить. Ведь если разобраться, все случилось из-за меня, этого нельзя было предотвратить. Он отверг то, что я могла ему дать. А теперь я приду с пустыми руками. Как же мне быть?

— Что ты говоришь, боу-рани, ведь это твой дом! Ты не можешь его покинуть!

— Что значит дом? Стены, вещи, слуги? Я постыдилась бы сказать, что они мои. Я потеряла право на место в доме, зачем же мне вещи или стены?

— Опомнись! Неужели ты никогда не вернешься?

— Не знаю. Случись это раньше, я бы вопрошала богов, ждала их знамения. Но все мои надежды рассеялись как дым. Предзнаменования жестоко обманули меня. Не раз я думала о том, что надо было слушаться брата, а не уповать на бога, тогда не произошло бы всех этих несчастий. И все же я не могу отречься от моего бога, — хоть вера в него и поколебалась. Я снова и снова возвращаюсь к нему и припадаю к его стопам.

— Страшно слушать тебя. Ты не поедешь домой?

— Тяжело думать, что я не вернусь туда, по и оозвращении думать не легче.

— Пойду поговорю с твоим братом. Что он скажет. Можно с ним повидаться?

— Пойдем, я отведу тебя.

Нистарини поразилась, взглянув на Бипродаша, и невольно сравнила его лицо с храмом, разрушенным землетрясением: огонь в храме погас, там царит мрак и безмолвие.

Нистарини низко поклонилась и села на пол.

— Вот стул, — забеспокоился Бипродаш.

— Нет, нет, мне и здесь хорошо, — отказалась Нистарини.

Глаза ее засияли от слез. Она понимала, как тяжело Куму видеть брата в таком состоянии.

— Дада, наша гостья пришла, чтобы узнать твоё мнение, — сказала Куму, желая помочь Нистарини завязать разговор.

— Нет-нет, — поспешила возразить Нистарини, — я пришла, чтобы засвидетельствовать вам мое почтение.

— Наша гостья хочет спросить, вернувшись ли я к ним в дом, — не унималась Куму.

Бипродаш привстал.

— Ведь это чужой для нее дом, как же ей там жить? — Произнеси Бипродаш эти слова с гневом, они не прозвучали бы с такой силой. Но он говорил спокойно, лицо его оставалось бесстрастным.

Нистарини что-то прошептала. Она хотела, чтобы Куму, сидевшая рядом с ней, передала ее слова Бипродашу. Но Куму не стала этого делать.

— Ты сама скажи, громче, — посоветовала она.

— То, что принадлежит ей, не может стать чужим, — едва слышно произнесла Нистарини.

— Нет, это неверно. Там она принята из милости. Муж волен выгнать ее из дома; может, его за это осудят, но никто ему не помешает. Все кары, какие только есть на свете, предназначены для Куму. Можно смириться с жизнью в убежище, предоставленном из милости, но лишь в том случае, если оно принадлежит великодушному человеку.

Нистарини ничего было возразить. Когда что-нибудь не так в доме мужа, родственники жены обычно на все готовы, чтобы его умилостивить. А тут совсем наоборот!

— Но ведь женщина должна иметь свою семью, — помолчав немного, пробормотала Нистарини, — это мужчины могут носиться по волнам жизни, а женщине нужно прибежище.

— Прибежище где? Среди бесчестия? Куму — творение рук божьих, и никто не вправе оскорблять ее, даже сам император.

Нистарини очень любила Куму, уважала ее, но не могла себе представить, что женщина способна ценить себя так высоко и может ставить выше преданности мужу чувство собственного достоинства. Можно ссориться, сносить унижения, можно даже отравиться опиумом или накинуть петлю на шею, чтобы избавиться от тирании. Но уйти от мужа и жить без семьи — значит бросить вызов. К чему такое высокомерие? Пусть Модхушудон недостоин жены, пусть его поступки низки, но ведь он мужчина. Уже этим он выше жены, и тут нечего рассуждать. Разве можно выиграть тяжбу с самим творцом?

— Все равно ей придется вернуться, иного выхода нет, — твердила Нистарини.

— Так думать может лишь рабыня, купленная на рынке.

— Женщина тоже считается купленной с того момента, как на свадьбе прозвучат священные заклинания. Стоит только раз обойти огонь — и она душой и телом принадлежит своему господину, пути к бегству для нее отрезаны. Эти узы сильнее смерти. Раз уж родилась женщиной — терпи, судьбы не изменишь.

Бипрадаш понял, насколько не уважают себя сами женщины. Они и не догадываются, что именно поэтому их с такой легкостью унижают. Они словно сами гасят свой свет, а потом погибают в страхе и тревоге, сносят удары от негодяев и полагают, что высшее назначение женщины — уменье безропотно терпеть. Нет, нельзя допустить, чтобы так попирали человеческое достоинство. Общество бросило женщину в пропасть унижений, и теперь женщины увлекают в эту пропасть само общество.

Куму, понурив голову, сидела на полу у постели брата. Не ответив Нистарини, Бипрадаш положил руку на голову сестры:

— Выслушай меня, Куму, и попытайся понять. Если власть досталась человеку недостойному, она теряет всякую цену, и ею пользуются лишь в низких целях. Я не раз говорил, что тебя постигнет тяжкое разочарование в вере. Я не мешал тебе устраивать угощения для брахманов. Я только старался внушить тебе, что, когда слепо верят в превосходство какого-то человека, это причиняет вред не только ему, от этого рушатся общественные

идеалы. Почему никто не думает о том, что слепое почитание унижает самого почитателя? Ты ведь немного знакома с английской литературой и знаешь, что сейчас на всей земле бушует буря, началась борьба против непрекаемой власти авторитетов. Пришло время избавиться от добровольного слепого рабства, которому человек веками давал такое громкое название.

— Дада, — не поднимая головы, спросила Куму, — ты хочешь сказать, что женщина будет стоять выше мужчины?

— Нет. Я только против несправедливости; по-моему, муж и жена должны занимать равное положение.

— А если этого нет, значит, жена...

— Если жена, — прервал Бипродаш, — терпит эту несправедливость, она тем самым наносит вред всем женщинам. Так они и приносят несчастья друг другу.

Тут Нистарини не утерпела:

— Наша боу-рани — преданная жена, никакое оскорбление к ней не пристанет.

— Преданная жена? — развел ногами Бипродаш. — А подумали вы о том, какое это бедствие, когда негодяй получает право тиранически обращаться с женщиной и каждый день пользуется своим правом.

Куму вскочила и начала нежно гладить волосы брата:

— Хватит, успокойся. Свобода, о которой ты говоришь, познается умом. Мы же всем своим существом сопротивляемся ей. Мы прилепляемся к мужу, переплетаем свою жизнь верой. И нас не вырвать из плена. Вы многое знаете, не скованы предрассудками, у вас же есть вера, она заполняет пустоту в нашей жизни. Слушая тебя, я понимаю, что заблуждалась. Но понять ошибку еще не значит ее избегнуть. Женщине, как лиане, необходима опора. Хорошо это или плохо — не знаю, но мы не можем иначе.

— Потому у негодяев так много защитниц, которые видят зло, но уверяют, что это добро.

— Что делать, дада, так уж мы устроены, что должны обеими руками цепляться за семью. Будь то ствол дерева или соломинка — нам все равно. Мы слушаем и святого наставника, и плута-обманщика. Мы сами опутываем себя сетями. Кто может избавить нас от несча-

стий? Нам приходится страдать, и избавление от страданий мы видим в покорности. Вот почему женщины ищут прибежища в религии.

Бипродаш ничего не ответил. И это огорчило Куму. Она знала, что молчать брату еще тяжелее, чем говорить.

Выходя из комнаты, Нистарини спросила Куму:

— Правильно ли ты поступаешь, боу-рани?

— Я не могу вернуться. И потом, он не звал меня.

Нистарини рассердилась. Нельзя сказать, чтобы она очень уж уважала то, что называют «домом свекра», но она давно там жила и привыкла. Ей было неприятно, что невестка пренебрегает этим домом. Она попыталась объяснить Куму, что мужчинам несвойственна жалость, они необузданы, и это надо принимать как должное. Женщина не дано способности создавать, и она должна пользоваться тем, что есть. Приходится жить в семье, утешая себя мыслью: «Уж таковы они есть». Женщина не может жить без семьи. Плохой ли муж, хороший ли, но у женщины должна быть семья. А без семьи выход лишь один — смерть.

— Ну что ж, — с улыбкой произнесла Куму, — разве смерть — это плохо?

— Не говори так! — вздрогнув, воскликнула Нистарини.

Куму не знала, что недавно в доме по соседству с домом Модхушудона отравилась карболовой кислотой семнадцатилетняя женщина. Ее муж, магистр искусств, занимал высокий пост в правительственном учреждении. Она потеряла серебряный гребень, свекровь пожаловалась ее мужу, и он избил ее. Нистарини вспомнила об этом, и ей стало страшно.

В это время появился Нобин. Куму обрадовалась ему.

— Я знала, что мой деверь не заставит себя долго ждать, — воскликнула Куму.

— Боу-рани сильна в логике. «Сначала появляется ее сиятельство Искра, а уж вслед за ней жди его светлость Огонь», — пошутил Нобин.

— Зря ты так потакаешь ему, боу-рани, — заметила Нистарини. — Он и в самом деле подумает, что ты рада ему, и самомнение его...

— Силен должен быть тот, кто способен радоваться, увидев даже меня. Сам создатель, сотворив меня, сокрушился, глядя на свое творение. А уж величия души той, что стала спутницей моей жизни, «не оденят не только боги, но и люди», — последние слова Нобин процитировал на санскрите.

— Я оставлю вас вдвоем, вы побеседуйте, а я лишняя, — сказала Куму.

— Что ты говоришь, сестрица! — воспротивилась Нистарини. — Кто здесь лишняя? Ты или я? Ты думаешь, он приехал ради меня?

— Я пойду приготовлю ему угощение. — И Куму ушла.

52

— Что-нибудь произошло? — спросила Нистарини.

— Да. Я не мог ждать, надо было посоветоваться с тобой. Только ты уехала, брат зашел ко мне. Он был сильно не в духе. С его письменного стола пропала дешевая позолоченная пепельница. Тот, кто ею завладел, видимо, принял ее за золотую, иначе не стал бы закрывать себе путь в царствие небесное. Ты ведь знаешь, если брат лишается какой-нибудь безделицы, ему мерецится, будто рушатся основы его благосостояния, и он ужасно расстраивается. Сегодня утром, перед тем, как идти в контору, он велел мне отправить Шему в деревню. Я с радостью взялся за это благое дело. Вознамерился спровадить ее до его возвращения из конторы. И вдруг в половине второго он примчался и распорядился: «Пусть пока остается». Уходя от меня, он увидел на моем столе портрет нашей невестки и так и остался. Я понял, что ему неловко украдкой рассматривать ее при мне, и сказал: «Дада, присядь, я покажу тебе ткань из Дакки. Моя жена собирается подарить ее жене своего брата, у той такая прихоть. По-моему, Гонешрам надул меня. Она не стоит тринадцати рупий. От силы девять или девять с половиной».

— С чего это тебе взбрело в голову? — перебила его Нистарини. — Какие там прихоти у жены моего брата? Ее сыну всего полтора месяца. Я вижу, ты

можешь выдумать все что угодно. Где ты научился этому искусству?

— А там же, где и великий поэт Калидаса, — у богини Сарасвати.

— Покуда тебя не прогонит эта богиня, с тобой трудно будет жить!

— Прежде чем попасть на небо, я решил посетить ад. Это мой дар, который я приношу к ногам нашей боу-рани.

— А где ты раздобыл ткань за девять с половиной рупий?

— Да нигде. Минут через двадцать я вернулся и сказал: «Гонешрам унес эту ткань, не спросясь у меня». По лицу брата я понял, что портрет уже оказал свое действие. Уж не знаю почему, но на всей земле дадасовестится только меня, у кого-нибудь другого он бы не задумываясь стянул эту фотографию.

— Чего ж ты пожадничал? Дал бы ее брату.

— Я и дал. Только жаль было. Я сказал ему: «Дада, не заказать ли с этой фотографии портрет? Ее можно будет повесить в твоей спальне». А он задумчиво ответил: «Ладно, посмотрим». Забрал портрет и пошел к себе на верх. Что было потом — не знаю. Кажется, он и в контору не ходил. Словом — я не надеюсь получить портрет обратно.

— Раз уж ты готов лишиться рая ради своей боу-рани, то уж с потерей фотографии мог бы примириться.

— Попаду я на небеса или нет, пока неизвестно, а вот портрет был уже у меня в руках. Фотографии не часто так удаются. На этом портрете запечатлен тот миг, когда ее лицо расцвело доброй улыбкой. Бывало, прошнусь среди ночи, зажгу свет и любуюсь. В отблесках лампы красота ее души сияет еще ярче, чем днем.

— И ты не боишься говорить это мне?

— Если бы боялся, у тебя была бы причина для беспокойства. Каждый раз, как вижу ее, не могу опомниться от изумления. Все думаю, почему нам выпало такое счастье? Прямо дрожь пробирает, как вспомню, что могу называть ее боу-рани. И как случилось на земле такое: она с улыбкой сажает рядом с собой и угождает меня,

ничтожного человека! В нашей семье самый несчастный — мой дада. Она досталась ему без труда, а он захотел ее покрепче привязать к себе и потерял.

— Хватит. Стоит тебе заговорить о своей боу-рани, тебя и не остановишь.

— Я знаю, тебе это немножко досадно!

— Нисколько!

— Да, немножечко! Но я хочу тебе кое-что напомнить. Когда на станции в Нурногоре ты увидела брата нашей боу-рани, сколько ты о нем говорила!

— Ладно, ладно, хватит препираться. Говори, что хотел.

— Теперь дада непременно пошлет за своей женой. Он, я знаю, очень обижен, что она с такой радостью поехала сюда и так долго не возвращается. Дада никак не может понять, почему птицу не привлекает золотая клетка. Такая птица, по его мнению, глупа и неблагодарна.

— И очень хорошо, пусть пошлет за ней. Так ведь было договорено.

— Лучше бы она вернулась, не дожидаясь приглашения, тогда у него прошла бы обида. Бипродаш-бабу хотел, чтобы сестра вернулась, да я отсоветовал.

Нистарини ни словом не обмолвилась о том, какой у нее только что был разговор с Бипродашем, и предложила:

— А ты пойди к Бипродашу-бабу и скажи ему об этом.

— Я как раз и собираюсь. Вот он обрадуется!

— Можно? — раздался за дверью голос Куму.

— Твой деверь все глаза проглядел, ожидая тебя, — съязвила Нистарини.

— Всю жизнь я ждал ее и наконец сподобился лицезреть.

— Ну зачем ты все выдумываешь? — вздохнула Куму.

— Я и сам удивляюсь.

— Пойдем, я накормлю тебя.

— Прежде я должен поговорить с твоим братом.

— Не нужно.

— Почему?

— Сегодня он много говорил, больше нельзя.

— У меня хорошие вести.

— Все равно, приходи завтра.

— Может, завтра меня брат не отпустит или что-нибудь помешает. Прошу тебя, всего на пять минут. Я привнес ему радость, вреда никакого не будет.

— Ну ладно, только прежде поешь.

Угостив Нобина, Куму проводила его к брату. Бипродаш еще не спал. В комнате было полутемно, слабое пламя лампы освещало ее. Занавески, бахрома покрывала, одежда Бипродаша на вешалке, газетный лист на полу, все трепетало от порывов теплого южного ветра.

Бипродаш полулежал на постели. Нобин не решался двинуться с места. В сумерках болезненная бледность Бипродаша придавала ему какой-то потусторонний вид, словно он находился где-то далеко, в другом мире. Казалось, нет на земле человека более одинокого, чем он.

Нобин подошел и склонился к ногам Бипродаша.

— Я не хочу нарушать ваш покой. Я пришел сказать вам, что мы ждем возвращения нашей боу-рани.

Бипродаш молчал и не шевелился. Выждав немного, Нобин снова заговорил:

— Если вы позволите, я подготовлю все для ее отъезда.

Куму устроилась у ног брата. Бипродаш медленно перевел на нее взгляд и промолвил:

— Если ты считаешь, что тебе пора ехать, поезжай, Куму.

— Нет, дада, не поеду.

В комнате наступила тишина, лишь изредка нарушающая скрипом створки окна да шорохом листьев в саду.

Наконец Куму поднялась с постели и обратилась к Нобину:

— Пойдем, пора уже. — Затем повернулась к брату:

— Постарайся уснуть.

Вернувшись домой, Нистарини сказала Нобину:

— Как все это нехорошо!

— По-твоему, надо прощать любые обиды?

— Дело не в обидах. Все это самомнение. Никто в мире их недостоин, они выше всех!

— Я понимаю, что самомнение — вещь плохая! Но о них разговор особый.

— Стало быть, из-за этого нужно идти на разрыв с родственниками?

— Какие там родственники! Одно название. Они — люди совсем другие, не то что мы. Я так робею перед ними.

— Каким бы важным человек ни был, пренебрегать родственниками нельзя, запомни!

Нобин понял, что жена его сердится на Куму. К тому же он знал, что семейным узам женщины придают очень большое значение. Поэтому он не стал спорить с женой и сказал примирительно:

— Подождем еще несколько дней. Особой беды не случится. Пусть брату еще больше захочется ее видеть.

53

Шемашундори старалась убедить себя, что ее положение в доме Модхушудонаочно, но уверенности в этом не было. Она попыталась было распоряжаться слугами, но вскоре поняла, что они не желают признавать ее хозяйкой. Напротив, они дерзко выказывали ей свое презрение при каждом удобном случае. Она придирилась к ним и, гоняя их по пустякам, без конца брюзжала, браницась. До сих пор никто в доме не считался с Шемой, и сейчас она всеми силами стравилась утвердить свои права, но все напрасно.

Слуга, давно живший в их доме, не выдержал притеснений Шемы и попросил отпустить его. Шеме пришлось умерить свой пыл. Модхушудон верил в приметы, он, например, считал дурным предзнаменованием, если кто-нибудь из старых слуг умирал или уходил от него. По этой же причине он без колебаний поставил в своем кабинете, среди модной дорогой мебели старую, залапанную чернилами конторку. Сохранил старую цинковую чернильницу и дешевую деревянную английскую ручку. Этой ручкой он подписал первый деловой документ. И когда слуга Додху захотел уйти, Модхушудон не отпустил его, даже сделал ему щедрый подарок.

Шема прикинулась страшно обиженной, но это ни к чему не привело. Пришлось ей любоваться ухмыляющейся

физиономией Додху. Вся беда была в том, что Шема по-настоящему любила Модхушудона и поэтому не решалась испытывать его терпение. Терзаемая страхом, она собиралась определить, насколько велико его расположение к ней и как далеко она может заходить в своих капризах. Модхушудон же твердо знал, что из-за Шемы не стоит мучиться или терять драгоценное время. Ему ничто не грозит, даже если он не будет потакать ее капризам и заботиться о ней. Его опьяняла любовь Шемы, но он чувствовал, что в любой момент может порвать путы, и это его радовало. Ничего не было для Модхушудона важнее дела. А для дела необходимо полное самообладание. Шема не смела перейти границы дозволенного, стоило ей сделать шаг, как приходилось тут же отступать. Оставалось лишь приносить себя в дар, ничего не требуя взамен.

У Шемы никогда не было ни денег, ни нарядов, а к ним она питала страсть. Но и в этом ей приходилось знать меру. Для такого богача, как Модхушудон, ничего не стоило сделать ей самый дорогой подарок, но Шема ни на что не надеялась. Время от времени он, будучи в хорошем настроении, приносил ей наряды и украшения, но это не утоляло ее жажды. Руки у нее так и тряслись от жадности. Ей хотелось присвоить любую мелочь, попавшуюся ей на глаза. Но и тут ее ждала неудача. Именно из-за подобной мелкой кражи Модхушудон собирался отослать ее из дома. Однако он успел привыкнуть к ней, и к ее заботам. Хоть бетель и табак — прихоть, а все же и они имеют власть над человеком. Он не хотел отказываться от своих привычек, опасаясь, как бы это не помешало делу. Поэтому наказание Шеме было отменено, хотя продолжало висеть над ее головой.

Зная об этом, Шема все время опасалась водворения Куму на ее трон. Ревность терзала Шему. Она понимала, что не может тягаться с Куму. Не стоять им на одном поле боя. Куму не подчиняется власти Модхушудона, и могущество ее безгранично; Шема же целиком находится в его власти и поэтому не имеет для него никакой цены. Сколько слез пролила Шема, сколько раз приходила ей в голову мысль о смерти. «Почему меня так дешево ценият? — размышляла она. — А может, потому я и добилась

своего? Те, кого ценят высоко, завоевывают любовь, по кому цена невысока, те, может быть, и побеждают в жизни именно потому, что готовы на все.

Даже когда Модхушудон держал ее на расстоянии от себя, Шеме не было так невыносимо тяжело. Она мерились со своей несчастной судьбой и довольствовалась тем немногим, что имела. Но сейчас, когда она добилась многоного, но ничего не приобрела, она боялась утратить все. Дорога ее судьбы была так неровна, что каждый миг она ждала крушения.

Как-то она попыталась излить душу Нистарипи, надеясь на ее сочувствие, но та наотрез отказалась говорить с ней. Шема жестоко отомстила бы ей, если бы могла, но знала, что Модхушудон высоко ценит Нистарини как хорошую хозяйку и поколебать ее положение в доме не удастся. С тех пор женщины перестали разговаривать и даже избегали друг друга. Жизнь Шемы стала тяжелее, чем раньше. Нигде она не находила облегчения.

Как-то вечером Шема пришла в спальню Модхушудона и увидела на столе портрет Куму. Словно молния вспыхнула у нее перед глазами, будто гром грянул над головой! Сердце ее затрепыхалось, точно пойманная рыба, она хотела не смотреть, но не могла и буквально впилась глазами в изображение Куму. Лицо ее было бледно, глаза метали искры, пальцы сжимались в кулак. Ей хотелось что-нибудь сломать или изорвать. Боясь, что не совладает с собой, Шема выбежала из комнаты. У себя в спальне она рухнула на постель и в клочья изорвала простыню.

Настала ночь. Пришел слуга и передал, что махараджа зовет ее к себе. У Шемы не хватило сил сказать, что она не пойдет. Она торопливо вскочила, сполоснула лицо, надела даккское сари в крапинку, надушилась и помчалась к Модхушудону.

Она старалась не смотреть на фотографию, но как раз перед ней стояла лампа. Свет ее, словно чей-то внимательный взгляд, падал на изображение Куму. Шема не могла оторвать от него глаз.

Шема подала Модхушудону коробочку с бетелем, потом села и принялась растирать ему ноги. Неизвестно почему, но сегодня Модхушудон был в духе. Он купил в

английском магазине серебряную рамку и сейчас с мрачным видом протянул ее Шеме:

— На, возьми.

Даже делая Шеме приятное, он бывал скончен на ласку. А дай ей волю, она сразу осмелеет. Подарок был завернут в бумагу. Шема осторожно развернула сверток и спросила:

— Для чего это?

— Не знаешь, что ли, для фотографии.

Шема почудилось, будто кто хлыстом ожег ей грудь.

— Для чьей фотографии?

— Да твоей. Ведь тебя как-то фотографировали.

— Не нужны мне такие подарки! — выкрикнула она и швырнула рамку на пол.

Модхушудон был изумлен:

— Что это значит?

— Ничего не значит! — Шема закрыла лицо руками, разрыдалась и, повалившись, стала биться головой об пол.

Модхушудон решил, что подарок показался ей дешевым, она, наверно, ждала дорогих украшений. Весь день он работал в кабинете, и теперь его раздражали эти вопли. Ведь это почти истерика. А истерик Модхушудон не терпел.

— Встань! Сейчас же встань! — угрожающим тоном приказал он.

Шема вскочила и выбежала из комнаты.

— Я не потерплю этого! — вслед ей крикнул Модхушудон.

Он хорошо знал Шему. Немного погодя она придет и будет валяться у него в ногах, прося прощения. Вот тогда он сурово поговорит с ней.

Пробило десять, а Шема все не шла. Снова у ее двери слуга доложил:

— Махараджа зовет.

— Передай махарадже, что я больна.

«Совсем обнаглела, не идет, когда зовут», — подумал Модхушудон. И все же он был уверен, что она придет. Но она не шла. Без четверти одиннадцать Модхушудон встал и быстрыми шагами отправился к Шеме. Загля-

нул в спальню: темно, Шема лежала на полу. «Хочет разжалобить меня», — подумал Модхушудон.

— Вставай, живо! — загремел он. — Нечего притворяться!

Шема молча встала.

54

На следующий день Модхушудон, перед тем как идти в контору, зашел в спальню отдохнуть. Он сразу заметил, что портрет Куму исчез. Обычно в это время Шема всегда приносила Модхушудону бетель. Но сегодня ее не было. Модхушудон послал за ней. Она пришла, заметно смущенная.

— На столе была фотография. Где она? — обрушился на нее Модхушудон.

— Фотография? — удивилась Шема. — Чья фотография?

Удивление ее было слишком уж велико. Женщины часто недооценивают проницательности мужчин.

— Как будто не видела! — резко оборвал ее Модхушудон.

— Не видела, — смиренно подтвердила Шема.

— Врешь! — рявкнул Модхушудон.

— Зачем мне врать? На что мне чужая фотография?

— Куда ты ее девала? Давай сюда! Худо будет!

— Вот напасть! Да где мне взять фотографию?

Модхушудон вызвал слугу.

— Позвать сюда моего брата, — распорядился он.

Нобин примчался.

— Привези домой боро-боу, — приказал Модхушудон.

Шема стояла, словно одеревенев. Лицо ее кривила гримаса, но она хранила молчание.

Нобин почесал в затылке:

— Дада, не лучше ли тебе самому за неё съездить?
Она обрадуется.

Модхушудон молча курил трубку. Потом буркнул:

— Ладно, завтра воскресенье, съезжу.

Вернувшись к себе, Нобин объявил Нистарини:

— Я устроил одно дельце.

— И со мной не посоветовался!

— Да некогда было.

— Ты еще пожалеешь об этом.

— Вполне возможно. В моем гороскопе на том месте, где обозначен разум, вместо планеты — жена. Поэтому я всегда стараюсь держаться поближе к тебе. Дело вот в чем: брат только что приказал привезти свою жену. А я и ляпни: «Было бы хорошо, если бы ты сам поехал». Видно, брат был в отличном настроении, он сразу согласился. Теперь голову ломаю, не знаю, что из этого получится.

— Да уж хорошего не жди. Я поняла, что Бипродаш-бабу может наговорить лишнего. Теперь не избежать скандала. Зачем ты это затеял?

— Во-первых, место, где у людей помещается разум, как раз в это время оказалось пустым, — тебя рядом не было. Во-вторых, когда наша невестка сказала, что не вернется, я сразу догадался, что за этим кроется: ее брат, больной, приехал в Калькутту, а наш махараджа его даже не навестил. Это больше всего ее обидело.

Нистарини поразилась, как это ей раньше не пришло в голову. Сама того не ведая, она гордилась величием дома, в котором жила, и никогда не думала о том, что у махараджи Модхушудона, как и у прочих смертных, могут быть обязанности по отношению к родственникам.

Возвращаясь к недавнему спору, Нобин так прокомментировал свой поступок:

— Наверно, сам бы я не додумался, это ты меня надувила.

— Каким же образом?

— Да помнишь, ты говорила, что долг по отношению к родственникам важнее чувства собственного достоинства. Вот я и осмелился допустить мысль, что даже такому важному человеку, как наш махараджа, следует навестить Бипродаша-бабу.

Нистарини не пожелала признать себя побежденной и упрекнула мужа:

— Как ты можешь болтать такие пустяки, когда речь идет о серьезном деле?! Лучше бы подумал, что предпринять.

— Если обдумывать все заранее, ничего не получится. Надо обсудить главное — визит брата к Бипродашу-бабу.

А думать о том, что потом будет, чересчур уж преду-
смотрительно.

— Не знаю, но почему-то мне кажется, что его при-
езд лишь осложнит дело.

В тот день Куму долго сидела у брата, играла ему и
пела. Она исполняла утренние напевы и в их звуках из-
ливала миру боль своей души. Светлая мелодия смягчила
горе Куму, и оно уступило место покоя. Так ядовитые
змеи на голове Махадевы превращаются в украшения.
Бурные потоки страданий влились в море покоя.

— Мы видим лишь быстротечное время, вечность
скрыта от нас, — вздохнув, промолвил Бипродаш. — А в му-
зыке нам является вечность, и мы освобождаемся от оков.

Вошел слуга и провозгласил:

— Прибыл махараджа Модхушудон.

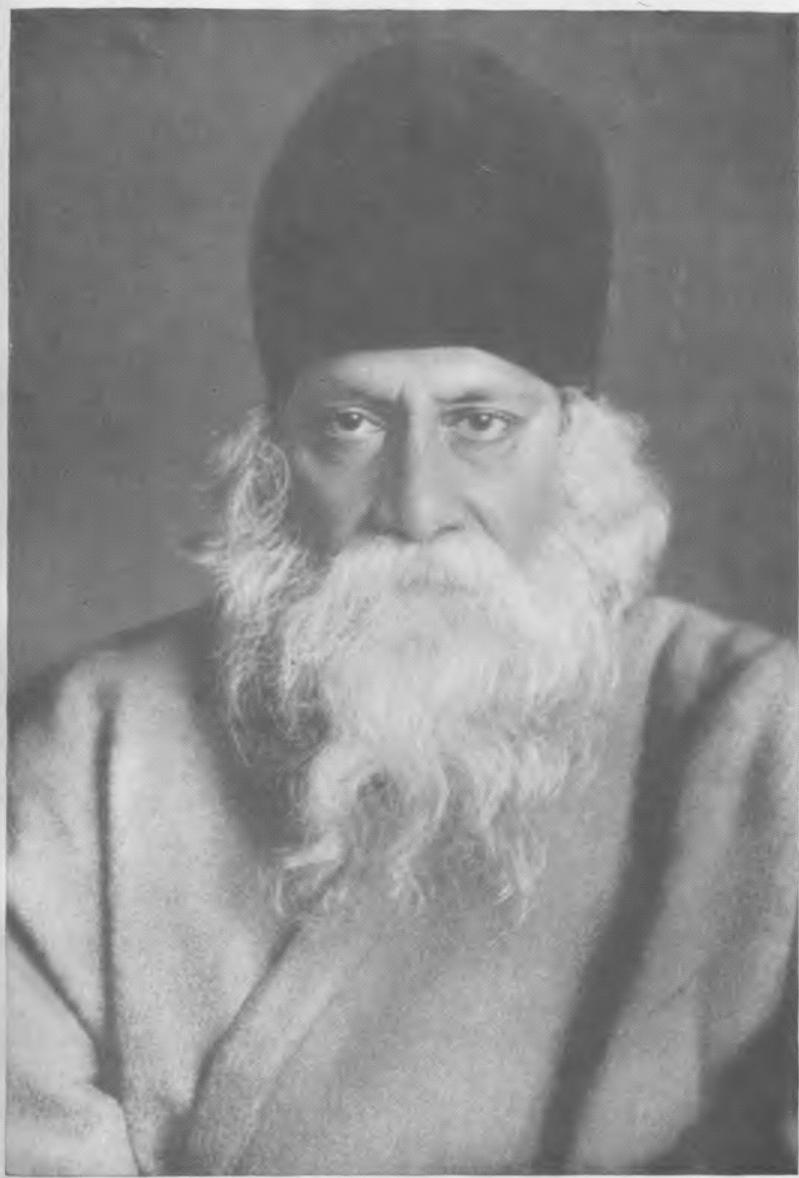
Куму побледнела. Сердце Бипродаша сжалось, когда
он взглянул на сестру.

— Куму, — сказал оп. — По-моему, тебе лучше уйти.

Куму поспешила уйти. Модхушудон нарочно не изве-
стил о своем приходе. Он не хотел, чтобы в доме жены
подготовились к его приезду и успели скрыть признаки
бедности. Модхушудон был уверен, что Бипродаш, как
всякий человек знатного рода, очень кичлив. Эта мысль
была ему невыносима. Поэтому он так обставил свой при-
ход, словно прибыл только покрасоваться.

Он оделся с претензией, чтобы произвести впечатле-
ние на слуг. Поверх полосатой английской рубанки на
нем был яркий шелковый, вытканный цветами жилет, на
плечах — чадор, шантепурское дхоти с черной каймой
тищательно уложено в складки, на ногах — лаковые туф-
ли для визитов, на руке сверкал перстень с большими
алмазами и изумрудами. Через весь его большой живот
тянулась массивная золотая цепь от часов. В руках он
вертел изящную тросточку с золотым набалдашником в
виде слоповьей головы, набалдашник сверкал драгоценны-
ми каменьями.

Небрежно поздоровавшись, Модхушудон сел в кресло,
рядом с кроватью больного, и спросил:

Р. Тагор в Москве
1930

— Как вы себя чувствуете, Бипрадаш-бабу? Вид у вас неважный.

Не отвечая на вопрос, Бипрадаш проговорил:

— Зато у вас вид очень хороший.

— Ну, что вы, здоровьем я похвалиться не могу. К вечеру начинается головная боль, да и аппетит скверный. Чуть что не так приготовлено — в рот не возьму. Но хуже всего бессонница.

— Вам, наверно, приходится много работать? — смешил тему разговора Бипрадаш.

— Да нет! В конторе все в порядке, так что я не особенно занят. Большую часть дел я поручил сахебу Мекентону, да и сэр Артур Пибоди мне во многом помогает.

Принесли кальян, явился слуга с бетелем. Модхушудон сунул в рот зернышко кардамона, затянулся раза два хуккой, потом опустил мундштук на колени и больше не притрагивался к нему. С женской половины дома пришли сказать, что угощенье подано.

— Не могу! — встревожился Модхушудон. — Я ведь предупредил, что мне не все можно есть.

Бипрадаш не настаивал.

— Передай тете, — сказал он слуге, — что наш гость не совсем здоров.

Бипрадаш молчал. Модхушудон надеялся, что разговор о Куму завяжется сам собой. Прошло уже много времени, Бипрадаш должен был сам побеспокоиться и предложить отправить Куму к мужу, но он даже не упоминал имени сестры. Зло стало разбирать Модхушудона. «Зря приехал, — думал он. — Это все Нобин затеял». Ему хотелось сейчас же вернуться домой и как следует наказать брата.

Вдруг в комнату вошла Куму в простом сари с темной каймой. На голову было накинуто покрывало. Бипрадаш удивился. Он не ожидал ее появления. Куму поклонилась, как положено, сначала мужу, потом брату и промолвила:

— Дада болен, доктор запретил ему много говорить. Пойдем в соседнюю комнату.

Модхушудон побагровел и вскочил со стула. Мундштук, лежавший у него на коленях, упал на пол. Не глядя на Бипрадаша, он пробормотал:

— Пойдем.

Первым побуждением Модхушудона было тотчас сесть в экипаж и уехать домой. Но что-то удержало его. Он давно не видел Куму. В будничной скромной одежде она казалась ему красивой, как никогда. Такая спокойная, естественная. В доме Модхушудона она всегда была богато одета и казалась чужой, а здесь она была у себя дома. Ему почудилось, будто сегодня он впервые увидел ее так близко. Весь ее облик таил очарование. Модхушудону захотелось сейчас же, не медля, увезти ее с собой. «Она моя, моя, — хотелось ему крикнуть, — это достояние моего дома, часть моего богатства, она принадлежит мне!»

Когда в соседней комнате Куму предложила ему сесть на диван, он тотчас повиновался. У себя дома он заставил бы ее сесть рядом с собой. Но Куму не села, она стояла, положив руки на спинку стула.

— Ты хотел мне что-то сказать? — спросила она.

Ее вопрос не понравился Модхушудону.

— Поедешь домой? — в свою очередь спросил он.

— Нет.

— Что такое? — изумился Модхушудон.

— Я тебе не нужна.

Модхушудон понял, что до нее дошли слухи о Шемашундори и она обижена. Это его обрадовало.

— Ты не права! — воскликнул он. — Как это не нужна? Кому нравится жить в пустом доме?

Куму не склонна была спорить с мужем.

— Я не поеду, — сказала она коротко.

— Как это понять? Жена не поедет домой?

— Нет.

Модхушудон вскочил с дивана.

— Как не поедешь? Поедешь! — заорал он.

Куму не отвечала.

— Позову полицию, тебя за шиворот притащат! — кричал Модхушудон. — Думаешь, сказала «нет», и дело с концом!

Куму — ни слова.

— Это все твои нурногорские замашки! — бушевал муж.

— Тише, не кричи так, — проговорила Куму, глянув на дверь в комнату брата.

— Вот как? Из-за твоего брата мне и слова сказать нельзя? Я сию секунду могу пустить его по миру!..

В дверях комнаты Куму увидела брата. Высокий, исхудалый, бледный, он стоял, накинув на себя простой белый чадор, который волочился по полу. В глазах Бипрадаша металось пламя.

— Иди сюда, Куму, — позвал он.

— Ты попомнишь свою дерзость! Я отомщу вам, не будь я Модхушудон! — неслось ей вслед.

Вернувшись в комнату, Бипрадаш лег на постель, закрыл глаза, но уснуть не мог. Он очень устал. Куму села у изголовья и обмахивала его опахалом. Так прошло много времени. В комнату заглянула тетя Кхема.

— Куму, ты так и не будешь сегодня есть? Уж давно пора.

Бипрадаш открыл глаза.

— Куму, иди поешь, — сказал он. — А ко мне пошли Калу.

— Молю тебя, не зови Калу. Постарайся заснуть.

Бипрадаш молча с выражением глубокого страдания в глазах посмотрел на Куму, потом тяжело вздохнул и опять смыжал веки. Куму тихонько выскользнула из комнаты и прикрыла дверь.

В скором времени Калу послал к нему спросить, можно ли прийти. Бипрадаш приподнялся, облокотясь на подушку.

— Твой зять так скоро уехал. Что случилось? — спросил Калу. — Он хотел, чтобы Куму вернулась?

— Да. Но Куму сказала, что не поедет.

— Что ты говоришь! Какая неприятность! — Калу был очень встревожен.

— Мы никогда не боялись неприятностей, мы боялись только позора.

— Ну, теперь начнется. Я вас хорошо знаю! Твой отец швырнул двести тысяч рупий, чтобы разорить важную персону. Это ваше любимое семейное занятие, вечно из-за своей гордости попадаете в беду. Зато у нас в

роду этого нет, и я не стану молча смотреть на ваши сумасбродства. Не знаю только, что делать.

Бипродаш закинул ногу на ногу, опустил голову на подушку, закрыл глаза и стал размышлять. Наконец, он открыл глаза и сказал:

— По условиям соглашения Модхушудон не может потребовать от меня денег, не предупредив об этом за шесть месяцев. В июне приедет Шубодх, тогда найдем выход.

— Найдем, как же, — раздраженно бросил Калу. — Обычно лампы гасят все сразу, но можно гасить их по одной, чтобы было не так заметно.

— Уж раз лампа оказалась на полу, пусть придет слуга и задует ее, и нечего тут ахать и охать, — подхватил Бипродаш. — Незачем поддерживать пламя, если оно вот-вот погаснет, пусть уж лучше наступит мрак, так будет спокойнее.

Боль пронзила грудь Калу. Он понял, что эти слова продиктованы болезнью, Бипродаш был не из тех, кто сдается без борьбы, он всегда придумывал разные способы, чтобы избежать разорения, и твердо верил, что выкарабкается. Но сейчас у него не было больше сил ни думать, ни верить.

Калу мягко смотрел на Бипродаша.

— Не беспокойся, родной мой, — утешал он, — я все сделаю, что надо. Еще раз схожу к маклерам.

На следующий день Бипродаш получил письмо от Модхушудона, написанное на английском языке. По стилю оно было похоже на юридический документ. Возможно, Модхушудон поручил составить его кому-нибудь поверенному в делах. Он просил сообщить, вернется ли жена, в противном случае он вынужден будет принять необходимые меры.

— Куму, ты хорошо все обдумала? — спросил Бипродаш.

— Я не хочу больше ни о чем думать, — был ответ. — Мне кажется, я как жила тут, так и живу, а все, что случилось, — сон.

— Тебя попробуют вернуть силой, сможешь ты выстоять?

— Смогу, только бы тебя не мучили.

— Если в конце концов тебе придется вернуться, лучше не тянуть. Тебе нисколько не жаль порывать с *его* домом?

— Нисколько. Там мне приятны только Нобин, Нистарини и Хаблу. Они словно из другого мира.

— Смотри, Куму. Тебя будут принуждать. У них есть власть над тобой: общественное мнение, закон. Надо иметь силы устоять перед этим, отбросить стыд, страх. И домашние и чужие обрушат на тебя бурю упреков, но ты должна идти с гордо поднятой головой.

— Дада, ты очень страдаешь?

— Что значит страдаешь! Какая боль может быть острее той, которую я испытываю, когда тебя оскорбляют? Неужели я останусь спокоен, зная, что дом, в котором ты должна жить, не стал твоим, что человек, которому ты принадлежишь, чужой тебе? Отец очень любил тебя, по в те времена отцы были далеки от семьи. Он не думал о твоем образовании. Тебя учил я с самого начала, я заменил тебе отца и мать. Теперь я вижу, как велика ответственность воспитателя. Будь ты такой, как все девушки, тебя ничто бы не задевало. Но ты чувствуешь себя, словно в аду, там, где тебя не уважают, где ты не свободна. Так неужели я отправлю Куму в такой дом? Живи со мной всегда, как если бы ты была моим младшим братом.

Куму положила голову на грудь Бипродаша и, пряча лицо, спросила:

— А я не буду для тебя обузой? Ты говоришь правду?

Бипродаш погладил ее по голове.

— Какая же ты обуза, сестричка? Я взвалю на тебя всю работу. Все мои дела поручу тебе. Ни один личный секретарь не сможет вести дела так, как ты. Ты будешь для меня играть на эсрадже, заботиться о моей лошади. И потом, ты же знаешь, я люблю учить. А где еще возьму я такую ученицу, как ты? У нас с тобой найдется занятие: я давно мечтаю выучиться персидскому языку. Одному скучно, а вместе с тобой мы выучим. Ты меня наверняка обгонишь, но я не стану завидовать.

Радость заполнила душу Куму. О большем счастье и мечтать нельзя.

Помолчав, Бипродаш снова заговорил:

— Вот что я хочу тебе еще сказать. Очень скоро у нас переменятся обстоятельства. Мы обеднеем, и ты останешься моим единственным богатством.

На глаза Куму набежали слезы.

— Я буду только счастлива, — тихо сказала она.

Бипрадаш не ответил ей, он комкал в руке письмо Модхушудона.

56

Через два дня их навестили Нобин, Нистарини и Хаблу. Хаблу забрался к своей тете на колени, уткнулся ей в грудь и заплакал. Трудно сказать, что заставило его плакать: прошлые обиды, настоящие или тревога о будущем?

— Мир жесток, Гопал, поток слез не иссякнет, — приговаривала Куму, обнимая мальчугана. — Что есть у меня, что могу я сделать, чтобы дитя утешилось? Я могу лишь слезами унять слезы, остальное не в моей власти. Дети, вам дана любовь, дороже этой любви ничего нет. Помните об этом, помните. Ведь тетя будет не вечно. — И она поцеловала малыша в щечку.

— Боу-рани, — обратился к ней Нобин, — мы уезжаем в Роджобпур.

— Это я, несчастная, виновата в том, что вы уезжаете.

— Как раз наоборот, — возразил Нобин. — Мы давно собирались уехать. Уж совсем было решились, но как раз в это время ты вошла в наш дом. Мы хотели остаться, да творец не допустил.

Нетрудно было догадаться, что, вернувшись от Бипрадаша, Модхушудон дал волю своему гневу.

Что бы там ни говорил Нобин, а Нистарини не сомневалась, что это Куму все перевернула вверх дном в их семье. И ей нелегко было ее простить. Она считала, что Куму должна вернуться к мужу, склонив голову, и вытерпеть все оскорблении, которые на нее обрушатся.

— Ты так и не вернешься к мужу? — сурово осведомилась она.

— Нет, не вернусь, — упрямо ответила Куму.

— Что же ты будешь делать?

— Мир велик, где-нибудь и для меня найдется место. Многое в жизни уходит, но что-то и остается. — Куму чувствовала, что Нистарини тоже стала ей чужой. Она обернулась к Нобину: — Что же вы намерены делать?

— На берегу реки у меня есть клочок земли. Рису у нас будет вдоволь, по крайней мере, подышим свежим воздухом.

— О господин мой, тут уж тебе беспокоиться нечего, — с гневом заговорила Нистарини. — Никто не может лишить нас права жить в доме раджи, на хлеб мы себе зарабатываем, но не такие уж мы важные персоны, раз хозяин прогнал, приходится уезжать. Если же через день он поманит обратно, мы вернемся, а пока потерпим.

Нобин помрачнел.

— Все это я знаю, — сказал он, — только хвастаться тут нечем. Если мне суждено родиться в этом мире снова, лучше я стану жить в бедности, зато буду всеми уважаем.

Нобин много раз собирался уехать от брата, поселиться в деревне и заняться хозяйством. Нистарини на словах тоже готова была уехать, но, как доходило до дела, не хотела двинуться с места и всякий раз удерживала Нобина. Она знала, что деверь не может обойтись без нее. Свекра не было, поэтому деверь был хозяином в доме. Он мог ошибаться, но перечить ему не положено. Как бы ни относился муж к Куму, она должна была вернуться.

Куму доложили, что пришел доктор.

— Подождите меня, — попросила она гостей, — пойду узнаю, что скажет врач.

Доктор сообщил, что пульс стал хуже, видимо, больной плохо спит и как следует не отдыхает.

Куму уже возвращалась к гостям, как ее перехватил Калу.

— Не стану скрывать, — обратился он к ней. — Дела брата плохи. Если ты сейчас же не вернешься к мужу, беда будет.

Куму стояла, не произнося ни слова.

— Муж требует твоего возвращения, разве в силах мы отказать ему? Мы же целиком в его власти.

Куму вцепилась руками в перила веранды.

— Я ничего не могу понять, Калу. Я погибаю. Мне кажется, единственное, что мне осталось, — это умереть,

иного пути я не вижу. — И она быстрыми шагами пошла в комнату к брату.

За это время Нистарини успела переговорить с тетей Кхемой. По разным признакам обеим женщинам показалось, будто Куму ждет ребенка. Нистарини очень обрадовалась. «Мать Кали, сделай, чтобы это было правдой», — молила она. Пришло время Куму смирить свою гордость. Она хотела пренебречь домом мужа, но оказалась связанный с ним не только свадебным узлом.

Отозвав Куму в сторону, Нистарини сказала ей о своем подозрении. Кровь отхлынула от лица Куму. Стиснув руки, она пробормотала:

— Нет, нет, этого не может быть, никак не может быть.

— Почему не может быть? — возмутилась Нистарини. — Хоть ты и из знатного дома, а уж ради тебя законы природы не изменятся. Ты жена главы дома Гхашалов, думаешь, бог, покровитель их семьи, отпустит тебя так легко? Он преграждает тебе дорогу.

Куму пришла в ужас и еще острее почувствовала, насколько отвратителен ей муж. Часто кажется, что люди из-за пустяков не выносят друг друга. Сами по себе поступки человека, его слова могут и не вызывать протеста, зато интонация, голос, привычки, склонности — порой становятся неодолимым препятствием для совместной жизни. В Модхушудоне было нечто такое, что не только отталкивало Куму, но и внушало ей чувство глубокого стыда. Его поведение часто казалось ей недостойным. В самом начале своего жизненного пути Модхушудон был очень беден, и это чувствовалось до сих пор, особенно когда он твердил о власти денег. Модхушудон постоянно говорил о могуществе богатства нарочно, чтобы оскорбить Куму. Его манера разговаривать, неприкрытое тщеславие, грубоность — все это коробило Куму. Она старалась не замечать, не думать об этом, но на каждом шагу натыкалась на эти низкие черты характера Модхушудона. Куму всеми силами души пыталась побороть в себе отвращение. Она все делала, чтобы сохранить веру в необходимость служения мужу, но никогда раньше она не видела так ясно тщетность своих попыток. Известие о том, что теперь

она связана с Модхушудоном неразрывными узами, наполнило ее болью и отвращением.

— Откуда ты узнала? — подавленно спрашивала она Нистарини.

Гнев охватил Нистарини, но она сдержалась:

— Ведь я сама мать. Кому же и знать, как не мне? Правда, пока еще рано говорить с уверенностью. Хорошо бы пригласить опытную акушерку.

Нобин, Нистарини и Хаблу собирались уезжать. Но теперь Куму не могла думать ни о чем, кроме жестокой несправедливости судьбы. Поэтому она легко рассталась с милыми ей людьми.

— Боу-рани, все проходит в этом мире, — сказал ей Нобин, уезжая, — но мне обидно даже думать о том, что так неожиданно я потерял право быть тебе полезным. До скорого свидания.

Нобин совершил пронам. Хаблу тихонько плакал. Нистарини стояла с каменным лицом, не произнося ни слова.

Новость сообщили Бипродашу. Пришла акушерка, и места для сомнений не осталось. Модхушудону тоже все стало известно.

Модхушудон стремился к богатству и получил его полной мерой, добился он и титула, достойного его богатства. Если теперь он сможет закрепить свое величие, передав его потомкам, то его назначение в этой жизни будет выполнено. Он очень обрадовался и решил переложить всю вину с плеч Куму на плечи Бипродаша. Он составил второе письмо на английском языке, начинавшееся словами «в связи с тем, что» и кончавшееся «Ваш покорный слуга Модхушудон Гхошал». А в середине была такая фраза: «я вынужден буду прибегнуть к прискорбной необходимости», и все в таком духе.

Однако на семейство Чаттерджи угрозы оказывали обратное действие, в особенности, если в них содержались обещания разорить. Когда Калу увидел это письмо, кровь бросилась ему в лицо.

— От такого письма, даже у меня, ничтожного, кровь вскипает, словно у падишаха! — вскричал он. — Мне хочется позвать палача и отдать приказ: «Отрубить дерзкому голову!»

Весь день Бипродаш читал и писал. Покончив с делами, он позвал Куму. Сегодня она ни разу не зашла к брату — пряталась от него.

Бипродаш перебрался с постели в кресло — когда лежишь, голова тяжеleeет, — напротив поставил маленькое кресло для сестры. В углу светилась лампа, затененная абажуром. Над головой, мягко шурша, раскачивалось большое онахало. Была середина мая, стояла нестерпимая жара, южный ветер обжигал. Листья на деревьях притихли, будто прислушиваясь к чему-то. Близился вечер. Темнота поглотила последний свет уходящего дня. Так синева моря поглощает светлые воды Ганги. Ночные тени уже скрыли пруд в саду, только яркие звезды, будто небесные персты, неподвижно отражались в воде, как бы желая указать, что пруд именно здесь. Под деревьями с фонарями в руках сновали слуги. Глухо ухала сова.

Куму медлила. Наконец она вошла к брату, села в кресло и заговорила:

— Дада, мне так плохо. Мне хочется куда-нибудь уйти.

— Нет, Куму, все уладится. Через некоторое время ты придешь в себя.

— Но тогда... — и Куму умолкла.

— Знаю, что ты хочешь сказать — кто разобьет твои оковы?

— Неужели мне придется вернуться?

— Я не вправе удерживать тебя. Разве могу я сделать твое дитя сиротой?

Куму безмолвствовала. Бипродаш тоже не произносил ни слова.

Под конец Куму тихо спросила:

— Когда я должна уехать?

— Завтра же. Больше тянуть нельзя.

— Если я уеду, он уж больше не отпустит меня к тебе,

— Это я хорошо понимаю.

— Что ж, пусть будет так. Но я вот что должна сказать тебе: никогда, что бы ни было, не приезжай туда,

Я знаю, я буду смертельно тосковать, но там мы не должны видеться. Этого я не вынесу.

— Не беспокойся, Куму.

— Он сделает все, чтобы ты был несчастлив.

← Как только он осуществит свое намерение, я освобожусь от его власти. Почему же ты называешь это несчастьем?

— Дада, когда это произойдет, освободи и меня тоже. Ребенка я оставлю ему. Есть нечто, чем нельзя поступиться даже ради собственных детей.

— Прежде пусть у тебя родится ребенок, а там видно будет.

— Ты не веришь мне. Но помнишь нашу мать? Она хотела умереть. Она не заняла своего места в семье, поэтому ей так легко было покинуть детей. Когда человек стремится к свободе, его ничто не остановит. Я ведь твоя сестра, я хочу быть свободна. Знай, в тот день, когда я разобью оковы, наша мать меня благословит.

Снова наступило молчание. Вдруг налетел ветер, зашуршал страницами книги, лежавшей на столике, и разлил кругом аромат жасмина.

— Не думай, что муж нарочно меня мучит, — проговорила Куму. — Я готова к тому, что не увижу счастья. Но и его не смогу я сделать счастливым. Я буду занимать место той, которая могла бы дать ему счастье, и это лишь приведет к осложнениям. К чему этот обман? Я приму на себя все упреки общества, на репутацию мужа не ляжет ни пятнышка. Придет день, я освобожу мужа и сама стану свободна. Я уйду от него, вот увидишь. Я не смогу жить среди лжи и обмана, хотя я и жена ему. Дада, ты не веришь богам, а я верю. Сейчас даже больше, чем три месяца назад. Сегодня я весь день думала о том, что у меня все смешалось в жизни, но в мире ничего не изменилось. Солнце и луна по-прежнему совершают обход вселенной. А там, откуда они приходят, — обитель Вишну. Там живет мое божество. Мне стыдно было признаться тебе в этом, но сегодня в последний раз я скажу тебе все. Мне бы не хотелось, чтобы ты неверно думал обо мне. Я поняла, даже если все рушится, что-то остается. Для меня осталось мое божество, оно будет со мной всегда. Если бы

у меня не было моей веры, я бы здесь же, у твоих ног, разбила себе голову и умерла, но не вернулась бы в свою тюрьму. Дада, я смогла это понять, потому что в этом мире у меня есть ты.

Куму опустилась на пол и склонилась головой к ногам брата. Была уже глубокая ночь, а Бипродаш все сидел, устремив взор за окно, и думал.

58

Ранним утром Бипродаш послал за Куму. Куму застала его сидящим в постели. На коленях у него лежал эсрадж, рядом с ним — другой.

— Возьми эсрадж, — обратился он к сестре.

Еще не совсем рассвело, прохладный ветерок шуршал в листвах фитового дерева, в саду каркали вороны. Брат и сестра слили голоса своих инструментов в мелодии бхайрави, торжественной, плавной, грустной. Она рассказывала о спокойной скорби при разлуке Сати с Махадевой, погруженным в созерцание. В комнату ворвались солнечные лучи, пробившиеся сквозь ветви цветущего кришноколи, а они все играли. За садовой оградой тоже появилось солнце. Слуги подошли к дверям, постояли и ушли. Комната осталась неприбранной. Стало совсем светло, летний зной проник в дом. Осторожно вошел привратник, положил на стол газеты и бесшумно удалился.

Бипродаш отложил эсрадж.

— Куму, ты думаешь, я ни во что не верю? — сказал он. — Но мою веру не выразишь словами, я нахожу ее в звуках музыки, в ней слились глубокая печаль и глубокая радость. Сегодня ты уедешь; может быть, мы больше не увидимся; я провожаю тебя на другой берег, в другой мир, полный диссонансов и дисгармонии. Ты читала «Шакунтalu» и помнишь, когда Шакунтала отправлялась во дворец к Душианте, Канва провожал ее. Он отпускал ее в мир, где царили обиды и страдания. Но она не остановилась, все преодолела и обрела безмятежный покой. Пусть сегодня музыка явится для тебя моим благословлением и поможет тебе найти успокоение. Пусть все твое существо

исполнится этим покоем, пусть утонут в нем все твои страдания, все твои обиды.

Куму молчала. В низком поклоне она коснулась головой ног брата. Потом долго смотрела в окно на солнечное марево. Наконец она очнулась от оцепенения.

— Я принесу тебе завтрак, — сказала она.

Модхушудон призвал астролога и узнал, что сегодня благоприятный день для возвращения жены в дом мужа. Она должна приехать утром после десяти. В назначенное время у ворот дома остановился паланкин, крытый красивым сукном, которое было расшито серебром и золотом. Его сопровождала свита с жезлами. Куму торжественно понесли во дворец раджи. Сегодня там гремели барабаны, было устроено угощение для брахманов.

В комнату Бипродаша зашел слуга с чашкой ячменного отвара. Бипродаш сидел в кресле у окна. Он не стал расспрашивать слугу об отъезде Куму. Слуга вышел. Тетя Кхема принесла больному поесть и остановилась около него, положив ему на плечо руку.

— Уже поздно, родной, поешь, — сказала она.

Бипродаш перешел с кресла в постель. Тете хотелось подробно описать ему, с какой пышностью увезли Куму, но она не смогла этого сделать, увидев, что Бипродаш в глубокой апатии. Ей казалось, будто взор его устремлен в какую-то бездонную пустоту.

— Тетя, пошли ко мне Калу, — прозвучал вдруг голос Бипродаша.

Тетя Кхема задрожала от страха. Ей почудилось, будто голос Бипродаша раздался из мрачных глубин неведомого.

Когда пришел Калу, Бипродаш вручил ему письмо. Письмо было из Англии, от Шубодха. Он писал, что сейчас должен присутствовать на традиционных обедах адвокатов и поэтому приехать не сможет, так как ему снова пришлось бы возвратиться в Англию. Лучше он дождется окончания этих обедов и тогда, не позже месяца фальгуня, приедет, таким образом он избегнет лишних расходов на дорогу. Он выражал уверенность, что дела до тех пор потерпят.

Сегодня Калу совсем не хотелось мучить Бипродаша деловыми разговорами.

— Дада, — сказал он, — пока еще никто не требует у нас денег, если мы будем вести себя осторожно, никого не раздражая, то беда не скоро грянет. Во всяком случае, ты ни о чем не беспокойся.

— А я и не беспокоюсь. Совсем нет.

Калу не любил, когда Бипродаш волновался, но его полное безразличие казалось страшнее всякого беспокойства.

Бипродаш взял газету, и Калу понял, что он больше не хочет разговаривать на эту тему.

Обычно, покончив с делами, Калу сразу уходил, но сегодня он сидел и молчал. Ему хотелось поговорить о чем-нибудь с Бипродашем, сделать для него что-нибудь.

— Не закрыть ли окно? — спросил он. — Жарко.

Бипродаш махнул рукой, это означало «не надо».

А Калу все сидел. Сегодня Куму не придет к своему брату. Комната казалась пустой. Эта пустота давила на грудь. Вдруг из-под кровати донеслось жалобное повизгивание Тома. Бедняга видел, как уезжала Куму, он, наверно, почувствовал недоброе, но не мог рассказать людям о своей тоске.

ПОСЛЕДНЯЯ ПОЭМА

Роман

Перевод

И. Светловидовой

Под редакцией

Ф. Менделесона

Стихи в переводе

Ф. Менделесона

I

ИСТОРИЯ ОМИТО

Омито Рай — адвокат. Когда его бенгальская фамилия под влиянием английского произношения превратилась в «Рой», она, несомненно, утратила свою красоту, зато приобрела внушительность. Стремясь придать своему имени оригинальность, Омито произносил его так, что в устах его английских друзей и подруг оно превратилось в «Эмит Раэ».

Отец Омито был непревзойденным адвокатом. Он оставил столько денег, что их не смогли бы промотать и три поколения, однако Омито с легкостью нес бремя отцовского состояния. Не окончив курса обучения в Калькуттском университете, он отправился в Оксфорд, где тянул с экзаменами целых семь лет. Он был слишком умен, чтобы быть прилежным; впрочем, тот же природный ум возмещал недостатки его образования. Отец не возлагал на Омито особых надежд и хотел только, чтобы оксфордский лоск, приобретенный его единственным сыпом, не слиял на родине от омовений.

Мне Омито нравится. Чудесный парень! Я писатель начинаящий. Читателей у меня совсем немного, и Омито — самый достойный из них. Он очарован моим стилем и уверен, что те, кто сегодня пользуется известностью на нашем литературном рынке, даже не представляют, что такое настоящий стиль. Их произведения похожи на верблюдов, — все в них неловко и неуклюже, — и, как

верблюды, они тащатся через безотрадную пустыню бенгальской литературы развалистым медлительным шагом. Спешу, однако, заверить критиков, что это мнение не мое.

Омито сравнивает стиль с прекрасным лицом, а моду — с маской. Стиль, по мнению Омито, для литературных аристократов, которые считаются лишь со своим мнением, мода же — удел литературных плебеев, которые потрафляют вкусам других. Если дените стиль Бонкима, читайте его «Ядовитое дерево», — это настоящий Бонким, но если вам милее подражание Бонкиму, читайте «Мономохонер мохонбаган» Ноширама, — там от Бонкима не осталось и следа. Профессиональная танцовщица выступает перед публикой под сенью парусинового полога, но лицо невесты должно быть скрыто за покрывалом из бенаресского шелка, которое поднимается только для «благоприятного взгляда». Модному стилизаторству — парусиновый полог, а стилю — покрывало из бенаресского шелка, каждому лицу свой соответствующий срок. Омито утверждает, будто у нас так пренебрегают стилем потому, что мы не осмеливаемся свернуть с проторенной дороги. Подтверждение этой истины мы находим в древнейших сказаниях о жертвоприношении Дакши. Самые почитаемые небесные боги, Индра, Чандра и Варуна, всегда получали приглашение на церемонию жертвоприношения. Шива же имел свой стиль. И он был настолько оригинален, что жрецы считали неудобным пригласить его.

Мне доставляет удовольствие слышать подобные речи из уст бакалавра Оксфордского университета, ибо я верю, что мои произведения отличаются оригинальным стилем. Видимо, потому все мои книги настолько совершенны, что пребывают в nirvanе и не знают последующих рождений-переизданий.

Брат моей жены Нобокришно никогда не мог спокойно слушать рассуждения Омито и кричал: «К черту твоих оксфордцев!» Сам он был крупнейшим специалистом по английской литературе, знал невероятно много, но понимал весьма мало. Недавно он заявил мне: «Омито возвеличивает посредственность, чтобы принизить таланты. Он любит бить в барабан дерзости, а ты ему служишь барабанной палочкой». К несчастью, при этом разговоре присутствовала моя жена. Однако отрадно заметить, что по-

добное заявление даже ей, его родной сестре, совсем не понравилось. Я видел, что ее взгляды совпадают со взглядами Омито, хотя образование у нее совсем незначительное. Природный ум женщин поистине удивителен!

Порою легкость, с которой Омито ниспровергал знаменитых английских писателей, приводила в замешательство даже меня. Это были те авторы, о которых можно сказать, что они завоевали книжный рынок и уже «апробированы». Чтобы восхищаться ими, вовсе не обязательно их читать. Для поддержания собственного авторитета достаточно их хвалить. Омито тоже не считал нужным их читать, однако это не мешало ему ругать их без зазрения совести. Дело в том, что знаменитые авторы казались ему слишком официальными и массовыми, словно переполненный зал ожидания на вокзале, в то время как авторы, которых открывал он сам, существовали только для него, подобноциальному салону специальногопоезда.

Омито одержим стилем не только в литературе, но и во всем остальном — в одежде, вещах, манерах. На его внешности лежал особый отпечаток: он никогда не казался одним из многих, а всегда единственным в своем роде, затмевавшим других. У него полное чисто выбритое лицо с гладкой смуглой кожей, выразительные глаза, насмешливо улыбающиеся губы; он очень подвижен и ни минуты не сидит на месте. Остроумные реплики так и сыплются из его уст, как искры от кресала. Он носит бенгальское платье, но только потому, что это не принято в его кругу. Его старательно подвязанное дхоти всегда белое, без каймы, и тоже потому, что в его возрасте такие «не носят». Рубашка у Омито с застежкой от левого плеча до правого бока, а рукава он закатывает до локтей. Дхоти он подвязывает широким кушаком каштанового цвета с золотым шитьем, прикрепляя к левому боку маленький мешочек из вриндаванского ситца для своих карманных часов. Обувается он в бело-красные сандалии кантакской работы. Когда он выходит из дома, мадрасский чадор изящными складками свисает с его левого плеча до колен, а когда отправляется в гости к друзьям, на голове его красуется белая вышитая шапочка, какие обычно носят мусульмане Лакнау. В общем, его одежда — сплошная карикатура! Даже в его английских костюмах трудно что-либо

понять. Хотя те, кто разбирается в таких делаах, и утверждают, будто в их мешковатости особый шик. Омито одевается так не для того, чтобы выставить себя в смешном свете, а потому, что у него неистощимая страсть к высмеиванию моды. Есть много молодых людей, которым приходится в доказательство своей молодости показывать свидетельство о рождении. Омито же обладает неподдельной редкостной молодостью, не нуждающейся ни в каких доказательствах, настолько она безоглядна и расточительна, экстравагантна и безответственна, подобна разливу, который все затопляет и сметает на своем пути.

У Омито было две сестры, Сисси и Лисси. С головы до пят они являли собой образчик последнего крика моды, словно товар с витрины магазина. Они ходили на высоких каблуках, поверх коротких кофточек, обшитых тесьмой, носили бусы из янтаря и кораллов. Сари извилистыми, змеиними складками изящно облегали их фигуры. У них была подпрыгивающая и семенящая походка, они громко разговаривали и визгливо смеялись. Чуть склонив голову, они чарующе улыбались, бросали многозначительные взгляды, но умели принять и сентиментальный вид. Веера из розового шелка все время порхали вокруг их щечек. Присев на ручки кресел, в которых сидели их поклонники, они ударяли их веерами по рукам в знак шутливого негодования против их шутливых дерзостей.

Свободное обращение Омито со знакомыми девушкиами вызывало зависть у его приятелей. Он не был безразличен к чарам представительниц прекрасного пола, хотя и не питал к какой-либо из них особой склонности: галантность его обхождения распространялась на всех без различия. Словом, можно сказать, что женщины его привлекали, но не увлекали. Омито ходил на вечеринки, играл в карты, проигрывал, когда хотел, всегда мог уговорить плохую невицу спеть еще раз, а когда видел девушку в сари ужасного цвета, непременно спрашивал адрес продавца. Беседуя со случайной знакомой, он умел настроить разговор на интимный лад, но все знали, что эта интимность рождена полным безразличием. Боги никогда не обманываются, когда молящийся, который поклоняется многим богам, каждого из них называет «всевышним», но все-таки это им приятно. Мамаши, правда, еще не теряли ча-

дежды, но дочки давно уже обнаружили, что Омито — как золотое облачко на горизонте: кажется, вот оно, рядом, а поди-ка удержи! Он дарил вниманием многих девушек, не останавливаясь ни на одной, за его интимными разговорами не было никакой цели, — потому-то он и был так отважен; близкое соседство со взрывчатым веществом не пугало его, ибо Омито знал, что не обронит ни одной искры.

Как-то на одном из пикников Омито сидел рядом с Лили Гангули на берегу Ганги. Луна поднималась над темным, погруженным в безмолвие противоположным берегом. Омито прошептал:

— Лили, восходящая луна по ту сторону Ганги, ты и я па этой стороне, — такое никогда больше не повторится!

В первое мгновение сердце Лили вздрогнуло, но она хорошо понимала, что слова эти не имеют никакого тайного смысла и значат не больше, чем радужная пленка мыльного пузыря. Стряхнув с себя наваждение, она рассмеялась и ответила:

— Омито, то, что ты сказал, так верно, что об этом не стоило и говорить. Вон лягушка бултыхнулась в воду, и это тоже никогда больше не повторится.

Омито рассмеялся.

— Тут есть разница, Лили, большая разница! Лягушки могло и не быть, но ты, я, луна, плеск Ганги и звезды в небе — это такое же гармоническое творение, как «Лунная соната» Бетховена. Этот миг мне представляется прекрасным золотым кольцом, украшенным сапфирами, алмазами, изумрудами, — кольцом, которое выковал безумный небесный ювелир в мастерской Вишвакармы и тут же уронил в море, где его уже никто не найдет.

— Тем лучше! Значит, тебе не о чем тревожиться, Эмит: ювелир не пришлет тебе счет для оплаты.

— Но, Лили, представь, что мы по воле судьбы встретимся через миллионы лет под сенью багряных лесов планеты Марс на берегу какого-нибудь большого озера! Вообрази, что рыбак из «Шакунталы» вскроет рыбу и даст станет для нас это удивительное золотое мгновение сегодняшнего дня, а мы будем лишь в растерянности смотреть друг на друга. Что тогда?

— Тогда, — ответила Лили, слегка ударяя Омито веером, — золотое мгновение ускользнет и опять затеряется в океане и никогда больше не повторится. Ты упустил уже много таких мгновений, изготовленных безумным ювелиром. Их не счесть, потому что ты о них забыл.

Лили быстро встала и присоединилась к своим подругам.

Такие эпизоды в жизни Омито случались нередко.

— Оми, отчего ты не женишься? — приставали к нему сестры Сисси и Лисси.

— Первое, что необходимо для женитьбы, — отвечал Омито, — это невеста. Жених — фактор второстепенный.

— Ты меня удивляешь! — воскликнула Сисси. — Как будто мало на свете невест!

— Видишь ли, в старину выбирали невесту по гороскопу, моя же невеста должна быть хороша сама по себе. Она должна быть единственной, чтобы среди всех остальных ей не было равных.

— Но когда она войдет в твой дом, — упорствовала Сисси, — она все равно перестанет быть единственной: она будет носить твою фамилию и о ней будут судить по тебе.

— Девушка, к которой я тщетно стремлюсь, не имеет дома и никогда не переступала ничьего порога. Она сверкнула в моем сердце, как метеор, и исчезла в пространстве, не посетив ни одного земного жилища.

— Другими словами, она нисколько не похожа на твоих сестер, — нахмурившись, заметила Сисси.

— Другими словами, она не будет простым пополнением семьи, — подтвердил Омито.

— Кстати, — вставила Лисси, — разве мы не знаем, что Бимми Бос только и ждет, чтобы Оми сказал ей «да»? Стоит ему кивнуть, она сама прибежит! Чем она ему не нравится? Может быть, ей не хватает культуры? Она была первой на экзаменах по ботанике на степень магистра! Разве ученость не признак культуры?

— Ученость, — ответил Омито, — это кристалл алмаза, а культура — излучаемый алмазом свет. Камень обладает весом, а свет ярким сиянием,

— Послушайте его! — вспылила Лисси. — Ему не нравится Бимми Бос! Как будто он достоин ее! Ну, теперь я предупрежу Бимми Бос, чтобы она и не смотрела на него, даже если он с ума будет по ней сходить.

— Если и я захочу жениться на Бимми Бос, значит, я действительно сошел с ума. Только, бога ради, лечите меня тогда лекарствами, а не женитьбой!

В конце концов, родные и знакомые Омито потеряли всякую надежду на то, что он когда-нибудь женится. Они решили, что он просто не способен нести ответственность, налагаемую семейной жизнью, и поэтому предается бесплодным мечтам и удивляет людей парадоксами. Его ум — как блуждающий огонек, который мерцает и заманивает, но который никогда нельзя поймать.

Меж тем Омито бросался от одного занятия к другому, угощал всяких случайных знакомых чаем в ресторане Фирпо, неизвестно зачем в любое время дня и ночи катал друзей на машине, приобретал повсюду разные вещи и беспечно раздавал их, покупал английские книги, чтобы тут же забыть их в каком-нибудь доме и никогда о них больше не вспоминать.

Сестер больше всего раздражала манера Омито говорить такое, от чего в любом приличном обществе люди буквально шарахались.

Однажды, когда какой-то политик восхвалял демократию, Омито оборвал его на полуслове:

— Когда Шива разъял мертвое тело Сати, везде и всюду, куда упали частицы ее тела, возникли сотни святых мест. Наша демократия сегодня занимается поклонением разбросанным частицам старой мертвой аристократии. А мелкие аристократишки наводнили землю — они и в политике, и в литературе, и в общественной жизни. И все они отвратительны, потому что сами не верят в себя.

В другой раз, когда какой-то рьяный поборник социальных реформ и освобождения женщин порицал мужчин за то, что они угнетают женщин, Омито небрежно заметил, вынув сигару изо рта:

— Когда прекратится деспотизм мужчин, начнется деспотизм женщин. А деспотизм слабых поистине ужасен.

Все женщины и защитники женщин были возмущены,

— Что вы хотите этим сказать? — послышались возгласы.

— А вот что, — ответил Омито. — Кто имеет клетки, сажает птиц в клетки, то есть совершают над ними насилие. А у кого нет клеток, тот опьяняет свою жертву опиумом, то есть одурманивает ее. Первые совершают насилие, но не одурманивают; вторые и совершают насилие и одурманивают. Сила женщин — дурман, и помогают им самые темные силы природы.

Как-то раз в их баллиганджском литературном кружке решили обсудить поэзию Рабиндраната Тагора. Первый раз в жизни Омито согласился занять председательское место и отправился на собрание кружка, приготовившись к битве. Оратор, безобидный представитель старого направления, старался доказать, что поэзия Тагора — настоящая поэзия. За исключением двух профессоров коллежа, все, видимо, соглашались с тем, что его доводы достаточно убедительны. Но вот поднялся председатель и сказал:

— Поэт должен писать стихи не более пяти лет, от двадцати пяти до тридцати. От его последователей мы должны требовать произведений пусть не лучше, чем у него, но своих, непохожих. Когда проходит сезон манго, мы не требуем манго, тогда мы спрашиваем ата. Зеленые кокосовые орехи долго не держатся, изобилие утоляющего жажду сока в них кратковременно, гораздо дольше сохраняются спелые кокосовые орехи. Так и поэты кратковременны, в то время как философы вечны... Главным недостатком Рабиндраната Тагора является то, что этот господин, подражающий старому Вордсворту, настойчиво продолжает писать стихи. Много раз Яма, бог смерти, посыпал гонца погасить светильник его жизни, но этот человек все еще цепляется за свой трон. Если он не может удалиться сам, наш долг уйти и оставить его в одиночестве. Его последователи будут звонить и кричать, что его царствование не кончилось, что сами бессмертные прикованы к решетке его гробницы. Некоторое время его поклонники будут превозносить и восхвалять его, но затем настанет священный день жертвоприношения. Тогда его приверженцы будут шумно требовать освобождения от оков преданности. Именно так почитают в Африке чет-

вероного бога. Так же следует почитать двух, трех, четырех и четырнадцатистонных богов стихотворных газмиров. Не может быть худшего осквернения религии, чем то, когда почитаемое божество свергают одним ударом. Поклонение также имеет свою эволюцию. Если тот, кому мы поклонялись в течение пяти лет, все еще цепляется за свой пьедестал, ясно, что несчастный не понимает, что жизнь в нем уже угасла. Нужен легкий толчок извне, чтобы доказать, что сентиментальные родственники чересчур затянули похоронный обряд, очевидно, стремясь обмануть законных наследников. Я поклялся разоблачить этот недостойный говор язычников Тагора.

Тут наш Монибхушон перебил его, сверкая очками:

— Значит, вы хотите изгнать лояльность из литературы?

— Совершенно верно! Культ литературного диктаторства быстро выходит из моды. Мое второе обвинение против Рабиндраната Тагора заключается в том, что его литературные произведения завершены, закруглены, как его почерк, и напоминают о розах, о луне и женских лицах. Это примитивно. Он копирует природу. От нового вождя литературы мы ожидаем произведений резких, острых, как шипы, как стрелы, как наконечник копья: не таких, как цветы, а подобных вспышке молнии, слепящей боли при невралгии, — угловатых и заостренных, как готическая церковь, а не округлых, как портик храма. Не беда, даже если они будут сходны с джутовой фабрикой или правительственным зданием... Пора покончить с оковами ритма, которые лишь усыпляют душу и затуманивают разум. Освободим свой разум, разбудим душу и похитим их, как Равана похитил Ситу! Даже если ваш ум будет рваться, рыдать и стонать, все равно ему придется смириться! Даже если старый Джатаю бросится на помощь, пусть встретит свою смерть! Ведь скоро уже проснется обезьянний народ Кишкундхъи Хануман прыгнет на Ланку, подожжет город и вернет разум в его старое жилище. Тогда мы будем приветствовать наше воссоединение с Теннисоном, проливать потоки слез на груди Байрона и просить прощения у Диккенса, оправдываясь тем, что мы отвергли их на время, дабы излечиться от собственных заблуждений... если бы очарованные красотой

Тадж Махала архитекторы возводили по всей Индии только пузыри мраморных куполов, то всякому порядочному человеку пришлось бы бежать в леса от этого ужаса. Чтобы суметь оценить Тадж Махал, надо освободиться от его очарования!

Тут надо заметить, что от столь бурного натиска путанных аргументов голова корреспондента пошла кругом, и потому его отчет оказался еще менее понятным, чем доклад Омита, ибо я воспроизвел здесь лишь то, что мне удалось с трудом уловить.

При упоминании о Тадж Махале один из поклонников Тагора вскочил и возбужденно крикнул:

— Чем больше мы имеем хорошего, тем лучше для нас!

— Как раз наоборот, — отпарировал Омита. — Чем меньше хороших вещей создает природа, тем лучше, так как излишество низводит их до уровня посредственностей... Поэты, которые не стыдятся жить по шестьдесят — семьдесят лет, сами себя наказывают, снижая себе цену. В конце концов, их окружают подражатели, которые начинают с ними соперничать. Творения таких долгопищащих поэтов утрачивают всякое своеобразие. Воруя у своего собственного прошлого, эти поэты скатываются до положения тех, кто скапивает краденое. В таких случаях обязанность читающей публики ради блага человечества — не позволить этим престарелым ничтожествам влечь свое жалкое существование, — я, конечно, имею в виду поэтическое существование, а не физическое. Пусть они существуют как старые опытные профессора, искусные политики, умелые критики.

Предыдущий оратор задал вопрос:

— Кого же вы прочите в новые литературные диктаторы?

— Нибарона Чокроборти, — с готовностью ответил Омита.

— Нибарон Чокроборти? Кто это такой? — прозвучал хор удивленных голосов.

— Из маленького семени этого вопроса завтра вырастет могучее дерево ответа.

— Но пока мы хотели бы услышать что-нибудь из его творений,

— Тогда слушайте!

Омито вынул из кармана узкую длинную записную книжку в парусиновом переплете и начал читать:

Я единственный,
ни на кого не похожий,
среди тысяч и тысяч прохожих, —
незнакомое, новое Слово
среди смеха и рева
Толпы.

Я говорю:
Отворите двери!
Ибо пришел я
к тем, кто посмеет
Времени вызов принять,
тайными знаками запечатленный,
мне лишь понятный, мне лишь врученный,
посланный Временем через меня.

Но остаются к призыву глухи
неисчислимые воины Глупости:
гневом бессильным меня встречают,
путь преграждают злобой и ложью,
словно волна за волной набегает
и разбивается в пыль о подножье
несокрушимой скалы.

Пусть не венчают меня гирлянды,
не защищает меня кольчуга,
не украшает наряд богатый,
над неувенчанной головою
реет незримо
победы стяг!

Я проникну в святая святых
ваших помыслов и желаний.
Отворите же двери
и примите без колебаний
все, что дерзко скажу!

Ваши души трепещут,
засовы трещат,
твёрдь колеблется под ногами,
и я слышу, сердца ваши в страхе кричат:
«Сжался, сжался над нами!
Ты безжалостный, наглый, мятежный;
твой пронзительный крик,
словно острое лезвие,
в ночь наших мыслей проник
и нарушил наш сон безмятежный!»

Что ж, возьмитесь за меч!

Разрубите мне грудь!
Смертью смерть все равно не убьете:
вечной жизни зарю
даже мертвый я вам подарю.

В кандалы закуете —
я на части их разорву,
снова буду свободен,
и вы этот дар обретете.

Принесите священные книги!

Тщетно будут стараться педанты
заглушить вечный голос!

Вся их логика, все афоризмы
разлетятся бесследно,
и спадет пелена с затуманных фразами глаз:
свет победный
засияет для вас!

Разжигайте огонь!

Не печальтесь,
если все, что вам дорого ныне,
сгорит без остатка, дотла, —
пусть ваш мир превратится в пустыню!

Приветствуйте всесожженье!

Дряхлый мир, раскаленный в огне добела,
вспыхнет ярче ста солнц
в миг единственного озаренья.

Мой призыв, как могучий удар,
поразит отупевший ум,
и очнется он в изумленье.

Тем, кто ищет полегче путь,
избегает острых углов,
бледным, немощным, женоподобным,
от тревожного ритма моих стихов
не забыться и не заснуть.

И один за другим,
причитая плаксиво и злобно,
колотя себя в грудь,
неизбежно признают они, —
да, признать им придется! —
что победа за новым, не признанным ими,
отвергаемым искони.

И тогда грянет буря
и мир содрогнется,
озарится цветением молний,
и канут в безвременье годы
нищеты и тумана,
и неукротимо
хлынет на землю
ливень свободы!

Сторонники Тагора были вынуждены умолкнуть и уда-
литься, впрочем, не преминув пригрозить, что еще дадут
достойный ответ, на сей раз в печати.

Когда Омито возвращался в машине домой после
успешного разгрома своих противников, Сисси сказала ему:

— Я уверена, ты заранее придумал своего Нибарона Чокроборти и принес эти стихи нарочно, чтобы поставить почтенных людей в глупое положение.

— Тех, кто приближает будущее, называют вестниками судьбы, — ответил Омито. — Сегодня вестником был я. Нибарон Чокроборти явился на землю, и теперь уже никто его не остановит.

Сисси втайне гордилась братом. Она спросила:

— Скажи, Омито, ты, наверное, каждое утро готовишь запас убийственных высказываний на весь день?

— Готовность ко всяким неожиданностям — признак культуры. Варварство всегда захватывают врасплох. Это тоже записано в моей книжке.

— Но у тебя нет своих убеждений! Ты просто всегда говоришь только то, что может поразить в данный момент.

— Мой разум — зеркало, и если бы я раз и навсегда замазал его своими неизменными убеждениями, оно не отражало бы каждого проходящего мгновения.

— Оми, твоя жизнь пройдет среди теней, — сказала Сисси.

II

СТОЛКНОВЕНИЕ

Омито все-таки решился наконец побывать в Шиллонге. Две причины определили его выбор: во-первых, никто из его знакомых там не бывал, а кроме того, девицы на выданье были там менее многочисленны и не столь назойливы. Божественный стрелок, который избрал мишенью сердце Омито, как правило, подыскивал свои стрелы в фешенебельном обществе, а Шиллонг, помимо всех своих красот, имел еще то преимущество, что ограничивал выбор этого стрелка. Сестры Омито, решительно покачав головками, объявили:

— Если тебе надо — поезжай один, а мы не поедем!

Облачившись в одеяния, имитирующие персидские шали, вооруженные изящными зонтиками и теннисными ракетками, сестры отправились в Дарджилинг. Бимми Бос уехала туда раньше них. Когда она увидела, что сестры приехали без брата, она посмотрела вокруг и обнаружила,

что в Дарджилинге куча народу, но нет интересной компании.

Омито сообщил всем, что едет в Шиллонг насладиться одиночеством. Но вскоре он открыл, что отсутствие большого общества лишает одиночество прелести. Прогуливаться с фотоаппаратом Омито не любил. Он говорил, что он не турист и любит наслаждаться пейзажем, а не глязеть без разбору на все, что ни попадется.

Ему удалось скоротать несколько дней с книгами в тени деодаров на горных склонах. Беллетристики он не читал, потому что беллетристику во время отдыха читают все. Вместо этого он взялся за «Происхождение и развитие бенгальского языка» Сунити Чаттерджи — да и то лишь в надежде отыскать в этом труде неточности и спорить с автором. Временами, в промежутках между занятиями филологией — и скучой, его внезапно поражала красота гор, но полностью она не доходила до него, словно вступительные такты какой-то мелодии, которая все время повторяется и никак не может закончиться. Беспорядочному потоку его впечатлений не хватало единства. Отсутствие этого единства в нем самом вызывало у Омито чувство постоянного беспокойства и неудовлетворенности, такое же мучительное здесь, как и в городе. Но если в городе он мог заглушать это чувство различными способами, то здесь беспокойство, казалось, только возрастало и усиливалось, — как горный поток, встретивший препятствие на своем пути. Он уже решил проститься с горами и побродить по давно привлекавшим его равнинам Силхета и Силчара, когда пришел месяц ашарх, окутав все леса и вершины непроницаемой пеленой дождя. Сообщалось, что около Черрапунджи гряды гор задержали нашествие облаков, но скоро потоки от сильных ливней ринутся вниз по склонам. Поэтому Омито решил на несколько дней поселиться в гостинице Черрапунджи и создать такой «Облако-вестник», в котором возлюбленная из незримой Алаки будет вспыхивать в небе его воображения, подобно бесплотной молнии, не оставляя следа.

Он надел грубощерстные носки, какие носят горцы, прочные башмаки на толстой подошве, шорты, блузу защитного цвета с поясом и пробковый шлем. В таком наряде Омито скорее походил на дорожного мастера во

время обхода участка, чем на мифический персонаж Абаниидраната Тагора. Однако в кармане у него лежало несколько тоненьких книжек со стихами на разных языках.

Дорога к дому Омито была узкой и извилистой; справа находился обрыв, поросший лесом. Так как было маловероятно, чтобы кто-нибудь еще передвигался по ней, Омито вел машину, беспечно пренебрегая звуковыми сигналами. Он размышлял о том, что в его время моторвестник лучше всего подходит для того, чтобы отправлять послания далекой возлюбленной: в нем есть «и дым, и огонь, и вода, и ветер», а если дать еще записочку шоферу, то никаких неясностей не останется. Поэтому он решил в начале будущего сезона дождей повторить на автомобиле путь, описанный в «Облаке-вестнике». Кто знает, может быть, волей судьбы он найдет какую-нибудь Авантику или Малавику, которая будет ждать его у порога своего дома, или встретит одну из пимф гималайских дэодаровых лесов!

Внезапно за поворотом он увидел встречный автомобиль. Разъехаться было негде. Омито нажал на тормоза, но автомобили столкнулись. Однако это не было катастрофой — встречный автомобиль откатился назад и остановился у склона горы.

Из машины вышла девушка. На фоне только что минувшей смертельной опасности она возникла, словно обрисованная молнией, ярко выделяясь среди мрачной окружающей обстановки. Редкое зрелище предстало перед Омито — Лакшми, вновь вышедшая из молочного океана, все еще бурлящего от ударов горы Мандар. В переполненной гостиной эта девушка никогда не явилась бы во всем великолепии своей красоты. На земле есть немало красивых людей, но мы редко видим их в подходящей обстановке.

На девушке было шерстяное белое сари с узкой каймой, такая же шерстяная кофточка, на ногах индийские белые туфельки из кожи. Продолговатые глаза мягко светились в тени густых ресниц. Волосы были откинуты с широкого лба назад и закручены узлом. Прелестное лицо с круглым подбородком напоминало созревающий плод. Рукава кофточки доходили до запястий, на обеих руках

было по простому тонкому браслету. Свободный конец сари, не заколотый брошью, был накинут на голову и прикреплен к волосам серебряной булавкой работы катакских мастеров.

Омито, оставив шлем в автомобиле, подошел и остановился перед девушкой безмолвно, как человек, ожидающий наказания. Девушку, казалось, тронула его беспомощная комичная поза.

— Простите, я виноват, — пробормотал наконец Омито.

Девушка рассмеялась:

— Во всем виновата я!

— Это не вина, а ошибка.

Голос ее напоминал журчанье фонтана. Он был ровен и звучен, как у мальчика. Вернувшись домой в тот вечер, Омито долго раздумывал: на что похож ее голос? В конце концов, он записал в своей книжечке: «Ее голос струится, как дым душистого табака из кальяна, смягченный водой, освобожденный от едкого привкуса никотина и приправленный тонким ароматом роз».

Девушка добавила, словно извиняясь:

— Я собиралась встретить друга, который должен приехать. Правда, скоро мой шофер сказал, что мы едем не по той дороге, но развернуться мы уже не могли, иоехали дальше, и вот ваш автомобиль столкнулся с нашим.

— Нет, нет, машины здесь ни при чем! — сказал Омито. — Во всем виновата коварная злая звезда.

Тут шофер доложил, что серьезных повреждений нет, однако потребуется какое-то время, чтобы привести автомобиль в порядок.

— Если вы будете снисходительны к моей несчастной машине, — осмелился предложить Омито, — я с удовольствием отвезу вас куда угодно.

— Благодарю, но это вряд ли необходимо. Я привыкла ходить по горным дорогам.

— Это необходимо для меня — как доказательство, что вы меня простили.

Девушка молчала, колеблясь.

— Видите ли, — добавил Омито, — водить машину, конечно, не велика заслуга и этим не прославишься перед

потомством. Однако при первом знакомстве я даже в этом выказал себя далеко не лучшим образом. Судьба несправедлива! Позвольте же мне доказать, что хотя бы как водитель я не уступаю вашему шоферу!

Страх перед неведомыми опасностями в таких случаях сковывает девушек, и они робеют при встрече с незнакомцем. Но сейчас испуг от недавнего столкновения оказался сильнее нерешительности. Нетерпеливая судьба свела их на безлюдной горной дороге, чтобы озарить их души внезапным светом откровения. Как вспышка молнии долго еще слепит глаза, вглядывающиеся во мрак ночи, так запечатлелась в их сознании эта яркая встреча, — словно новое солнце засияло в лазури небес в результате какой-то гигантской космической катастрофы.

Девушка села в автомобиль. Она сказала, куда ехать, а когда они добрались до ее дома, предложила Омито:

— Если у вас будет время, загляните завтра. Я познакомлю вас со своей хозяйствой.

Омито хотелось сказать: «Я могу зайти хоть сейчас, времени у меня достаточно!» Однако непривычная стеснительность удержала его.

Вернувшись домой, он записал в своей записной книжке:

«Что наделала сегодня дорога! Вырвала из разных мест двух незнакомых людей и направила их, может быть, с этого дня навсегда, по одному пути. Астрономы явно ошибаются. Месяц в небе вторгся в орбиту земли, их колесницы столкнулись, и с этого рокового мгновения они совершают свой путь вместе, век за веком, и свет одного отражается на лице другой, и теперь союз их нерасторжим. Сердце говорит мне, что отныне мы тоже пойдем рука об руку по одному пути и будем собирать по дороге золотые мгновения и вплетать их в гирлянду наших странствий. Нам уже не придется ожидать решения, стоя у порога судьбы. Отныне все будет приходить к нам неожиданно и мгновенно».

Лил дождь. Расхаживая по веранде, Омито мысленно вызывал: «Где ты, Нибарон Чокроборти? Явись ко мне, подскажи мне слова, дай мне голос!»

Омито вынул длинную тонкую записную книжку, и Нибарон Чокроборти продиктовал:

Нас дорога связала нерасторжимо,
И теперь мы порывами ветра гонимы,
Пестроцветных мгновений пыльца золотая
Закружила нас в танце, сердца опьяняя.
И танцует небесная дева над нами,
Тучи легкими взмахами рук разгоняя;
Низвергается свет золотыми спопами,
Наши души до самого дна озаряя.
Не в беседке, среди золотого чампака,
Не в саду я увидел тебя, и, однако,
Этот вечер, отмеченный встречей нежданной,
Нас пьянит ароматом цветов безымянных.

Размыкают деревья зеленые кроны,
И над нами горят облака, пламенея,
И вздымаются дерзкие рододендроны.
Цветом алым с закатом соперничать смея.
Нам с тобой не нужны золотые чертоги,
Дом, очаг и покой, — мы с тобою в дороге!
Что за радость для птиц в позолоченной клетке, —
Им звончай и привольней поется на ветке.
Мы ведь сами счастливыми голосами
О любви и свободе воркуем беспечно,
И внезапная радость нам машет крылами,
Как лучи среди туч, и случайно, и вечно.

А теперь необходимо оглянуться назад. Трудно рассказывать дальше, не обратившись к прошлому.

III

ПЕРВОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

На первой стадии введения английского образования в Бенгалии разразилась общественная буря. Это произошло вследствие разницы давления между атмосферой новых английских школ и колледжей и центров обучения при индусских храмах. Эта буря подхватила Гянодашонкора. По возрасту он принадлежал к старшему поколению, но внезапно его вынесло далеко вперед. Опередив свое время, он ничем: ни образом мыслей, ни речью, ни манерами — не походил на своих современников. Ему, словно чайке, ныряющей в волнах, доставляло удовольствие грудью встречать бурю им же вызванного негодования.

Когда внуки таких дедушек пытаются исправить ошибки календаря, они обычно ударяются в другую крайность. Именно это и произошло с внуком Гянодашонкора, Бородашонкором. После смерти своего отца он ухитрился стать анахронизмом по сравнению даже с дедом. Он поклонялся Манасе, богине змей, просил защиты у Шитолы, богини черной осьмы, называя ее своей матерью, пил наговоренную воду и каждое утро исписывал целые листы бумаги, выводя имя Дурги. До конца своей жизни он сражался против тех, кто, не будучи брахманом, осмеливался стремиться к знаниям, и с помощью всяких святых пандитов писал в защиту индуизма от скверны наук бесчисленные памфлеты, в которых обрушивал на головы современных вольнодумцев всю премудрость седой старины. Несколько выполняя все требования религии, он скоро окончательно замкнулся в неприступной крепости окостеневшего благочестия. И когда в возрасте двадцати семи лет его душа отлетела в мир иной, ей сопутствовали радостные благословения многочисленных брахманов, получивших в дар коров, золото и землю во имя предков и потомков.

Бородашонкор был женат на Джогомайе, дочери Рамлочона Баперджи, лучшего друга его отца. Отцы учились в одном колледже и вместе лакомились запретными иноzemными блюдами вроде говяжьих вырезок и котлет. До свадьбы Джогомайя не замечала разницы между обычайми, которые были в семье ее отца и в семье ее будущего мужа. В доме отца девушки учились, могли свободно выходить из дома, некоторые из них даже печатали в иллюстрированных журналах заметки о своих путешествиях. Но сразу же после свадьбы муж решил перевоспитать Джогомайю. Отныне ее поведение определялось строжайшими предписаниями, составленными по всем правилам традиционных таможенных и паспортных ограничений. На ее лицо накинули покрывало, на ее ум — тоже. Даже самой богине Сарасвати, покровительнице наук, приходилось подвергаться унизительному обыску, прежде чем ее допускали на женскую половину. Английские книги были сразу изъяты, а изベンгальских писателей до Джогомайи доходили лишь те, кто творил задолго до Бонкима, да и то не все. Зато прекрасное издание «Йогавасишти Рамаяны», в переводе наベンгальский, долгое время стояло

на ее полке. До последних дней жизни хозяин дома искренне надеялся, что когда-нибудь его жена выберет время и прочтет этот классический труд, хотя бы ради развлечения.

Джогомайе было нелегко в железных тисках древних правил, она чувствовала себя, точно вещь, положенная в сейф на хранение, однако умела обуздывать мятежную душу.

В этой духовной неволе единственным утешением для нее был их старый домашний жрец пандит Диншорон Беданторонто. Он высоко ценил ее ясный природный ум и говорил ей:

— Все эти обряды и ритуалы не для тебя, дочь моя. Глупцы не только сами обманывают себя, их обманывает весь мир. Ты думаешь, мы сами во все это верим? Разве ты не видишь, как мы без зазрения совести искааем шаstry, если нам это надо? Значит, мы не очень-то чтим всякие правила. Дураками мы прикидываемся только для дураков. И если ты сама не хочешь дурачить себя, то я и подавно не стану тебя обманывать. Когда захочешь, присытай за мной, дочь моя, я почитаю тебе шаstry, в которые сам верю.

Он часто приходил и читал Джогомайе то «Гиту», то «Брахмабхашью». Джогомайя задавала вопросы, заставлявшие его удивляться ее уму, и ему никогда не надоедало беседовать с ней. Он глубоко презирал духовных наставников, которыми окружил себя Бородашонкор. Беданторонто признавался Джогомайе:

— Из всего города ты единственная, с кем мне приятно поговорить. Дочь моя, ты спасла меня от угрызений совести!

Так среди молитв и постов бесконечно тянулись дни. Ее жизнь была во всем «строго регламентирована», как говорят наши газетчики, но даже эта жизнь ее не сломила.

После смерти мужа Джогомайя зажила с сыном Джотишонкором и дочкой Шуромой. Зиму они проводили в Калькутте, лето — где-нибудь в горах. Джотишонкор посещал колледж, по ей не нравились учебные заведения для девочек, и для своей дочери Шуромы она после долгих поисков пригласила Лабонно. С ней-то и встретился Омито так неожиданно на дороге.

IV

ПРОШЛОЕ ЛАБОННО

Отец Лабонно, Обониш Дотто, был директором английского колледжа в Западной Индии. После смерти жены он воспитывал дочь так, что впоследствии даже бесконечные университетские экзамены не остановили ее развития. Как это ни удивительно, никакие академические премудрости не смогли отбить у нее тягу к знаниям.

Единственной страстью отца была наука. В своей дочери он готовил себе преемницу и потому любил ее даже больше, чем свою библиотеку. Он был убежден в том, что, если человек достаточно вооружен знаниями, ему вовсе не обязательно вступать в брак, ибо разуму, занятому наукой, не хватит времени на легкомысленные пустяки. Он твердо верил, что если сердце его дочери и могло когда-то склониться к мысли о браке, то теперь оно так надежно защищено броней истории и математики, что никакие нежные чувства не смогут пустить в нем корни. Он допускал даже, что Лабонно вовсе никогда не выйдет замуж. «Что из того! — говорил он. — Ведь она на всю жизнь обручена с наукой!»

Был у него еще один предмет любви по имени Шобхонлал. Этот юноша обладал прилежанием, редкостным для его возраста. Все в нем привлекало взор: большой лоб, ясные глаза, добрый изгиб губ, открытая улыбка и правильные черты лица. При этом он был необычайно застенчив, тотчас смущался, если кто-нибудь обращал на него внимание.

Шобхонлал происходил из небогатой семьи и потому особенно упорно поднимался по ступенькам знаний. Обониш лелеял в душе надежду, что со временем Шобхон прославится, и тогда он с гордостью сможет сказать, что в этом — немалая его заслуга.

Шобхонлал частенько приходил к Обонишу посоветоваться или поработать в библиотеке. Каждый раз при виде Лабонно он мучительно смущался. Из-за этой робости он много терял в ее глазах: такова судьба всех застенчивых мужчин, которые не могут привлечь внимание женщин.

Но внезапно в дом Обониша нагрянул Нонигопал отец Шобхонлала и набросился на профессора с совершенно неожиданными оскорблениеми. Он кричал, что Обониш под видом обучения просто заманивает в свой дом женихов. Он обвинял его в коварном стремлении женить Шобхонлала на Лабонно и тем лишить его касты во имя своих социальных теорий. В доказательство он предъявил нарисованный карандашом портрет Лабонно, обнаруженный им под лепестками роз в сундуке у Шобхонлала. Нонигопал не сомневался, что этот портрет подарила ему в знак любви сама Лабонно. Торгашеский ум Нонигопала тотчас высчитал стоимость Шобхонлала как жениха и насколько он может еще подняться в цене, если товар малость поддержать. И такую ценную персону Обониш хотел получить даром! Как же это назвать, если не кражей со взломом? И чем подобный грабеж отличается от кражи денег?

До сих пор Лабонно даже не подозревала, что ее образу кто-то поклоняется на тайном алтаре, скрытом от глаз непосвященных. Шобхонлалу в библиотеке Обониша среди различных брошюр и журналов просто посчастливилось отыскать старую фотокарточку Лабонно. Он попросил своего друга-художника срисовать с нее портрет и положил фотографию на место. Розы тоже были из сада его друга, такие же невинные, как его стыдливая, робкая любовь. И все-таки он не избежал кары. Опустив пылающее лицо, украдкой вытирая слезы, застенчивый юноша простился с этим домом.

В последний раз Шобхонлал доказал все бескорыстие своей любви уже издалека, но об этом было известно только ему да всевышнему, перед которым открыты все тайны людских сердец. На экзаменах на степень бакалавра Шобхонлал занял первое место, а Лабонно оказалась на третьем. Это сильно задело Лабонно по двум причинам: ей всегда не нравилось, что отец так восхищается способностями Шобхонлала, но еще больше не нравилось то, что к этому восхищению примешивается привязанность отца к юноше. Она изо всех сил старалась обогнать Шобхонлала на экзаменах и, когда он все же оказался впереди, была не в силах простить ему эту дерзость. Она даже стала подозревать, что на результаты экзаменов по-

влияло пристрастие ее отца, хотя Шобхонлал никогда не просил у Обониша помощи в занятиях. С тех пор, увидев Шобхона, она отворачивалась и уходила. Во время экзаменов на степень магистра у Лабонно не было никаких шансов победить Шобхонлала. И все же она победила. Даже сам Обониш удивился. Если б Шобхонлал был поэтом, он посвятил бы Лабонно целые тома стихов, но он вместо этого пожертвовал ради нее своими высокими отметками на экзаменах.

Кончились годы их ученья. Вскоре Обонишу пришлось внезапно и очень болезненно убедиться в том, что, как бы ни был ум забит знаниями, в нем всегда найдется местечко для бога любви. Обонишу было сорок семь лет, и вот тогда, воспользовавшись его беззащитностью, одна бойкая вдова прорвалась сквозь ряды томов его библиотеки, преодолела стену его учености и завладела его сердцем. Ничто не препятствовало свадьбе, кроме любви Обониша к Лабонно, и между этим чувством и его новой страстью назрел неизбежный конфликт. Обониш старался работать изо всех сил, но радужные мысли, отвлекавшие его от занятий, оказались сильнее. Редакция «Модерн ревю» прислала заказанные им книги о буддийских развалинах, но он сидел над нераскрытыми любимыми книгами, словно сам превратился в буддийское изваяние, застывшее в безмолвии веков. Издатель начинал уже терять терпение, но что было делать? Так происходит со всяким ученым, когда столпы мудрости поколеблены. Что может спасти слона, ступившего насыпучие пески пустыни?

Запоздалые угрызения совести терзали Обониша. Он решил, что из-за своих книг не разглядел любви дочери к Шобхонлалу, ведь не влюбиться в такого юношу невозможно! И проникся отвращением ко всем отцам вообще, а к себе и Нонигопалу — в особенности.

К этому времени и подоспело письмо от Шобхонлала. Он сообщал, что хочет написать статью о династии Гупта, чтобы получить стипендию «Премчанд Райчанд», и просил позволения воспользоваться некоторыми книгами из библиотеки своего учителя. Обониш сразу же дал самый любезный и теплый ответ: «Приходи и занимайся в моей библиотеке, как в добрые старые дни!»

Сердце Шобхонлала затрепетало. Он решил, что за столь обнадеживающим письмом скрывается молчаливое одобрение Лабонно, и начал наведываться в библиотеку. Иногда встречая в доме Лабонно, он нарочно замедлял шаг в надежде, что та обратится к нему с каким-нибудь вопросом, поинтересуется, над какой статьей он работает, и если бы она это сделала, он с радостью раскрыл бы свои тетради и рассказал ей обо всем. Ему так хотелось узнать мнение Лабонно о проблемах, которые его занимали. Но она ни о чем не спрашивала, а сам он не решался начать разговор без поощрения с ее стороны.

Так прошло несколько дней. Настало воскресенье. Шобхонлал разложил на столе свои тетради и делал пометки, листая какую-то книгу. Был полдень, и он сидел в комнате один. Воспользовавшись воскресеньем, Обониш ушел куда-то в гости, но куда — не сказал, только предупредил, чтобы к чаю его не ждали.

Внезапно дверь в библиотеку распахнулась. У Шобхонлала застучало сердце. В комнату вошла Лабонно. Ошеломленный Шобхон встал, не зная, что ему делать. Лабонно пламенела от гнева.

— Зачем вы ходите в этот дом? — спросила она.

Шобхонлал вздрогнул, поник и не смог ничего ответить.

— Знаете ли вы, что говорит ваш отец об этом? Вам не стыдно меня оскорблять?

— Простите, я сейчас уйду, — пробормотал Шобхонлал, опустив глаза. Он даже не сказал, что отец Лабонно сам пригласил его. Он собрал свои бумаги. Руки его тряслись, тупая боль рвалась из груди и не находила выхода. Так он и ушел, совершенно уничтоженный.

Если мы можем полюбить, но из-за какой-то помехи упускаем благоприятный момент, наше чувство превращается не в безразличие а в слепую ненависть, прямую противоположность любви. Возможно, Лабонно, сама того не зная, и готовилась отдать свою любовь Шобхонлалу. Но он не сделал первого шага, и все обернулось против него. И последний злосчастный разговор стал последним ударом. Обида и раздражение мешали Лабонно справедливо судить о близких: она вообразила, что отец пригласил Шобхонлала, желая от нее отделаться, и вот вся тяжесть ее гнева обрушилась на ни в чем не повинного юношу.

Теперь уже Лабонно сама понуждала отца торопиться со свадьбою. Обониш отложил для дочери около половины своих денежных сбережений, однако после его свадьбы Лабонно объявила, что денег не возьмет, а будет зарабатывать на жизнь сама. Это очень опечалило Обониша.

— Ведь я не хотел этой свадьбы, Лабонно, ты сама настояла! Зачем же сейчас ты отворачиваешься от меня? — сокрушенно спросил он.

— Я решила это сделать, чтобы не испортить наших отношений, — ответила Лабонно. — Не расстраивайся, отец! Благослови меня и позовь мне самой найти свое счастье.

Лабонно скоро нашла работу: она взялась обучать Шурому. Она вполне могла бы учить и ее брата Джоти, но тот наотрез отказался, считая для себя оскорбительным подчиняться женщине.

Жизнь ее текла довольно спокойно, согласно ритму повседневных забот. Свободное время Лабонно посвящала английской литературе — от старииков до Бернарда Шоу, — но в основном изучала историю Древней Греции и Рима по трудам английских историков Грота, Гиббона и Джильберта Мэррея. Нельзя сказать, чтобы ни одно дуновение не тревожило ее души, но в ее жизни не было места для бурь. И вдруг это неожиданное столкновение машин на дороге! История Греции и Рима сразу утратила все свое значение. Жизнь приблизилась к Лабонно, отодвинула на задний план все второстепенное, встряхнула ее и сказала: «Пробудись!» И Лабонно пробудилась. Только теперь она увидела себя. И не науки открыли ей глаза, а страдание,

V

НАЧАЛО ДИСКУССИЙ

Покинем теперь руины прошлого и вернемся к настоящему.

Оставив Омито в комнате для занятий, Лабонно пошла сказать о его приходе Джогомайе. Омито чувствовал себя в этой комнате, точно шмель в лотосе. Куда бы он ни посмотрел, все неуловимо напоминало ему о Лабонно и приводило в волнение. На книжной полке и на письменном столе он видел английские книги. Они говорили о ее

вкусе и, казалось, жили своей особой трепетной жизнью. Все они словно ждали Лабонно, ее пальцы листали их страницы, эти книги занимали ее мысли днем и ночью, по их строчкам скользил ее нетерпеливый взгляд, они лежали у нее на коленях в часы размышлений. Омито удивился, заметив на столе сборник поэм Донна. Когда Омито учился в Оксфордском университете, его самого живо интересовал Донн и современные ему поэты. И вот теперь тот же поэт свидетельствовал о счастливом совпадении склонностей двух людей.

Жизнь Омито складывалась из тусклых серых дней, похожих на потрепанные страницы учебника, который школьный учитель перелистывает из года в год. Будущее утратило для него всякий интерес, а потому он без радости встречал каждый наступающий день. Но сегодня он словно перенесся на другую планету. Здесь предметы утратили свой вес, ноги, казалось, не чувствовали под собой земли, и каждое мгновение было преддверием к неведомому: тело обвевал прохладный ветерок, и хотелось петь, как поет флейта; жар солнца проникал в кровь и волновал, как весенние соки волнуют дерево. Пыльная завеса, так долго висевшая перед его глазами, упала, и самое обыденное стало казаться необыкновенным. Поэтому, когда Джогомайя тихо вошла в комнату, Омито был поражен. «О, она не просто вошла, — воскликнул он про себя. — Она явилась!»

Джогомайе было около сорока лет. Но годы не состарили ее, только придали ей благородную утонченность. Ее светлое лицо было румяно, волосы, по вдовьему обычая, коротко острижены, глаза сияли материнской любовью, улыбка была ласковой. Край простого белого чадора был накинут на голову. Красивые, стройные ноги были босы. Когда Омито, склонясь в приветствии, коснулся их рукой, ему показалось, будто на него излилась милость богини.

Покончив с приветствиями, Джогомайя сказала:

— Твой дядя Омореш был лучшим адвокатом в нашем округе. Он спас нашу семью, когда нам грозило полное разорение. Меня он звал невесткой.

— Я всего лишь его недостойный племянник, — ответил Омито. — Дядя избавил вас от несчастья, а я доставил вам неприятность. Он принес вам прибыль, а я —

убыток. Вы были для него невесткой, так будьте же для меня хотя бы маши-ма.

— У тебя есть мать? — спросила Джогомайя.

— Когда-то была, — ответил Омито. — Теперь мне бы хотелось иметь тетю.

— Зачем, сын мой?

— Видите ли, если бы я разбил сегодня автомобиль моей матери, она без конца пилила бы меня за мою «медвежью ловкость». Но если бы машина принадлежала тете, она бы посмеялась над моей оплошностью и сочла ее мальчишеством.

Джогомайя улыбнулась:

— Ну, хорошо, пусть будет так.

Омито вскочил, коснулся ног Джогомайи и воскликнул:

— Вот почему надо верить в судьбу. У меня была мать, я не совершил никаких подвигов благочестия, чтобы приобрести тетю. Но вот столкнулись автомобили — подвиг далеко не благочестивый, — и тотчас же в мою жизнь, словно посланница богов, вошла тетя. Подумайте, сколько веков благочестия должно было предшествовать этому чуду!

— Чья же судьба этому помогла — твоя, моя или шофера? — улыбаясь, спросила Джогомайя.

Омито взъерошил свои густые волосы.

— Трудный вопрос! Судьбы одного человека для этого мало. Вся вселенная из века в век, от звезды к звезде должна была готовиться к тому, что произошло в пятницу, ровно в десять часов сорок восемь минут. Но что будет теперь?

Джогомайя искоса взглянула на Лабонно и усмехнулась. Еще как следует не зная Омито, она уже решила, что эти двое созданы друг для друга. Поэтому она сказала:

— Вы пока здесь побеседуйте, а я пойду позабочусь о завтраке.

Омито умел быстро завязывать разговор. И он сразу же начал:

— Тетя велела нам побеседовать. Но прежде надо представиться. Давайте сразу же покончим с этим. Вы ведь знаете мое имя — то, что в английском языке называют «именем собственным»?

— Я знаю только, что вас зовут Омито.

— Далеко не во всех случаях.

— Случаев может быть много, — улыбнулась Лабонно, — но имя должно быть одно.

— То, что вы сказали, несовременно. Страна, время, люди — все меняется, и говорить, что имя не должно меняться, — ненаучно. Я решил прославиться, пропагандируя теорию относительности имен. И для начала объявляю вам, что в ваших устах мое имя не должно звучать «Омито-бабу».

— Вам нравится, когда вас называют по-английски — мистер Рой?

— Это заморское имя какое-то чужое. Чтобы определить, насколько коротко имя, надо узнать, как быстро доходит оно от ушей до сердца.

— Какое же ваше самое быстроногое имя?

— Чтобы увеличить скорость, надо уменьшить вес. Отбросьте «бабу» от «Омито-бабу»!

— Не торопитесь, для этого нужно время, — возразила Лабонно.

— Время не для всех одинаково. В мире нет единых часов. Карманные часы показывают время в зависимости от того, в каком кармане они находятся. Это теория Эйнштейна.

Лабонно встала.

— Вода для вашего омовения остывает.

— Я охотно совершу омовение холодной водой, если вы уделите мне еще немного времени.

— Простите, я спешу, и дела не ждут. — С этими словами Лабонно вышла.

Омито не сразу пошел совершать омовение. Он сидел и припоминал каждое улыбчивое слово Лабонно, произнесенное ее прекрасными устами. Омито видел много красивых девушек, но их красота напоминала лунную ночь, яркую и в то же время таинственную. Красота Лабонно была похожа на утреннюю зарю — все в ней было ясно, все было озарено светом разума. Создавая ее, творец вложил в эту девушку какие-то мужские качества. С первого взгляда становилось ясно, что она наделена не только способностью чувствовать, но и способностью мыслить. Это и привлекало Омито. Он и сам был умен, но не умел

прощать, был рассудителен, но нетерпелив, многому научился, но не обрел успокоения. На лице Лабонно он впервые увидел выражение покоя, порожденного не самодовольством, а глубоким миром серьезного и уравновешенного ума.

VI

ПРИЗНАНИЕ

Омито не выносил одиночества. Он не мог долго любоваться красотами природы. Ему необходимо было с кем-либо говорить. С природой нельзя обходиться фамильярно. Если с ней обращаться не так, как должно, наказание не замедлит последовать. Природа подчиняется закону и хочет, чтобы другие тоже следовали закону. Одним словом, природа лишена чувства юмора. Поэтому вне города Омито задыхался, как рыба, вытащенная из воды. Но теперь — странное дело — горы Шиллонга словно притягивали Омито.

Сегодня он встал раньше солнца, и это было на него совершенно непохоже. Он взглянул в окно и увидел, как колеблются неясные силуэты деодаров, а за ними из-за гор поднимается солнце и пронизывает золотыми иглами своих лучей прозрачные облака. Омито долго и безмолвно наблюдал за игрой огненных красок.

Торопливо проглотив чашку чаю, он вышел из дома. Дорога была безлюдна. Под старой сосной, поросшей лишайниками, Омито сел на душистый ковер из опавшей хвои. Вытянув ноги, он зажег сигарету, но тут же забыл о ней, и она скоро потухла. Через этот лес шла дорога к дому Джогомайи. Так же как человек перед обедом вдыхает запахи пищи, доносящиеся из кухни, так и Омито, сидя здесь, представлял себе все великолепие дома Джогомайи. Он ждал часа, когда можно будет пойти туда на чашку чая.

Сначала он приходил в этот дом только по вечерам. Но потом репутация знатока литературы дала Омито возможность посещать дом Джогомайи в любое время. Первые дни Джогомайя тоже проявляла интерес к литературным беседам, однако скоро обнаружила, что ее присутствие охлаждает энтузиазм собеседников. Нетрудно было понять, что третий тут лишний. С тех пор у нее всегда

находились причины для отсутствия. Эти причины были, конечно, выдуманными, так как хозяйка дома заметила, что интерес, который проявляли к беседам Омито и Лабонно, был чем-то большим, нежели просто интерес к литературе. Омито, в свою очередь, понял, что, хотя Джогомайя не молода, глаза ее зорки, а душа отзывчива. И его любовь к беседам возросла. Чтобы продлить свое пребывание в их доме, он договорился с Джотишонкором, что будет помогать ему в изучении английской литературы — час утром и два вечером. Он взялся за дело с таким рвением, что утренний час неизменно растягивался до полудня, а там начинались всякие посторонние разговоры, и, в конце концов, ему приходилось уступать просьбам Джогомайи и оставаться до завтрака. Так со временем круг его обязанностей в доме постепенно расширился.

Его занятия с Джотишонкором должны были начинаться в восемь утра. Для Омито это было очень неудобное время. Он говорил, что существо, которое провело в утробе девять месяцев, не может вставать вместе с птицами и животными. До сих пор ночной сон захватывал немало утренних часов. Омито любил говорить, что украденное время — самое приятное для сна, так как оно незаконное. Но теперь сон Омито утратил безмятежность: ему самому не терпелось встать пораньше. Он просыпался раньше времени и уже не позволял себе поваляться в постели, опасаясь проспать. Иногда он даже переставлял стрелку своих часов вперед, но делал это не слишком часто, страшась быть уличенным в краже времени. Сегодня он взглянул на часы и увидел, что еще нет и семи. Часы наверняка испортились! Он поднес их к уху, по услышал обычное тикание...

Размышляя обо всем этом, Омито вдруг увидел Лабонно. Она шла по дороге, размахивая зонтиком; на ней было белое сари, на плечах треугольная шаль с черной бахромой. Омито не сомневался, что Лабонно сразу заметила его, но не хочет в этом признаться и взглянуть ему прямо в глаза. Однако, когда Лабонно дошла до поворота, Омито уже не мог удержаться и догнал ее.

— Вы знали, что вам не уйти от меня, и все-таки заставили меня бежать, — сказал он. — Разве вам неизвестно, какие неудобства вызывает всякое расстояние?

— Какие же?

— Из души несчастного, который остался позади, рвется крик. Но как он крикнет? С богами удобнее: они довольны, когда их называют по имени. Если крикнуть: «Дурга! Дурга!», десятирукая богиня будет довольна. С женщинами труднее...

— Вы могли бы и не кричать.

— Мог бы, если бы вы были близко. Поэтому я и говорю: не удаляйтесь! Нет ничего трагичнее, когда хочешь позвать и не можешь.

— Почему же? Вы ведь знакомы с английскими обычаями!

— Называть вас мисс Датт? Это хорошо за чайным столом. Земля сегодня встретилась с небом, и сияние зари благословило их встречу. Слышите? Клич летит от неба к земле, а от земли вздымается к небу. Разве в жизни человека не приходит мгновение, когда такой же клич рвется из груди? Вообразите, что сейчас из моей груди вырвется ваше имя, разнесется по лесу, достигнет этих ярких облаков! Эти горы, увенчанные шапкою туч, тоже услышат его и задумаются. Разве уместно здесь «мисс Датт»?

— Придумывание имен требует времени, — уклонилась от ответа Лабонно. — А я хочу завершить прогулку.

— Человеку требуется немало времени, чтобы научиться ходить, — продолжал Омито, шагая рядом с ней. — А вот мне, напротив, пришлось довольно долго учиться сидеть. Только этому и научился! Английская пословица гласит: катящийся камень мхом не обрастает. С этой мыслью я и пришел сюда еще затемно и сел у края дороги.

— Вы знаете, как называют этих зеленых птичек? — спросила Лабонно, неожиданно меняя тему разговора.

— Я знал понаслышке, что среди живых существ есть птицы. Но никогда не придавал этому значения. И только здесь с удивлением обнаружил, что на свете действительно есть птицы и что они поют.

— Удивительно! — со смехом воскликнула Лабонно.

— Вы смеетесь! — воскликнул Омито. — Даже о серьезных вещах я не умею говорить серьезно. Это какое-то наваждение! Видно, я родился при свете луны, которая

не исчезает, не ухмыльнувшись, — даже в самую страшную и черную ночь.

— Не вините меня! Даже птицы рассмеялись бы, если бы вас услышали.

— Знаете, люди смеются потому, что не сразу понимают значение моих слов. Если бы они понимали, то, наверное, промолчали бы и задумались. Вам смешно, что сегодня я заново увидел птиц. Но это означает, что сегодня я все вижу в новом свете, даже себя. Над этим не стоит смеяться. Вот видите, на этот раз и вы молчите, хотя я сказал почти то же самое.

— Но ведь вы еще не старик, вы молоды, откуда же такое чувство? — улыбнувшись, спросила Лабонно.

— На это трудно ответить, трудно найти слова... То ощущение нового, которое пришло ко мне, бесконечно старо. Оно старо, как сияние зари, как распускающийся цветок, как нечто давно знакомое, но вечно новое.

Лабонно молча улыбнулась.

— Ваша улыбка — будто луч фонаря полицейского, охотящегося за вором. Я знаю: то, что я сейчас сказал, вы читали раньше у вашего любимого поэта. Прошу вас, однако, не считайте меня презренным вором! Бывают моменты, когда превращаешься в Шанкарачарью и говоришь, что разница между «я написал» и «он написал» — всего лишь иллюзия. Так вот, когда я сидел здесь сегодня утром, мне вдруг пришло в голову, что из всех известных мне стихотворений некоторые строки мог бы написать только я, и никто другой.

— Что же это за строки? — полюбопытствовала Лабонно. — Вы их помните?

— Да, конечно.

Лабонно больше не могла сдерживать любопытства и попросила:

— Прочтите их мне!

Омито продекламировал по-английски:

— «Ради бога, молчи и дозволь мне любить!»

Сердце Лабонно вздрогнуло.

После долгого молчания Омито спросил:

— Вы, конечно, знаете, кому принадлежит эта строка? Лабонно кивнула головой в знак согласия.

— Как-то на вашем столе я обнаружил стихи Донна, — продолжал Омито, — иначе я не припомнил бы этой строки.

— Обнаружили?

— Как же сказать иначе? В книжной лавке я просто вижу книги, но на вашем столе они раскрывают свои богатства. На столах публичной библиотеки они только лежат, но на вашем столе — живут. Не удивительно, что, увидев у вас стихи Донна, я был потрясен. У дверей других поэтов — стоит толпа, точно нищие на похоронах богача. Чертог поэзии Донна пустынен, там есть место только для двоих, чтобы сесть рядом, близко друг к другу. Поэтому я так отчетливо услышал утром голос сердца:

«Ради бога, молчи и дозволь мне любить»!

Омито повторил строку по-бенгальски.

— Разве вы пишете стихи на бенгали? — удивленно спросила Лабонно.

— Боюсь, что с сегодняшнего дня начну. Прежний Омито Рай и не подозревал, каких дел натворит новый Омито Рай. Кажется, он уже сейчас ринется в бой!

— В бой? С кем?

— Еще точно не знаю, знаю только, что готов пожертвовать жизнью ради чего-то большого, великолепного. И если потом придется раскаяться — что ж, времени на это всегда хватит.

— Если вы действительно хотите пожертвовать жизнью, делайте это осторожно, — с улыбкой предостерегла Лабонно.

— Бесполезно говорить мне об этом. Я не собираюсь участвовать в каком-нибудь бунте. Я буду избегать и мусульман и англичан. Но если я увижу приверженца древних обычаяев, с кротким лицом типичного сторонника ненасилия, старое чучело в машине, я стану на его дороге и крикну: «К бою!» Вы знаете этих «больных», которые вместо того, чтобы лечь в больницу, едут в горы и бесстыдно нагуливают здесь аппетит.

— А если этот человек отмахнется от вас и поедет дальше? — засмеялась Лабонно.

— Тогда я подниму обе руки к небу и воскликну: «На сей раз я простил тебя! Ты мой брат, и мы оба —

дети одной матери — Индии». Знаете, когда сердце переполнено, оно может звать в бой, но может и прощать.

Лабонно рассмеялась.

— Когда вы сказали, что рветесь в бой, — сказала она, — я испугалась, но когда вы заговорили о прощении, я поняла, что тревожиться не о чем.

— Вы исполните мою просьбу? — спросил Омито.

— Смотри какую.

— Прервите вашу прогулку, чтобы я не подумал, будто вы тоже нагуливаете аппетит.

— Хорошо. Это все?

— Давайте сядем под деревом. Вот здесь, над смеющимся ручьем, на этот камень, покрытый разноцветными лишайниками.

Лабонно посмотрела па свои часики и сказала:

— Но у нас мало времени.

— Недостаток времени — самая сложная и трагичная проблема жизни. Когда у путника в пустыне остается только полкувшина воды, он должен следить, чтобы она не вылилась на песок. Пунктуальными могут быть лишь те, у кого времени хоть отбавляй. У богов время безгранично, только поэтому солнце всходит и заходит всегда вовремя. Наше время ограничено, и тратить его на то, чтобы быть пунктуальным, — непростительное безрассудство. Если кто-нибудь из бессмертных спросит меня: «Что ты делал на земле?» — я со стыдом отвечу: «Постоянно следя за стрелкой часов, я не имел времени увидеть, что в жизни есть еще что-то, кроме времени». Вот почему я и предложил вам посидеть здесь.

Омито всегда пребывал в полной уверенности, что другие одобряют все, что одобрял он сам. Поэтому возражать ему было трудно. И Лабонно согласилась.

— Хорошо, посидим.

Узкая тропинка спускалась из густого леса к деревне кхаси. Не обращая внимания на эту тропинку, тонкий ручеек от маленького водопада пересекал ее и бежал дальше, оставив мелкие камешки в знак своего права выбирать путь, где ему вздумается. Лабонно и Омито сели на камень. В этом месте в небольшой глубокой ямке вода

притаилась, как робкая девушка за зеленым занавесом на женской половине дома. Дух уединенности, витавший здесь, заставил Лабонно покраснеть, словно с нее самой сняли покрывало. Она хотела что-нибудь сказать, чтобы скрыть смущение, но не могла вымолвить ни слова — так бывает во сне, когда пытаешься закричать и не можешь.

Омито понял, что надо нарушить молчание.

— Знаете, — произнес он, — у нас существует два языка — литературный и разговорный. Но, кроме них, необходим еще третий язык — не повседневный, не деловой, а интимный, для таких уголков, как этот. Он должен быть, как песня птицы, как стихи поэта, он должен литься непроизвольно, как плач ребенка. Какой стыд, что нам приходится заимствовать этот язык из книг! Представьте, что было бы, если бы всякий раз, когда захочется посмеяться, нам пришлось бы бежать к зубному врачу! Скажите правду, вам хотелось бы, чтобы сейчас ваша речь звучала, как музыка?

Лабонно опустила голову и промолчала.

Омито продолжал:

— За чашкой чая все время приходится думать, что уместно, а что неуместно. Здесь нет ни приличного, ни неприличного. Что же нам делать? Остается излить душу в стихах. Проза требует слишком много времени, а у нас его мало. Если вы позволите, я начну.

Лабонно пришлось согласиться, чтобы скрыть свое смущение.

Прежде чем начать, Омито спросил:

— Вы, кажется, любите стихи Рабиндраната Тагора?

— Да, люблю.

— А я нет. Поэтому извините меня. У меня есть свой поэт. Его поэзия так хороша, что его мало кто читает, даже мало кто удостаивает ругани. Я хочу прочитать вам его стихи.

— Но почему вы так волнуетесь?

— У меня печальный опыт. Порицая лучшего из поэтов, мы развенчиваем его. Даже если мы просто молча пренебрегаем им, все равно в душе мы награждаем его самыми нелестными эпитетами. То, что нравится мне, может не понравиться другому. Сколько кровавых битв происходит из-за этого на земле!

— О, я не сторонница кровавых битв и никому не на-
взываю своего вкуса.

— Хорошо сказано. В таком случае я начну без
страха:

О Неведомая,
Почему ты хочешь бежать,
Не даешь мне себя познать?

Вы уловили суть? Оковы неведомого — самые страш-
ные из оков! Я узник в мире неведомого, и только, когда
познаю его — получу освобождение. Это и есть мукти,
освобождение души от перерождения.

В час глухой, предрассветный, сонный,
Когда разум отягощенный
Разомкнул на мгновенье видений кольцо.
Я увидел твое лицо
И глаза, обведенные тенью,
И ресницы — как два крыла...
Где же ты до сих пор была?
В каких тайниках забвенья?

Нет пещеры темнее той, где человек забывает себя.
Все сокровища, которые мы не заметили в жизни, собра-
ны в тайниках потерявшей себя души. Но не следует впа-
дать в отчаяние!

Да, познать тебя нелегко!
Путь к тебе не проложишь
Ложью
Слов, нашептываемых на ушко, —
Я от этого далеко.
Гордый силой души моей,
Я рассею твои сомненья,
Нерешительность, подозренья,
И тогда лишь из тьмы ночей
Вознесу тебя прямо к свету
И победу восславлю эту!

Чувствуете, какая уверенность? Какая сила? Какая
мужественная энергия стиха?

Ты в слезах от сна пробудишься
И, познав свою красоту,
К жизни истинной возродишься.
Я тебе подарю свободу
И свободу сам обрету.

Таких стихов нет ни у кого из ваших знаменитостей! Это не просто лирика, а сама неуловимая правда жизни! И, пристально глядя на Лабонно, Омито продолжал:

О Неведомая!
День уходит, и вечер горит пожаром, --
Поспеши!
О дозволь мне одним ударом
Сокрушить оковы души,
Чтобы вспыхнуло перед нами
Ярче солнца познания пламя!
Жизнь готов отдать
Ради этого,
Чтоб тебя познать,
О Неведомая!

Дочитывая стихи, Омито взял Лабонно за руку. Лабонно не отняла руки. Она смотрела на Омито и не произносила ни слова. Да теперь и не нужны были никакие слова. Лабонно забыла о времени.

VII

С В А Т О В С Т В О

Омито пришел к Джогомайе и объявил:

— Маши-ма, я пришел свататься. Пожалуйста, не привередничайте и не отказывайте мне.

— Согласна, если понравится жених. Прежде всего, кто он, где живет? Каков собой?

— Имя не определяет достоинства жениха, — возразил Омито.

— Что ж, в таком случае свату придется быть очень требовательным.

— Это несправедливо. Люди с громкими именами хороши только в обществе, но не дома. Они пекутся о своей славе, а не о счастье домашнего очага. Женам они уделяют лишь частицу себя, этого недостаточно для семьи. Брак знаменитых людей — не настоящий брак, он так же достоин порицания, как и многоженство.

— Хорошо, оставим пока имя жениха. А как он выглядит?

— Мне не хочется говорить об этом: я боюсь преувеличить.

— Насколько мне известно, все сваты преувеличивают.

— При выборе жениха важны две вещи: чтобы его громкое имя не мешало счастью дома и чтобы его красота не затмевала красоту невесты.

— Ладно, не будем говорить о его имени и внешности. Поговорим об остальном.

— Остальное все считают положительными качествами жениха.

— Умен?

— Достаточно, чтобы заставить людей поверить в его ум.

— Образован?

— Как сам Ньютон. Он знает, что на берегу океана знаний сумел подобрать всего несколько камешков. Но, в отличие от Ньютона, не осмеливается в этом признаться, боясь, как бы его не поймали на слове.

— Я вижу, достоинств у жениха не очень-то много.

— Для того чтобы узнать щедрость Аннапурны, сам Шива называл себя нищим и нисколько этого не стыдился.

— В таком случае опиши жениха поподробнее.

— Он из знакомой вам семьи. Имя жениха — Омита Кумар Рай. Что вы смеетесь, тетя? Вы думаете, это шутка?

— Да, дорогой, я опасаюсь, что, в конце концов, это окажется шуткой.

— Такое подозрение порочит жениха.

— Ох, суметь насмешить — тоже немалое достоинство!

— Этой способностью обладают боги. Поэтому они и не годятся в женихи. Дамаянти это поняла.

— Тебе правда нравится моя Лабонно?

— Испытайте меня, как хотите.

— Испытание может быть только одно. Ты хорошо знаешь, что Лабонно в твоих руках.

— Поясните ваши слова.

— Я считаю настоящим ювелиром того, кто знает истинную цену жемчужины, даже если она досталась ему дешево.

— Вы слишком усложняете вопрос. Это все равно, что заострять психологические проблемы в маленьком расска-

зе. На деле все обстоит гораздо проще: один человек без ума от одной девушки и хочет на ней жениться. Молодой человек, учитывая все его достоинства и недостатки, можно сказать, подходящий, о девушке и говорить не приходится. В подобных случаях матери невест радуются и веселятся.

— Не беспокойся, дорогой, все радости еще впереди. Вообрази, что Лабонно уже твоя. Если и сейчас ты будешь так же сильно желать ее, тогда я поверю, что ты достоин такой девушки, как Лабонно.

— Вы удивляете даже такого сверхсовременного человека, как я.

— Чем же это?

— Похоже, в двадцатом веке машина боятся выдавать девушек замуж!

— Это потому, что в прошлом веке они выдавали замуж не девушек, а кукол. А сейчас девушки не желают быть игрушками для машины.

— Не беспокойтесь. Люди никогда не довольствуются достигнутым, наоборот — они всегда хотят иметь больше. В доказательство скажу, что Омито Рай для того и явился на землю, чтобы жениться на Лабонно. Иначе зачем бы неодушевленный предмет — мой автомобиль — совершил столь невероятный фантастический поступок в таком неизвестном месте и в такое фантастическое мгновение?

— Дорогой мой, твои речи не подходят человеку, собирающемуся жениться. Как бы, в конце концов, все это не оказалось детской затеей.

— О нет, просто у меня особый склад ума, благодаря которому самые серьезные мысли облекаются в легкомысленные слова. Но от этого они не менее серьезны.

Джогомайя вышла присмотреть за приготовлениями к завтраку. Омито некоторое время слонялся из комнаты в комнату, но так и не нашел того, кого хотел увидеть. Он встретил лишь Джотишонкора и вспомнил, что сегодня должен был читать с ним драму Шекспира «Антоний и Клеопатра». Увидев выражение лица Омито, Джотишонкор тотчас понял, что его первый долг — пожалеть несчастного и отложить на сегодня всякие занятия.

— Омито, — сказал он, — если ты не против, я бы сегодня отдохнул и полазил по горам Шиллонга,

Омито искренне обрадовался.

— Те, кто занимается без отдыха, не усваивают прочитанное, — ответил он. — Почему ты думаешь, что я могу быть против, если тебе хочется отдохнуть? Это глупо.

— Но завтра ведь воскресенье. Ты мог подумать...

— Нет, братец! Я не рассуждаю, как школьные учителя. Я не считаю воскресенье днем отдыха. Наслаждаться свободой в назначенный день — все равно что охотиться за привязанным животным. Пропадает всякое удовольствие.

Джоти развеселился, догадавшись об истинной причине, по которой Омито вдруг начал ратовать за свободу в выборе дней отдыха.

— С некоторых пор ты выдвигаешь все новые теории насчет свободных дней, — сказал он. — В прошлый раз ты мне тоже прочел об этом целую лекцию. Если так пойдет дальше, я скоро в этом деле стану крупнейшим специалистом.

— О чем это я говорил в прошлый раз?

— Ты сказал: «Стремление к недозволенному — великая добродетель. Когда появляется такое стремление, не следует медлить». С этими словами ты закрыл книгу и тотчас вышел. Наверное, за дверью появилось нечто недозволенное, только я не заметил...

Джоти было еще далеко до двадцати. Волнение в душе Омито затронуло и его. До сих пор он видел в Лабонно только учительницу, но теперь благодаря Омито обнаружил, что она женщина.

— Есть совет, который ценится, как золотая монета с изображением Акбара. Вот он: «Когда есть дело, надо всегда быть к нему готовым». Но на обратной стороне следует выгравировать: «Когда безделье вызывает на бой, принимай геройски его вызов», — весело парировал Омито.

— Понятно. За последние дни я убедился в твоем героизме!

Омито похлопал Джоти по спине.

— Когда в календаре твоей жизни настанет чистый аштами, немедля почти богиню, пожертвуй ради нее всеми неотложными делами. Ибо сразу за этим наступит победный дащами.

Джоти ушел. Дух искушения ревился вовсю, но та, что выпустила его на волю, не показывалась. Омито вышел в сад.

Ветки вьющейся розы были усыпаны цветами. С одной стороны дорожки росли подсолнухи, с другой, в деревянных квадратных вазонах, цвели хризантемы, напоминающие луну. В верхнем конце отлогой лужайки возвышался могучий эвкалипт. Под этим деревом, прислонившись к стволу, сидела Лабонно, закутанная в сари пепельного цвета. Лучи утреннего солнца освещали ее ноги. На коленях у нее был расстелен платок с кусками хлеба и копченными грецкими орехами. Она собиралась с утра покорить животных, но позабыла об этом. Омито подошел и остановился перед ней. Лабонно подняла голову, Омито сел напротив.

— У меня хорошие вести, — сказал он, — я получил согласие твоей маши-ма.

Не отвечая, Лабонно бросила расколотый орех под персиковое дерево, на котором не было плодов, и тотчас по его стволу соскользнула белочка. Это была одна из многих подопечных Лабонно.

— Если ты не против, я придумаю тебе особое имя, — спохватился Омито.

— Придумай.

— Я буду звать тебя Бонно-Лесная.

— Бонно?!

— Нет, нет, это тебе совсем не подходит! Такое имя годится только для меня. Я буду звать тебя Бонне-Поток. Что ты скажешь?

— Что ж, зови, только не при тете.

— Конечно, нет. Это имя как мантра, только для посвященных, оно только для моих и твоих ушей.

— Пусть будет так.

— Мне тоже нужно иное имя. Как тебе покажется Брахмапутра? Внезапно в нее вливается Поток-Бонне и переполняет берега.

— Слишком тяжелое имя для каждого дня.

— Ты права. Придется нанимать кули, чтобы его носить. Тогда сама придумай мне имя. Пусть оно будет создано тобой.

— Хорошо, я тоже сделаю из твоего имени уменьшительное и буду звать тебя Мита-Друг.

— Превосходно! В стихах это слово звучит: «товарищ». А почему бы тебе не называть меня так при всех? Что в этом за беда?

— Боюсь, то, что дорого для одного, покажется дешевым для других.

— Гм, ты, пожалуй, права. Бонне!

— Что, Мита?

— Если я напишу поэму, знаешь, какую рифму я поставлю к твоему имени? Несравненная.

— Что это значит?

— А то, что ты такая, какая есть, — и больше никакая.

— В этом нет ничего удивительного.

— Как ты можешь так говорить! Наоборот, это очень удивительно. Волею судеб я встречаю человека и до того поражен, что не могу удержаться от крика: «Она похожа только на себя и ни на кого больше!» Знаешь, что я скажу в своей поэме?

О Бонне, твоя красота совершенна
Тем, что она ни с чем несравненна!

— Надеюсь, ты не собираешься писать стихи?

— А почему бы нет? Кто может мне помешать?

— Откуда такая отчаянная решимость?

— Сейчас объясню. Сегодня ночью я не мог уснуть до половины третьего, но вместо того, чтобы переворачиваться с боку на бок, я перелистывал страницы оксфордской книги. И я не нашел там стихов о любви, хотя раньше они попадались мне на каждом шагу. Тогда я понял, что мир ждет таких стихов от меня.

Он взял руку Лабонно в свои и продолжал:

— Мои руки заняты, как же я возьму карандаш? Лучшая рифма — прикосновение рук. Твои пальцы, — как они шепчутся с моими! Ни один поэт не может писать выразительнее и проще.

— Ох, Мита, ты так разборчив, так требователен, что я просто боюсь!

— Но подумай о том, что я говорю. Рама хотел испытать чистоту Ситы огнем, обычным материальным

огнем костра, и потерял ее. Чистота поэзии тоже испытывается огнем, но огнем души. Чем же будет испытывать стих тот, у кого в сердце нет огня? Ему придется довериться чужим словам, а они зачастую лживы. Сейчас в моем сердце горит огонь. При свете этого огня я перечитываю все, что читал раньше. Как же мало из этого остается. Почти все сгорает и превращается в пепел. Сегодня этой шумной толпе поэтов мне пришлось сказать: «Умолкните, не кричите! Тихо произнесите единственно правильные слова:

Ради бога, молчи и дозволь мне любить!»

Они долго сидели молча, потом Омито поднял руку Лабонно, тихонько провел ею по своему лицу.

— Подумай, Бони, — заговорил он, — как много людей в это утро, в это самое мгновенье жаждут счастья и как немногие из них его получают. Я один из немногих. И на всей земле только ты одна видишь этого счастливца в горах Шиллонга под этим эвкалиптом. Самые удивительные вещи на земле застенчивы, они избегают попадаться людям на глаза. А вот когда какой-нибудь политикан где-нибудь, между Голдигхи в Калькутте и Ноакхали в Читtagонге, с криком грозит кулаком в пространство и стреляет холостыми патронами, сообщения об этом разносятся по всей Бенгалии и считаются самыми интересными... Но кто знает, может быть, это и к лучшему!

— Что к лучшему?

— То, что прекрасное незримо бродит по дорогам жизни, а не увядает от докучного внимания толпы. Этой мудростью живет все мироздание. Но что с тобой? Я все болтаю, а ты молчишь и о чем-то думаешь. О чем?

Лабонно сидела, опустив голову, и ничего не отвечала.

— Мне кажется, ты даже не обратила внимания на мои слова, — сказал Омито.

Лабонно проговорила, не поднимая глаз:

— Когда я слушаю твои речи, Мита, мне делается страшно.

— Чего же ты боишься?

— Я не могу понять, чего ты хочешь от меня и что я могу дать тебе.

— Твой дар тем и ценен, что ты даешь, не размышляя.

— Когда ты сказал, что машина дала согласие, меня охватил непреодолимый страх оказаться в плену, в ловушке.

— Ты и попадешь ко мне в плен!

— Мита, ты гораздо умнее меня, и вкус у тебя тоньше. Если я пойду одной дорогой с тобой, настанет время, когда я отстану от тебя, и ты не обернешься и не позовешь меня. Я не буду тогда винить тебя. Нет, не говори ничего, прежде выслушай! Я умоляю тебя, откажись от женитьбы. Если развязывать узел после свадьбы, он только туже затянется. Мне достаточно того, что я получила от тебя. Я пронесу это через всю жизнь. И сейчас прошу об одном: не обманывай сам себя!

— Бонне, зачем ты вносишь в щедрость сегодняшнего дня сквердность завтрашнего?

— Мита, ты дал мне силы говорить правду. Ты и сам в глубине души согласен с тем, что я говорю. Ты не хочешь признаться в этом, боишься, что даже тень сомнения омрачит твою радость. Но ты не из тех, кто удовлетворится семьей. Ты вечно ищешь чего-то нового, что может утолить жажду твоей души. Поэтому ты бросаешься от литературы одной страны к другой, поэтому ты пришел ко мне. Сказать тебе правду? В глубине души ты убежден, что брак, как ты бы сказал, «вульгарен». Он слишком добропорядочен, он для тех, кто бормочет священные заклинания, валяется на мягких подушках и считает жену своей собственностью, такой же, как мебель или домашний скот.

— Бонне, ты умеешь говорить самые жестокие вещи самым нежным голосом.

— Мита, я так люблю тебя, что скорее буду жестока, чем дам тебе ошибиться. Оставайся таким, каков ты есть, и люби меня так, как можешь, но не бери на себя никаких обязательств, — тогда и я буду счастлива.

— А теперь дай сказать мне! Как удивительно ты описала мой характер! Я не буду возражать. Но в одном ты ошиблась. Даже человеческий характер меняется. Как домашнее животное, он скован цепями и неподвижен. Но в один прекрасный день под напором нежданного счастья

цепи рвутся, и он устремляется на свободу, в леса — тогда характер становится совсем иным.

— Каков же твой характер сейчас?

— Сейчас я сам на себя не похож. Раньше мне приходилось встречаться со многими девушками — на гладко вымощенных перекрестках общественной жизни при изысканном свете полузатененных ламп, там, где люди знакомятся, но не узнают друг друга. Скажи сама, Бонне, разве наша встреча похожа на эти?

Лабонно не отвечала. Омито продолжал:

— Две звезды совершают свой путь, приветствуя друг друга с почтительного расстояния. Пристойный и безобидный закон, по которому между двумя звездами существует взаимное тяготение, но нет непреодолимого влечения. И вдруг на них обрушивается удар, и свет их меркнет, и они сливаются, чтобы вспыхнуть одним ярким пламенем! Вот такой огонь переплавил Омито Раю. Так происходит не только со звездами, но и с людьми. Кажется, что их жизнь — непрерывный поток, а на деле — это цепь случайностей. Созидание идет внезапными толчками, порывами, в быстром ритме, так одна эпоха сменяет другую. Бонне, ты нарушила ритм моей жизни, и в новом ритме твой голос и мой слились вместе!

Глаза Лабонно были влажны от слез. Но она не могла отделаться от мысли, что у Омито чисто литературный склад ума, что каждое впечатление вызывает в нем новый поток слов. Этот дар дала ему жизнь, и в нем он находит радость. «Поэтому-то я ему и нужна! Боже, дай мне тепла, чтобы растопить лед его застывших чувств!» — думала Лабонно.

Они долго сидели молча. Вдруг Лабонно спросила:

— Ты не думаешь, Мита, что когда был закончен Тадж Махал, в тот день Шах Джahan радовался смерти Мумтаз? Ведь ее смерть была необходима, чтобы увековечить его мечты! Ее смерть — самый великий дар любви Мумтаз. В Тадж Махале воплощено не горе, а радость Шаха Джахана.

— Ты все время меня удивляешь, — проговорил Омито. — Ты настоящая поэтесса.

— Поэтессой я не была и не буду.

— Почему?

— Не хочу огнем жизни зажигать светильники слов.
Слова хороши для тех, кто получил приказ украсить зал
празднеств жизни. Огонь моей жизни — для жизненных
дел.

— Ты отвергаешь слова, Бонне? Разве ты не видишь,
что твои слова пробудили меня? Ты сама не знаешь, ка-
кая сила в твоих словах! Я чувствую, мне снова придется
призвать Нибарона Чокроборти. Тебя сердит частое по-
вторение этого имени, но что делать? Этот человек —
хранитель моих самых сокровенных мыслей! Нибарон
еще не стар и еще не надоел самому себе. Каждый раз,
как он пишет поэму, ему кажется, что это его первая
поэма. На днях, роясь в его записных книжках, я нашел
новые стихи. Это стихи о водопаде. И откуда он только
узнал, что в горах Шиллонга я тоже нашел свой водопад?
Вот слушай:

О Водопад, в прозрачных струях
Твоих кристальных вод
И солнце, и луна, ликуя,
Ведут свой хоровод.

Если бы я писал сам, то не смог бы описать тебя
вернее. Твоя душа так прозрачна, что в ней отражается
свет небес. Я вижу этот свет на твом лице, в твоей улыб-
ке, в твоих словах, в том, как покойно ты сидишь, и в
твоей походке, когда ты идешь по дороге.

Дозволь и мне хотя бы тенью
Коснуться струй твоих,
Услышать вечные в движенье,
Твой голос, говор, смех и пенье
И захлебнуться в них!

Ты водопад. Ты не просто движешься в потоке жизни,
ты поешь при движении. Даже тяжелые неподвижные
камни подпевают тебе, когда ты прыгаешь по ним, ка-
саясь их легкой стопой.

Пусть терь моя со дна потока,
Впитав твой смех и свет,
Воспрянет к небу так высоко,
Как может воспарить лишь сокол
Да пламенный поэт,

И с каждым мигом, с каждым часом
Светлей душа, яснее разум.
И я безмерно рад,
Что, в струях чистых утопая,
Я новый голос обретаю,
Что я в тебе себя познаю,
О Водопад!

Лабонно слабо улыбнулась:

— Тень — всего лишь тень, ни свет, ни музыка не в силах ее удержать.

— Может быть, когда все исчезнет, ты поймешь, что красота моих слов останется.

— Где? — рассмеялась Лабонно. — В тетрадях Нибарона Чокроборти?

— А почему бы и нет? Поток, который струится в глубине моей души, изливается в фонтане Нибарона.

— Значит, когда-нибудь я найду твою душу только в фонтане Нибарона, и больше нигде.

Подошел слуга и доложил, что завтрак готов.

По дороге к дому Омито размышлял: «Лабонно хочет ясности, ей нужно все осветить светом разума, и она не может обманывать себя даже там, где самообман так естествен! И я не могу опровергнуть ее слов. Люди ищут отдушину для выражения самого сокровенного. Одни находят ее в жизни, другие — в своих сочинениях, то прикасаясь к жизни, то отходя от нее, как река, которая то набегает волнами на берег, то откатывается. А я? Несужели поток моих творений пронесет меня стороной, — мимо жизни? Не в этом ли разница между мужчиной и женщиной? Мужчина созидает новое, отдавая ему все свои силы, а новое спешит опровергнуть само себя, чтобы развиваться дальше. Женщины, наоборот, берегут свои силы и препятствуют появлению нового ради сохранения старого. И новое бежалостно к старому, которое преграждает ему путь. Отчего так происходит? Ведь рано или поздно они неизбежно сталкиваются! И чем больше точек соприкосновения, тем непримиримей вражда. Наверно, и для нас наивысшее счастье не в соединении, а в свободе».

Эти мысли причиняли Омито страдание, но он не мог не согласиться с ними.

VIII
ДОВОДЫ ЛАБОННО

— Лабонно, милая, ты не ошиблась? — спросила Джогомайя.

— Нет, не ошиблась.

— Омито очень своенравен, я знаю, но за это и люблю его. Посмотри, ведь он сам не свой. У него все из рук валится.

— Если бы он мог все удержать, если бы у него ничего не валилось из рук, вот тогда это было бы странно, — улыбнувшись, ответила Лабонно. — А так он либо отказывается от легко достижимого, либо теряет полученное. Не в его характере беречь достигнутое.

— Сказать по правде, дорогая, мне его ребячество нравится.

— Таковы все матери и маши. Они берут на себя заботы и хлопоты, а на долю детей остаются забавы. Но почему ты велишь мне возложить на себя это бремя? Разве я смогу его вынести?

— Ты же видишь, Лабонно, как он притих, он, прежде такой порывистый и необузданный! Меня это даже растрогало. Что ни говори, а он тебя любит.

— Да, любит.

— Тогда о чем же ты печалишься?

— Я не хочу совершать над ним насилия.

— Лабонно, любовь всегда так или иначе стремится к насилию и поощряет его.

— Но всему есть предел! Нельзя насиливать душу! Сколько я ни читала о любви, мне всегда казалось, что трагедия любви начинается тогда, когда один не хочет принять другого таким, каков он есть, а стремится переделать его по своей мерке, подавить его волю.

— Дорогая моя, в семье не бывает так, чтобы супруги не оказывали друг на друга влияния. Там, где есть любовь, это происходит легко, а там, где нет любви, — насилие приводит к тому, что ты называешь трагедией.

— Мы не говорим о мужчине, созданном для семьи. Такой мужчина, как глина: жизнь без труда лепит из него то, что ей надо. Но когда характер у мужчины твердый,

он вряд ли откажется от своих привычек и склонностей, от своей индивидуальности. Если женщина этого не понимает, то чем больше она требует, тем меньше получает. Если мужчина этого не понимает, то чем больше он настаивает, тем скорее теряет власть над ее сердцем. И я думаю потому: очень часто, когда мы отдаем мужу руку, нам надевают наручники.

— Но чего же ты хочешь, Лабонно?

— Я не хочу выйти замуж и принести несчастье. Семейная жизнь не для всех. Есть люди, которые способны принять в другом человеке лишь какую-то часть его. А между тем мужчина и женщина, попавшие в сети семейной жизни, становятся столь близкими, что вынуждены иметь дело с другим человеком как чем-то целым, со всем, что в нем есть. Между ними нет тогда ни малейшего расстояния, и ни один из них потому не в силах спрятать от другого даже частицу самого себя.

— Лабонно, ты себя не знаешь! В тебе нет ничего, что другой не мог бы принять.

— Но он-то не принимает меня такой! Мне кажется, он не видит настоящую меня — простую, обыкновенную девушку. Стоит мне затронуть его душу, и он разражается неудержимым потоком слов. Он придумал меня. Когда его мысль устанет и слова иссякнут, он увидит, что я во все не такая, какой он меня вообразил, и тогда — пустота. Когда человек женится, он должен брать другого таким, каков он есть, потому что потом его будет трудно переделать.

— Ты думаешь, Омито не сможет принять такую девушку, как ты?

— Сможет, если сам переменится. Но зачем ему меняться? Я этого не хочу.

— Чего же ты хочешь?

— Я хочу как можно дольше оставаться для него мечтой, порождением его слов, игрой его фантазии. Но почему я называю это мечтой? Это мое новое рождение, моя новая жизнь, — если я ему представляюсь такой! Пусть этот образ появился из кокона его воображения яркой бабочкой, всего на день. Что за беда? Чем бабочка хуже других живых существ? Пусть она рождается с восходом и умирает на закате, — что из того? Это значит

лишь, что времени мало и его нельзя терять попарасну.

— Ну, хорошо, предположим, для Омито ты только мимолетная мечта! Но что будет с тобой? Ты что же, вообще не собираешься замуж? Разве Омито для тебя тоже мечта, иллюзия?

Лабонно сидела молча, не говоря ни слова.

— Когда ты говоришь, — продолжала Джогомайя, — сразу видно — ты очень начитанна. Я не умею так думать и так рассуждать. Может быть, даже в нужный момент я не смогу быть такой твердой, как ты. Но я разглядела тебя сквозь все твои рассуждения, дорогая. Как-то около полуночи я заметила свет в твоей комнате. Я вошла и увидела, что ты плачешь, склонившись к столу и закрыв руками лицо. Тогда ты не философствовала. Сперва я хотела подойти и утешить тебя, но потом подумала, что для всякой девушки приходит время, когда ей надо выплачиваться, и тогда не следует ей мешать. Я прекрасно знаю, что ты хочешь любить сердцем, а не разумом. Ты не можешь жить, если тебе некому отдать душу. Потому я и говорю: ты должна быть с ним! Не связывай себя слишком поспешными зароками. Я боюсь твоего упрямства, — если уж ты что-нибудь вобьешь в голову, переубедить тебя будет нелегко.

Лабонно не отвечала. Опустив голову, она, неизвестно зачем, то собирала в складки, то расправляла край сари у себя на коленях.

— Когда я смотрю на таких, как ты, — заговорила снова Джогомайя, — мне часто кажется, что от книг и размышлений ум ваш стал слишком уж изощренным. Вы придумали себе идеальный мир, не имеющий ничего общего с нашей земной жизнью. Вы уже не можете обходиться без лучей разума, пронизывающих тела, словно они вовсе не из плоти и крови. В наше время эти пути были нам неведомы, но для наших простых чувств и без того хватало радостей и печалей и поводов для размышлений. А сейчас вы напридумывали столько проблем и так их преувеличиваете, что все кажется вам чрезмерно сложным.

Лабонно улыбнулась. Совсем недавно Омито говорил Джогомайе о невидимых лучах — и вот, оказывается, как она поняла. Это свидетельствовало об ее утонченности.

Мать Джогомайи, наверное, не смогла бы так понять эту мысль.

— Чем глубже разум человека проникает в тайну бегущего времени, тем легче ему будет противостоять ударам времени, — проговорила Лабонно. — Страх перед тьмой непереносим потому, что тьма — это неизвестность.

— Мне сейчас кажется, — сказала Джогомайя, — что было бы лучше, если бы вы с ним не встретились.

— Нет, нет, не говори так! Я даже представить не могу, что все могло случиться иначе. Одно время я думала, что мне уже никогда не пробудиться, что вся моя жизнь пройдет в чтении книг и сдаче экзаменов. А теперь я вдруг увидела, что могу любить. Невозможное стало возможным, и это уже очень много. Мне кажется, раньше я была всего лишь тенью, а теперь стала живым существом. Чего мне еще желать? Только не проси меня выходить замуж!

С этими словами Лабонно соскользнула со стула на пол и зарыдала, спрятав лицо в коленях у Джогомайи.

IX

ПЕРЕМЕНА ЖИЛИЩА

Сначала все были уверены, что Омито вернется в Калькутту через пару недель. Норен Миттер даже поспорил, что Омито не высидит в Шиллонге и недели. Но прошел месяц, прошло два, а о возвращении не было и речи. У Омито кончился срок аренды дома, и его занял заминдар из Рангпуря. После долгих поисков Омито удалось найти себе жилье неподалеку от дома Джогомайи. Одно время там жил не то пастух, не то садовник, затем дом попал в руки какого-то клерка, который придал ему вид скромного, но приличного коттеджа. Клерк умер, и теперь его вдова сдавала коттедж. В нем было так мало окон и дверей, что тепло, свет и воздух с трудом проникали внутрь, зато в дождливые дни вода в изобилии просачивалась сквозь бесчисленные щели.

Джогомайя была поражена, увидев, в каком состоянии находится комната Омито.

— За что ты себя так наказываешь, друг мой? — воскликнула она.

— Ума долго постилась, совершая подвижничество, — ответил Омито. — Под конец она перестала есть даже листья. Я совершаю подвижничество, лишая себя обстановки. Сначала я отказался от кровати, потом от дивана, потом от стола, потом от стульев и вот остался среди четырех голых стен. Подвижничество Умы проходило в Гималаях, а мое — в горах Шиллонга. Там невеста жаждала встречи с женихом, а здесь жених жаждет встречи с невестой. Там сватом был Нарада, а здесь — вы. И если, в конце концов, сюда не явится Калидаса, мне придется самому взяться за его труд.

Омито говорил весело, но Джогомайя опечалилась. Она чуть было не предложила ему перебраться в ее дом, но удержалась. «Если творец затеял что-нибудь, нам не следует вмешиваться, а то завяжется такой узел, что потом и не развязать», — подумала Джогомайя. Она послала Омито кое-какие вещи и прониклась к несчастному еще большим сочувствием. Снова и снова говорила она Лабонно: «Смотри, милая, как бы сердце твое не превратилось в камень!»

Однажды, после сильного ливня, Джогомайя пришла проведать Омито. Она застала его сидящим на шерстяном одеяле под шатким столом и погруженным в чтение английской книги. Видя, что в его комнате повсюду каплет вода, Омито устроил себе убежище под столом и устроился там, как мог. Сначала он посмеялся над собой, а потом с наслаждением принялся за стихи. Его душа рвалась к дому Джогомайи, но тело не могло последовать за ней. И все потому, что Омито купил очень дорогой плащ, совсем ему ненужный в Калькутте, и забыл его привезти сюда, где он нужен был постоянно. Правда, он взял с собой зонтик, но, очевидно, забыл его там, куда сейчас так стремилась его душа, или оставил его под старым леодаром.

— Что случилось, Омито? — воскликнула Джогомайя, входя в комнату.

— Сегодня мою комнату лихорадит, ей не лучше, чем мне.

— Лихорадит?

— Иными словами, крыша моего жилища весьма ножка на Индию. В ней слишком мало единства, то есть слишком много щелей. Когда над ней проносятся стихии, она разражается неудержимым потоком слез, а когда налетает ветер, она оглашается вздохами. В знак протеста я возвел над головой навес, — образец незыблемой законности среди всеобщего хаоса и анархии. Все в соответствии с основными принципами политики.

— Какими принципами?

— Они заключаются в том, что жильцы гораздо лучше приведут дом в порядок, чем полновластный хозяин, который в доме не живет.

В тот день Джогомайя очень рассердилась на Лабонно. Чем больше она привязывалась к Омито, тем выше его ценила. «У него такие знания, такой ум, такие манеры и притом такая непосредственность! А как он говорит! Что же до внешности, то он, по-моему, даже красивее Лабонно. Видно, она родилась под счастливой звездой, если смогла очаровать Омито. И такому прекрасному юноше Лабонно причиняет мучения! Ни с того ни с сего объявляет, что не выйдет за него замуж, будто она какая-нибудь принцесса и ради нее надо ломать копья! Откуда такое невыносимое высокомерие? Несносная девчонка, она еще наплачется...»

Сначала Джогомайя хотела отвезти Омито в своей машине к себе, но потом решила иначе.

— Подожди немного, дорогой, я скоро вернусь, — сказала она.

Приехав домой, она увидела, что Лабонно сидит на диване, накрыв ноги шалью, и читает «Мать» Горького. При виде того, как уютно она устроилась, Джогомайя разгневалась еще больше.

— Пойдем-ка со мной прогуляемся, — предложила она.

Но Лабонно ответила:

— Мне сегодня что-то не хочется выходить.

Откуда Джогомайе было знать, что Лабонно взялась за книгу только для того, чтобы уйти от самой себя. После завтрака она все время с беспокойством ждала прихода Омито. Ей то и дело слышались его шаги. Сосны снаружи раскачивались и вздрогивали от резких порывов

ветра, и дождевые потоки, рожденные ливнем, задыхаясь, стремились куда-то, словно спеша обогнать мимолетный срок своей жизни. Лабонно страстно хотелось разрушить все преграды, отмести все сомнения, взять обе руки Омито в свои и сказать ему: «Я твоя навсегда!»

Сегодня это признание далось бы легко. Сегодня само гебо кричало в отчаянии и леса откликались ему. Вершины гор, окутанные пеленой дождя, чутко прислушивались к этому крику. Пусть он придет и с таким же вниманием, в таком же глубоком молчании выслушает Лабонно! Но час сменялся часом, и никто не приходил. Мгновение для великого признания было упущено, и теперь он пришел бы напрасно, опа бы ничего не сказала. Сомнения опять родились, и музыка стремительного космического танца, освобождающего душу от страха, уже растаяла в воздухе. Безмолвно проходят год за годом, и только однажды наступает час, когда богиня Сарасвати стучится в дверь. И если в это мгновение не окажется под рукой ключей, чтобы открыть дверь, божественный дар признания никогда больше не вернется. В такой час хочется кричать на весь мир: «Слушайте, я люблю! Люблю!» Этот крик летит, точно птица из-за моря, летит день и ночь. Его так долго ждала душа Лабонно! И когда он коснулся ее, весь мир, вся жизнь приобрели наконец смысл. Спрятав лицо в подушку, Лабонно твердила, обращаясь неизвестно к кому: «Да, это правда, единственная правда, и правда только в этом»

Время истекло. Омито не пришел. Сердце Лабонно не выдержало тяжести ожидания. Она вышла на веранду, постояла немного под дождем, потом вернулась. Ее охватило безысходное отчаяние. Ей казалось, что свет ее жизни, вспыхнув, угас и впереди больше ничего нет. Внутренняя решимость принять Омито таким, каков он есть, покинула ее. Недавняя отвага души исчезла без следа. Лабонно была словно в оцепенении и лишь долгое время спустя смогла взять со стола книгу. Сначала ей никак не удавалось сосредоточиться, постепенно, увлеченная романом, она незаметно забыла обо всем, — а главное, о себе, — и тут пришла Джогомайя и пригласила ее погулять. Нет, на это у нее не было сил!

Джогомайя придвинула стул, села перед Лабонно и спросила, пристально глядя на нее:

— Скажи мне правду, Лабонно, ты любишь Омито?

— Почему ты спрашиваешь меня об этом? — вопросом на вопрос ответила Лабонно, поспешно вставая.

— Если не любишь, почему не скажешь ему прямо? Ты безжалостна! Если он тебе не нужен, не держи его.

Сердце Лабонно стучало так, что она не могла сказать ни слова.

— Видела бы ты его сейчас. Прямо сердце разрывается, — продолжала Джогомайя. — Ради чего он ютится там, как нищий? Можно ли быть настолько слепой? Да ты знаешь, что девушка, которую посвataет такой юноша, должна небо благодарить!

С трудом собравшись с силами, Лабонно ответила:

— Ты спрашиваешь, люблю ли я? Я не могу представить, чтобы в мире кто-нибудь мог любить сильнее. Я готова жизнь отдать ради этой любви. Теперь я совсем иная, чем прежде. Во мне появилось нечто новое, и это новое вечно. Какое-то чудо родилось во мне! Как рассказать об этом? Кто поймет, что сейчас творится в моей душе?

Джогомайя были изумлена. Лабонно при ней никогда не теряла самообладания. Как же она так долго скрывала эту бушующую страсть?

Джогомайя заговорила осторожно и мягко:

— Лабонно, дорогая, не сдерживай свои чувства. Омито ищет тебя, как света во тьме. Откройся ему до конца. Пусть он увидит огонь души твоей. Ведь ему больше ничего не нужно! Пойдем, родная, пойдем со мной.

И они вдвоем пошли к дому Омито.

X

ЕЩЕ ОДНО ИСПЫТАНИЕ

Застелив мокрый стул газетой, Омито сидел у стола. Перед ним лежала большая пачка бумаги; он только что начал писать свою биографию, о которой столько говорил. Если бы его спросили, почему он взялся за это, он бы ответил, что неожиданно понял: жизнь его многоцвет-

на, словно горы Шиллонга утром после дождя. Он ответил бы, что только сегодня познал смысл своего существования и что он не может об этом не писать. По мнению Омито, биографии пишут после смерти потому, что, только когда человек уходит из жизни, он по-настоящему оживает в сердцах людей. Омито считал, что, поскольку какая-то часть его умерла здесь в Шиллонге, поскольку его прошлое исчезло, как призрак, он возродился здесь вновь и с необычайной остротой *ощущал* свое новое существование и видел его словно ярко освещенную картины на фоне темноты, которая осталась позади. Только откровение он считал достойным описания, ибо мало кому посчастливилось испытать это на себе. Большинство людей от рождения и до самой смерти так и живут в потемках, словно летучие мыши в пещере.

Еще моросило, но буря уже улеглась, и облака поредели.

— Что вы наделали! — вскричал Омито, вскакивая со стула.

— Что такое, что я наделала?

— Вы же застали меня врасплох! Что подумает госпожа Лабонно?

— Госпоже Лабонно не мешает немножко подумать. То, что следует знать, надо знать. Чего же господин Омито беспокоится?

— Госпоже следует знать лишь о благополучии господина. А о нищенском существовании несчастного можете знать только вы.

— Почему такое неравенство, дитя мое?

— Оно в моих интересах. Сокровищ можно требовать лишь тогда, когда сам можешь их предложить. А нищете рассчитывать не на что, разве что на сочувствие. Цивилизация обязана Лабонно своим блеском и славой, а вам — человечностью и добротой.

— Но разве цивилизация не может существовать наряду с добротой? Тогда тебе незачем будет скрывать свою нищету!

— На это можно ответить только словами поэта. Мою жалкую прозу необходимо заковать в размер и укрепить рифмами, чтобы она стала ярче и доходчивее. Мэтью Арнольд говорил, что поэзия — это критика жизни. Перефра-

зирая его слова, я бы сказал, что поэзия — комментарий жизни в стихах. Однако из уважения к дорогой гостье предупреждаю заранее: стихи, которые я сейчас прочту, написаны отнюдь не гением.

Пусть сердце разрывается в груди!
Пока ты нищ — к любимой не ходи,
И не моли, и жалких слез не лей, —
Стоять напрасно будешь у дверей.

Подумайте, ведь любовь — это богатство, и ее страстные порывы не выразить хныканьем бедняка. Только бог, желая выразить свою любовь к верующему, приходит к его двери в рубищах нищего.

Спачала драгоценный дай залог
И лишь потом проси в обмен венок;
Будь мудр и на обочине в пыли
Своей богине ложе не стели.

Поэтому я и просил Лабонно смилостивиться и не входить в комнату. Что же я расстелю для нее, если у меня ничего нет? Эти мокрые газеты? Боюсь, останутся пятна от теперешних передовиц. Поэт сказал: «Я не зову любимую разделить мою жажду, — я зову ее, когда чаша жизни полна до краев».

Когда приносит зной опустошенье,
И сохнет лес, и вянут все цветы,
Ужели на алтарь, как приношенье,
Пучок сухой травы возложишь ты?

Нет! Дорогую гостью приглашая,
Ее ты встретишь, радостью сияя,
И сотни ярких факельных огней
Рассеют тьму ночную перед ней.

Первое подвижничество человек совершаet в младенчестве, когда он, бедный и голый, лежит на коленях своей матери. Это его первое испытание: он должен завоевать любовь. Моя хижина сурово готовится к такому испытанию. Я уже твердо решил назвать эту хижину «Дом маши-ма».

— Сын мой, второе подвижничество человека — это подвижничество славы, испытание любви, когда по левой руке сидит девушка. И никакие мокрые газеты в

твоей хижине не помешают этому испытанию. Зачем ты уверяешь себя, что не дождешься взаимности? Ты же знаешь в глубине души, что тебе скажут «да»!

Джогомайя привела Лабонно, поставила ее рядом с Омито и положила ее правую руку на правую руку Омито; затем она сняла с шеи Лабонно золотое ожерелье и, обвив им руки, воскликнула:

— Пусть ваш союз будет вечен!

Омито и Лабонно склонились и почтительно коснулись ног Джогомайи.

— Подождите меня, — сказала она, — я привезу из нашего сада цветов.

Джогомайя села в машину и уехала.

Омито и Лабонно молча сидели на кровати. Наконец Лабонно взглянула на Омито и спросила:

— Почему ты не пришел сегодня?

— Причина так незначительна, что в такой день я даже не решаюсь о ней говорить. В книгах нигде не упоминается, что влюбленный отказался от свидания с любимой только потому, что шел дождь, а у него не было плаща. Наоборот, там описывается, как он переплывает бушующий океан. Впрочем, это относится к области чувств, а я тоже барахтаюсь в этом океане. Как ты думаешь, переплыту я когда-нибудь его просторы?

И он процитировал:

Туда, где ни один моряк не плавал,
мы плывем,
Плывем вперед, рискуя всем,
и жизнью и кораблем.

Бонне, ты ждала меня сегодня?

— Да, Мита. В шуме дождя мне все время слышались твои шаги. Мне казалось, что ты идешь из бесконечной дали. И вот наконец ты пришел ко мне.

— Бонне, когда я не знал тебя, в моей жизни была огромная черная пустота. Это было самое ужасное в моей жизни. Сейчас эта пустота заполнена; над ней сияет свет, и небо отражается в ней. Теперь эта заполненная пустота — самое прекрасное в моей жизни. Моя неудержимая болтовня — лишь разбегающиеся волны на переполненном озере моей души. Кто остановит их?

— Мита, что ты делал сегодня весь день?

— В моей душе была ты, и ты хранила молчание. Я хотел сказать тебе что-то, но слова изменили мне — я не мог их найти. С неба лил дождь, а я сидел и твердил: «Верните мне слова! Дайте мне слово!»

Но что со мной?
Тот миг непостижимый, неземной,
Блаженства полный и очарованья,
Мне кажется, когда года прошли,
Улыбки легче, проще, чем дыханье,
Древней самой земли.

Вот этим я и занимаюсь — присваиваю чужие слова. Если бы я имел талант композитора, я бы и «Песню о дожде» Видьяпати переложил на музыку и переделал по-своему. Хотя бы так:

Скажи, Видьяпати,
Какой мерой мерить
Мои дни и ночи
Без бога, без веры?

Как могут дни проходить без той, без кого невозмож но жить? И где мне найти музыку, достойную этих слов? Я смотрел на небеса и просил то слов, то музыки. И бог спустился с небес и со словами и музыкой, но по дороге ошибся и, неизвестно почему, вручил их кому-то другому, может быть, твоему Рабиндринату Тагору.

Лабонно рассмеялась:

— Даже те, кто любит Рабиндрината Тагора, не вспоминают его так часто, как ты!

— Бонне, сегодня я слишком много болтаю, да? В меня вселился демон болтливости. Если бы ты следила за барометром моих настроений, ты поразилась бы моей эксцентричности. Если бы мы были в Калькутте, я посадил бы тебя в машину и помчался прямо в Морадабад, не жалея шин. Если бы ты спросила, почему в Морадабад, я не смог бы ответить. Когда мчится поток, он шумит, спешит и, смеясь, увлекает за собой время, словно пену.

В эту минуту в комнату вошла Джогомайя с полной корзиной цветов подсолнечника и сказала:

— Лабонно, милая, почти его сегодня этими цветами.

Это было всего лишь женское желание выразить в форме обряда то, что совершилось в душе. Любовь к форме у женщин в крови.

Омито улучил момент и шепнул Лабонно на ухо:

— Бонне, я хочу подарить тебе кольцо.

— Зачем, Мита? — возразила Лабонно. — Разве это необходимо?

— Вложив свою руку в мою, ты дала мне больше, чем я мог представить. Поэты говорят лишь о лице возлюбленной, но сколько скрытых сокровищ в прикосновении руки. Нежность любви, самоотверженность, преданность — все невысказанные чувства в этом прикосновении. Кольцо само обовьется вокруг твоего пальца, как мои слова: «Ты моя». Пусть эти слова языком золота, языком драгоценных камней звучат на твоей руке вечно.

— Хорошо, пусть будет так, — согласилась Лабонно.

— Я велю привезти кольцо из Калькутты. Скажи, какие камни ты любишь?

— Никакие. Лучше пусть будет жемчуг.

— Превосходно! Я тоже люблю жемчуг.

XI

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ

Свадьбу назначили на месяц огрохайон. Решено было, что Джогомайя поедет в Калькутту и все подготовит.

— Тебе давно следовало уехать в Калькутту, — обратилась Лабонно к Омито. — Теперь, когда все сомнения позади и все ясно, ты можешь ехать, ни о чем не тревожась. До свадьбы мы больше не увидимся.

— Зачем такие строгости?

— Как-то ты говорил, что счастье — сама простота, так вот — для того, чтобы уберечь эту простоту.

— Мудрые слова! Раньше я думал, что ты поэтесса, а теперь подозреваю, что ты философ. Ты говоришь замечательные вещи. Действительно, если хочешь сохранить естественность простоты, надо быть непреклонным. Чтобы ритм не утратил своей простоты и естественности, необходимо делать паузы в нужных местах. А мы из-за чрезмерной жадности не делаем пауз в поэзии жизни, ритм

нарушается, и жизнь становится бессвязной какофонией. Хорошо, я завтра же уеду, вырвусь из плена этих сказочных дней. Это будет как стих из поэмы «Смерть Мегханаада», обрывающийся так же внезапно:

И когда в царство Ямы ушел он
До срока...

Пусть будет так, я уеду из Шиллонга, но месяц огромайон из календаря никуда не сбежит. Знаешь, чем я зайдусь в Калькутте?

— Чем же?

— Пока маши-ма все готовит ко дню свадьбы, сам я буду готовиться к дням, которые последуют за свадьбой. Люди забывают, что супружество — это искусство и ему нужно каждый день учиться заново. Ты помнишь, Бонне, как в «Рагхуванше» махараджа Аджа описывает Индумати?

Лабонно продекламировала на санскрите:

— «В искусстве страстном ученица!»

— Без искусства любви нет супружества. Глупцы считают супружество просто соединением и потому после свадьбы пренебрегают истинным единством двух сердец.

— Объясни мне, как ты понимаешь это единство? Если хочешь, чтобы я была твоей ученицей, дай мне первый урок!

— Хорошо, слушай. Добровольно ограничивая себя, поэт создает ритм. Брачный союз также надо украсить ритмом, ограничивая себя по добре воле. Когда все получаешь сразу, — это самообман, потому что самая дорогая вещь кажется тогда дешевой. Только то, что достается дорогой ценой, приносит истинную радость.

— Что же ты считаешь дорогой ценой?

— Подожди, дай я сначала расскажу о картине, которая мне представляется. Берег Ганги. Сад близ Даймонд-Харбора. Маленький пароходик, на котором можно за два часа добраться до Калькутты.

— Тебе опять понадобилась Калькутта?

— Сейчас Калькутта мне не нужна, ты знаешь это. Правда, я хожу в библиотеку, — но не занимаюсь, а играть в шахматы. Адвокаты уже поняли, что в работе я не заинтересован и душа моя к ней не лежит. Поэтому они передают мне только такие дела, которые можно уладить

полюбовно. Но после свадьбы я покажу им, что такое работа, — не ради заработка, а ради самой работы! Внутри плода манго твердое ядро, — несладкое, жесткое, несъедобное, — но именно оно определяет форму плода. Ты поняла, для чего нужна жесткая каменная Калькутта? Чтобы у нашей нежности было твердое ядро.

— Поняла. Тогда она и мне нужна. Видно, мне тоже придется ездить в Калькутту каждый день.

— А почему бы и нет? Но не гулять, а заниматься делом.

— Каким же делом? Благотворительностью?

— Нет, благотворительность — не работа и не отдых, это глупейший фарс. Если хочешь, ты можешь преподавать в женском колледже.

— Да, хочу. Что же дальше?

— Я ясно вижу берег Ганги. На отлогом берегу поднимаются воздушные корни старого разросшегося баньяна. Когда Дханапати плыл по Ганге, направляясь на Цейлон, он, наверно, причаливал к этому баньяну и под ним готовил себе пиццу. Направо от баньяна — мощная пристань, полуразрушенная, растрескавшаяся, поросшая лишайниками. У пристани — наша легкая лодочка, зеленая с белым. На голубом флагжке белыми буквами написано ее название. Какое — придумай сама.

— Ты хочешь? Хорошо, пусть будет «Дружба».

— «Дружба», это то, что нужно! Я, правда, придумал другое название — «Мореплавательница», и гордился даже им, но придется пальму первенства отдать тебе. Итак, через наш сад струится маленький приток Ганги, словно пульсирующая вена гиганта. На одном его берегу мой дом, на другом — твой.

— И ты будешь каждый день переплывать этот проток, и мне придется зажигать для тебя огонек в окне?

— Мы будем переплывать его мысленно, а ходить будем по деревянному мостику. Твой дом будет называться «Разум», а мой — как захочешь ты.

— «Светильник».

— Прекрасно! Я установлю на крыше дома лампу, достойную этого названия. По вечерам наших встреч она будет гореть красным светом, а в ночь разлуки — голубым. Каждый раз, вернувшись из Калькутты, я буду

ждать от тебя письма, — оно может прийти, но может и не прийти. Если к восьми вечера я его не получу, я прокляну мою несчастную судьбу и попытаюсь утешиться «Логикой» Бертрана Рассела. Без приглашения я к тебе никогда не приду — мы это возьмем за правило.

— А я к тебе?

— Лучше и тебе придерживаться наших правил. Впрочем, если ты иногда будешь их нарушать, это даже неплохо!

— Если нарушение этого правила не станет правилом, что будет твориться в твоем доме — ты подумай? Уж лучше я стану носить покрывало!

— Хорошо. Но мне все-таки нужно такое пригласительное письмо. Пусть в нем не будет ничего, только несколько строк из какого-нибудь стихотворения.

— А я, я не буду получать приглашений? Разве я этого недостойна?

— Я буду приглашать тебя раз в месяц, в ночь полнолуния, когда луна является во всей своей красе и славе.

— Ты покажешь своей дорогой ученице образец такого приглашения?

— С удовольствием.

Омито вынул из кармана записную книжку, вырвал из нее листок и написал:

О ветер южный, прилети,
Легко повей над нашим домом!
Я жду тебя, моя любовь,
Приди ко мне путем знакомым!

Лабонно не вернула ему листочек.

— Теперь покажи образец твоего письма, — попросил Омито. — Посмотрим, какие ты сделала успехи.

Лабонно взяла было лист бумаги, но Омито запротестовал:

— Нет, нет, пиши в моей книжке!

Лабонно написала на санскрите, цитируя Джаядеву:

Мита, ты — моя жизнь сокровенная, украшение жизни моей.
Ты — жемчужина несравненная в океане жизни моей.

— Удивительное дело, — заметил Омито, пряча книжку в карман, — я цитировал стихи женщины, а ты — муж-

чины. Но это понятно. Будь то дерево шимул или бокул, они горят одинаковым огнем.

— Приглашения сделаны, — перебила Лабонно. — Что же дальше?

— Взошли звезды, Ганга поднялась от прилива, в тамарисковой роще шумит ветер, вода плещется в узловых корнях старого баньяна. За твоим домом — пруд, поросший лотосами. На его уединенном пологом берегу ты только что искупалась и расчесываешь волосы. Твои сари всякий раз нового цвета, и вот по дороге к тебе я гадаю, каким оно будет сегодня. У нас нет установленного места встреч. Мы встречаемся то на утоптанной площадке под деревом чампак, то на плоской крыше дома, то на берегу Ганги. Я уже совершил омовение в Ганге, надел белое муслиновое дхоти и чадор, а на ноги — сандалии, украшенные слоновой костью. Тебя я застану сидящей на ковре. Перед тобой на серебряном блюде — пышная гирлянда цветов, в чаше — сандаловая паста, в углу курятся благовония. Во время праздника Пуджи мы отправимся путешествовать, по крайней мере, месяца на два. Но в разные места. Если ты поедешь в горы, я отправлюсь к морю. Вот основы нашего супружеского двоевластия. Что ты скажешь о них?

— Я согласна им подчиняться.

— Между «подчиняться» и «принимать» большая разница.

— Я не буду противиться тому, что нужно тебе, даже если мне это будет не нужно.

— Тебе не нужно?

— Да. Как бы ни был ты близко, ты все равно от меня далеко, и не нужны никакие правила, чтобы сохранить это расстояние. Мне нечего от тебя скрывать и нечего стыдиться. Поэтому супружеская жизнь на два дома на противоположных берегах мне даже удобней.

Омита вскочил со стула и воскликнул:

— Я не желаю сдаваться, Бонне! Долой мой сад! Мы и шагу не ступим из Калькутты! Я найду комнату за семьдесят пять рупий над конторой Ниронджона, и мы будем жить там вместе. В мире чувств нет расстояний. На левой стороне широкой полутораметровой постели бу-

дет твоя резиденция — «Разум», а на правой мой «Светильник». У восточной стены мы поставим шкаф с зеркалом, в котором будет отражаться твоё лицо и мое. У западной стены — книжный шкаф. Он будет заслонять солнце, и в нем будет помещаться единственная в своем роде библиотека для двух читателей. В северной части комнаты — диван. Я буду сидеть в углу дивана, оставив немного места слева от себя. Ты будешь стоять в двух шагах, возле вешалки. Дрожащей рукой я протяну тебе пригласительное письмо, где будет написано:

О ветер южный, прилети,
Прошелести над нашим садом;
Приди, любимая, взгляни
В мои глаза влюбленным взглядом!

Разве это плохо звучит, Бонне?

— Вовсе нет, Мита. Но откуда эти стихи?

— Из тетради моего друга Нильмадхоба. Он еще не знал тогда своей предполагаемой жены. Но, вдохновленный предположениями, все же отлил английские стихи в калькуттскую форму, причем и я в этом участвовал. Он стал магистром экономики и привел в дом молодую жену, получив за неё пятнадцать тысяч рупий наличными и целый килограмм драгоценностей. Любимая смотрит в его глаза, южный ветер шелестит, и стихи ему больше уже не нужны. Теперь он не будет иметь ничего против, если его соавтор их присвоит.

— Над нами тоже будет веять южный ветер, но всегда ли твоя жена останется для тебя молодой?

— Останется! Останется! Останется! — ударяя кулаком по столу, закричал Омито.

Из соседней комнаты поспешно выбежала Джогомайя.

— Что останется, Омито? — спросила она. — Моего стола явно не останется!

— Останется все, что вечно. Вечно юная жена — редкость. Но если по милости богов находится хоть одна на сто тысяч, такая жена всегда будет юной.

— Может быть, ты приведешь нам пример?

— Настанет время — приведу.

— Очевидно, это будет не скоро. Так что пойдемте пока обедать.

ХII

ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР

После обеда Омито объявил:

— Завтра я еду в Калькутту. Мои друзья и родные, наверное, уже решили, что я совсем превратился в кхаси.

— Разве твои друзья и родные знают, что ты так легко меняешься?

— Они многое обо мне знают. Иначе какие же это родственники и друзья? Но это не значит, что я легко меняюсь или могу превратиться в кхаси. То, что произошло во мне, даже не превращение, — это смена эпох, конец старого века. Бог-творец пробудил меня, чтобы создать нечто новое. Позволь нам с Лабонно прогуляться. Перед отъездом я хочу, чтобы мы вместе простились с горами Шиллонга.

Джогомайя разрешила. И Омито с Лабонно пошли рука об руку, тесно прижавшись друг к другу. Дремучий лес сбегал вниз от края безлюдной тропинки. В одном месте, где лес расступался, сквозь теснину гор виднелось небо. Казалось, оно протягивало ладони, озаренные последними отблесками заходящего солнца. Там они остановились, обернувшись к западу. Омито привлек к себе на грудь Лабонно и приподнял ее голову. Из полуоткрытых глаз Лабонно струились слезы. По золоту неба разливалось рубиновое и изумрудное сияние. Сквозь редкие облака проглядывала такая яркая голубизна, что казалось, будто там, в бесплотном эфирном мире, звучит неуловимая радостная мелодия небесных сфер. Постепенно сумерки сгостились, и раскрытое небо, словно цветок, сокинул了自己的 many-colored petals.

— Пойдем, — прошептала Лабонно, не поднимая головы с груди Омито. Она чувствовала, что настало время вернуться. Омито понял это и ничего не сказал. Он прижал к себе Лабонно, и они медленно пошли обратно.

— Я должен ехать завтра рано утром, — заговорил Омито. — До отъезда я тебя уже не увижу.

— Почему?

— Глава нашей жизни в горах Шиллонга кончилась на самом подходящем месте. Это была первая песнь нашей прелюдии к раю.

Лабонно промолчала. Она шла, сжимая руку Омито, и в груди ее радость мешалась со слезами. Она знала, что никогда больше непостижимое не пройдет так близко. Священный миг озарения миновал, но за ним для нее не будет покоев новобрачной; ей останется только проститься. Лабонно неудержимо хотелось поблагодарить Омито за эту встречу, сказать ему: «Ты дал мне счастье». Но она не смогла это сделать.

Когда они уже подходили к дому, Омито попросил:

— Бонне, скажи мне что-нибудь на прощанье, только скажи стихами, чтобы легче было запомнить. Говори что хочешь, что придет в голову.

Немного помолчав, Лабонно произнесла:

Я счастья тебе не дала,
Свободу лишь подарила,
Последней светлою жертвой
Разлуки ночь озарила.

И ничего не осталось, —
Ни горечи, ни сожаленья,
Ни боли, ни слез, ни жалости,
Ни гордости, ни презренья.

Назад уж не оглянусь!
Вручаю тебе свободу,
Последний дар драгоценный
В ночь моего ухода.

— Бонне, не надо! Сегодня ты должна была мне сказать совсем не то! Что это на тебя нашло? Сейчас же возьми свои стихи назад, прошу тебя!

— Чего ты испугался, Мита? Очищенная огнем любовь не требует счастья. Свободная, она дарует свободу. Она не оставляет после себя ни пресыщения, ни скуки. Что может быть прекраснее!

- Но где ты взяла эти стихи, хотел бы я знать?
- Это стихи Рабинраната Тагора.
- Я не встречал их ни в одной из его книг.
- Они еще не опубликованы.
- Как же ты их достала?

— Я знала юношу, который глубоко чтил моего отца, как гуру-наставника. Отец давал пищу его разуму, но в сердце юноши был голод. Поэтому в свободное время он обращался к Рабиндранату Тагору и черпал из его рукописей милостыню поэзии.

— И приносил ее к твоим ногам?

— Он не был так дерзок. Он клал стихи так, чтобы я случайно увидела их сама.

— И ты его не пожалела?

— Мне не представилось случая. Но я молила бога, чтобы он сжался над юношем.

— Я уверен, что стихи, которые ты мне прочитала,озвучны мыслям этого несчастного.

— Да, конечно.

— Почему же ты вспомнила их сегодня?

— Как тебе сказать... Вместе с этими стихами был еще отрывок. Его я тоже сегодня вспомнила, а почему — не знаю.

Кроткие глаза твои
переполнены слезами,
Но слезами не залить
сердца жертвенное пламя:
В нем сгорает без следа
скорбь любви неразделенной,
Умолкает навсегда
разум, болью ослепленный,
И цветет среди скорбей,
слез и беспредельной муки
Дивным лотосом столистым
вечная печаль разлуки.

Омито спросил, взяв руку Лабонно:

— Бонне, почему сегодня этот юноша встал между нами? Это не ревность, я не признаю ревности, но какой-то страх закрадывается в душу. Скажи мне, почему именно сегодня тебе вспомнились эти стихи?

— Когда он уже навсегда оставил наш дом, я нашла в его письменном столе эти два стихотворения. Кроме них, там были другие неопубликованные стихи Рабиндраната Тагора, почти целая тетрадь. Сегодня я прощаюсь с тобой, и, быть может, потому мне пришли на память эти прощальные стихи.

— Разве то прощание и это — одно и то же?

— Что тебе сказать? И о чём вообще мы спорим? Просто эти стихи мне нравятся, вот я их и прочитала тебе. По-моему, других причин нет.

— Бонне, произведения Рабиндраната Тагора раскроют свою истинную красоту лишь тогда, когда люди их совершенно забудут. Поэтому я никогда не читаю его стихов. Популярность подобна туману, который влажной рукой заслоняет небесный свет.

— Видишь ли, Мита, если женшине что-либо по-настоящему дорого, она это прячет в тайниках души, не выставляя напоказ; так что люди и популярность здесь ни при чем. Это ведь не рынок! Они сами определяют ценность вещи и обычно никогда не торгаются.

— В таком случае, Бонне, у меня есть надежда. Я снимаю жалкое клеймо моей рыночной цены и с готовностью ставлю печать твоей оценки!

— Мы уже подошли к дому, Мита. Теперь я хочу услышать твои стихи, посвященные концу пути.

— Не сердись, Бонне, но я не смогу декламировать стихи Рабиндраната Тагора.

— Зачем же мне сердиться?

— Я обнаружил поэта, стиль которого...

— Я все время слышу о нем от тебя. И уже написала в Калькутту, чтобы мне прислали его книги.

— О, ужас! Его книги! За ним водится немало недостатков, но чтобы печататься — до этого он не дошел! Тебе придется через меня понемногу знакомиться с ним, иначе может...

— Не бойся, Мита, я надеюсь, что тоже пойму и оценю его, как ты. И от этого только выиграю.

— Каким образом?

— То, что я приобретаю по своему вкусу — мое, и то, что я получаю от тебя, — тоже будет моим. Моя способность восприятия удвоится, словно во мне две души. И в твоей маленькой комнате в Калькутте я смогу держать в книжном шкафу стихи двух поэтов. А теперь прочти мне стихи.

— После всех этих рассуждений мне уже не хочется стихов.

— Но почему же? Я прошу...

— Хорошо.

Омито откинул волосы со лба и с чувством начал:

О, прекрасная звезда зари!
Ночь уходит, утро у порога...
Пусть уходит, только ты гори,
Чтобы я нашел к тебе дорогу.

Понимаешь, Бонне, месяц просит утреннюю звезду разделить его одиночество. С ночью ему уже скучно, он ее больше не любит.

Там, где небо встретилось с землей,
Тьму полоской света прорезая,
Я, печальный месяц молодой,
В полусне к звезде моей взываю.

Он в полуудремоте, его свет слаб и едва прорезает тьму, — это изливается его печаль. Он попал в сети обыденности и всю ночь бредит, пытаясь их разорвать. Какая идея! Грандиозная!

Кружат, завораживают сны,
Царство грез у ног моих глубится,
Пальцы чуть касаются струны,
Не очнуться мне, не пробудиться...

Но бремя такого существования в действительности невыносимо. Медленное и вялое течение пересыхающей реки собирает лишь мусор. Тому, кто слаб, достаются одни огорчения. Поэтому месяц говорит:

Ускользает песня от меня,
Замирают звуки вины сонной...
Я угасну на пороге дня,
Завершая путь свой неуклонный.

Но разве эта усталость означает конец? Он еще надеется натянуть ослабевшие струны вины, ему еще слышатся за горизонтом чьи-то шаги.

Приходи ж скорей, моя звезда,
Пробуди меня, напомни мне
Песню ту, звучавшую всегда,
Мною позабытую во сне.

Он надеется на спасение. Он слышит смутный гул пробуждающейся вселенной, и вестница Великого Пути вот-вот появится со светильником в руке.

Песня тонет в бездне тьмы ночной...
Ты спаси ее, звезда зари!
В темноте потерянное мной
Отыщи и свету подари.

Я страхну оцепененье сна,
И тогда сольется песнь моя,
Песнь, которой вина не нужна,
С величавым хором бытия.

Этот несчастный месяц — я. Завтра утром я уеду. Но я хочу, чтобы пустоту, которая останется после моего отъезда, заполнил свет прекрасной утренней звезды. Все, что было туманным и смутным сном жизни, оживет и за- сверкает в лучах этой утренней звезды под ее чудесную песнь пробуждения. В этих стихах есть сила надежды, радостная гордость веры в наступающий рассвет. Это не то, что беспомощные, сентиментальные стенания твоего Рабиндраната Тагора!

— Но почему ты сердишься, Мита? И для чего без конца повторять, что Рабиндранат Тагор может быть только тем, что он есть?

— Все люди говорили превозносить...

— Не говори так, Мита. У меня свой вкус. Разве я виновата, что он сходится со вкусом других, и, напротив, не сходится с твоим вкусом? Я даю тебе слово, если мне найдется место в твоей комнате, которую ты будешь снимать за семьдесят пять рупий, я буду выслушивать стихи твоих поэтов, но не буду тебе навязывать моих!

— А вот уж это несправедливо! Супружество означает взаимные уступки взаимной тирании.

— Ты никогда не сможешь поступиться своим вкусом. На свой духовный пир ты не допускаешь никого, кроме приглашенных, а я с радостью приму любого гостя.

— Зря я начал этот спор. Он испортил красоту нашего последнего вечера.

— Нисколько. Истинная красота не боится правды, а красота наших отношений именно такова: она вынесет любые испытания.

— Все равно мне надо избавиться от неприятного привкуса. Бенгальские стихи тут не помогут. Английские скорее охлаждают гнев. Когда я вернулся на родину, я ведь некоторое время преподавал.

— Ох уж этот гнев! — засмеялась Лабонно. — Он словно бульдог в английском доме, который рычит, завидев разевающиеся складки дхоти, кто бы его ни носил. А при виде ливреи виляет хвостом!

— Совершенно верно. Пристрастие к чему-либо не возникает из ничего и не дается от рождения: но большей частью его создают по заказу. В нас с детства вдалбливали пристрастие к английской литературе. Поэтому у нас и не хватает смелости ни ругать ее, ни хвалить. Ну и пусть! Сегодня не будет Нибарона Чокроборти, сегодня будут только английские стихи, без перевода!

— Нет, нет, Мита, оставь английский, пока не сядешь дома за свой письменный стол! А сегодня наши последние вечерние стихи должны принадлежать Нибарону Чокроборти, и больше никому.

Омито просиял.

— Да здравствует Нибарон Чокроборти! — воскликнул он. — Наконец-то он стал бессмертным! Бонне, я сделаю его твоим придворным поэтом. Только от тебя он примет венок победителя.

— И это его удовлетворит?

— Если нет, то я возьму его за ухо и выведу вон!

— Ну, хорошо, поговорим об этом после. А теперь я хочу услышать твои стихи.

И Омито прочитал:

Как терпелива была ты со мной
 Все ночи и дни,
Как часто легкой стопой
 Дорогой судьбы шла за мною по следу...
Так позволь мне теперь,
 Как последний прощальный дар,
 Пропеть эту песнь победы!

Как часто старался я зря —
 Священный жизни огонь
 Не загорался:
Разжечь его я не мог,
 И таял бесследно в небе
 Горький дымок
Как часто во тьме почной
 Блуждающими огнями
 Возникали чьи-то черты,
И тут же вновь угасали
 В безвременье пустоты.

А сегодня перед тобой
Возгорелся огонь святой
И вздымается ввысь, пылая,
Благословляя меня.
Я тебе эту песнь посвящаю, —
Дар последний на склоне дня.

Прими мое приношенье, —
Жизни полное воплощенье.
Пусть руки твоей прикосновенье
Навсегда осенит меня.
Ты мою стала судьбой,
Полной силы и вдохновенья;
Пусть же страсть моя и преклоненье
Навсегда пребудут с тобой!

XIII

ТРЕВОГА

С утра Лабонно не могла заниматься. Гулять она тоже не пошла. Омито сказал, что не увидит ее до отъезда из Шиллонга. Ей самой придется помочь ему выполнить это решение и не появляться на тропе, по которой он должен был пройти. Лабонно очень хотелось встретить его там, но пришлось подавить в себе это желание.

Джогомайя вставала всегда рано, совершала омовение и отправлялась за цветами для утреннего приношения. Но сегодня Лабонно еще до ее ухода вышла из дома и уселась под эвкалиптом. В руках у нее были две книги, но только для того, чтобы обмануть себя и окружающих. Книги были раскрыты, время шло, а она не перевернула даже страницы. Внутренний голос твердил ей, что великий праздник ее жизни окончился вчера. Утреннее небо все в пятнах света и тени временами очищалось, словно кто-то могучей рукой протирал лазурь. Лабонно была убеждена, что Омито — вечный беглец и что если он исчезнет, то исчезнет бесследно. Он идет по дороге, и каждая встреча пробуждает в нем песню любви, но проходит ночь, песня обрывается, путник идет дальше. Поэтому Лабонно казалось, что ее песня никогда не будет допета. Сегодня мука этой незавершенности казалась разлитой в утреннем свете, а горе безвременной разлуки — во влажном воздухе.

Но неожиданно в девять часов Омито ворвался в дом и стал звать Джогомайю.

Джогомайя уже окончила утреннюю молитву и была в кладовой. Сегодня ей тоже было не по себе. Омито так долго наполнял ее дом и ее любящую душу своей болтовней, живостью и смехом! Гнетущая мысль об его отъезде тяготила ее все утро — так тяжесть дождевых капель отягощает цветы, сгиная их до земли. Опечаленная разлукой, она не просила Лабонно помочь ей в хозяйственных делах. Она понимала, что Лабонно надо побывать одной, вдали от людских глаз.

Услышав голос Омито, Лабонно вскочила; книги упали с ее колен, но она этого даже не заметила. Джогомайя выбежала из кладовой.

— Что случилось, Омито? — спросила она. — Землетрясение?

— Вот именно, землетрясение! Я уже отоспал вещи, машина была готова, я захожу на почту узнать, нет ли писем, а там — телеграмма!

Взглянув в лицо Омито, Джогомайя встревоженно спросила:

— Я надеюсь, вести хорошие?

Лабонно вошла в дом. Омито произнес с подавленным видом:

— Сегодня вечером приезжает Сисси, моя сестра, со своей подругой Кэтти Миттер и ее братом Нореном.

— Что же ты расстраиваешься, мой мальчик? Я слышала, что неподалеку есть свободный дом. А если тебе никак не удастся достать им квартиру, разве у меня здесь не найдется места?

— Об этом я не беспокоюсь. Они сами заказали по телеграфу комнаты в отеле.

— Во всяком случае, я не хочу, чтобы они застали тебя в твоей жалкой лачуге. Они могут осудить нас за твои безумства.

— Да, мой рай потерян. Прощай мое неблагоустроенное небо! Мои сны теперь улетят из уютного гнездышка в изголовье моей простой кровати. Потому что мне тоже придется покинуть ее и поселиться в самом лучшем номере фешенебельного отеля!

В его словах не было ничего особенного, однако Лабонно побледнела. До сих пор ей никогда не приходила в голову мысль о том, какое большое расстояние отделяет ее в обществе от Омито. Только теперь она вдруг поняла это. В том, что Омито собирался уехать в Калькутту, еще не было грозного признака разрыва. Но, узнав, что теперь он вынужден переселиться в отель, Лабонно почувствовала, что дом, который они создали в своих мечтах, никогда не воплотится в осязаемую форму.

Взглянув на Лабонно, Омито сказал Джогомайе:

— Отправлюсь ли я в отель или прямо в ад, мой настоящий дом останется здесь.

Омито знал, что Сисси и ее друзья приезжают неспроста. Он ломал себе голову, как сделать так, чтобы они сюда не являлись. Но с недавнего времени письма для него стали приходить на адрес Джогомайи. Тогда он и не думал, что это может привести к осложнениям.

Омито не умел скрывать свои чувства — наоборот, он проявлял их чересчур открыто, и сейчас Джогомайя поразилась, как он сильно обеспокоен приездом сестры. Лабонно тоже подумала, что Омито стыдится показать ее сестре и друзьям сестры. Это было горько и унижительно.

— У тебя есть время? — обратился Омито к Лабонно. — Ты не хочешь пройтись?

— Нет, мне некогда, — сухо ответила Лабонно.

— Иди же, милая, погуляй немного, — сказала Джогомайя, ощущая смутное беспокойство.

— Последнее время я и так запустила занятия с Шуромой, — ответила Лабонно. — Я чувствую себя виноватой и вчера решила искупить свою нерадивость. — Губы Лабонно были плотно сжаты, лицо выражало суровую непреклонность. Джогомайе было знакомо это упрямое выражение, и она не решалась настаивать.

— И меня ждут дела, — также сухо произнес Омито. — Я должен все подготовить к приезду гостей.

Но прежде чем уйти, он задержался на веранде.

— Бонне, посмотри: из-за деревьев чуть-чуть видна крыша моего дома. Я еще не сказал тебе, — я купил этот дом. Хозяйка была изумлена. Она решила, что я обнаружил тут золотую жилу, и взвинтила цену. Да, я на-

шел там золотую жилу, но, что это за жила, известно лишь мне. Сокровища моей ветхой хижины будут скрыты от всех!

Тень глубокой печали легла на лицо Лабонпо.

— Почему ты так беспокоишься о том, что скажут люди? — спросила она. — Пусть все узнают! Если сказать правду прямо, никто не посмеет злословить.

— Бонне, — не отвечая на ее слова, продолжал Омито, — я решил, что после свадьбы мы будем жить в этом доме. Мой сад на берегу Ганги, спуск к реке, баньяновое дерево — все соединилось в нем. И даже название, которое ты придумала — «Дружба», подходит к нему.

— Сегодня ты ушел из этого дома, Мита. Если когда-нибудь ты захочешь в него вернуться, то увидишь, что он тебе уже не нравится. В жилище сегодняшнего дня нет места для завтрашнего. Как-то ты сказал, что первая садхана в жизни — это испытание бедностью, а вторая — испытание богатством. Но ты ничего не сказал о третьем испытании — испытании разлукой.

— Опять слова твоего Рабиндраната Тагора! Он писал, что Шах Джахан отказался даже от своего Тадж Махала. Твоему поэту и в голову не приходит, что мы создаем лишь для того, чтобы отказаться от созданного. Это и есть эволюция созидания! Какой-то демон овладевает нами и приказывает: «Твори!» Но когда что-то создано, этот демон покидает нас, и созданное становится ненужным. Однако это вовсе не означает, что оно должно исчезнуть. Память о Шах Джахане и Мумтаз нетленна. И не только о них! Вот почему Тадж Махал никогда не опустеет. Нибарон Чокроборти написал стихи о брачной комнате. Это краткий, написанный на почтовой открытке ответ твоему поэту, по поводу его «Тадж Махала»:

Когда убегает почной покой
От грохота колесницы зари,
Влюбленные расстаются с тобой,
 О брачный покой!
Разлука жестоко и неумолимо
Сминает любовных гирлянд цветы,
Но стены твои — несокрушимы,
Узы твои — нерасторжимы,
Смерть, и забвенье, и годы — мимо!
 Всегда остаешься ты.

Кто сказал, что супругов твоих больше нет
И ложе твое опустело навек?
Слова эти лживы!
Покуда горит на пороге свет,
Покуда зовет их брачный покой,
Супруги-влюбленные живы!
Из странствий неведомых вновь и вновь
Они возвращаются бесконечно...
Брачный покой,
Бессмертна любовь,
И ты стоять будешь вечно!

Рабинранат Тагор, — продолжал Омито, — все время оплакивает то, что уходит. Он просто не умеет воспевать то, что остается. Посуди сама, Бонне, достойно ли поэта утверждать, что мы напрасно стучим в дверь, ибо она все равно не откроется!

— Умоляю тебя, Мита, не затевай сегодня ссоры из-за поэзии! Ты думаешь, я с первого дня не догадалась, что Нибарон Чокроборти — это ты? И прошу тебя, не воздвигай из своих стихов мавзолей нашей любви, подожди хотя бы, пока она умрет!

Лабонно понимала, что Омито сегодня говорит о всяких пустяках, чтобы скрыть свою тревогу. Он и сам чувствовал, что если вчера спор о поэзии был до какой-то степени уместен, то сегодня он звучит просто нелепо. Но то, что Лабонно видела его нас kvозь, было ему неприятно.

— Хорошо, я пойду, — сказал он сдержанно. — В этом мире и у меня есть предназначение: на сегодня оно состоит в том, чтобы посмотреть отель. Похоже, несчастный Нибарон Чокроборти отвеселился.

Лабонно взяла Омито за руку.

— Послушай, Мита, — сказала она, — никогда не сердись на меня. Если настанет время разлуки, молю тебя, че уходи, не прости!

И она поспешно вышла в другую комнату, чтобы скрыть свои слезы. Омито замер на месте. Затем почти бессознательно он побрел к эвкалипту. Под ним были разбросаны колотые грецкие орехи. При виде их у него сжалось сердце. Следы, которые остаются после того, как пронесется поток жизни, всегда печальны, потому что уже ничего не стоят. Потом он увидел на траве книжку «Журавли» Рабинраната Тагора. Последняя страница была

влажной. Сперва он хотел положить книгу на место, но вместо этого сунул ее в карман. Он хотел пойти в отель, но вместо этого сел под деревом. Мокрые ночные облака дочиста отмыли небо. Пыль прибило, воздух был прозрачен, и все вокруг казалось необычайно ярким. Очертания гор и деревьев четко вырисовывались на фоне небесной синевы. Казалось, будто природа приблизилась к душе человека. Время сделалось ощутимым, и в нем слышалась печальная музыка вселенной.

Лабонно пыталась заняться делами, но когда она увидела, что Омито сидит под эвкалиптом, не смогла сдержаться: сердце ее забилось, глаза наполнились слезами. Она подошла и спросила:

— Мита, о чём ты думаешь?

— Совсем не о том, о чём думал раньше.

— Тебе, видно, необходимо время от времени менять свои взгляды на противоположные. Что же ты придумал теперь?

— До сих пор я строил для тебя жилища — то на берегу Ганги, то на холме. А сегодня моему мысленному взору предстала дорога, поднимающаяся по горам, вся в пятнах тени и утреннего света. В руках у меня длинная палка с железным наконечником, за спиной — квадратный рюкзак на кожаных ремнях. Ты идешь рядом, я благословляю имя твое, Бонне, за то, что ты вывела меня из четырех стен на дорогу. Дом всегда переполнен, а на дороге нас только двое.

— Значит, сад в Даймонд-Харборе исчез, и несчастная комната за семьдесят пять рупий тоже? Согласна! Но как же в пути сохранить расстояние между нами? Останавливаться на ночь в разных гостиницах, ты в одной, а я в другой?

— Этого больше не нужно, Бонне. В пути новизна никогда не теряется. В движении ничто не стареет — для этого не останется времени. Старость приходит с неподвижностью.

— Откуда эти мысли, Мита?

— Сейчас объясню. Я неожиданно получил письмо от Шобхонлала. Наверно, ты слышала его имя: он удостоен стипендии «Премчанд Райчанд», так вот, Шобхонлал вздумал пройти по всем древним путям, о которых упоми-

нается в истории Индии. Он хочет отыскать затерянные пути прошлого, а я хочу проложить дороги будущего.

У Лабонно вдруг перехватило дыхание.

— Я сдавала экзамены на степень магистра в один год с Шобхонлалом, — сказала она, перебивая Омито. — Что ты о нем знаешь?

— Одно время он носился с мыслью отыскать дорогу, которая когда-то проходила через древний афганский город Капиш. По этой дороге Сюань Цзан пришел в Индию как паломник, а задолго до него — Александр Македонский как завоеватель. Шобхонлал начал усердно изучать язык пушту, законы и обычай патанов. Правда, в их широких одеждах он скорее походил на красавца-перса, чем на патана, но это между прочим. У меня он попросил рекомендательное письмо к французским ученым, которые занимались той же проблемой, — кое-кого из них я уже знал во Франции. Письмо я дал, но индийское правительство не дало ему заграничного паспорта. С тех пор он ищет древние пути через непроходимые Гималаи: то в Кашмире, то в Кумаоне. Сейчас он хочет поискать в восточной части Гималаев дорогу, по которой из Индии шли проповедники буддизма. Его страсть к путешествиям волнует и меня. Мы портим глаза, отыскивая в рукописях пути слов, а этот безумец читает рукопись дорог, в которой запечатлена судьба рода человеческого. Но знаешь, что мне кажется?

— Скажи!

— Что когда-то Шобхонлала поразил удар нежной ручки, украшенной браслетами, вот он и бежал из дома на дорогу. Я не знаю всей его истории, но как-то раз мы с ним вдвоем болтали чуть ли не до полуночи. Внезапно из-за ветвей цветущего дерева джарул выглянула луна, и он заговорил об одной девушке. Он не назвал ее по имени и не описал ее, но голос его задрожал от волнения, и он поспешил уйти. Я понял, что когда-то его жестоко ранили и теперь он хочет заглушить боль беконечными странствиями.

Ощущив вдруг прилив интереса к ботанике, Лабонно наклонилась, чтобы рассмотреть в траве бело-желтый лесной цветок. Видимо, ей было совершенно необходимо со считать все его лепестки.

— А знаешь, Бонне, — снова заговорил Омито, — сегодня ты толкнула меня на дорогу.

— Каким образом?

— Я построил дом, но сегодня утром из твоих слов я понял, что ты колеблюсь: входить в него или не входить. Два месяца я мысленно украшал этот дом. Сегодня я позвал тебя: «Приди, моя жена!» Но ты сняла брачные одежды и сказала: «Нет, мой друг, там слишком тесно! Наша помолвка никогда не кончится свадьбой».

Ботаника сразу перестала интересовать Лабонно. Она выпрямилась и с болью в голосе воскликнула:

— Довольно, Мита, не надо!

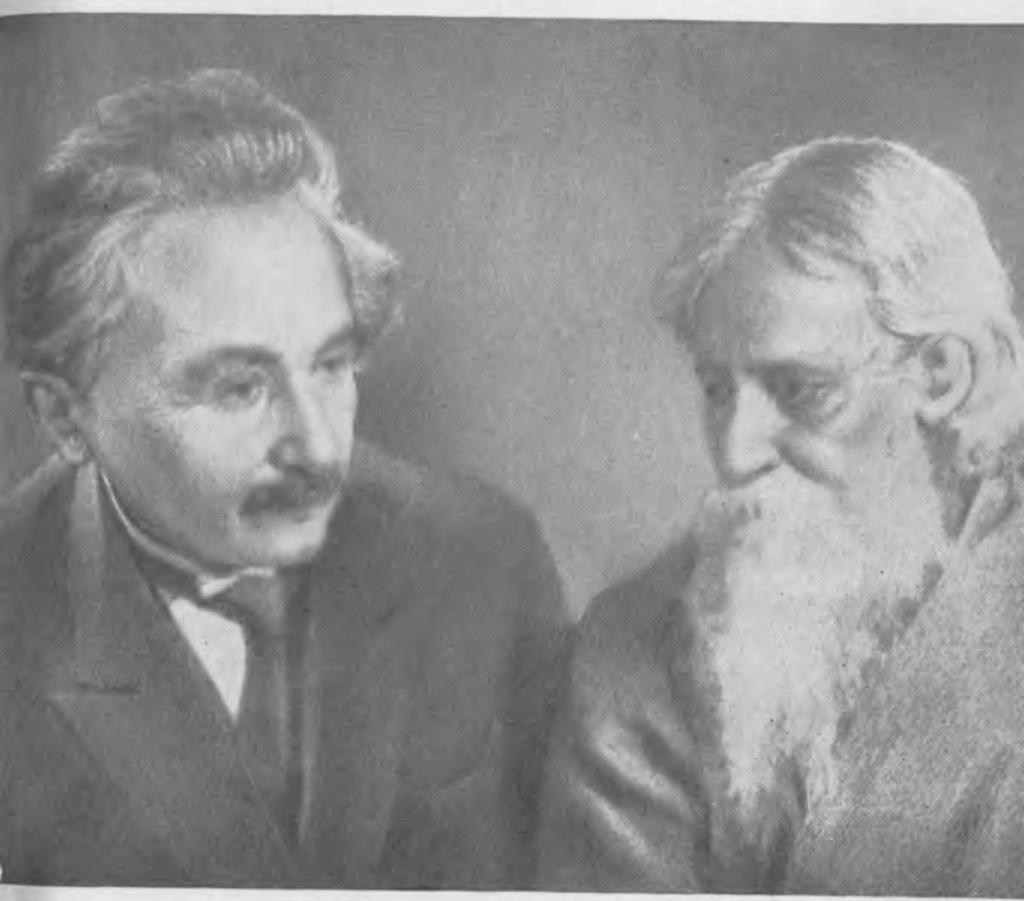
XIV

КОМЕТА

Только теперь Омито обнаружил, что его отношения с Лабонно известны всем бенгальцам Шиллонга. Обычно среди клерков основной темой разговоров было положение светил их конторы. Но когда они вдруг заметили в своей солнечной системе появление двух звезд первой величины, они, подобно всем добросовестным астрономам, начали обсуждать всевозможные варианты феерической драмы, в которой новые звезды играли главную роль.

В самый разгар этих обсуждений в Шиллонге появился адвокат Кумар Мукхерджи, приехавший сюда подышать горным воздухом. Для краткости одни называли его Кумар Мукхо, другие — Мар Мукхо. Он не принадлежал к узкому кругу друзей Сисси, но его там прекрасно знали. Омито прозвал его «Мукхо — комета», потому что, хотя Мукхо и был из иного мира, он, подобно комете, то и дело пересекал орбиту их общества. Все догадывались, что имя звезды, которая его притягивала, было Лисси. Все подтрунивали по этому поводу, а Лисси смущалась и сердилась. Она все время старалась прищемить комете хвост, но, видимо, это не причиняло никакого вреда ни хвосту кометы, ни голове.

Время от времени Омито видел издалека Кумара Мукхо на дорогах Шиллонга. Не увидеть его было трудно. Хотя он никогда не бывал за границей, его английские

Р. Тагор и А. Эйнштейн в Берлине
1930

маперы так и лезли в глаза. Во рту у него всегда дымилась длинная толстая сигара, что также отчасти объясняло его прозвище «Комета». Завидев его, Омито старался улизнуть, теша себя надеждой, что «Комета» его не заметит. Однако увидеть и притвориться, что не видишь, — сложное и тонкое искусство. Как и при воровстве, успех сопутствует тебе лишь до тех пор, пока не попадешься. А для того, чтобы не заметить столь заметную фигуру, как Мукхо, искусства Омито явно не хватало.

То, что Кумар Мукхо узнал в Шиллонге, можно было подать под заголовком: «Омито Рай бросает вызов обществу». Больше всех любят скандалы те, кто больше всех ими возмущается. Кумар предполагал провести здесь некоторое время, чтобы подлечить больную печень, но безмерная любовь к сплетням уже на пятый день заставила его вернуться в Калькутту. Здесь, в кругу Сисси, Лисси и компаний, он и выложил все сплетни об Омито, вперемешку с сигарным дымом, изdevками и откровенным враньем.

Проницательный читатель, вероятно, уже догадался, что верховным жрецом культа богини Сисси был Норен, старший брат Кэтти Миттер. Поговаривали, из положения поклонника он скоро переместится в положение супруга. Сисси в душе была давно согласна, однако скрывала это, окружив себя мраком таинственности. Норен надеялся с помощью Омито рассеять туман неизвестности, но обманщик Омито и в Калькутту не возвращался, и на письма не отвечал. Норен вслух и про себя ругал исчезнувшего Омито всеми английскими ругательствами, какие только знал. Он даже отправил в Шиллонг несколько телеграмм отнюдь не лестного содержания, но их огненный след затерялся, как след дерзких ракет, устремившихся к невозмутимой звезде. В конце концов, все единодушно решили, что нельзя больше терять ни минуты, и что, если в пучине, где тонет Омито, еще виднеется хотя бы его макушка, надо без промедления вытащить его на берег, пусть даже за волосы. В этом отношении гораздо больше энтузиазма, чем его родная сестра Сисси, проявляла чужая ему Кэтти. Кэтти Миттер испытывала такое же негодование, какое испытывают наши политики, видя, как богатства Индии утекают за границу.

Норен Миттер долгое время жил в Европе. Сын заминдара, он не беспокоился ни о доходах, ни о расходах; еще менее — о собственном образовании. За границей он только тратил и деньги и время. Если выдавать себя за художника, можно одновременно обрести ничем не ограниченную свободу и ничем не оправданную самоуверенность. Так, служа богине искусств Сарасвати, он знакомился с богемой всех крупнейших городов Европы. После нескольких попыток ему пришлось последовать настойчивым советам своих искренних доброжелателей и оставить живопись. С тех пор он выдавал себя за знатока живописи, обнаруживая при этом полную к ней непричастность. Если ничего не удается сделать самому, можно, на худой конец, поносить других.

Норен старательно закручивал по французской моде усы и так же старательно пренебрегал своей лохматой головой. Он был хорош собой, но, стремясь во что бы то ни стало стать еще красивее, загромоздил свой туалетный стол всевозможными средствами парижской косметики. Его принадлежностей для умывания хватило бы и для десятиголового Раваны. При виде того, как он небрежно бросает дорогую гаванскую сигару после двух-трех затяжек, как ежемесячно посыпает свое белье почтовой посылкой в парижскую прачечную, — никто бы не осмелился усомниться в его аристократизме. Его мерки были занесены в книги лучших ателье Европы: рядом с именами индийских князей Патиала и Карпуртала. Он жеманно растягивал английские фразы, уснащенные жаргонными словечками, и речь его была так же ленива и невыразительна, как вялый взгляд чуть приоткрытых сонных глаз. Знатоки уверяют, что из уст многих английских аристократов голубой крови льется именно такая гнусавая и неразборчивая речь. Кроме того, среди людей его круга он слыл знатоком жокейского жаргона и английских ругательств.

Настоящее имя Кэтти Миттер было Кетоки. Переняв все, что можно было перенять у брата, она создала свой собственный стиль — некую квинтэссенцию всего заграничного. Она обрезала свои длинные волосы, гордостьベンгальской девушки, — видимо, подражая головастику,

чей отпавший хвост свидетельствует, что он поднялся на новую ступень развития. Она покрывала кремом лицо, хотя цвет его был красив от природы. В детстве черные глаза Кэтти были ласковыми и внимательными, по сейчас она решила, что далеко не каждый достоин ее внимания. Казалось, она никого не видела, а если видела, то не замечала, а если и замечала, то во взгляде ее появлялся металлический блеск. Ее губы, когда-то нежные и мягкие, теперь застыли в презрительной гримасе и напоминали очертаниями изогнутый анкуш.

Я не знаток всех деталей женского туалета и не знаю, как они называются. Но в ее наряде прежде всего бросалась в глаза чересчур прозрачная верхняя одежда, сквозь которую просвечивало нижнее белье. Большая часть ее груди была всегда обнажена, и она искусно выставляла напоказ свои голые руки, то облокачиваясь на стол или на ручки кресла, то скрещивая их с небрежным изяществом. Когда она затягивалась сигаретой, держа ее пальцами с наманикюренными ногтями, это тоже делалось больше ради кокетства, чем ради курения. Но хуже всего были ее немыслимые туфли на высоких каблуках! Можно подумать, что творец просто не сумел или не успел дать человеку козлиные копыта и теперь сапожники призваны исправить эту ошибку, чтобы каждый из нас мог терзать себе ноги и землю их чудовищными приспособлениями.

Сисси пока занимала промежуточное положение: она делала большие успехи, но еще не получила диплома о полной европеизации. Звонкий смех, неудержимая веселость, забавная болтовня и неукротимая жизнерадость очаровывали ее поклонников. Она, как Радха, была то женственно спокойна, то ребячливо шаловлива. Ее туфли на высоких каблуках знаменовали победу новой эпохи, но длинные волосы, связанные узлом, свидетельствовали о том, что старая еще не миновала. Хотя нижний край ее сари был на два-три дюйма короче, чем полагалось, зато верхний край скромно прикрывал плечи. Она без всякой надобности носила перчатки, но браслеты были у нее на обеих руках. Сигареты еще не вскружили ей голову, но бетель она по-прежнему жевала с удоволь-

ствием. Она не возражала, если ей присыпали маринад и консервированный сок манго, но гораздо больше любила праздничные питхе месяца поуш, чем рождественский плам-пудинг. Она научилась танцевать у европейского учителя танцев, но не могла заставить себя кружиться с кем-нибудь в паре в танцевальном зале.

Когда до них дошли толки об Омито, все трое — Сисси, Кэтти и Норен — обеспокоились и отправились в путь. Их тревога была тем более понятна, что они считали Лабонно гувернанткой, то есть одной из тех, кто для того и создан, чтобы губить людей их круга. Наверняка ее привлекали к Омито его деньги и положение! И чтобы освободить его, придется применить всю женскую изобретательность. Четыре пары глаз четырехглавого Браhma взирают на женщин с любопытством и сочувствием, поэтому Браhma и делает мужчин круглыми дураками, когда дело касается женщин. Значит, если мужчине не поможет родственница, ему самому не освободиться от любовных сетей, сплетенных соблазнительницей.

Обе подруги немедленно разработали план спасения Омито. Разумеется, он ни о чем не должен знать, пока они не разведают силы врага и не осмотрят поле будущего сражения. Тогда будет видно, как лучше справиться с чародейкой!

При встрече их поразило дочерна загорелое лицо Омито. Он и раньше не походил на людей своего круга, однако всегда оставался истинным горожанином, выlossenным и отшлифованным до блеска. Сейчас не только его кожа огрубела на открытом воздухе, — казалось, лесная жизнь наложила отпечаток на все его существо. Он словно помолодел и, по их мнению, чуточку поглупел. Держал он себя так же, как самые простые люди. Раньше он реагировал на все жизненные затруднения смехом, а сейчас потерял к этому всякую охоту. Это показалось им признаком деградации.

Сисси сказала ему прямо:

— Когда мы были вдали от тебя, мы думали, что ты опустился до уровня здешних горцев — кхаси, а теперь видим, что ты просто одеревенел, как здешние сосны! Может быть, ты стал здоровее, чем прежде, но ты совсем не такой интересный.

В ответ Омито процитировал ей слова Вордсворт о том, что на человека при долгом общении с природой оказывают влияние «вещи немые, неодушевленные». Сисси подумала про себя, что вещи немые, неодушевленные здесь ни при чем: куда страшнее существа одушевленные и к тому же наделенные даром красноречия.

Они надеялись, что Омито сам заговорит о Лабонно. Но прошел день, другой, третий, а он молчал. Однако можно было догадаться, что ладья его любви заплыла довольно далеко, пожалуй, даже слишком. По утрам, когда они еще валялись в постели, Омито куда-то уходил, а когда возвращался, на лице его отражались самые бурные чувства, при взгляде на него невольно вспоминались пальмовые листья, истрепанные бурей. Еще тревожнее было то, что на его постели оказалась книга Рабиндраната Тагора. На титульном листе книги было написано имя Лабонно, причем первые две буквы были выведены красными чернилами. По-видимому, это подпись имела волшебные свойства обращать в золото все, на чем бы она ни стояла.

Омито часто исчезал. Он говорил, что уходит, чтобы нагулять аппетит. Аппетит его, действительно, возрастал, но все догадывались, что в действительности может его удовлетворить. Сисси в душе посмеивалась. Кэтти открыто возмущалась. Омито был так поглощен своими делами, что не замечал тревоги окружающих. Он беззаботно объявлял двум подругам, что идет искать водопад, и ему в голову не приходило, что другие могут заинтересоваться, что это за водопад и куда падают его воды. Сегодня он сказал, что пойдет искать апельсиновый мед. Обе девушки с невинным видом спокойно заявили, что этот необыкновенный мед вызывает у них неудержимое любопытство и что они тоже хотят пойти с ним. Сказав, что дорога трудна и опасна, Омито пресек спор в самом начале и улетел. Хлопотливость этой пчелы заставила подруг принять наконец решение и, не теряя времени, отправиться за нею в таинственную апельсиновую рощу. Норен, правда, собирался на скачки и очень хотел, чтобы Сисси поехала с ним, но Сисси отказалась. Какого усилия воли стоил ей этот отказ, знает только тот, кто бывал в ее положении.

XV
ПОМЕХА

Подруги вошли в ворота сада Джогомайи и, не встретив слуг, приблизились к дому. Здесь на веранде они увидели учительницу и ученицу, которые занимались, сидя у маленького столика. Нетрудно было догадаться, что старшая из них — Лабонно.

Постукивая каблучками, Кэтти поднялась на веранду и сказала по-английски:

— Простите, могу я...

— Что вам угодно? — спросила Лабонно, поднимаясь с места.

Окинув ее колючим взглядом с головы до ног, Кэтти объявила:

— Мы пришли узнать, здесь ли мистер Эмитрай.

Лабонно сразу не поняла, кто такой этот Эмитрай, и ответила:

— Я такого не знаю.

Подруги молниеносно обменялись взглядами, по их губам скользнула усмешка.

— Зато мы знаем, что он часто ходит в этом дом — гораздо чаще, чем следует! — прошипела Кэтти, сердито тряся головой.

Лабонно вздрогнула. Только теперь она поняла, кто они такие и какую ошибку она допустила.

— Я позову хозяйку дома, — проговорила она в замешательстве, — от нее вы узнаете все, что вам нужно.

Как только Лабонно ушла, Кэтти обратилась к Шуроме:

— Твоя учительница?

— Да.

— Зовут, кажется, Лабонно?

— Да.

— Спички есть? — спросила она по-английски.

Сбитая с толку неожиданной просьбой о спичках, Шурома не поняла вопроса. Она продолжала смотреть на Кэтти.

Кэтти повторила по-ベンгальски:

— Спички!

Шурома принесла коробку спичек, Кэтти зажгла сигарету, затянулась, потом спросила Шурому:

— Английский учишь?

Шурома кивнула и убежала в дом.

— Если она чему-нибудь и научится у своей наставницы, то только не хорошим манерам, — изрекла Кэтти. Подруги делились впечатлениями:

— Вот она, знаменитая Лабонно! Прекрасна, не правда ли? И это она разбудила в горах Шиллонга вулкан и растопила каменное сердце Омито! Ничего не понимаю. Глупцы эти мужчины!

Сисси громко рассмеялась. Это был искренний, веселый смех, потому что глупости мужчин нисколько ее не задевали. Она сама сокрушала и разбивала каменные сердца. Но странно! Одно дело — такая девушки, как Кэтти, и совсем другое дело — эта гувернантка в нелепом наряде! Как неприступна! Положи ей масла в рот, и то не растает! А сама — точно узел мокрого белья. Только сядь с ней рядом — сразу отсыреешь, как бисквит в дождливый день. Как это Эмит может терпеть ее хоть одну минуту!

— Сисси, у твоего брата давно уже мозги шоворот-навыворот. Только человеку с извращенным вкусом эта девица могла вдруг показаться ангелом.

Сказав это, Кэтти швырнула сигарету на учебник алгебры и, открыв сумочку с серебряной цепочкой, припудрилась и подвела карандашом брови.

Сисси не возмущало отсутствие здравого смысла у ее брата, в глубине души она даже сочувствовала ему. Весь ее гнев обратился против лжеангела, который завлек его и околдовал. А Кэтти, видя странное безразличие Сисси, просто выходила из себя! Ее так и подмывало встряхнуть хорошенъко нерадивую сестру.

В эту минуту к ним вышла Джогомайя в белом шелковом сари. Лабонно осталась в доме.

Кэтти привела с собой маленькую лохматую собачонку по кличке Тоби, у которой глаза прятались под косматой шерстью.

Знакомясь с Лабонно и Шуромой, Тоби ограничился тем, что только обнюхал их. Но вид Джогомайи привел его в восторг. Тоби бросился к Джогомайе и засвидетельствовал ей свою пылкую любовь, оставив на белоснежном сари следы грязных лап. Сисси оттащила песика за ошейник

к Кэтти, та щелкнула его по носу и сказала по-английски:

— Не лезь, не лезь, озорник!

Кэтти и не подумала встать со стула. Покуривая сигарету, она только повернула голову и с нескрываемым презрением уставилась на Джогомайю. Она явно злилась на нее еще больше, чем на Лабонно. Кэтти решила, что в прошлом у Лабонно было какое-то пятно, и теперь Джогомайя, прикинувшись добной тетей, старалась сбить ее на руки Омито. Чтобы обмануть мужчину, не требуется много хитрости, ибо мужчины слепы от природы.

Сисси подошла к Джогомайе, сделала какое-то подобие традиционного поклона и представилась:

— Я Сисси, сестра Омито.

Джогомайя улыбнулась.

— Оми зовет меня теткой, значит, и тебе я прихожусь теткой.

Взглянув на Кэтти, Джогомайя решила не обращать на нее внимания.

— Войди в дом, дорогая, — обратилась она к Сисси.

— У нас нет времени, — ответила Сисси. — Мы пришли только, чтобы узнать, здесь ли Оми.

— Он еще не приходил, — сказала Джогомайя.

— А вы не знаете, когда он придет?

— Подожди немножко, я схожу и узнаю.

Кэтти, не двигаясь с места, бросила:

— Эта учительница, которая здесь сидела, говорила, что даже не знает, кто такой Эмит.

Джогомайя смутилась. Она чувствовала враждебность Кэтти и понимала, что ей нелегко будет добиться от нее уважения. Сразу же перейдя на официальный тон, Джогомайя сказала:

— Насколько мне известно, Омито-бабу остановился в одном отеле с вами. Вы сами должны знать, где он бывает.

Кэтти засмеялась ей в лицо, и смех этот должен был озапачать: «Можете скрывать, обмануть нас все равно не удастся!»

Дело в том, что при виде Лабонно, да еще после ее слов о том, что она не знает Омито, в душе Кэтти закипел гнев. Сисси же, хотя и чувствовала себя задетой,

однако вовсе не сердилась. Красивое, спокойное лицо Джогомай вызывало симпатию и уважение, поэтому дерзкое поведение Кэтти, которая даже не встала со стула, смущало Сисси. Однако противоречить она не осмеливалась, потому что Кэтти не терпела возражений. Она быстро подавляла любой бунт и при этом не стеснялась применять самые крайние меры. Люди обычно теряются и отступают перед такой напористостью. А Кэтти даже гордилась своей резкостью и никогда не щадила друзей, если замечала, что кто-нибудь из них проявляет, как она говорила, «слюнявую сентиментальность». Свою грубость она выдавала за прямоту, и те, кто боялся этой грубости, всячески старались завоевать расположение Кэтти, лишь бы она оставила их в покое. Сисси была из их числа. Чем больше она боялась Кэтти, тем старательнее подражала ей, стремясь скрыть свою слабость. Но ей не всегда это удавалось.

Кэтти догадывалась, что в глубине души Сисси стыдно за ее поведение. Такая дерзость должна была быть немедленно наказана, и в присутствии Джогомай! Она встала со стула, подошла к Сисси, сунула ей в рот сигарету и наклонилась к ее лицу, давая прикуриТЬ от своей. Сисси не осмелилась возразить, хотя и зарделась до кончиков ушей. Она заставила себя сделать вид, что готова дать отпор каждому, кто вздумает хотя бы намеком выразить недовольство ее западными манерами.

Перед домом появился Омито. Девушки были поражены. Из отеля он ушел в английском костюме и фетровой шляпе, а сейчас на нем было дхоти и шаль. Он переменил одежду в своем домике. Там у него была полка с книгами, запас белья и кресло, которое ему дала Джогомайя. Он часто уходил туда отдыхать после завтрака в отеле. Лабонно запретила являться к пей во время ее занятий с Шуромой каким бы то ни было искателям водопадов или апельсинового меда, так что Омито не мог утолить ни физической, ни духовной жажды до половины пятого, когда у Джогомай подавали чай. Он кое-как дотягивал до этого времени, переодевался и приходил точно в назначенному часу.

Сегодня перед уходом из отеля он получил наконец заказанное в Калькутте кольцо. В своем воображении он

уже видел, как наденет его на палец Лабонно. Сегодня был как раз подходящий день! Второго такого дня не скоро дождешься. Сегодня можно отложить все прочие дела. Он решил явиться прямо туда, где занималась Лабонно, и сказать ей:

«Однажды некий падишах ехал на слоне. Ворота, через которые ему надо было проехать, были низки, он не захотел нагнуть голову и вернулся, так и не попав в свой новый дворец. Сегодня для нас большой день, но ты сделала ворота своего досуга слишком низкими. Сломай их, чтобы царь мог въехать в ворота твоего мира, не склоняя головы!»

Омито также решил сказать ей, что люди называют пунктуальными тех, кто приходит вовремя, однако время, отсчитываемое часами, не есть истинное время: часы лишь отсчитывают время, но разве они знают его ценность?

Омито огляделся. Небо затянуло тучами, и, судя по всему, было уже часов пять-шесть. На часы он не смотрел, боясь, что их упрямые стрелки могут не согласиться с небом. Так мать, которой показалось, что после долгих дней лихорадочного жара лоб ребенка стал прохладнее, не решается взглянуть на термометр. На самом-то деле Омито явился гораздо раньше времени, но нетерпение не знает стыда.

Часть веранды, на которой Лабонно обычно занималась со своей ученицей, была видна с дороги. Сейчас там никого не было, и сердце Омито запрыгало от радости. Теперь он взглянул на часы. Было только двадцать минут четвертого! Как-то он сказал Лабонно, что если люди повинуются законам, то боги законов не признают. На земле мы чтим законы в надежде насладиться некоторым беззаконием на небесах. Но иногда небеса спускаются на землю, и тогда высший долг людей — нарушать законы. И теперь у него появилась надежда, что, может быть, Лабонно поняла необходимость время от времени нарушать заведенный порядок, может быть, и она почувствовала всю важность сегодняшнего дня и отказалась от обычных ограничений.

Омито подошел ближе и увидел, что Джогомайя, оцепнев, стоит на пороге дома, а Сисси прикуривает от сигареты Кэтти. Он сразу понял, что это преднамеренная

демонстрация. Лохматый Тоби, проявление дружеских чувств которого было так решительно пресечено, прикорнул у ног Кэтти, но, завидев Омито, опять разволновался и бросился его приветствовать. Сисси снова дала ему понять, что такой способ проявления дружеских чувств, по меньшей мере, неуместен.

Омито даже не взглянул на подругу. Еще издали он закричал: «Тетя!», а подойдя ближе, склонился и взял прах от ее ног. Обычно он никогда не приветствовал ее таким образом.

— Где Лабонно? — спросил он.

— Не знаю, дорогой, наверное, у себя в комнате.

— Но ведь сейчас еще время занятий!

— Я думаю, она ушла, когда явились, м-м-м, вот они.

— Пойдемте посмотрим, что она делает.

И Омито ушел с Джогомайей в дом, словно обе подруги были неодушевленными предметами.

— Это оскорблениe! — взвигнула Сисси. — Уйдем отсюда!

Кэтти была возмущена не меньше, если не больше, но она не собиралась уходить, не выяснив всего до конца.

— Мы ничего не добьемся, — сказала Сисси.

— Нет, добьемся! — ответила Кэтти, сверкая глазами.

Они подождали немного, потом Сисси снова взмолилась:

— Уйдем отсюда! Я не хочу больше здесь оставаться!

Но Кэтти не двинулась с места.

Наконец вышел Омито вместе с Лабонно. Лицо ее было лучезарно спокойно: оно не выражало ни гнева, ни презрения, ни надменности. Джогомайя осталась в доме. У нее не было ни малейшего желания выходить, однако Омито пошел и привел ее. Кэтти сразу увидела кольцо на пальце Лабонно. Кровь бросилась ей в голову, глаза покраснели, она была готова рвать и метать.

— Тетя, — сказал Омито, — это моя сестра Шомита. Наверно, отец хотел, чтобы наши имена рифмовались, но рифмы не получилось. А это Кетоки, подруга моей сестры.

Тут снова произошел переполох. Любимая кошечка Шуромы вышла из дома. Тоби эта дерзость показалась

достаточным основанием для объявления войны. Сначала он с рычанием бросился на кошку, но тут же трусливо отступил, засомневавшись в исходе боя при виде выпущенных когтей шипящего врага. Собачонка заняла позицию на почтительном расстоянии, решив проявить героизм, не связанный с опасностями, злилась неудержимым лаем. Однако на это кошка никак не реагировала, она только выгнула спину и торжественно удалилась.

Для Кэтти это было уже слишком! Вне себя от ярости она принялась трепать Тоби за уши, словно он был главной причиной ее дурного настроения. Собака громким визгом выразила свой протест против такого обращения. Судьба явно потешалась над Кэтти.

Когда шум утих, Омито обратился к Сисси:

— Сисси, это Лабонно. Ты еще не слышала ее имени от меня, но, я думаю, слышала его от других. Наша свадьба состоится в Калькутте, в месяце огромайон.

Кэтти тотчас изобразила на лице улыбку.

— О, поздравляю! — сказала она. — Оказывается, не так уж трудно добить апельсиновый мед. Иходить далеко не пришлось, и мед сам просится в рот.

Сисси, по обыкновению не удержавшись, рассмеялась. Лабонно почувствовала, что в этих словах скрыт какой-то яд, но не поняла намека. Омито пояснил:

— Сегодня, когда я уходил, они меня спросили, куда я иду. Я сказал, что за диким медом. Поэтому они и смеются. Это моя беда — люди не понимают, когда я шучу, а когда нет.

— Теперь, когда ты выиграл свой апельсиновый мед, — с притворной скромностью произнесла Кэтти, — помоги мне не остаться в проигрыше.

— Что я должен для этого сделать?

— Я билась с Нореном об заклад. Он утверждает, что тебя не затащить туда, где бывают настоящие джентльмены, что на скачки ты ни за что не пойдешь. Я поспорила на свое брильянтовое кольцо, что приведу тебя на скачки. Мы ходили по всем окрестным водопадам и пасекам, пока, наконец, не нашли тебя здесь. Ведь правда, Сисси, нам пришлось немало походить в

поисках нашей волшебной птицы, или дикого гуся, как говорят англичане!

Сисси вместо ответа только хихикнула.

— Я вспоминаю рассказ, который как-то слышала от тебя, Эмит, — продолжала Кэтти. — Один персидский философ не мог найти вора, укравшего его тюрбан. Тогда он пошел на кладбище и сел там, рассудив, что уж этого места вору не миновать. Когда мисс Лабонно сказала, будто не знает тебя, я усомнилась, но что-то в душе говорило мне, что, в конце концов, и тебе не миновать своего кладбища.

Сисси громко расхохоталась.

Кэтти обратилась к Лабонно:

— Эмит никогда не упоминал вашего имени. Медовым языком метафор оп называл вас — «апельсиновый мед». Ваш ум не искушен в иносказаниях, и вы прямо сказали, что Эмит вам незнаком. И небо не покарало ни вас, ни Эмита, хотя в воскресных школах и говорят, что ложь никогда не остается безнаказанной. Один из вас единственным глотком проглотил неведомый апельсиновый мед, а другой с первого взгляда узнал незнакомого. И только я в проигрыше. Право же, Сисси, это несправедливо!

У Сисси опять вырвался смешок. Тоби тоже счел своим долгом присоединиться к общему веселью, и пришлое его успокаивать в третий раз.

— Эмит, ты знаешь, если я потеряю это брильянтовое кольцо, мне не будет покоя! — снова заговорила Кэтти. — Ты сам подарил его мне. Я никогда его не снимала, оно стало как бы частью меня самой. Неужели теперь мне придется лишиться его здесь, в Шиллонге, из-за несчастного спора?

— Зачем же ты спорила на него, дорогая? — спросила Сисси.

— Я была слишком самонадеяна и слишком верила в мужчин. Ну что ж, гордость прежде всего. Я поставила на свою лошадку и проиграла. Мне кажется, Эмит уже и пальцем не шевельнет для меня. О, ты безжалостен! Зачем ты подарил мне это кольцо, зачем был так нежен, — не для того ли, чтобы сегодня оскорбить меня? Разве этот дар ни к чему не обязывает? Разве он не означал, что ты никогда меня не оставил?

У Кэтти прервался голос, но она сумела сдержать слезы.

А случилось все это семь лет назад, когда Кэтти было всего восемнадцать лет. Однажды Омито снял кольцо и надел его на палец Кэтти. Они находились тогда в Англии. Один панджабец, студент Оксфордского университета, был страшно влюблен в Кэтти. В тот день Омито и этот панджабец состязались в гребле. Победа досталась Омито. В сиянье лунного света даже июньское небо обрело красноречие, и, казалось, сама земля потеряла самообладание, опьяниенная ароматом луговых цветов. Тогда-то Омито и надел на палец Кэтти кольцо. Это было многозначительно, но не имело никакого глубокого, скрытого смысла. В те дни смех Кэтти был жизнерадостен, лицо еще не было набелено, и ничто не мешало ей краснеть. Надев кольцо, Омито прошептал ей на ухо:

Ночь исполнена нежности,
И вкушает блаженство на троне царица-луна.

Кэтти тогда не умела много говорить. Она глубоко вздохнула и словно про себя прошептала по-французски: «Друг мой».

И вот сейчас Омито не знал, что ответить. Он не находил нужных слов. А Кэтти продолжала:

— Если уж я проиграла спор, пусть лучше это кольцо останется у тебя как символ моего поражения. Я не хочу носить на своем пальце ложь!

Кэтти сняла кольцо, бросила его на стол и сбежала с веранды. По ее набеленным щекам катились слезы.

XVI

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Лабонно получила коротенькое письмо от Шобхон-лала:

«Я приехал в Шиллонг вчера вечером. Если вы позвольте, я зайду к вам. Если не позволите, я завтра же уеду. Вы наказали меня, но я до сих пор не могу понять, когда и в чем я провинился. Я приехал, чтобы узнать это, иначе

я не обрету покоя. Не бойтесь! Больше я ни о чем не сопираюсь просить».

Глаза Лабонно наполнились слезами. Она оттерла их и долго сидела молча, вспоминая прошлое. Она думала о юношеской робости, из-за которой заглушила, не дала пробиться нежному ростку любви. Если бы она сберегла этот росток, теперь он бы окреп и расцвел, и она смогла бы воспользоваться его плодами. Но она чересчур гордилась своими знаниями, целиком была поглощена занятиями и слишком ценила свою самостоятельность. Роковая слепота отца заставила и ее смотреть на любовь, как на слабость. Но теперь любовь отомстила ей, и ее гордость повержена в прах. То, что раньше было таким простым и естественным, как смех или дыхание, стало теперь и сложным и трудным. Она уже не могла с легкой душой приветствовать гостя из прежней жизни, но и отвергнуть его было бы жестоко. Лабонно вспомнила несчастное, жалкое лицо Шобхонлала в день его изгнания. Это было так давно! В каком жеnectаре бессмертия столько времени сохранялась отвергнутая любовь юноши? Таким некотором могло быть лишь благородство его души.

Лабонно написала ответ:

«Вы — лучший из всех моих друзей. У меня нет сокровищ, которыми я могла бы отблагодарить вас за вашу дружбу. Вы никогда не просили ничего взамен, и даже сегодня вы явились, чтобы отдать то, что имеете, ничего не требуя. У меня не хватает ни сил, ни гордости, чтобы отказаться от вашего дара и попросить вас уйти».

Она едва успела отправить письмо, когда пришел Омито.

— Бонне, — сказал он, — пойдем погуляем.

Он говорил очень неуверенно, так как боялся, что Лабонно не согласится.

Но она ответила просто:

— Пойдем.

Они вышли. Омито робко взял руку Лабонно. Она не протестовала. Омито крепко сжал ее кисть. Только так мог он выражить свои чувства. Слова ускользали от него.

Они дошли до места своих прежних встреч, до лесной

поляны, где лес внезапно расступался. Солнце зашло, последний отблеск его лежал только на голой вершине горы. Чудесные переливы зеленого света постепенно переходили в нежно-голубой. Лабонно и Омито остановились, глядя на закат.

— Зачем ты заставил меня принять кольцо, если раньше надел такое же на палец другой? — мягко спросила Лабонно.

— Как объяснить тебе все это, Бонне? — с болью ответил Омито. — Я действительно надел кольцо на палец другой. Но разве та, которая сняла его сегодня, была той же самой?

— Одна из них создана любовью творца, другая создана твоим пренебрежением.

— Это не совсем так, — возразил Омито. — В том, что Кэтти стала такой, как теперь, не только моя вина.

— Когда-то она целиком доверилась тебе, Мита. Почему же ты не сберег ее? Сначала ты выпустил ее из своих рук, — я не спрашиваю почему, — а потом десятки людей лепили из нее, что хотели, пока она не сделалась такой, как сейчас. Потеряв тебя, она стала подлаживаться под вкусы других. И теперь похожа на заграничную куклу. Этого бы не случилось, если бы ее сердце не было разбито. Но оставим это. Я хочу просить тебя об одолжении и надеюсь, ты мне не откажешь.

— Говори, я сделаю все.

— Съезди со своими друзьями на неделю в Черрапунджи. Даже если ты не сможешь сделать Кэтти счастливой, ты доставишь ей удовольствие.

После паузы Омито произнес:

— Хорошо.

Лабонно склонила голову на его грудь.

— Мита, я хочу тебе что-то сказать, чего я никогда больше не повторю. Внутренние узы, соединяющие нас, не должны тебя связывать. Я говорю это не потому, что сержусь, а потому, что глубоко люблю тебя. Не дари мне кольцо, не надо никаких залогов. Пусть моя любовь будет свободна от всяких внешних проявлений и от всяких пут.

Сказав это, Лабонно сняла кольцо и нежно надела его на палец Омито. И он не стал ей мешать.

День угас. Земля в молчании подняла лицо к небу, залитому лучами заката. Так же безмолвно Лабонно подняла умиротворенное лицо к склонившемуся над ней лицу Омито.

XVII

Через семь дней Омито вернулся из Черрапунджа и пришел к Джогомайе. Но дом был закрыт, и там никого не было. Куда все уехали — никто не мог сказать.

Омито постоял под старым эвкалиптом. Сердце его сжималось. Пытаясь успокоиться, он начал расхаживать взад и вперед. Подошел знакомый садовник, поздоровался.

— Открыть дом? — предложил он. — Может, вы хотите войти?

— Да, — ответил Омито, немного поколебавшись.

Он вошел в комнату Лабонно. Стол, стул, книжная полка были на месте, но книги исчезли. На полу валялись два пустых разорванных конверта, на них незнакомой рукой был написан адрес и имя Лабонно. На столе лежало несколько старых перьев и маленький огрызок карандаша. Омито сунул его в карман. Рядом с этой комнатой находилась спальня. В ней Омито увидел только железную кровать с матрацем да туалетный столик с пустым флаконом из-под масла. Омито бросился на матрац и обхватил голову руками. Железная кровать заскрипела. Немая тишина заполнила комнату. Никто не мог ответить на его вопросы, и, казалось, одепенение это никогда не нарушится.

Совершенно обессиленный, Омито поплелся в свою хижину. Там все было как раньше. Даже кресло Джогомайя не взяла. Омито понял, что Джогомайя оставила его как последний знак сочувствия. И Омито показалось, что он слышит мягкий, нежный голос, зовущий его: «Друг мой!..» Омито встал на колени и поклонился этому креслу до самой земли.

Горы Шиллонга утратили всю свою притягательную силу. Омито нигде не мог найти успокоения.

XVIII

ПОСЛЕДНЯЯ ПОЭМА

Джотишенкор учился в колледже в Калькутте и жил в общежитии. В те дни Омито часто приглашал его к себе обедать, читал с ним разные книги, удивлял его неожиданными рассуждениями, совершал с ним прогулки на своей машине.

Но в течение некоторого времени Джотишенкор потерял Омито из виду. Одни говорили, что он в Утакамунде, другие — в Найнитале. Однажды Джотишенкор услышал, как один из приятелей Омито ядовито заметил, что тот сейчас весьма занят: смывает с Кэтти Миттер заграничную краску! Наконец-то он нашел себе задачу по сердцу — перекрашивать других! До сих пор Омито утолял свою жажду созидания, играя словами, а теперь получил живую игрушку. Что касается этой живой куклы, то она сама, как цветок, стремилась сбросить яркие лепестки в надежде на будущие прекрасные плоды. Сестра Омито Лисси сказала, будто Кэтти теперь не узнать, такой она стала естественной. Она даже просила друзей называть ее Кетоки, и, если видела девушку, одетую в сари из тонкого шантепурского муслина, это казалось ей ужасным бесстыдством, словно та ходила в ночной рубашке. По слухам, Омито наедине звал ее Кея. Поговаривали даже, что во время катанья на лодке по озеру Найнитал Кетоки правила, а Омито читал ей «Путешествие в никуда» Рабинраната Тагора. Но мало ли чего не говорят люди! Джотишенкор понял только одно, — что душа Омито в праздничном настроении мчит по волнам, распустив все паруса.

Наконец Омито вернулся. Молва твердила о его свадьбе с Кетоки, но сам Омито не говорил об этом ни слова. Поведение его тоже сильно изменилось. Он, как и раньше, покупал английские книги и дарил их Джоти, но больше не обсуждал их с ним по вечерам. Джоти мог лишь догадываться, что словесный поток Омито нашел новое русло. Теперь Омито не приглашал Джоти и на автомобильные прогулки. Впрочем, Джоти был достаточно взрослым, чтобы понять, что в «путешествиях» Омито третий был явно лишним.

Больше сдерживаться Джоти не мог. Он спросил Омито напрямик:

— Я слышал о твоей свадьбе с Кетоки Миттер. Это правда?

Помолчав, Омито ответил вопросом на вопрос:

— Лабонно об этом знает?

— Нет, я ей не писал. Я не писал потому, что не слышал от тебя подтверждения.

— Эти слухи справедливы. Но я боюсь, что Лабонно неправильно их поймет.

Джоти засмеялся:

— Что же тут не понять? Если ты женишься, значит, женишься. Все очень просто.

— Знаешь, Джоти, в жизни все непросто. Слово, которое в словаре имеет только одно значение, в жизни может иметь полдюжины. Ведь и Ганга, приближаясь к океану, дробится на множество рукавов.

— Уж не хочешь ли ты сказать, — подхватил Джоти, — что для тебя женитьба не есть женитьба?

— Я хочу сказать, что слово «женитьба» имеет тысячу значений. Оно приобретает значение только в жизни человека. Убери человека, и смысл слов будет утрачен.

— Какое же значение вкладываешь в это слово ты?

— Это нельзя передать. Это можно только пережить. Если я скажу, что главный смысл слова «женитьба» — любовь, мне придется определять слово «любовь», а то, что называют любовью, еще теснее связано с жизнью, чем женитьба.

— В таком случае вообще не о чем разговаривать. Если мы будем гнаться за смыслом, изнемогая под грузом слов, и смысл будет увиливать от нас, а слова — уводить в сторону, мы ничего не добьемся.

— Молодец! Я таки научил тебя искусству владеть словом. Слова совершенно необходимы, если хочешь, чтобы жизнь хоть как-то продвигалась вперед. Но поскольку слово не может вместить всех значений, в повседневных делах приходится обходиться неполноценными понятиями. Что же делать? Конечно, полного взаимопонимания при этом не достичь, зато, хоть и вслепую, мы осуществляем наши намерения.

— Что ж, на этом мы и кончим наш разговор? — спросил Джоти.

— Можно кончить, если этот разговор — только умозрительные упражнения, не имеющие никакого отношения к жизни.

— А если допустить, что они имеют отношение к жизни?

— Ладно, тогда слушай,

Здесь не лишним будет дать маленькое пояснение.

Джоти частенько приходил на чашку чая, который собственноручно разливала младшая сестра Омито Лисси. Можно предположить, что именно по этой причине Джоти нисколько не обижался на то, что Омито больше не обсуждал с ним литературные проблемы днем и перестал приглашать его на автомобильные прогулки по вечерам. Он простил Омито от чистого сердца.

Итак Омито продолжал:

— Мы знаем, что кислород незримо присутствует в воздухе: если бы его не было, жизнь была бы невозможна. С другой стороны, кислород, соединяясь с углем, дает огонь, который так много значит в жизни. В обоих случаях мы не можем обойтись без кислорода. Теперь ты понимаешь?

— Не совсем, но я хотел бы понять.

— Любовь, которая вольно парит в небесах, согревает душу. А любовь, которая растворена в повседневных мелочах, вносит тепло в семью. Я хочу той и другой любви.

— Что-то не разберу, понял я тебя или нет. Говори, пожалуйста, яснее.

— Когда-то я расправил крылья и достиг небесной высоты. А сейчас я сложил крылья и сижу в маленьком гнездышке. Но я не забыл о моем небе.

— Но разве невозможно найти женщину, которая была бы и женой и другом?

— В жизни возможны счастливые случайности, но возможность одно, а действительность — другое. Счастлив тот, кто завоевывает сразу и принцессу и царства. Однако человек, который в правой руке держит царство, а в левой принцессу, тоже счастлив, хотя и не может их объединить.

— Но...

— Но в романах такой человек несчастен, — ты это хочешь сказать? Разуверься! Зачем нам создавать свои романы по книжным образцам? Я сам буду творцом своего романа! Мой первый небесный роман я храню в душе, но теперь я создам новый роман на земле. Ты называешь романтиками тех, кто для спасения одного из этих романов губит другой. Они либо плавают в воде, как рыбы, либо крадутся по земле, как кошки, либо летают по воздуху, как летучие мыши. Я — Парамаханса романа. Я разом постигну истину любви в воде, на земле и в небе. Мое гнездо будет свито на твердой почве речного островка, но когда я устремлюсь к высшему духу, передо мной раскинется безбрежный небесный океан. Да здравствует моя Лабонно! Да здравствует моя Кетоки! Да будет благословен Омито Рай!

Джоти молчал, казалось, все эти мысли были ему не по душе. Заметив выражение его лица, Омито усмехнулся и сказал:

— Послушай, брат, то, что для одного человека яство, для другого — яд. Я говорю лишь для себя и о себе. Не старайся усвоить эти мысли, ты только рассердишься на меня, но все равно не поймешь. На земле происходит тьма неурядиц из-за того, что люди вкладывают свой смысл в слова других людей. Ну, я еще раз поясню тебе свои мысли. Мне придется облечь их в образную форму, иначе обнаженные словастыдятся. То, что привязывает меня к Кетоки, — любовь. Но эта любовь — как вода в суде, которую я пью каждый день. Любовь к Лабонно — это озеро, которое нельзя вместить в сосуд, но в котором омывается моя душа.

Джоти спросил в замешательстве:

— Но, Омито, разве нельзя выбрать одну из двух?

— Кто может — пусть выбирает. Я не могу.

— Но если Кетоки...

— Она знает все. Может быть, не понимает до конца, — в этом я не уверен, — но всей своей жизнью я докажу ей, что не обманываю ее ни в чем. И пусть она знает, что она должница Лабонно.

— Пусть будет так, однако Лабонно надо сообщить о вашей женитьбе.

— Конечно, я сообщу. Но прежде я хочу послать ей письмо. Ты передашь?

— Передам.

Вот письмо Омито:

«В тот вечер, когда мы стояли в конце пути, я закопчил наше путешествие стихами. Сегодня я тоже остановился в конце пути, и я хочу отметить этот последний миг стихами, потому что ему не вынести тяжести иных слов. Несчастный Нибарон Чокроборти умер, подобно рыбе, вытащенной из воды. И так как с этим ничего уже не поделаешь, я поручаю твоему любимому поэту передать тебе мои последние слова:

Ты, уходя, со мной осталась навсегда,
Лишь под конец мне до конца открылась,
В незримом мире сердца ты укрылась,
И я коснулся вечности, когда,
Заполнив пустоту во мне, ты скрылась.

Был темен храм души моей, но вдруг
В нем яркая лампада засветилась, —
Прошальный дар твоих любимых рук, —
И мне любовь небесная открылась
В священном пламени страданий и разлук.

Мита».

Прошло некоторое время. Как-то Кетоки отправилась на праздник аннапрашан к своей племяннице. Омито остался дома. Он сидел в кресле, положив ноги на стул перед собой, и читал «Письма» Уильяма Джеймса, когда Джотишонкор принес ему письмо от Лабонно. В нем сообщалось, что свадьба Лабонно и Шобхонлала будет отпразднована через полгода, в месяце джойштхо, в горах Рамгарх. На обороте были стихи:

Неумолимый Времени возница
Меня увозит вдаль, и темнота
Распахивает надо мной крыла.
Ты слышишь, как грохочет колесница?
Ты слышишь, друг? Сегодня я не та,
И мне иной рассвет сегодня снится, —
Я тысячу смертей пережила!
Напрасно ты о прошлом вспоминаешь:
Нет прежней Лабонно, — об этом знай!
И ты меня при встрече не узнаешь.
Мой друг, прощай!

Но, может быть, когда-нибудь весною,
Когда в росинках, как в слезах, цветы
Доверчиво раскроют лепестки.
Заглянешь ты в туманное былое, —
Увидишь там не слабый свет мечты,
А пламя сердца, вечное, живое,
Пылающее смерти вопреки!
И пусть меняется все в этом мире бренном,
Пусть ухожу все дальше в дальний край,
Мой дар тебе пребудет неизменным,
Мой друг, прощай!

Я все тебе дала! Из смертной глины
Сам изваяй богиню для себя
И в храме сердца поклоняйся ей.
Не оскверни твой храм, рукой не двину,
Слезинки я не уроню, скорбя,
Не заглушу напев священной вины
Печально безысходною моей.
Все к лучшему, и ты разлуку нашу
Не смей оплакивать со мною, — обещай!
Я вновь могу наполнить жизни чашу.
Мой друг, прощай!

Я не одна. Он добрыми руками
Мне собирает бледный свет луны,
Он все простил, и я воскресла вновь.
Со всеми слабостями и грехами,
Какие есть, друг другу мы нужны;
Очаг домашний, кров над головами, —
Смиренна наша тихая любовь.
А ты, мой друг, любовник вечный мой,
Ты предпочел безмерный дар, иной,
Неуловимый, яркий, как зарница,
Нам озарившая на миг небесный рай!..
Тот миг был щедр, и я твоя служница.
Прощай, мой друг, прощай!

Бонне.

ПЬЕСЫ

1929—1932

КЛУБ ХОЛОСТЯКОВ

Перевод

Ф. Менделесона и Ю. Рощуна

Под редакцией

В. Гороновой

Стихи в переводе

Ф. Менделесона

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Чондромадхоб-бабу, он же просто Чондробабу — председатель Клуба холостяков, преподаватель колледжа в Калькутте.

Шриш }
Бинин } члены Клуба холостяков.
Пурно }

Нирмола — незамужняя племянница Чондробабу.
Джоготтарини — вдова.

Муккерджи Оккхойкумар (Оккхой) —
зять Джоготтарини.

Пуробала — жена Оккхоя, старшая дочь Джо-
готтарини.

Шойлобала (Шойла) — овдовевшая дочь Джо-
готтарини.

Нрипобала (Нрипа) } незамужние дочери
Ниробала (Нира) } Джоготтарини.

Рошик Дада (Рошик) — дальний родственник
Джоготтарини по отцовской линии.

Дарукешшор | молодые люди из благородных
Мриттунджой | семейств.

Бономали — сват.

Гурудаш — учитель музыки.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ГОСТИНАЯ В ДОМЕ ОКХОЙКУМАРА И ПУРОБАЛЫ.

Пуробала. Конечно, будь это твои сестры, ты не сидел бы сложа руки. Ты бы, наверное, каждый день приводил для них женихов. Но, к сожалению, это не твои, а мои сестры...

Окхой. Ах! Как ты проницательна! Подумать только, в таком юном возрасте и уже поняла, что для меня родные сестры и какие-то своячницы совсем не одно и то же! Именно поэтому, дорогая, у меня и нет ни малейшего желания подыскивать женихов для твоих сестриц. Что поделаешь, не хватает у меня родственных чувств!

Пуробала. Послушай, Окхой, давай заключим с тобой договор.

Окхой. Но ведь мы уже заключили вечный договор в день свадьбы, когда читали мантры. К чему нам еще один?

Пуробала. Да нет же! Договор, который я предлагаю, не так страшен. И надеюсь, он не будет столь тягостным...

Окхой. Ну что ж, тогда говори яснее.

(Поет.)

Как угадать,
Как прочитать
Слова в глазах немых?
Как мне узнать
Мысли твои,
Если скрываешь их?

Пурабала. Довольно, прошу тебя, перестань! Нежели с тобой нельзя говорить ни о чем серьезном?

Оккхой. Если позволить жене говорить о серьезных делах, она сразу же потребует купить ей браслет. А я -- сын бедняка.

(Поэт.)

Меня всегда терзает страх,
Что я прочту в твоих глазах
Какой-нибудь приказ.
Вот отчего при встрече я,
Волненье в сердце затаю,
Не поднимаю глаз!

Пурабала. Ах, так? Ну, и уходи!

Оккхой. Полно, не сердись. Говори, я тебя слушаю. Если ты решила открыть кампанию по борьбе с шутками, я тебя всецело поддерживаю и обязуюсь отныне быть самым скучным и почтительным супругом. Итак, на чем мы остановились? Ах, да -- замужество своячениц! Я весь внимание...

Пурабала. Пойми же наконец: после смерти отца мать надеется только на тебя. Ведь это по твоему совету она до сих пор заставляет девушек учиться. И если ты не пайдешь им подходящих женихов, это будет просто нечестно!

Оккхой. Я тебе уже говорил: незачем об этом беспокоиться! Пусть будущие мужья твоих сестер еще попасутся на воле в стаде.

Пурабала. В каком это стаде?

Оккхой. В том самом, откуда и ты привела меня, несчастного, в свой коровник, -- в нашем Клубе холостяков.

Пурабала. Но ведь они все там противники всемогущего бога любви!

Оккхой. Э, какие они противники! Им ли всерьез враждовать с богом! Они только задирают его; может быть, потому он и благосклонен к холостякам. Под тяжелым гнетом своего обета члены клуба варятся в собственном соку, словно мясо в закрытой кастрюле. Они давно размякли до самых костей и вполне созрели для брака -- остается лишь положить их на свадебное блюдо.

Р. Тагор в Шантиникетоне

1934

Мне ли этого не знать, если я сам был председателем их клуба!

Пурабала. Ну и как? Тебе это нравилось?

Окхой. И не вспоминай! Вступая в клуб, они клялись даже не произносить слова «женщина». Но увы, скоро каждый из нас только и мечтал, как бы завести любовный разговор если не с прекрасной пастушкой Кринкны, то хотя бы с одной из ведьм злой богини Кали... Вот тут я и встретил тебя.

Пурабала. Но теперь ты, надеюсь, наговорился о любви?

Окхой. Как сказать, похвастать нечем. Одно несомненно: надо мною сжалилась именно богиня Кали.

Пурабала. В таком случае, и я скажу: из всех бесчисленных подданных Шивы мне достался такой подарок...

Окхой. Настоящий красавец!

Пурабала. Опять ты со своими шутками?

Окхой. Какая же это шутка? Клянусь, это святая правда!

Входит Шойла.

Шойла. Ах, вот вы где! Господин Окхой, защитите своих маленьких девочек!

Окхой. Если они действительно нуждаются в защите — я готов. А что, собственно, случилось?

Шойла. Дядя Рошик получил очередной нагоняй от матери и раскопал где-то двух женихов из благородных семейств. Он пригласил их сюда, и теперь мать хочет выдать за них наших девочек.

Окхой. О, боги, что за напасть! Настоящая эпидемия замужеств: в одном доме покушение сразу на двух девиц! Так, чего доброго, и меня выдадут замуж!

(Поет.)

Ах, как мне страшно-страшно,
Мой суженый так близко,
Не знаю, жить мне или умереть;
Мне страшно быть с ним рядом
И встретиться с ним взглядом,
Ах, лучше на него мне не смотреть!

Шойла. Он еще шутит! Нашел время для песенок!

Окхой. Что же делать, я не умею играть на свадебной флейте, а то бы сыграл. А почему бы и не сыграть? Дело хорошее — сразу две свадьбы в доме. Только почему такая спешка?

Шойла. Потому что после месяца бойшакх для свадьбы не будет благоприятных дней до следующего года!

Пуробала. О свадьбе рано еще загадывать. Надо сначала посмотреть женихов.

Входит Джоготтариини.

Джоготтариини. Сын мой, Окхой!

Окхой. Что, ма?

Джоготтариини. Я больше не могу делать все по-твоему, не могу держать девочек дома!

Шойла. Что же, ты собираешься их выгнать?

Джоготтариини. Как можно так говорить? Поп-слушать и то страшно! Но скажите, зачем Шойлобале все эти экзамены? Ведь она вдова! К чему ей всякие науки?

Окхой. О, ма, даже в шастрах сказано, что над женщиной всегда тяготеет какое-нибудь проклятие: либо муж, либо учитель, либо ее собственные капризы. Вспомни, к примеру, богиню Лакшми! Она была женой бога Вишну и не нуждалась ни в учении, ни в книгах, зато ее неотступно преследовал муж. У богини Сарасвати, наоборот, мужа не было, зато ей пришлось посвятить себя наукам.

Джоготтариини. Говори что хочешь, только в ме-сяце бойшакх я непременно выдам дочек замуж!

Пуробала. И правильно сделаешь, ма. Чем скорее сосватаешь девушек, тем лучше!

Окхой (*в сторону*). Пожалуй, она права, если вспомнить, что шастры запрещают им выходить замуж дважды, то, конечно, нужно спешить: а вдруг это единственная возможность, и они ее упустят!

Пуробала. Что это ты болтаешь? Смотри, услышит ма!..

Джоготтарини. Сегодня дядя Рошик приведет женихов. Пойдем, доченька, нужно приготовить угощение.

Джоготтарини и Пурабала уходят.

Шойла (Оккхюю). Вот видишь: больше медлить нельзя! Надо сейчас же заняться этим Бипином-бабу и этим Шришем-бабу из твоего Клуба холостяков. Такие милые молодые люди, а главное — ну прямо созданы для Нрипы и Ниры. И нужно поспешить: ведь в конце месяца чайтра ты снова займешься делами, уедешь куда-нибудь в Симлу. И тогда уж мать никто не удержит.

Оккхой. Так-то оно так, да боюсь, как бы их не отпугнула такая поспешность. Чтобы из яйца вылупился цыпленок, мало просто разбить скорлупу: яйцо надо высидеть, а для этого требуется время.

Шойла. Хорошо, заботу об ускоренном выведении цыплят я беру на себя!

Оккхой. Что-то не понимаю...

Шойла. В каком доме клуб твоих холостяков, в десятом? Значит, если идти по крышам, то прямо через голову нашего чудака-соседа? И прекрасно! Я переоденусь мужчиной, вступлю в их клуб, и тогда посмотрим, долго ли он еще просуществует!

Оккхой. Если ты станешь членом клуба, я бы тоже хотел вступить туда снова, хоть в новом рождении. Однажды я попался в руки твоей старшей сестры, но теперь хотел бы попасть в твои! Ах, сердце мужчины беззащитно перед стрелами прекрасных глаз!

Шойла. Господин мой Муккерджи Оккхойкумар, нельзя быть таким старомодным! Все эти «стрелы прекрасных глаз» давно устарели. Теперь в ходу иное оружие, и стратегия тоже не та!

Входят Нри побала и Ниробала. Нрипа — медлительная, томная; Нира — ее прямая противоположность: кипучая, веселая, непоседливая.

Нира (обнимает Шойлобалу). Шойла, дорогая, скажи, кто к нам сегодня придет?

Нрипа. Господин Муккерджи, в доме готовят угощения, — это у вас сегодня гости?

Оккхой. Ты, видно, совсем заучилась, если перестала понимать такие простые вещи. Знаешь, какая сила притягивает к земле метеоры? А что привлекает гостей в дом номер восемнадцать по улице Модхумистри, не знаешь?

Нира. Поняла, поняла! Сестрица Нрипа, сегодня придет твой жених. Недаром у меня с утра чесался левый глаз!

Нрипа. Почему же мой жених, если глаз чесался у тебя?

Нира. Ах, сестрица, потому что, если бы к тебе пришел жених, я была бы так счастлива! Но там готовят угощения на двоих. Неужели их придет двое и ты будешь выбирать?

Оккхой. Смею полагать, что наша добрая младшая сестрица тоже не будет обижена.

Нира. Правда? Ах, господин Муккерджи, какое счастье! Чем отблагодарить вас за радостную весть? Возьмите мое ожерелье, возьмите все браслеты!..

Шойла. Не делай этого! Что за невеста без украшений!

Нира. Господин Муккерджи, может, нас по случаю прихода женихов освободят сегодня от уроков. Хи-хи! Ведь придут женихи!

Нрипа. Ну что ты все болтаешь: «женихи» да «хи-хи»!

Оккхой. Вот за это я и прозвал ее болтушкой-хокотушкой! О хохотушка, неужели тебе мало одного вечного жениха, то есть меня, ибо ты ведь знаешь, что мое имя «Оккхой» означает «постоянный, вечный»? Судьба благословила тебя и твоих сестер таким женихом, а ты...

Нира. А мне хочется своего собственного!

Нрипа. Да успокойся ты, болтушка! Господин Муккерджи, скажите нам, когда они придут! Только скажите сразу, а то видите, моя сестрица уже места себе не находит.

Нира
(поет)

Не сплю я ночи напролет,
Не знают сна глаза:
А вдруг придет он и уйдет,
Ни слова не сказав!

О к к х о й. Не бойся! Уйдет один, придет другой. Если есть огонек, отыщется и мотылек, который на него привлечет. Но продолжай!

Нира
(поет)

Обречена с пим рядом жить,
Так близко от него,
Но не могу ему открыть
Я сердца своего.

О к к х о й. О Нира, твоя песня ис о том, кто должен сегодня прийти! Но кто же он, этот твой сосед?

Нира
(поет)

Чтоб путник, сбившийся с пути,
Не повернул назад,
И от меня не мог уйти
И покаянье принести, —
Не знают сна глаза.

О к к х о й. Похоже, это про меня... Милая, но ведь я же сбылся с пути совершенно сознательно и ни в чем не собираюсь каяться!

Нира
(поет)

Сломав замок, ворвался он,
Чтоб на заре уйти, как сон;
Безумца разлучит с мечтой
Рассвета бирюза:
Любовь уходит с темнотой,
Не удержать ее мольбой,
И потому в тиши ночной
Не знают сна глаза.

О к к х о й
(поет)

О нет, о нет, о нет!
Оставь свою тревогу:
О нет, я не уйду,
Когда придет рассвет,

А если и уйду,
То к твоему порогу
Вернусь, когда опять
Дневной померкнет свет.
То утренний рассвет,
То полумрак вечерний,
То радость, то печаль, —
Душа, — как на качелях...
Но ты всегда верна,
Верна и неизменна,
И ждешь меня без сна,
Глаз не смыкая, ждешь!
И где бы ни был я,
Вернусь я непременно;
Лишь одного боюсь:
Что ты сама уйдешь...

Нира. Значит, я могу спать спокойно?

Оккхой. О конечно! Иди с миром и ни о чем не тревожься.

Нриобала и Ниробала уходят.

Шойла. Послушай, Муккерджи, я ведь не шутила: я и в самом деле хочу вступить в Клуб холостяков. Хорошо бы только найти там кого-нибудь знакомого... Тебя-то, наверное, туда уже и не впустят?

Оккхой. Разумеется! Я ведь согрешил. Это твоя старшая сестрица ввела меня в искушение и лишила рая.

Шойла. Ну что ж, тогда придется обратиться к дяде Рошику. Он хоть и не член клуба, но все равно остается холостяком, причем совершенно добровольно.

Оккхой. В этом все и дело! Но помяни мое слово: едва он вступит в клуб, как сразу же нарушит обет безбрачия. Вынь рыбу из воды — погубишь; дай обет — нарушишь!

Входит дядя Рошик, долговязый, лысый, с седыми усами.

А, вот он, этот старый нечестивец, бездельник и плут!

Рошик. Что с тобой? Что ты трубишь, как дикий черный слон?

Оккхой. Сам ты слон! Ведь это ты собираешься вытоптать цветник моих своячениц.

Шойла. В самом деле, дядя Рошик, зачем это тебе?

Рошик. Ох, друзья, что же я могу сделать? С каждым годом племянницы мои становятся старше, а их мать почему-то винит в этом меня. Говорит, что я только силу да ем. А если я перестану есть, женихи найдутся? Как бы не так! И племянницы не станут моложе. Тем более, что отсутствие женихов не мешает им есть и пить с отменным аппетитом! Помнишь, Шойла, что сказано у Калидасы:

Когда опавшеею питаешься листвой,
К саньяси ты безмолвно приближаешься.
Но Дурга отказалась и от листьев,
И все, кто прежде знал Сладкоречивую,
Ее Апарной стали называть —
Той, кто и листьев даже не вкушает.

Видишь, милая, даже Дурга отказалась от еды и питья, чтобы этим подвигом заслужить себе жениха. А они? Несужели мать думает, что ради женихов для ее дочек от еды должен отказываться я, старый человек? Помнишь? «Дурга отказалась и от листьев». Но то — Дурга, а то — я!

Шойла. Ах, дядя, Калидаса сейчас не в моде!

Рошик. В таком случае сейчас плохие времена.

Шойла. Вот поэтому я и хочу с тобой посоветоваться.

Рошик. Посоветоваться? Пожалуйста! Хочешь, чтобы я сказал «да», — скажу «да». Хочешь, чтобы я сказал «нет», — скажу «нет». Я всегда соглашаюсь с другими, поэтому каждый считает меня таким же умным, как он сам.

Оккхой. Ты, я вижу, весьма искусно оберегаешь свою репутацию мудреца, хотя право на нее тебе дает разве что твоя лысина.

Рошик. У меня есть и другое достоинство. Говорят: «Глупец в собранье величав, пока он тих и молчалив». Поэтому при посторонних я стараюсь помалкивать.

Шойла. И за это вознаграждаешь себя разговорами с нами?

Рошик. Увы, отпираться не стану. Ты поймала меня на слове.

Шойла. А раз поймала, тогда пойдем! Будешь делать все, как я скажу.

Рошик. Пожалуйста, хотя меня и так ничего не страшит. Я отыскала таких благовоспитанных женихов из таких благородных семейств, что они в тысячу раз невыносимее их свата. Наша старая мать, как только увидит их, сама организует для своих дочек Клуб старых дев. Кстати, вот она меня зовет. Иду, иду!

Рошик уходит.

Шойла. Послушай, Муккерджи...

Окхой. Я весь внимание!

Шойла. Надо любыми способами избавиться от этих благовоспитанных женихов из благородных семейств.

Окхой. Будет исполнено!

(Поэт.)

Ты богиня моя единственная,
Поклоняются тебе многие,
Но приходят они и уходят они,
А с тобою рядом один лишь я.

Шойла (смеясь). Единственная богиня!

Окхой. Ну пусть не единственная, пусть даже вас вместе с моей женой будет четверо, ведь в шастрах говорится: «Нет плохого в избытке!»

Шойла. А сам ты, конечно, останешься в единственном числе, — избыток мужчин, по-твоему, ни к чему?

Окхой. На этот случай в шастрах имеется другое священное изречение: «Все чрезмерное пагубно».

Шойла. Однако, почтеннейший господин Муккерджи, от этого священного изречения скоро придется отказаться: вот выдадим девочек замуж, и у тебя появятся новые друзья-родственники...

Окхой. Да, да, тогда вместо одного шурина будет целая куча! Но, надеюсь, меня от этого спасет какое-нибудь новое священное изречение. А пока я всяких там молодых людей из благородных семейств и близко не подпушу!..

Входит слуга.

Слуга. Там пришли два господина...

Уходит.

Шойла. Это, верно, они! Пока Пуробала с матерью в кладовой, спровадь их, пожалуйста, отсюда!

Окхой. А какая мне будет за это награда?

Шойла. Мы, сестры, присвоим тебе титул царя Шаливаханы.

Окхой. Значит, я буду Шаливаханой Вторым?

Шойла. Почему же Вторым? Имя настоящего Шаливаханы забудут, и ты станешь единственным Шаливаханой Великим!

Окхой. Да неужто? И с меня начнется новое летосчисление? Ай-ай-ай!

(Поет.)

Взглядом щедрым царственный знак
Начертай на челе моем;
Получив от тебя тилак,
Я великим стану царем.

Шойлобала уходит.

Появляются Мриттунджен и Дарукешшор. Первый — необычайно высокий, худой, с темными кругами под глазами и желтым лицом мальрика; на нем непомерно широкое дхоти, из-под которого выглядывают английские ботинки. Второй — толстый коротышка, очень смуглый, круглицы и весь заросший густой бородой. Одному можно дать за двадцать, другому — под тридцать.

Окхой вскакивает и энергично пожимает им руки.

Окхой (*чрезвычайно любезно*). Добро пожаловать, мистер Натаниэл! Добро пожаловать, мистер Джереми! Рад вас видеть! Присаживайтесь, пожалуйста. Эй, подать уважаемым гостям воды со льдом и ... трубку!

Мриттунджен (*смузенный тем, что его приняли за англичанина*). Прошу прощения, но меня зовут Мриттунджен Гангали...

Дарукешшор. А меня — Дарукешшор Мукхопадхай!

Окхой. Фи, господа! Неужели у вас еще в ходу такие имена? А как вас зовут по-христиански?

Гости в изумлении молчат.

Оккхой. Видно, вы еще не получили христианских имен. Ну ничего, это дело поправимое!

Протягивает Мриттунджаю длинный чубук;
 тот в нерешительности.

Да вы меня не стесняйтесь! Я сам с семи лет потихоньку покуривал, а теперь завязанный курильщик, прокоптился насеквоздь. Если бы я стеснялся, мне бы и показаться нельзя было в приличном обществе.

Дарукешшор, осмелев, выхватывает у Мриттунджа трубку и шумно затягивается. Оккхой подает Мриттунджаю крепкие бирманские сигары; тот не умеет курить, но, боясь показаться смешным, тоже с опаской затягивается, еле удерживая кашель.

Ну, а теперь поговорим о деле. Что скажете, уважаемые?

Дарукешшор. Что же тут говорить? Сказано: «Благое дело спеши исполнить».

Оккхой (серъезно). А что вы предпочитаете, курятину или барапину?

Мриттунджой, остолбенев, почесывает голову.

Дарукешшор (*ничего не поняв, разражается смехом*). Ха-ха-ха!

Оккхой. В чем дело, мистер? Чему вы смеетесь? Впрочем, конечно, ваша вера запрещает все это. Вы даже не знаете, чем пахнут такие блюда. Ну, ничего, когда подадут, понюхаете! Так что же вы решили — курятина или барапина?

Только теперь женихи сообразили, что речь идет об угощении. Мриттунджой робко молчит, зато Дарукешшор сразу загорелся, закивал головой.

В самом деле, чего тут бояться? К чему этот ложныйстыд?

Дарукешшор (*со смехом хлопает себя по ляжкам*). Мне — курицу! Куриные котлеты — обедение!

Мриттунджой (*осмелев*). А чем хуже барапина? Барапни отбивные — вот это да! Мне — отбивные!

Оккхой. Не беспокойтесь, друзья, будет вам и то и другое. А так есть — с оглядкой — какая же радость?

Эй, слуга! Позови-ка мне Колимодди из отеля, что на углу!

Слуга уходит.

(Игриво подталкивает Мриттунджа.) А что будем пить? Херес? Пиво?

Дарукешшор. А разве виски не будет?

Окхой (хлопает его по спине). Что вы, как можно без виски? Да я без виски и дня не проживу!

(Поет.)

Если ты не прочь, друг мой,
Выпьем по-английски:
На стаканчик содовой
Три стакана виски!

Худосочный Мриттунджой через силу улыбается; Дарукешшор же, схватив какую-то книгу, отбивает по ней ладонью такт.

Дарукешшор. Погоди-ка, брат. А ну теперь я!

(Поет.)

Если ты не прочь, друг мой,
Выпьем по-английски...

Окхой (подталкивая Мриттунджа). Ну, а ты что же? Давай подпевай!

Смущенный Мриттунджой негромко подпевает.
Окхой барабанит по столу.

(Внезапно став серьезным). Простите, я ведь не спросил о самом главном. Мы-то на брак согласны, но каковы ваши условия?

Дарукешшор. Мы хотим побывать в Англии.

Окхой. Ну, за этим дело не станет. Как говорится, не сияв проволоки, шампанское не откроешь. В Индии разум таких образованных людей, как вы, скован. Надо снять с вас оковы, как проволоку с шампанского, и тогда ваша мудрость так и ударит всем в нос!

Дарукешшор (обрадованно пожимает Окхою руку). Вот именно, брат, вот именно! Ну, так как же?

Окхой. Что ж, это нетрудно. Только вам сегодня же надо окреститься.

Дарукешшор (продолжая смеяться). То есть как это?

Оккхой (несколько удивленно). Разве вы не знаете, что преподобный Бишшаш будет у нас сегодня же вечером? Как же он обвенчает вас по христианскому обряду, если вы некрещеные?

Мриттунджой (перепуганно). Зачем по христианскому обряду?!

Оккхой. Да вы что, с неба свалились? Ну, довольно! Вы сегодня же должны окреститься — это мое непременное условие!

Мриттунджой. Разве вы христиане?

Оккхой. Перестаньте притворяться! Как будто вы не знали!

Мриттунджой (в панике). Простите, но ведь мы — дети брахманов, нас могут лишить касты!

Оккхой (резко). Что такое? Какая еще каста? Сначала вы соглашаетесь есть курицу из ресторана, которую неизвестно кто готовил, и собираетесь в Англию, а теперь вдруг начинаете толковать о какой-то касте!

Мриттунджой (растерянно). Тише, тише, прошу вас... Вдруг кто-нибудь услышит!

Дарукешшор. Не сердитесь на нас, пожалуйста! Мы сейчас посоветуемся. (*Отводит Мриттунджа в сторону.*) Послушай, ведь когда мы вернемся из Англии, нам так и так придется очищаться от скверны. Так не все ли равно? Семь бед — один ответ. Совершим тогда двойное очищение и вернемся в нашу веру. А если сейчас упустим случай — когда еще мы попадем в Англию! Ты же сам знаешь, сколько мы ни сватались, ни в одном доме никто на это не соглашался. Да если на то пошло, раз я курил трубку христианина, мне только и остается окреститься! (*Возращается к Оккхою.*) Так вот, значит, если насчет поездки в Англию решено, я согласен принять христианство.

Мриттунджой. Я тоже, но только не сегодня.

Дарукешшор. Чему быть, того не миновать, а чего не миновать, то лучше сделать поскорее. Я всегда говорю: «Благое дело спеши исполнить».

В глубине появляются женщины, слуги вносят поднос с фруктами, сладостями, лепешками и водой со льдом.

Что это? Неужели мне снять не повезло и обещанная курица улетела? А где бараны отбивные?

Окхой (*ласково*). На сегодня хватит и этого.

Дарукешшор. Как же так? Сначала обнадежили нас, а теперь... Неужели в этом доме женихам не подадут даже отбивной? А это что? Вода со льдом? Нет, нет, я боюсь простудиться, да и воду мой организм не переносит.

(*Поет.*)

Если ты не прочь, друг мой,
Выпьем по-английски...

Окхой (*подталкивает Мриттунджоя*). А ты что молчишь? Давай, подпевай!

Женихи поют.

(Когда песня стихает, показывает на угощение.) Право же, и это не плохо! Чем не пир?

Дарукешшор (*с беспокойством*). Нет, нет! Эта пища для больных, а нам она не годится. Индия потому и погибла, что индийцы не ели мяса.

Окхой

(*наклонившись к его уху, негромко поет*)

Что же будет с Индией,
Как нам жить на свете
На одних бобах с водой
И рисовой диете?

Дарукешшор, оживившись, подхватывает песню. Окхой подталкивает Мриттунджоя, и он тоже начинает подпевать.

(Снова поет на ухо Дарукешшору.)

Засухи и голод,
Нищета на улице, —
Перейдем на виски с содой
И барана с курицей!

Дарукешшор поет эти строки во весь голос, Мриттунджой, подталкиваемый Окхоем, кое-как подпевает.

Окхой
(так же тихо подсказывает слова)

Уходи, обритый брахман,
С голой головой,
Приходи к нам Колимодди
С длинной бородой!

Пока женихи с азартом поют, из-за двери доносятся какие-то звуки: Окхой искоса поглядывает на внутреннюю дверь. Под конец песни на пороге показывается Колимодди с грязной салфеткой в руках и кланяется.

Дарукешшор (*к Колимодди*). А, вот и ты, дядюшка! Ну, чем ты нас сегодня порадуешь? Отбивными или какой-нибудь травой? Что скажешь, Окхой-бабу?

Окхой (*продолжая смотреть на внутреннюю дверь*). Это уж вам выбирать!

Дарукешшор. А если нам, то я не откажусь ни от травки, ни от баранины, ни от курицы!

Окхой. Конечно, конечно, для вас все блюда хороши!

Колимодди, поклонившись, уходит.

(*Повышая голос*.) Итак, мистеры, значит, вы сегодня вечером хотите принять христианство?

Дарукешшор. Да! Такое уж у меня правило: «Благое дело спеши исполнить». Я сегодня же стану христианином! Сейчас же! И тогда начнется другой разговор. Надоели мне эти овощи без мяса! Зовите скорей священника!

(Поэт.)

Уходи, обритый брахман,
С голой головой!
Приходи к нам Колимодди
С длинной бородой!

Входит слуга.

Слуга (*на ухо Окхою*). Вас зовет хозяйка.

Окхой подходит к двери, где его встречает
Джоготтарини.

Джоготтарини. Что это? Что у вас там происходит?

Окхой (*с серьезным видом*). После, ма, после, а сейчас надо достать виски! Женихи требуют — что поделаешь! У тебя не осталось бренди, которым ты растираешь ногу?

Джоготтарини (*пораженная*). Что ты говоришь, сын мой! Неужели ты хочешь дать им это бренди?

Окхой. А что мне делать, ма? Ты ведь сама слышала: один боится от воды со льдом схватить насморк, а другой вообще не может жить без спиртного.

Джоготтарини. А что они там болтают о крещении? Уж не собираются ли они креститься?

Окхой. Да, понимаешь, они говорят, что индуистам приходится есть всякую там зелень, а у них от такой пищи животы болят.

Джоготтарини (*обомлев*). Так неужели ради того, чтобы съесть какую-то курицу, они готовы креститься? И ты это допустишь?

Окхой. Что же делать, ма? Иначе они рассердятся и уйдут — потеряем сразу двух женихов. Придется уступить. (*К Пуробале.*) Боюсь только, что они и меня заставят с ними выпить...

Пуробала. Гони их! Гони прочь!

Джоготтарини (*встревоженно*). Сынок, в нашем доме никто никогда не ел кур. Ах, зачем я только доверилась дяде Рошику? Отыскал, называется, женихов... Никогда не сделает ничего путного!

Женщины уходят. Обернувшись, Окхой видит, что оробевший Мриттунджой пытается в последний момент улизнуть и Дарукешфор удерживает его за руку.

Мриттунджой (*Окхою, недовольно*). Нет, не хочу я принимать христианство! И жениться тоже не хочу!

Окхой. Кто же вас заставляет?

Дарукешфор. А вот я хочу!

Окхой. Креститься? Ну и ступайте себе в церковь. А в нашем роду христиан еще не бывало.

Дарукешфор. Но вы сами говорили о каком-то преподобном Бишаше!..

Окхой. Да, да. Он живет возле базара Терити, я сейчас дам вам адрес.

Дарукешшор. А как же моя свадьба?

Оккхой. Будет, будет. Только не в этой семье.

Дарукешшор. Значит, вы над нами смеялись? И мой обед?..

Оккхой. Будет, будет. Только не в этом доме.

Дарукешшор (с надеждой). Может быть, хотя бы в отеле?

Оккхой. Это можно. Вот вам. (*Сует Дарукешшору несколько рупий и выпроваживает обоих женихов.*)

В комнату влетает Нира, увлекая за собой Припу.

Нира. Господин Муккерджи, моя сестра ни за что не хочет упускать таких женихов!

Припа (щелкает сестру по лбу). Не выдумывай, болтушка, все равно тебе никто не поверит!

Оккхой. Не беспокойся, дорогая, я уж как-нибудь сам разберусь, чему верить, а чему нет.

Нира. Но откуда взялись эти двое? Что это, шутка дяди Рошика или кто-нибудь из них в самом деле собирается осчастливить мою сестричку?

Оккхой. О нет! Не всякая стрела попадает в цель. Будем считать, что бог любви только пристреливается и на сей раз промазал. Поначалу бывает. Твоя старшая сестрица тоже ведь не раз забрасывала удочку, и, наверное, не одна рыбка у нее сорвалась... Только я, несчастный, проглотил крючок! (*Хлопает себя по лбу.*)

Припа. Что же, значит, теперь бог любви будет упражняться в стрельбе каждый день? Тогда нам житья не станет!

Нира. Не расстраивайся, дорогая! Ведь не всякий раз ему промахиваться: когда-нибудь да попадет в цель!

Входит Рошик.

Ну, дядя Рошик, теперь мы постараемся найти тебе невесту!

Рошик. О, я буду счастлив!

Нира. Посмотрим. Мы уж позаботимся о твоем счастье. Когда живешь под соломенной крышей, не старайся поджечь каменный дом соседа. Запомни, дядюшка, у нас для тебя всегда найдется горящий уголек! Если будешь

с нами ссориться, мы тебя так женим, что у тебя последнее волосы вылезут!

Рошик. Ну что ты, дорогая! Подумай сама: ведь вы потому и отделались так легко, что я привел к вам самых отъявленных оболтусов, — вся глупость их как на ладони. Скрытый дурак куда опаснее.

Оккхой. Что правда, то правда. Сначала я тоже побаивался, но стоило их погладить по шерстке, как они сразу завиляли хвостами. Кстати, дядя Рошик, что тебе сказала по этому поводу мать?

Рошик. М-м, вряд ли это будет вам интересно. В общем, мы под конец решили, что она поедет к своим родственникам в Бенарес — может быть, там найдет женихов, — а заодно поклонится святым местам.

Нира. Это правда, дядя? Значит, новых смотрин пока не будет?

Нрипа. А сегодняшних тебе мало?

Нира. Конечно, мало! Чем больше видишь разных людей, тем лучше в них разбираешься. А тебе, сестрица, это необходимо, чтобы не ошибиться в том, за кого ты выйдешь замуж!

Нрипа. Смотри не ошибись сама, а за меня не беспокойся.

Нира. Ну что ж, можно и так: ты будешь заботиться о себе, а я — о себе, только пусть дядя Рошик больше о нас не заботится!

Нира и Нрипа уходят. Появляется Шойла.

Шойла. Дядя Рошик, я хочу с тобой посоветоваться.

Оккхой. Ах, вот как? Значит, я тебе уже не нужен? Ну, понятно: ведь у нас есть государственный ум — дядя Рошик!

Шойла (*смеясь*). Ну о чем же советоваться с тобой? Совета спрашивают у стариков.

Оккхой. У стариков? В таком случае я снимаю свою кандидатуру на пост государственного советника. (*Неожиданно громко затягивает песню.*)

Уж лучше буду собирать я цветики,
Сплетать гирлянды для твоих волос:
Я не гожусь по возрасту в советники
И до министра тоже не дорос!

Шойла. Дядя Рошик, мы должны с тобой вступить в Клуб холостяков. Я хочу, чтобы ты мне помог.

Рошик. Бог Вишну однажды обманул мужчину, приняв облик женщины. Если ты, женщина, сумеешь обмануть мужчину, надев мужской наряд, я перестану поклоняться Вишну и буду молиться на тебя до конца своих дней. Да, а вдруг узнает мать?

Шойла. Сейчас ей не до нас: она думает только о моих младших сестрицах, так что не беспокойся!

Рошик. Да, но я даже не представляю, как можно вступить в этот клуб!

Шойла. И об этом не беспокойся. Я уже отослала туда заявление и десять рупий — вступительный взнос. Но ты должен остаться, а не ехать с матерью в Бенарес.

Оккхой (*Шойле*). А вот об этом ты не беспокойся! Я ей подыщу попутчика.

Шойла. Спасибо. Кстати, Муккерджи, знаешь, когда ты заставил этих юнцов кривляться, словно обезьяны, а потом выставил, мне их стало даже жалко.

Оккхой. Обезьяны, Шойла, строят рожи только по божественному соизволению. Кстати, точно так же, как пишут поэты. Если тебе не суждено быть обезьянкой — хвост не отрастишь, а не суждено быть поэтом — стихов не напишешь.

Входит Пуробала с керосиновой лампой в руках.

Пуробала (*встряхивая лампу*). И как только слуга ухитряется так заправлять лампу? Все время мигает... Говори ему, не говори — все одно и то же!

Оккхой. Наверное, этот бездельник знает, что мне приятнее посидеть в темноте.

Пуробала. Свет тебя стесняет? Откуда такая застенчивость? Это что-то новое.

Оккхой. Наверное, слуга решил, что месяцу лампа не нужна — он и сам себе посветит.

Пуробала. Ого, каково самомнение! Может быть, еще прибавишь своему любимцу жалованье? А, дядюшка Рошик! Ну и натворил ты дел!

Рошик. Милая, женихов на свете много, да не все подходят. Вот я и привел двоих таких в виде примера,

Пурабала. Ты бы лучше вместо примеров привел двух подходящих женихов!

Шойла. О сестрица, это я беру на себя.

Пурабала. Догадываюсь. Если вы с Муккерджи о чем-то шепчетесь, значит, что-то затеяли.

Окхой. Конечно. А почему бы и нет, после сегодняшней сцены из обезьяньего эпоса? Тем более, что у нашей Ситы в обезьяньем царстве будет подлинный защитник.

Рошик. Мы собираемся проникнуть в город Ланку и подожжем их общество холостяков.

Пурабала. А кем там будет Шойла?

Рошик. Уж конечно, не Хануманом!

Окхой. Она будет самим огнем.

Рошик. И кто-то принесет его на своем хвосте.

Пурабала. Ничего не понимаю! Шойла, ты что, хочешь вступить в Клуб холостяков?

Шойла. Хочу.

Пурабала. Ты ведь женщина!

Шойла. Ну и что? Теперь и женщины вступают во всякие клубы и общества. Вот и я тоже решила сбросить сари, одеться по-мужски и...

Пурабала. Все понятно! Может быть, ты и волосы заодно обрежешь? Пожалуйста! Делай как знаешь, только я в этом неучаствую.

Окхой. И боже тебя избавь! Пусть становится мужчиной кто хочет, только не ты. Ты должна оставаться женщиной, иначе наш брачный договор будет нарушен и мне придется затеять громкий бракоразводный процесс!

(Поет.)

Вечная и юная луна,
Оставайся вечно неизменной
Со своей улыбкой непременной, —
Ты всегда такою мне нужна.
Твой нектар и свет хочу я пить,
Так что ты не вздумай измениться:
Ни с какой другой ночною птицей
Не желаю ложе я делить!

Рассерженная Пурабала уходит.

Оккхой. Пустяки! Погневается и отойдет.

Рошик
(нараспев)

Если от гнева нахмурены брови,
Даже в молчанье — упрек наготове;
Если улыбка лицо освещает,
Даже молчанье обиду прощает.

Шойла. Стихи чудесные, дядя Рошик! Но что такое настоящий гнев, это нашему многоуважаемому господину Муккерджи еще предстоит узнать!

Рошик. Душа моя, я согласен с ним поменяться местами. Пусть чудесные стихи читает господин Муккерджи и пусть твой гнев обрушится на меня, — я буду только счастлив!

Шойла. Господин Муккерджи!

Оккхой. Опять «господин Муккерджи»? Нет, нет, я лично не берусь вывести этих мудрецов-холостяков из экстаза самосозерцания!

Шойла. Мы это сделаем сами. Нужно только привести этих юных мудрецов к нам в дом.

Оккхой. Да? Вот так вот взять, поднять, повести и привести? Хорошенько дело! Самое трудное всегда почему-то валится на голову бедного господина Муккерджи.

Шойла (*смеясь*). Конечно, все самое трудное — на долю героя! Ведь когда понадобилось перенести гору Гандханадана, никто не стал об этом просить ни Налу, ни Нила, ни Ангада...

Оккхой. О несчастная, неужели ты не могла меня сравнить с кем-нибудь получше? И это называется любовь!

Шойла. Да, любовь.

Оккхой. Понятно, как в этой песне!

(Поет.)

Закрываю я глаза —
Мой урод передо мной,
И не нравится глазам
Уж никто иной!

Ну, ладно, так и быть, пригоню саранчу в огонь. А теперь принеси бетеля. Только пусть он будет приготовлен твоими руками.

Шойла. А почему же не руками твоей жены?

Окхой. Ее руку я получил еще в день свадьбы, а сейчас мне хочется ощутить заботу других прекрасных, как лотосы, рук.

Шойла. Повинуюсь, повелитель мой! Сейчас эти лотосы так приготовят тебе бетель, что твое неповторимое лицо станет еще неповторимей!

Окхой
(поэт)

Кому суждено сто раз умереть,
Тот на смертном одре сто раз умрет;
Мотыльку суждено столько раз сгореть,
Сколько раз огонь мотылька сожжет.

Шойла. Послушай, Муккерджи, что за бумажный шарик у тебя в руках?

Окхой. Шарик? А, да это же твое заявление в клуб и твои вступительные десять рупий! Я оставил это в кармане, а растяпа-прачка не посмотрел и так хорошо все выстирал, что теперь ничего не разберешь. Видно, этот негодяй — ярый противник эмансипации женщин!

Шойла. Вот именно, негодяй. Пойдем отсюда, дядя Рошик!

Шойла и Рошик уходят.

Окхой (один). Четыре сестры все мне дороги, и я не в силах думать ни о чем другом.

(Пост.)

Не знаю, что делать и как мне быть,
Все может забывчивый ум забыть,
Но темноокую и луноликовую
Даже забывчивому не забыть!

Входит Пуробала.

Жена моя, ты знаешь, что жена может совершать паломничество только к мужу. Он один священ для нее.

Пуробала. Твои наставления мне не нужны.
Я пришла сказать, что сегодня же уезжаю с мамой в Бенарес.

Окхой. Ничего себе, приятная новость! Вот и дари после этого жене шелка и шали...

Пуробала. Ах, ты расстроился? Боишься, что сердце твое не вынесет разлуки?

Окхой. Дело не в этом! То, что ты уезжаешь на несколько недель, я как-нибудь перенесу: в доме и без тебя найдется кому обо мне позаботиться. Я боюсь другого — что ты опередишь меня в святости, и гонцы Вишну, забыв обо мне, несчастном, вознесут тебя на небеса. Что же это за порядок, когда жена катается на райской колеснице, а на муже в аду ездят демоны и дерут его за уши!

(Поэт.)

Тебя небесные гонцы
С собою унесут,
А мне тащиться за тобой
Иль оставаться тут?
Поймал бы этих я гонцов
И так отделал наглецов,
Что Вишну не узнал бы сам
Своих гонцов в конце концов.

Пуробала. Довольно, перестань!

Окхой. Я-то перестану, но ты ведь все равно поедешь в Бенарес? Неужели в самом деле поедешь?

Пуробала. Поеду.

Окхой. Ну и времена! На кого же ты меня покидаешь?

Пуробала. На дядю Рошика.

Окхой. Вы, женщины, совершенно не понимаете, кого и кому можно доверять. Придется, видно, поискать самому, кто бы обо мне позаботился в твое отсутствие.

Пуробала. Думаю, что долго искать не придется.

Окхой. Мне тоже так кажется.

(Поэт.)

Но мне придется долго размышлять,
Кому же сердце бедное отдать,

Взгляну направо, — нет, влечет налево!
Взгляну налево, — нет, влечет направо!
И там и тут зовет красотка-дева, —
Возьму обеих, поразмыслив здраво.
Но ты, как будешь ночи коротать?
Страдать одна? Разлуку проклинать?

Пуробала. Хватит! Довольно с меня твоих песен!
Окхой. Я не могу молчать в эти минуты скорби!
Стихи сами просятся на язык. Если ты не любишь рифм,
пожалуйста, я перейду на белые стихи и, когда ты
уедешь, напишу поэму «Смерть печали» в подражание
автору «Смерти Мегханада». Это меня утешит. А пока —
вот начало.

(С пафосом декламируст.)

Воссев на колесницу огненную,
Пуробала, из женщин лучшая,
Отправилась в город Бенарес.
Скажи, богиня, нам, сладкоречивая,
Кого избрал в подруги этим вечером,
Имеющий красавиц трех своячениц
И молодой женой своей оставленный
Прекрасный наш Окхой?

Пуробала (с достоинством). Оставим эти шутки!
Написал бы лучше настоящую поэму, горе ты мое!

Окхой. Ну, если я твое горе, то ты — мое, и должен
тебе признаться, что, по здравому размышлению, я
пришел к выводу: горе — не для меня! А что касается
поэзии, то это дело нелегкое. Стихи почему-то не задерживаются
у меня в голове. Едва придумаю, тут же вылетают!

На дереве моем ты не найдешь плодов.
Ты спросишь, почему? Мне кажется, я знаю:
Не оставляя на ветвях цветов,
Я их гирляндами к твоим ногам слагаю.

Но ты мне не ответила, а я ведь любопытен. Скажи все-таки, с чего это ты вдруг решила ехать в Бенарес? Я уже готов простить гонцов Вишну, если ты им приглянешься, но не скажу того же про слуг Шивы — Владыки духов, супруга Кали. Герои, куда более достойные, чем я, вроде

Нанди и Бхринги, и те не могли их переносить при всей своей кротости!

Пурабала. Хорошо, я не поеду в Бенарес.

Окхой. Что я слышу? Неужели слугам Шивы, которые уже умерли и стали злыми духами, придется умереть вторично от разочарования?

Входит Рошик.

Пурабала. Что это дядя Рошик сегодня такой радостный?

Рошик. Милая, твой дядя радуется потому, что все еще холост. Радуюсь и все тут! А женатые смотрят на меня и завидуют.

Пурабала. Завидуют? Женатый, ты слышишь? Ответь-ка ему, как следует!

Окхой. А что этот старик понимает в семейных радостях! Они скрыты в глубочайшем тайнике, которого не отыскал еще никто, не исключая нас. Я уже сомневаюсь, существуют ли они на самом деле.

Пурабала. Ах так? Ну что ж, может быть, ты и прав! (*Рассердившись, хочет уйти.*)

Окхой ее удерживает.

Окхой. Умоляю, не надо ссориться при дядюшке, а то он еще больше заважничает! (*Обращается к Рошику.*) О ты, неискушенный в семейной жизни старик! Когда мы ссоримся, то естественно повышаем голос, поэтому нас слышно только, если мы ссоримся. Но когда уста немеют от любви, — сколько ни слушай, все равно ничего не услышишь!

Пурабала. Да замолчи ты!

Окхой. Когда перечисляют свадебные украшения, о них знают все, от хозяина дома до ювелира. Но когда весенней ночью возлюбленная...

Пурабала. Прошу тебя, замолчи!

Окхой. Но когда весенней ночью возлюбленная супруга...

Пурабала. Ну что за глупости ты болтаешь!

Окхой. Когда весенней ночью возлюбленная супруга грозит, что завтра ж вернется в дом отца, когда говорит, что не останется здесь ни минуты, что она так несчастна, что она...

Пуробала. Интересно, когда это твоя возлюбленная супруга грозилась вернуться в дом отца?

Оккхой. Ну, это уже начинает походить на экзамен по истории. Довольно и того, что я придумал факт, а придумывать еще и дату — уволь, я не настолько гениален!

Рошик (*к Пуробале*). Слышишь, душа моя? Он просто не может ни в чем тебя упрекнуть. Он, видите ли, не настолько гениален! Но если он не может сказать о тебе ничего плохого, значит, он думает о тебе одно хорошее.

Пуробала. Благодарю за пояснение, о великий толкователь! Но я, пожалуй, избавлю тебя от непосильного труда комментировать слова моего супруга. Дело в том, что ма в конце концов решила ехать в Бенарес с тобой.

Рошик. Со мной? Превосходно! В моем возрасте самое время посетить святые места. Тогда уж все ваши лукавые взгляды будут мне, старику, напочем, ибо помыслы мои устремятся к божественным стопам Шивы-Чандрачуры!

(Читает нараспев.)

Хватит с меня обольстительных, нежных
и жадных и сладостных взоров,
Ибо отныне я весь погружен в созерцание стоп
Чандрачуры.

Пуробала. Вот и хорошо! По крайней мере, будем знать, что на тебя можно и не смотреть. Ступай к стопам своего Чандрачуры, да поскорей, а не то позову маму!

Рошик (*скрестив руки*). Дорогая племянница, твоя мать приложила немало стараний, чтобы меня исправить, и все напрасно. Она поздно спохватилась! А сейчас я в самом опасном возрасте. Если женский взгляд не щадит никого, то мне и подавно нет спасения. Так что лучше твоей матери махнуть на меня рукой и спокойно ехать в Бенарес без меня. К чему ей лишнее беспокойство?

Входит Джоготтарини.

Джоготтарини. (*Оккхую*). Ну, сынок, я собралась.

Оккхой. Значит, все-таки уезжаешь, ма? Тут вот дядя Рошик уже горевал, что ты...

Рошик (с беспокойством). Он все шутит! С чего бы мне горевать?

Окхой. Разве ты не сокрушался, что хозяйка уезжает одна, без тебя?

Рошик. Это, конечно, да... Вообще-то, конечно, обидно... Но если ма в самом деле...

Джоготтарини. Нет уж, уволь! С тобой и дома мороки не оберешься, а в чужом городе... Нет, нет!

Пурбала. Вот и напрасно, мама! Если ты возьмешь дядю Рошика, он о тебе позаботится в дороге.

Джоготтарини. Да хранят меня боги от таких забот! Ничего мне не надо. Знаю я заботы дядюшки Рошика! Ни на что он не способен!

Рошик (про себя, поглаживая лысину). Ну вот, и ма почему-то сразу догадалась, что я ни на что не способен! Сломанное колесо всегда скрипит, и все вокруг знают, что оно сломано. Лучше бы мне помолчать, а то как начинаю скрипеть, все выходит наружу, ничего не скроешь!

Джоготтарини. Значит, я прямо сейчас отправляюсь к Харапам и еду вместе с ними на вокзал. Смотри, Пурно, не опоздай к отходу поезда!

Пурбала. Мама, я не поеду в Бенарес.

Джоготтарини растерянно смотрит на Окхоя.

Окхой. Что это значит, жена? Ведь маме без тебя будет трудно в дороге! (*Обращаясь к Джоготтарини.*) Да вы не беспокойтесь, ма! Я сам привезу Пурно на вокзал.

Успокоенная Джоготтарини уходит. Рошик пытается сделать приличествующее моменту печальное лицо, но тут появляется

Шойла, переодетая мужчиной.

Кто это? Простите, вы к кому?

Шойла. Будем знакомы, я близкий родственник вашей супруги. (*Пожимает Окхою руку.*) Ну что, господин Муккерджи, можно меня узнать?

Пурбала. Шойла? Просто невероятно! И тебе не стыдно?

Шойла. Нет, сестрица. Ведь стыд — украшение женщины, а раз я надела мужской наряд, мне теперь стыд ни к чему! Вот если бы господин Муккерджи оделся женщиной, он мог бы сгореть со стыда. Ну, дядя Рошик, почему ты молчишь?

Рошик. О Шойла, ты словно юный Камадева, воплощенный бог любви! Я привык в тебе видеть только Шойлу и не замечал, красива ты или нет. Только теперь, когда ты переоделась мужчиной, я увидел, что ты женщина и что ты прекрасна! Чего же ты стыдишь ее, Пурпурно? Мне хочется возложить ей руку на голову и благословить ее!

Оккхой (*с серьезным видом*). Сказать по правде, я бы не возражал, если бы Шойла была мне не свояченицей, а младшим братом.

Шойла (*взволнованно*). И я бы тоже не возражала!

Пурабала (*привлекая Шойлу к себе на грудь*). И в этом наряде ты собираешься вступить в Клуб холостяков?

Шойла. В другом я не могу: ведь это Клуб холостяков, а не холостячек. Нельзя нарушать правила грамматики, правда, дядя Рошик?

Рошик. Разумеется, грамматика — дело святое. Недаром же трудились над ней ее создатели Панини и Вопадева! Но, друзья мои, хоть Шойла и облачилась в мужской наряд, разве это спасает грамматику? Она все-таки женщина!

Оккхой. Поэтому в ближайшее время выйдут в свет новые правила, по которым имя Шойла приобретет мужской род. Преподавать их буду я, и неграмотные холостячки мигом просветятся. Я-то их знаю!

Пурабала (*с глубоким вздохом*). Ну что ж, сестра, забирай моего Муккерджа и этого престарелого молодца и начинай свою игру, а я поеду с мамой в Бенарес. Пойду соберу вещи.

Пурабала уходит. Появляются Нира и Нрипа, но, заметив «постороннего», хотят скрыться. Затем Нира узнает Шойлу и бросается к ней.

Нира. Сестрица! Ах, так хочется тебя обнять, да этот наряд мешает. Словно ты — не ты, а сказочный принц из тридесятого царства, который пришел нас спасти.

Нрипа с восторгом и робостью смотрит на Шойлу издали. (*Тянет ее за руку*.) Иди, иди, сюда! Ну что ты так смотришь? Это не твой Душианта. Это Шойла, наша сестра!

Рошик
(пародируя Шакунтalu)

Под мужским чапканом грубым
Стаи девический не скрыть,
На прекрасном юном теле
Будет мил любой наряд!

Оккхой. Глупые девчонки, вас покорил расшитый золотом чапкан, а рядом — чистое золото, и вы его не замечаете!

Нира. Чистое золото слишком дорого, для нас хороша и эта позолота. (*Подкручивает Шойле фальшивые усики.*) Правда, Шойла?

Рошик (*указывает на себя*). К сожалению, вот это чистое золото упало в цене — его теперь не принимают ни на одном монетном дворе.

Нира. Вот и хорошо! Тогда я подарю тебя сестрице Нрипе! (*Вкладывает руку Рошика в руку Нрипы.*) Ты согласна его принять?

Нрипа. Согласна! (*Усаживает Рошика на стул, требует его седые усы.*)

Глядя на нее, Нира тоже дергает фальшивые усы Шойлы.

Шойла. Что ты делаешь? Еще отклеяется!

Рошик. Иди лучше ко мне, у меня не отклеяется!

Нира. Ах, зачем только я ждала тебя, Нрипа? Для Рошик, а почему у тебя усы есть, а на голове ничего нет?

Рошик. Наверное, я из тех, кто сначала теряет волосы на голове.

Оккхой. Это идея! Пожалуй, и мы начнем с головы Клуба холостяков.

Нира. Правильно!

(Поет.)

Смело иди в поход,
На колесницу взойди,
Яркий венок побед
Ждет тебя впереди.
Шелком своих одежд
Путь мы устелим твой,
Светоч моих надежд,
Славный избранник мой!

Оккхой. Итак, колесница подана. Что дальше?

Нира
(поет)

Наши глаза — в слезах,
Ты принеси нам смех,
Ты принеси весну
В голый осенний лес;
В темный внеси покой
Светильник свой золотой,
На небосвод ночной
Ясной взойди луной!

Оккхой. Все это превосходно, только почему именно золотой светильник? Не дорого ли? Впрочем, ладно, постараюсь.

Нира (Оккхою). А в какой комнате ты примешь этих холостяков?

Оккхой. Заседание клуба открывается в моей гостиной.

Нира. Тогда нужно ее прибрать и украсить.

Оккхой. Пока гостиной пользовался я один, у тебя почему-то не возникало такого желания.

Нира. У тебя есть слуга, и до сих пор ты почему-то был им доволен.

Входит Пуробала.

Пуробала. Что вы здесь затеваете?

Нира. Ах, сестрица, мы пришли на урок к господину Муккерджи, а он отказывается с нами заниматься, пока мы не приберем его гостиную, вот мы и собираемся это сделать. Пойдем, Нрипа!

Нрипа. Иди, если хочешь, а я останусь.

Нира. Что-что? Значит, я должна трудиться в поте лица, а ты будешь только пожинать плоды? Как бы не так! А ну-ка, пойдем! (*Схватив Нрипу за руку, уводит за собой.*)

Пуробала. Ну вот, я все уложила. До отхода поезда еще много времени.

Оккхой. Даже более, чем достаточно, если ты собираешься опоздать.

Запавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

КОМНАТА ЗАСЕДАНИЙ КЛУБА ХОЛОСТЯКОВ В ДОМЕ
ЧОНДРО-БАБУ.

Шриш и Бипин.

Шриш. Что ни говори, а пока с нами был Оккхой-бабу, заседания проходили куда интересней! Наш теперешний председатель Чондро-бабу слишком уж строг.

Бипин. Конечно, у Оккхоя было больше юмора, но, по-моему, нам, соблюдающим обет безбрачия, юмор вовсе ни к чему.

Шриш. То есть как это ни к чему? Чем суровей обет, тем больше оснований поразвлечься. Сухой земле требуется поливка. Раз уж мы дали клятву оставаться холостяками, имеем мы право хотя бы повеселиться? Или мы должны сохнуть здесь от скуки?

Бипин. Может, оно и так, но только Оккхой-бабу подорвал веру в святость нашего обета, когда вдруг взял и женился!

Шриш. Ничего подобного! Я, например, после этого еще больше утвердился в мысли оставаться холостяком. На это не каждый способен. А чем труднее обет, тем он почетнее.

Бипин. Кстати, у меня приятная новость.

Шриш. Что, ты тоже женишься?

Бипин. Вот именно, на твоей внучке! Но довольно шуток. Вчера в наш клуб вступил Пурно.

Шриш. Пурно? Что ты говоришь! Невероятно. И как это он решился?

Бипин. Увы, похоже, что дело тут не в его решимости. Что-то или кто-то побудил его пуститься в это опасное плавание к неведомым берегам.

Шриш. Но что? Или кто? С чего это Пурно решил вдруг вступить в Клуб холостяков? Что его к нам притягивает?

Бипин. А ты не догадываешься? Центр притяжения там, за занавеской.

Шриш. Что-то не понимаю...

Бишин. Могу объяснить. Когда Пурно стал членом нашего общества, я заметил, что он глаз не сводит с этой занавески на двери. А занавеска-то, оказывается, не доходит до пола, и из-под нее выглядывает пара женских ножек! Установив сей факт, я сразу понял, что для Пурно безбрачие скоро станет в тягость.

Шриш. Может, ты заодно установил, чьи это ноги? Нет ничего хуже неизвестности — лучше уж все узнать до конца. Так чьи это были ноги?

Бишин. Лучше я расскажу все по порядку. Ты знаешь, что Пурно по вечерам ходит к Чондро-бабу заниматься. Так вот, в тот вечер мы пришли к нему вдвоем, и довольно рано. Чондро-бабу только что вернулся с какого-то собрания. Слуга зажег нам керосиновую лампу, сидим мы, ждем. Пурно листает книгу, как вдруг, — о, брат мой! — входит девушка, словно из нового романа Бонкимчондро!

Шриш. Не может быть!

Бишин. Ты слушай! Значит, входит она, на спине — коса, в одной руке блюдо с ужином для Чондро-бабу, в другой — стакан воды. Увидела нас, смущилась, залилась румянцем, а лицо прикрыть не может — руки-то заняты! Она еду на столик и — скорей из комнаты! Глянул тут я на Пурно и понял: пропал человек.

Шриш. Да неужто она такая красавица?

Бишин. Еще какая! Сверкнула, словно молния, и поразила наши сердца. Так что нам уже было не до занятий...

Шриш. Скажи пожалуйста! И я ее ни разу не видел! Кто же она?

Бишин. Племянница нашего председателя. Зовут Нирмолой.

Шриш. Племянница? Вот это да! И живет здесь?

Бишин. Совершенно верно. Наш председатель, хоть сам и здоров, но держит в доме опасный источник инфекции.

Шриш. Надеюсь, она еще никого не заразила?

Бишин. В том-то и дело, что первой ее жертвой сразу пал Пурно. Болезнь в наших рядах! Если Пурно жениится, все наше общество под угрозой.

Шриш. Значит, она еще не замужем?

Бипин. Конечно, нет. Поэтому для нашего клуба она страшнее чумы. Теперь понимаешь, почему Пурно вдруг подал заявление о приеме?

Шриш. Вот пройдоха! Решил под видом жреца проникнуть в наш храм безбрачия и ограбить сокровищницу? Ну, погоди! Придется мне расследовать это дело.

Бипин. Только будь осторожен. Изучая такую болезнь, недолго и самому заразиться.

Шриш. Если ты не заразился, так почему же я?..

Бипин. Потому, что болезнь эта начинается незаметно, и я сам ничего еще не знаю. Знаю только, что, если ты заболел, ничто тебя не спасет. Так что лучше поостерегись.

Входит Бономали, мужчина среднего возраста.

Простите, вы к кому? С кем имею честь?

Бономали (*представляется*). Прошу прощения! Меня зовут Бономали Бхотачарджо, имя моего господина — Рамкомол Нэточокчу, его адрес...

Шриш. Благодарим, дальнейшее нас не интересует. Скажите лучше, зачем вы пожаловали. У вас к нам дело?

Бономали. Дела у меня, собственно, никакого нет. Я слышал, вы люди благородные, вот и зашел познакомиться...

Шриш. Видите ли, если у вас нет дела, то у нас оно есть. Поэтому шли бы вы куда-нибудь в другое место и знакомились там с другими благородными людьми. Мы были бы вам весьма...

Бономали. Ну что ж, тогда поговорим о деле!

Шриш. Вот так-то оно лучше.

Бономали. У господина Ниломадхоба Чоудхури из квартала Кумартули две дочери-красавицы и обе на выданье...

Шриш. На выданье, так на выданье, но при чем здесь мы?

Бономали. Соизвольте только уделить мне чуточку внимания, тогда узнаете при чем. Я вам все устрою!

Бипин. Почтеннейший, вы зря тратите время на этого недостойного человека.

Бономали. Он — недостойный? Что вы говорите! Достойнее теперь не сыскать. Вы просто скромничаете, и это меня еще более восхищает.

Шриш. Если вы действительно о нас такого хорошего мнения и хотите его сохранить, мой вам совет: уходите! Наша скромность не беспредельна.

Бономали. Отец даст за дочерьми хорошие деньги!

Шриш. Разве в городе мало нищих? Пусть облагодетельствует кого-нибудь другого, а мне его доброта не по душе. Что скажешь, Бипин? Может быть, тебе она нравится?

Бипин. Скажу, что боги не зря даровали нашему гостю такие длинные ноги. Ему бы ими воспользоваться!

Шриш. Тем более, что еще немного — и даже они его не спасут!

Бономали. Ухожу, ухожу! (*Поспешно ретируется.*)

Входит Чондромадхоб-бабу.

Чондро. Пурно!

Шриш. Простите, но я Шриш.

Чондро. Ах так? Возможно. Я хотел сказать, что не стоит отчаиваться из-за того, что нас мало...

Шриш. Отчаиваться? Наоборот, мы гордимся своей малочисленностью. Разве всем доступны возвышенные идеалы и суровые законы нашего общества? Клуб холостяков — для избранных!

Чондро (*поднося к глазам тетрадь с отчетом о деятельности клуба*). Да, да, наши идеалы возвышенны и законы суровы. Но именно потому мы должны быть скромны: нельзя забывать, что и мы можем когда-нибудь нарушить свой обет! Вспомните, сколько было среди нас людей, казавшихся непоколебимыми, но даже они ради семьи и личного благополучия сошли с намеченного пути. Никто не знает, какие искушения ждут нас впереди и сумеем ли мы устоять. Поэтому я говорю — побольше скромности! Не заноситесь и не давайте никаких обетов. Не утомляйте душу борьбой с мирскими соблазнами! Обсуждайте все, что вас окружает, говорите, о чем хотите, но будьте мудры и не переходите от слов к делу!

Во время его речи неслышно входит Пурно. Последние слова Чондро-бабу вызывают смятение за занавеской — оттуда слышится шорох, позывкаивание ключей, но это слышит один Пурно.

Многие насмехаются над нашим клубом. Нам говорят: вы даете обет безбрачия якобы для того, чтобы посвятить себя служению родине. Но что будет, если все последуют вашему примеру? Через пятьдесят лет наша родина обезлюдеет! Вот что нам говорят, и я с молчаливой покорностью выслушиваю этих зубоскалов. Но неужели никто не даст им достойной отповеди? (*С надеждой смотрит на свою немногочисленную аудиторию.*)

Пурно (*с воодушевлением, помня о той, кто слушает его из-за занавески*). Почему же никто? Я бы ответил им: в любой стране найдутся люди, не созданные для семейной жизни. Правда, их немного, но наше общество для того и существует, чтобы собрать и объединить одной целью немногих, а вовсе не для проповеди всеобщего безбрачия. Пусть наша сеть улавливает всех, кого может, и пусть большинство из них в конце концов уйдет, не выдержав испытания. Останутся лишь избранные, и если кто-нибудь спросит: «Вы ли эти избранные?» — они смогут с гордостью ответить: «Да, это мы!» Сейчас мы с вами попали в сеть, но выдержим ли мы испытание, устоим до конца, или все уйдем друг за другом — никто не знает! Однако это никому не дает права насмехаться над нашим клубом. Даже если от него останется один председатель, даже если он один до конца сохранит верность суровому обету. Все равно это явится блистательным итогом его подвижничества, и Индия его не забудет!

Смущенный Чондро-бабу утыкается в свой отчет. Однако речь Пурно достигла цели: тирада об одиночном подвижничестве Чондромадхоба-бабу вознаграждается позякиванием ключей и растроганными вздохами из-за занавески, где прячется Нирмола.

Бипин. Время покажет, достойны мы нашего клуба или нет. Но если цель наша — в деятельности, пора бы и начать! Я хочу знать, что нам делать?

Чондро (*оживившись*). Вот именно, что нам делать? Этого вопроса мы давно ждали. «Что делать?» Это для всех нас наболевший вопрос. «Что делать?» Друзья, общее дело — залог единства. Да спасет нас труд на общее благо! Пока у нас не будет общего дела — движение вперед невозможно. Поэтому я ставлю вопрос, поднятый

Бипином-бабу, на повестку дня. Итак, что нам делать. Господа, члены клуба, прошу высказываться!

Шриш. Я предлагаю сделаться отшельниками-саньяси и обойти все города и деревни Индии, проповедуя подвижничество на благо страны. Наше общество нужно укрепить и расширить, чтобы оно объединило всю Индию.

Бипин (смеясь). На это уйдет слишком много времени! Ты лучше предложи что-нибудь такое, что можно сделать сразу, завтра же. И что-нибудь выдающееся. Если уж охотиться, то на тигра! А стрелять по сусликам — ни толку, ни чести. Я предлагаю, воспитать каждого по два ребенка, взять на себя все расходы по их обучению и все заботы об их душе и теле.

Шриш. Нечего сказать, придумал! Стоило отказываться от мирских благ, чтобы воспитывать чужих детей. Почему бы тогда не завести своих?

Бипин (с обидой). Если на то пошло, то и в твоем подвижничестве не много толку. Тоже мне деятельность — бродяжничать да побираться!

Шриш (сердито). Я вижу, кое-кто из нас не верит в великую цель нашего общества! Таким лучше вообще выйти из клуба и заняться воспитанием детей. И чем скорее они это сделают, тем лучше!

Бипин (покраснев). Не считаю нужным говорить о себе, но когда в клуб вступают люди, не пригодные ни к какой деятельности, им в самом деле лучше...

Чондро (отрывая взгляд от своей тетради). Предлагаю выслушать мнение Пурно относительно выдвинутых предложений! Свое мнение я выскажу позже.

Пурно. Сегодня в целях укрепления единства пашего общества было высказано пожелание принять программу совместных действий. Однако разные предложения относительно рода нашей будущей деятельности уже привели к нежелательным разногласиям. Поэтому, чтобы не подливать масла в огонь, я воздержусь от высказывания своего мнения. Пусть господин председатель сам укажет нам дело, которым следует заняться, и я предлагаю принять его предложение единогласно. Единогласие — единственный путь к достижению единства нашего общества!

За занавеской слышны шум и возня, звон ключей.

Чондро. Наша первейшая обязанность — освобождение Индии от нищеты. А первейшее средство в борьбе с нищетой — промышленность и торговля. Нас немного, и мы не в силах вести крупные дела, но мы можем начать с малого. Найдем древесину, которая легко воспламеняется и долго не гаснет, а главное — имеется повсюду, и наладим производство дешевых спичек. Что вы на это скажете? Хочу обратить ваше внимание на то, что эта задача не из легких. Ведь из всего произрастающего в Индии нужно выбрать вещество наиболее легко воспламеняющееся!

Бипин. По части легко воспламеняющихся веществ у нашего Пурно, кажется, уже есть опыт!

Чондро. В самом деле? Пурно, разве ты занимаешься опытами с горючими веществами?

Пурно. Как вам сказать... Знаете, веник или солома... Больших расходов не требуют...

Бипин. И горят хорошо, да только попробуй найди их в обществе холостяков, вдали от семейного очага!

Чондро. Что вы сказали, Бипин. Я что-то не понял.

Бипин. Я сказал, что в Индии всяких горючих материалов хоть отбавляй, да только для опытов с ними требуется ум и осмотрительность.

Чондро. Совершенно с вами согласен. Ведь многие сорта древесины слишком быстро воспламеняются и также быстро сгорают, оставляя после себя один пепел.

Бипин. Есть и такие...

Чондро. А нам нужно, чтобы древесина загоралась легко и горела медленно. По-моему, если поискать как следует, мы и найдем.

Шриш. Конечно, найдем! Может быть, и ходить далеко не придется...

Пурно. Так скорей за дело! Начнем с того, что под рукой. Вот, скажем, веник...

Шриш, отвернувшись, смеется. В этот момент появляется **Оккхой**.

Оккхой. Позвольте войти!

Близорукий Чондромадхоб, прищурившись, разглядывает вошедшего.

Не пугайтесь, Чондро-бабу, и не смотрите на меня так грозно: я не призрак с того света, а ваш бывший...

Чондро. Вижу, вижу, можете дальше не объяснять.
Добро пожаловать, Окхой-бабу!

Молодые члены клуба приветствуют Окхоя, причем Бипин и Шриш все еще с хмурыми лицами из-за своей недавней перепалки.

Пурно. Бывший председатель клуба, Окхой-бабу, для нас страшнее призрака.

Окхой. Разумные слова! Люди боятся призраков потому, что думают, будто призраки — враги всех радостей жизни, хотя на самом деле это не так. А вот живой председатель-призрак — это действительно ужасно. Вам бы, Чондро-бабу, выгнать прочь изменника, а вы ему стул предлагаете...

Чондро. Раз уж пришли, садитесь.

Окхой. Ну что ж, с общего согласия занимаю место в вашем собрании. Я, конечно, понимаю, что, окаяв мне эту честь, вы проявили неслыханное благородство. Постараюсь им не злоупотреблять. Три пагубы, запрещенные вашим уставом, — табак, бетель и жена — оконец меня избаловали, так что я коротко изложу свое дело, и — домой!

Чондро (*улыбаясь*). Поскольку вы уже не член клуба, к вам эти запреты не относятся. Табак и бетель вам сейчас подадут, а что касается третьей пагубы...

Окхой. Нет, нет, ее подавать не надо! Как-нибудь обойдусь...

Чондро. Эй слуга! Принеси табаку и бетеля!

Пурно. Не беспокойтесь, я схожу.

Быстро идет к двери за занавеской, откуда слышится звон ключей и топот убегающих ног. **Пурно** возвращается с бетелем и табаком.

Окхой. Как говорится, в чужой монастыре со своим уставом не суйся. Поэтому, пока я здесь, я такой же холостяк, как все. А теперь выслушайте меня.

Чондро-бабу, склонившись над своей тетрадкой, весь обратился в слух.

(Продолжает.) Один мой богатый приятель из провинции захотел, чтобы его сын стал членом вашего клуба.

Чондро (*удивленно*). Значит, отец не хочет, чтобы его сын женился?

Оккхой. Совершенно верно. И он никогда не женится — за это я ручаюсь. Кроме того, вместе с ним в клуб хочет вступить его дальний родственник. За него я тоже ручаюсь. Он хоть и не обладает достоинствами других членов клуба, зато уже достиг возраста, ставшего его вне подозрений, — ему за шестьдесят.

Чондро. Назовите нам полные имена и адреса кандидатов.

Оккхой. Они вам сами представляются. А пока у меня к вам предложение. Эта комната, кажется, сырьёвата, да к тому же она на первом этаже. Не нанесло бы это вреда вечности ваших вечных холостяков, — я имею в виду их здоровье!

Чондро (*смущенно утыкается носом в тетрадь*). Дорогой Оккхой, вы ведь знаете наши доходы...

Оккхой. Не стоит говорить о доходах, это печальная тема. А с новым помещением я сам все уложу, и денег не понадобится. Если хотите, могу поискать его вам сегодня же.

Бипин и Шриш просияли; Чондро-бабу тоже расцвел улыбкой и от волнения взлохматил волосы; один Пурно помрачнел.

Пурно. По-моему, в новом помещении нет никакой необходимости!

Оккхой. Вот как? Уж не боитесь ли вы, что светильник вашего безбрачия погаснет от ветерка при переезде?

Пурно. По-моему, и здесь неплохо.

Оккхой. Не плохо это еще не хорошо. Можно найти кое-что получше.

Пурно. По-моему, суровая бедность укрепляет душу, а роскошь расслабляет.

Шриш. А сырость комнаты тоже обязательна для наших заседаний?

Бипин. Если целиком отаться работе общества, трудностей и без того хватит! Зачем же еще рисковать здоровьем?

Оккхой. Друзья, послушайте, что я скажу! Не усугубляйте строгость вашего обета суровой бедностью зала заседаний. Свет и воздух — не женщины, зачем же от

этого отказываться? К тому же здесь действительно сырьо, и если вы не дали обета заработать ревматизм, я вам советую не откладывать переезда. Ну так как?

Бибин и Шриш. Мы согласны! Надо посмотреть новое помещение!

Пурно мрачно безмолвствует. За занавеской снова слышен, на сей раз сердитый, звон ключей.

Оккхой. Что ж, идемте, Чондро-бабу, я вам все покажу.

Чондро. Идемте.

Оккхой и Чондро-бабу уходят.

Бибин. Послушай, Пурно, ради твоей же безопасности, должен тебе сказать, что занавеска — ненадежный заслон. Это — лазейка для врага.

Пурно. Что это значит?

Бибин. А то, что занавеска вещь легковесная и трепещет от малейшего дуновения. Для общества холостяков это опасно.

Шриш. Да, да, нам необходимо надежное укрытие, скажем, кирпичная стена, а не занавеска!

Пурно. Вы говорите загадками.

Бибин. Вот именно! А все загадочное опасно. Самый же опасный враг холостяков таится за занавеской.

Шриш. Поэтому наш долг — нападать на занавеску, рвать ее в клочья, чтобы призраки, которые за ней таятся, исчезли, как мираж в пустыне.

Пурно. Эх, Шриш-бабу, мираж-то исчезает, но жажда в пустыне остается.

Шриш. И прекрасно! Если исчезнет жажда, что заставит нас стремиться к источнику мудрости? Только нужно знать, где он, этот источник...

За сценой слышится песня:

Кто из вас, кто из вас поплынет со мной, —
Я на лодке у берега жду...

Бибин (*понижая голос*). Слышите? Какая дивная песня!

Пурно. А ведь такая песня тоже вроде занавески. И в ней тоже тайна, пробуждающая жажду...

Б и п и н. Погоди, дай послушать! Поют где-то близко; кажется, в том доме, где живет Оккхой...

Ш ри ш. Совсем близко! Все слова можно разобрать...

Песня за сценой:

Кто же, кто же из вас поплывет со мной, —
Я на лодке у берега жду.
Здесь пустыня, пески да палящий зной,
А на том берегу — как в саду,
И веселье и радость на том берегу,
Но одна переплыть я туда не могу.
Кто же, кто же со мной поплывет туда?
И зачем столько ждать-гадать?
Скоро день уйдет, почернеет вода,
Будет поздно тогда решать,
Ночь придет, будет поздно решать тогда, —
Уплыву во тьму навсегда, навсегда...

Ш ри ш. Эта песня словно нарочно сложена для устрашения холостяков. Торопись, мол, переправиться на тот берег, пока не поздно!

Б и п и н. А вы слышали, как она про этот берег?
«Здесь пустыня, пески да палящий зной»!

П ур и о. Так чего же ты ждешь? Переправляйся!

Ш ри ш. Он, как хочет, а я воздержусь. Мне кажется, такая скорее утопит, чем перевезет. Пошли, друзья!

Все уходят.

З а п а в е с

С Ц Е Н А В Т О Р А Я

ВЕРАНДА В ДОМЕ ПРИША. ЛУННЫЙ ВЕЧЕР.

Ш ри ш сидит, закинув ноги на ручки кресла, и молча курит. Рядом с ним — на трехногом столике поднос, на нем — лимонад со льдом и венок из цветов жасмина.

Входит Б и п и н.

Б и п и н. А, почтеннейший саньяси, как молитесь?

Ш ри ш (*смеясь, поднимается ему навстречу*). А ты еще не забыл нашего спора? Ладно, воспитатель детей, ты думаешь, из меня не выйдет саньяси?

Б и п и н. Почему же? Если у тебя будет достаточно слуг...

Шриш. Чтобы один плел для меня венки из жасмина, а другой приносил с базара лимонад со льдом? А почему бы и нет? Разве настоящий саньяси должен питать отвращение к жасмину и лимонаду?

Бипин. Именно так я и понимал сущность аскетизма.

Шриш. Послушай, неужели ты думаешь, что слова имеют лишь одно значение? Не могут все люди понимать слово «саньяси» одинаково! Если бы это было так, разве можно было бы говорить о свободе разума?

Бипин. Ну хорошо, что же такое, по-твоему, «саньяси»?

Шриш. Мой саньяси таков: на шее — гирлянды, в ушах — серьги, тело умащено сандалом, на устах — улыбка. Цель его — привлекать людские души, а потому настоящий саньяси должен быть прекрасен и красноречив. Что касается его ума и прилежания, то в этом отношении саньяси должен подавать пример всем остальным.

Бипин. В общем, не странствующий аскет, а сам прекрасный Картик на павлине!

Шриш. Почему обязательно на павлине? Подойдет и трамвай, а можно и пешком. Но Общество холостяков обязательно должно быть Обществом Картиков. Кстати, если не ошибаюсь, Картик был не только красавцем, но и полководцем небесной рати.

Бипин. Так-то оно так, но для войны у него было всего две руки, зато для разговоров — целых шесть ртов!

Шриш. Из этого следует, что в словесных битвах наши предки арии были втрое сильнее, чем в рукопашной. Я тоже, в отличие от некоторых, предпочитаю первое, а не второе.

Бипин. Это что, намек?

Шриш. Ты угадал. Но не будь так самонадеян, непобедимый борец! Иди-ка сюда, проверим твою непобедимость!

Друзья начинают в шутку бороться.

Бипин (завладевает креслом Шриша). Победа за мной? Ну и жарища, однако! (Залпом выпивает стакан лимонада).

Шриш (водруженный венок из жасмина себе на голову). Зато победный венок — мой! (Усаживается в плетеное

кресло.) А знаешь, брат, что, если группа просвещенных людей и в самом деле облачится в белые одежды и понесет свет знаний во все уголки Индии, будет от этого польза?

Бипин. Отличная идея!

Шриш. Отличная, да только осуществить ее нелегко. Но можно, можно, и я это докажу! В индусском аскетизме — огромная сила! Очистить его от пепла, снять с него власяницу, дать ему нужное направление — вот задача Клуба холостяков. Не для того же мы обрекли себя на безбрачие, чтобы воспитывать каких-то детей или строгать щенки на спички! Так я говорю, Бипин?

Бипин. Так-то так, да боюсь, не выйдет из меня сапьи, как ты его описываешь. Я же не красавец, не краснобай и вполне могу обойтись без слуг. Но если ты отправишься странствовать в золотых серьгах или хотя бы в золотых очках, тебе наверняка понадобится телохранитель. Вот это мне по силам!

Шриш. Опять ты шутишь?

Бипин. Нет, я вполне серьезен. Если тебе удастся осуществить твой замысел — превосходно. Только зачем же всех стричь под одну гребенку? Каждый должен делать то, к чему имеет склонность и способность.

Шриш. Ты прав. Но в одном мы должны быть единодушны — никаких дел с женщинами! Тут нужна особыя стойкость.

Бипин. Зачем тебе эта особая стойкость, если ты собираешься носить серьги и умащаться сандалом?

Шриш. Затем, что против женщин труднее всего устоять. А что до всего остального — вспомни Чойтонон! Он тоже держал своих учеников в строгости и оберегал от женщин, но при этом верил в любовь и красоту и потому всю жизнь боролся с искушениями и соблазнами.

Бипин. Значит, и тебе это предстоит?

Шриш. Ничего подобного! С меня довольно удивительной красоты природы. А женщинам меня не соблазнить. Вот вы — наоборот, гоняете то в футбол, то в крикет, а стоит вам заглянуться — и все сразу пойдет прахом!

Бипин. Ладно, брат, время покажет.

Шриш. Нет, брат, ничего оно не покажет, я этого не допущу! Время не приходит само по себе, это мы его тащим на своих плечах, а такое время, о котором ты говоришь, — кто же его принесет?

Входит Пурно.

А, Пурно-бабу!

Бинин (*уступает ему кресло, а сам перебирается на стул*). Заходи, присаживайся!

Пурно (*Шришу*). Недурно ты устроился: и луна над верандой, и тени от колонн...

Шриш. Обрати еще внимание на лунные блики на крыше! К таким вещам у меня природный дар, чего не могу сказать про опыты со спичками. Нет, спички мне не по душе!

Пурно (*указывая на венок*). Я вижу, что тебе по душе!

Шриш. Ты угадал! Мы как раз об этом говорили. Кстати, скажи, как ты сам понимаешь аскетизм?

Пурно. Аскетизм — это когда не нужны услуги ни портного, ни прачки, ни цирюльника, когда не нужны магазины и не нужно мыло...

Шриш. Э, друг, такой аскетизм давно себя изжил, теперь надо создавать новую секту...

Пурно. В пьесе «Бидда и Шундор» есть молодой саньяси; он мог бы послужить неплохим образцом.

Шриш. Будь он холостяком, ему можно было бы подражать во всем — и в одежде, и в речах, и в поступках...

Пурно. Но не бросать при этом влюбленных взглядов на принцессу. А для кого тогда сплетать гирлянды? Кому мы их поднесем?

Шриш. Нашей родине! Однако мы что-то увлеклись. В самом деле, если в нашей пьесе все женские персонажи запрещены, если нет у нас ни теток, ни принцесс, ни садовниц, чем же нам заняться, Пурно-бабу?

Пурно. Какие страшные, жестокие слова!

Шриш. Нет, кроме шуток, а что, если сделать наше общество образцом для семейных людей? Чтобы все его члены были прекрасными художниками, музыкантами, наездниками и стрелками?

Пурно. То есть приобрели бы все необходимое для обольщения сердец и сделались эдакими девами-воительницами из романа Бонкимчондро, только мужского пола?

Шриш. Ну и пусть Бонкимчондро предвосхитил мою идею — осуществлять ее все равно придется нам!

Пурно. А что говорит об этом наш председатель?

Шриш. Сколько я с ним ни заговаривал, он знай твердит свое: спички, торговля, спички! Сначала говорил, что саньяси должны изучать агрономию, физику и тому подобное, чтобы ходить по деревням и просвещать крестьян. Потом решил основать банк и выпускать акции по одной рупии, — это, мол, позволит открыть в деревнях кооперативные магазины и оживит торговлю по всей стране. А теперь вот спички! Он просто одержим этой идеей.

Пурно. Интересно, что думает по сему поводу Бинип-бабу?

Бинип. Мне, конечно, далеко до Шриша, но, если он соберет своих художников-наездников, я тоже облачусь в одежды саньяси и последую за ним.

Пурно. Для такого облачения нужны деньги! Одной набедренной повязкой тут не обойдешься, — понадобятся браслеты, серьги, ожерелья, духи...

Шриш. Ты все смеешься, Пурно, а ведь именно в этом и есть цель нашего общества: предаваться суровому самоотречению, не лишая себя человеческих радостей. Нам должны быть равно близки и героизм подвижничества, и пленительная красота жизни. Этим небывалым подвигом в Индии ознаменуется начало новой эпохи!

Пурно. Я понял тебя, Шриш. Но разве женщины — не одна из самых больших человеческих радостей? Разве можно пренебречь ими и сохранить любовь к прекрасному? Нет, это не выход.

Шриш. У женщин один недостаток, они опутывают мужчин, словно лиана. Если бы не это, если бы можно было избежать их сетей, — тогда другое дело. Но, решив посвятить себя целиком великому делу, необходимо освободиться от всяких пут. А попроси у женщины руку — она тебя свяжет по рукам и по ногам. Так что, видишь, друг мой Пурно, это нам не подходит.

Пурно. Вижу, друг мой Шриш, но я пока не собираюсь тебя приглашать на свою счастливую свадьбу. Подумай лучше о другом, о том, чтобы в новом воплощении остаться человеком! Что заменит утоляющую жажду сердца влагу, от которой мы отказываемся в этой жизни? В раю мусульман есть гурии, в раю индусов — апсары, а что хорошего в раю холостяков? Разве что председатель нашего общества...

Шриш. Пурно-бабу, что ты говоришь? Ведь это...

Пурно. Не бойся, брат мой, я еще не совсем отчаялся. Но скажи, разве этот лунный свет и запах цветов совместимы с обетом безбрачия? И долго ли можно обманывать себя, сдерживая свои чувства? Когда-нибудь их накопится столько, что они взорвутся и разнесут на клочья узы нашего обета. И все-таки, если ты решишься стать саняси, я пойду с тобой. А пока нам надо защитить наше общество — ему грозит опасность.

Шриш. Что, что такое?

Пурно. Мне не нравится переезд, который затеял Оккхой-бабу.

Шриш. Опасения — признак неверия в свои силы. Я далек от таких мрачных мыслей. Все, что ни делается — к лучшему, и все будет хорошо. Я уже вижу, как наяву, могучее, благородное и возвышенное общество холостяков будущего. Какой вред может нам нанести переезд из одного дома в другой, да еще на той же самой улице? Если бояться этого, как мы будем странствовать по дорогам отдаленных провинций. Забудь свои сомнения, опасения и тревоги, Пурно-бабу! Без веры в успех невозможно ни одно великое дело.

Бипин. К тому же, если на новом месте нам что-нибудь не понравится, мы всегда сможем вернуться. Никто пока не собирается занимать нашу старую темную пору.

Неожиданно появляется Чондромадхоб.
Все встают, уступая ему место.

Чондро. Друзья мои, я был прав: все выходит помоему!

Шриш. Садитесь, пожалуйста.

Чондро. Нет, нет, я сейчас же ухожу. Как я уже говорил, нам надо заранее готовиться к принятию обета саньи. Если во время наших странствий с кем-нибудь произойдет несчастный случай или кто-нибудь заболеет обыкновенной лихорадкой, мы должны суметь его вылечить, а этому нужно учиться. Итак, я договорился с доктором Рамротоном, в воскресные дни он будет читать нам лекции по два часа.

Шриш. Но на это уйдет много времени!

Чондро. Конечно, медицина дело нелегкое. Но этого мало — нам необходимо понемногу изучать право. Мы должны защищать крестьян от несправедливого суда и насилия, а также разъяснять им их права.

Шриш. Садитесь, Чондро-бабу.

Чондро. Нет, Шриш-бабу, я не могу сесть, я очень тороплюсь. И еще одно, чем нам следует заняться: необходимо каким-то образом усовершенствовать такие крайне необходимые в нашей стране вещи, как телега, цеп для молотьбы, ткацкий станок и тому подобное. Необходимо сделать их либо дешевле, либо прочнее, либо производительнее. Теперь, в период летних каникул, нам нужно каждый день ходить на фабрику господ Кедар-бабу и присматриваться...

Шриш (*пододвигает стул*). Чондро-бабу, вы уже давно стоите...

Чондро. Нет, нет, я сейчас иду. Послушайте, ялагаю, что если мы сможем в какой-то степени усовершенствовать все эти сельскохозяйственные орудия, то в уме крестьян произойдет такое движение, какого не вызывает никакая реформа! Если удастся хоть немного изменить эти извечные телеги и прессы для масла, душа крестьянина пробудится и он наконец сможет понять, что земля не стоит на одном месте...

Шриш. Чондро-бабу, может быть, вы сядете?

Чондро. Ах, перестаньте! Лучше подумайте о том, что мы столько лет занимались разными науками, вместо того, чтобы давно заняться усовершенствованием всех этих телег и цепов. Не говоря уже о фабриках, мы ни разу не обратили наш бдительный взор даже на наши дома! Мы не заботились даже о том, что у нас всегда под рукой. Человек движется вперед, а орудия его труда

остаются все те же. Это совершенно недопустимо! Мы летим в пропасть. Англичане тащат нас за собой чуть ли не на аркане. Какое же это движение вперед? Крестьянское хозяйство в застое. Чтобы не завязнуть на дорогах сел и деревень, нашим саньяси придется самим толкать колеса телег, а смелые надежды на механизацию придется пока оставить. Сколько времени, Шриш-бабу?

Шриш. Уже половина девятого.

Чондро. Тогда я пошел. Мне осталось только сказать, что теперь мы должны, оставив все дискуссии, заняться регулярной учебой...

Пурно. Может быть, вы хоть на минуту присядете, Чондро-бабу, мне нужно кое-что спросить...

Чондро. Нет. Сейчас у меня больше нет ни минуты...

Пурно. Но я только хотел сказать, что наше общество...

Чондро. Об этом разговор будет завтра, Пурно-бабу.

Пурно. Но ведь именно завтра заседание общества...

Чондро. Хорошо, тогда послезавтра, а сейчас я бегу!

Пурно. Послушайте, то, что предлагал Окхой-бабу...

Чондро. Извините, Пурно-бабу, но сегодня уже поздно. Впрочем, мне пришла в голову мысль: если общество холостяков постепенно расширится, тогда не все наши члены смогут уйти странствовать. Придется произвести разделение на две группы.

Пурно. Одни будут движимым имуществом, а другие недвижимым...

Чондро. Как мы их назовем — это не важно. Кроме того, мне понравилось и то, что предложил Окхой-бабу. Он сказал, что наряду с обществом холостяков можно создать еще общество женатых и тех, кто собирается обзавестись семьей. Ведь и у женатых людей есть обязанности перед своей страной! Все должны заниматься каким-нибудь полезным делом по мере своих сил — это и будет нашим общим правилом. Группа принявших обет безбрачия будет странствовать по Индии, другая такая же группа будет постоянно работать при клубе, а третья группа семейных изберет себе занятие в соответствии с интересами и способностями ее членов, учитывая,

разумеется, благо родины. Тем, кто войдет в группу странников, придется изучать картографию, землемерное дело, геологию, ботанику, биологию и многое другое, чтобы они могли тщательно собирать и систематизировать факты на местах, — тогда наконец мы сможем заложить основы настоящего описания Индии самими индийцами, а не ссылаясь на труды господина Хантера...

Пурно. Чондро-бабу, если вы присядете...

Чондро. Нет, я сказал, нет! Итак, повсюду, куда мы ни пойдем, мы будем собирать исторические факты, народные предания и древние рукописи, искать надписи на скалах и изречения на меди. В связи с этим нам придется уделить некоторое время изучению древнего письма.

Пурно. Это все потом, а в настоящее время...

Чондро. Нет, нет, я не говорю, что каждый должен обязательно изучать все науки, тогда этому никогда не будет конца. В соответствии с наклонностями одни из вас будут изучать одно, другие — другое, третьи — третье.

Шриш. Но даже тогда...

Чондро. Тогда через каких-нибудь пять лет мы подготовимся и сможем выступить. Для тех, кто примет обет на всю жизнь, пять лет ничего не значит. Кроме того, именно за эти пять лет мы все пройдем испытание. Кто его выдержит, в тех не будет сомнений.

Пурно. Однако переезд нашего общества...

Чондро. На сегодня хватит, у меня еще много важных дел! А вы, Пурно-бабу, хорошоенько подумайте над моим предложением. Возможно, сначала оно покажется вам невыполнимым, но это не так. Конечно, будет трудно — всякое хорошее дело трудно. Но если в результате мы воспитаем хотя бы пять стойких людей, тогда мы совершим такое, что навеки изменит облик Индии.

Шриш. Но сначала вы говорили о колесе телеги...

Чондро. Правильно! Я не пренебрегаю мелочами, но не боюсь и больших дел, какими бы они ни казались невыполнимыми...

Пурно. Но как же в отношении заседаний общества?

Чондро. Обо всем этом — завтра, Пурно-бабу! А сейчас мне пора.

Чондро уходит.

Бипин. Что, брат мой Шриш? Весь хмель проходит, когда видишь другого пьяного? Энтузиазм Чондро-бабу, я вижу, подавил тебя...

Шриш. Да-а, здесь есть о чем поразмыслить. Порой энтузиасты мелют чепуху, это бы еще ничего, но когда они повергают в оцепенение, это действительно кошмар.

Бипин. Пурно-бабу, куда это ты так заспешил?

Пурно. Я хочу догнать господина председателя. Может быть, он хоть по дороге прислушается к моим словам.

Бипин. Боюсь, что случится наоборот. Рассказывая тебе по дороге о том, что еще не успел рассказать, Чондро-бабу только забудет, куда он шел.

Входит Бономали.

Бономали. Добрый день, Шриш-бабу! Как здоровье, Бипин-бабу! А, тут и Пурно-бабу! Превосходно! Итак, я сумел задержать для вас тех двух невест из Кумартули.

Шриш. Но мы вас больше не задерживаем: у нас дела поважнее!

Пурно. Присядьте, Шриш-бабу, мне надо вам кое-что сообщить.

Бипин. И вы присядьте, Пурно-бабу. Так мы быстрее договоримся.

Пурно. На чем же мы остановились?

Бономали. Я вижу, вы заняты. Хорошо, хорошо, приду в другой раз!

Занавес

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ДОМ ЧОНДРОМАДХОБА-БАБУ.

Чондро-бабу и Нирмола.

Чондро. Нирмола!

Нирмола. Что, дядя?

Чондро. Нирмола, я не могу найти запонку для воротничка!

Нирмола. Наверно, она где-нибудь здесь.

Чондро (спокойно). Поищи ее, милая.

Нирмола. Разве можно что-нибудь найти, если это потерял ты?

Чондро (*с беспокойством, но так же ласково*). Ты все можешь, Нирмола. Кто еще так снисходителен к моим недостаткам!

Нирмола не отвечает, еле сдерживая слезы. Чондрамадхоб подходит к ней, поднимает лицо Нирмоловы двумя пальцами за подбородок и всматривается.

(*Ласково улыбаясь*.) Мне кажется, я вижу тучки на ясном небе! Скажи, в чем дело?

Нирмола (*взволнованно*). Почему ты выгоняешь меня из вашего общества холостяков? Что я вам сделала плохого?

Чондро (*изумленно*). Выгоняю тебя из общества холостяков? Но какое отношение ты имеешь к этому обществу?

Нирмола. То есть как это какое? Я ведь всегда рядом с вами, хоть и за дверью. Конечно, это немного, но зачем же терять даже малое?

Чондро. Нирмола, ради самих членов общества ты не должна заниматься его делами!

Нирмола. Почему ты так думаешь? Если я родилась твоей племянницей, а не племянником, неужели я не могу участвовать в вашей работе? Тогда зачем ты учил меня столько времени? Сам разбередил мне душу, а теперь хочешь закрыть передо мной все пути?

Чондро. Нирмола, наступит время, ты выйдешь замуж, займешься семейными делами — и работа общества холостяков...

Нирмола. Я не выйду замуж.

Чондро. Что же ты будешь делать?

Нирмола. Буду помогать тебе в твоей работе на благо страны.

Чондро. Но ведь мы должны будем принять обет саньяси.

Нирмола. А разве в Индии никогда не было женщин-отшельниц?

Чондрамадхоб не знает, что ответить.

Дада, неужели, если девушка готова с радостью дать обет безбрачия, ты не примешь ее в общество холостяков? Почему бы мне не стать членом вашего клуба?

Чондро (*смущенно*). Видишь ли, остальные члены общества...

Нирмола. Остальные члены общества, которые поклялись стать саньяси ради блага Индии, не откажутся принять женщину, давшую такой же обет. А если это не так, пусть лучше сами обзаведутся семьями и запрутся по домам: от них все равно не будет никакой пользы!

Чондромадхоб в растерянности совершенно разлохматил свои густые волосы. Неожиданно из его рукава выкатывается на пол потерянная запонка. Нирмола с улыбкой прикрепляет ее на ворот рубашки Чондромадхоба, который, даже не заметив этого, продолжает в раздумье теребить свою шевелюру.

Нирмола уходит. Входит Пурно.

Пурно. Чондро-бабу, вы все еще размышляете! По-моему, незачем переводить наше общество в другое место.

Чондро. Сегодня возник еще один вопрос, мне бы хотелось обсудить его с тобой. Ты, наверное, знаешь, что у меня живет племянница?

Пурно (*равнодушно*). У вас, племянница?

Чондро. Да, ее зовут Нирмола. И она принимает в нашем обществе холостяков самое сердечное участие.

Пурно (*с удивлением*). Что вы говорите?

Чондро. Я уверен, что ее приверженность и энтузиазм не меньше, чем у любого из нас.

Пурно (*взволнованно*). От этого сообщения мой энтузиазм сразу возрос. Ведь будучи женщиной, она...

Чондро. И я думаю, что искренний женский энтузиазм сможет вдохнуть новую жизнь во всех нас. Я уже почувствовал это на себе.

Пурно (*с горячностью*). Я вас очень хорошо понимаю!

Чондро. Пурно-бабу, неужели и ты такого же мнения?

Пурно. Какого мнения?

Чондро. Что по-настоящему преданная женщина будет помоцью, а не помехой в нашей трудной работе?

Пурно (*громко, обращаясь к находящимся за сценой*). На этот счет у меня нет никаких сомнений! Преданность женщины живительная сила для мужчины; в энтузиазме женщины — наше вдохновение!

Входят Шриш и Бипин.

Шриш. Может быть, оно и так, Пурно-бабу. Однако, надеюсь, что сегодня из-за отсутствия женского энтузиазма работа нашего общества не будет отложена?

Чондро. Нет, нет, все дело в том, что я не могу найти свою запонку.

Шриш. У вас на воротнике я уже вижу одну, — разве этого недостаточно? А если вы считаете, что одной запонки мало, то где еще одно отверстие?

Чондро (*пощупав рукой ворот*). Действительно... Итак, поскольку все в сборе, хорошо бы обсудить этот вопрос. Что вы скажете, Пурно-бабу?

Пурно. Я бы высказался, но уже поздно!

Чондро. Нет, время еще есть. Присядьте все, пожалуйста. Этот вопрос заслуживает особого внимания. Я хочу вам сообщить, что у меня есть племянница, которую зовут Нирмола...

Пурно, неожиданно закашлявшись, краснеет.

Она душой и сердцем предана великим целям нашего общества холостяков.

Шриш и Бипин слушают с полнейшим равнодушием.

И я твердо знаю, что энтузиазма у нее не меньше, чем у любого из нас.

Не слыша от Бипина и Шриша ни слова одобрения, Чондро начинает волноваться.

Хорошо все продумав, я пришел к выводу, что поддержка женщины является могучим стимулом для мужчины. Каково ваше мнение, Пурно-бабу?

Пурно (*бесстрастно*). Я с вами согласен.

Чондро (*с подъемом*). Если Нирмола хочет стать членом нашего общества, разве мы можем ее не принять?

Пурно. Нирмола хочет стать членом общества? Не может быть!

Шриш. Мы никогда не предполагали, что какая-нибудь женщина проявит подобное желание, поэтому такой случай не предусмотрен правилами.

Бипин. Но и не запрещен!

Шриш. Запрета, конечно, нет, однако задачи нашего общества женщинам не по плечу.

Бипин. Задачи нашего общества грандиозны, поэтому для их осуществления нужно привлекать людей самых различных групп и возможностей. Ты, например, не сможешь сделать для блага страны того, что сделает женщина; точно так же женщина не сделает того, что сможет сделать мужчина. Поэтому для наиболее полного и всестороннего осуществления наших задач женщины также необходимы, как и мужчины.

Шриш. Те, кто не хочет работать по-настоящему, всегда преувеличивают свои задачи. Но если уж делать дело, то прежде всего нужно наметить ясную цель. Лично я не считаю задачи нашего общества такими грандиозными, как думаешь ты. И добро бы ты хоть что-нибудь сделал для их осуществления! А то — одни разговоры...

Бипин. Поле деятельности нашего общества настолько обширно, что на нем хватит места и для таких, как ты, и для таких, как я. Но если оба мы здесь полезны и необходимы, то неужели трудно найти место еще для одного человека, хотя бы и другого пола?

Шриш. Благородство — прекрасная вещь, об этом я знаю еще из шастр и вовсе не собираюсь с тобою спорить. Хочу только тебе помочь. Для выполнения своей части великого дела пусть женщины организуют свое независимое общество, а наше общество пусть остается для нас. В противном случае мы будем только мешать друг другу. Пусть голова думает, а желудок переваривает пищу, незачем валить в одну кучу мозги и органы пищеварения!

Бипин. Однако если голова будет в одном доме, а органы пищеварения в другом, вряд ли это поможет работе!

Шриш (*с недовольством*). Сравнение — еще не довод! Сравнение действует только в сравнительно небольших масштабах.

Бипин. То есть пока оно подтверждает твои слова?

Пурно (*рассеянно*). Бипин-бабу, я боюсь, что женщины, занявшись нашей работой, потеряют всю свою привлекательность.

Чондро (*поднося к самым глазам какую-то книгу*). Если привлекательность несовместима с нашими величими целями, о ней не стоит и жалеть!

Шриш. Чондро-бабу, я говорил о внешней красоте. Нам, подобно воинам, нужно идти твердой поступью, и всем в ногу. Мы не можем брать с собой тех, кто с не-привычки или по своей природной слабости будет отставать. Они нас только обременят.

В это время в комнату входит Нирмола и с достоинством приветствует собравшихся. Все изумлены.

Нирмола (*голос ее дрожит от волнения, глаза полны слез*). Я не знаю, каковы ваши цели и насколько твердо вы решили посвятить себя служению родине, но я знаю своего дядю. Почему вы хотите помешать мне следовать с ним по его пути?

Шриш молчит, Пурно смущен, Бипин — спокоен и серьезен, Чондро — глубоко задумался. Нирмола умоляюще смотрит на Пурно и Шриша.

Я хочу до самой смерти оставаться с тем, кто был моим учителем с детства, а вы пытаетесь доказать мою непригодность! Ведь вы же меня совсем не знаете!

Шриш молчит, Пурно вытирает испарину.

Я не знаю ни вашего общества холостяков, ни какого-либо другого, однако, если тот, кто дал мне образование и сделал меня человеком, решил осуществить цель своей жизни, опираясь на общество холостяков, вы не можете держать меня вдали от этого общества! (*Поворачиваясь к Чондро.*) Только если ты скажешь, что я не подхожу для твоего дела, я уйду. А они меня не знают, и мне совсем непонятно, почему они пытаются меня изгнать.

Шриш (*покорно*). Простите, пожалуйста, я говорил все не о вас, а о женщинах вообще.

Нирмола. Я не берусь судить о различиях между мужчинами и женщинами, но я знаю свое сердце и знаю

сердце того, к кому обращаюсь за помощью. Мне кажется, этого более чем достаточно.

Чондро подносит ладонь правой руки к глазам и начинает ее разглядывать.

Пурно (*пытается сказать что-то оригинальное*). О богиня, зачем вы хотите запачкать безупречные чистые руки грязью нашей несчастной земли? (*Не успев закончить, понимает, что его реплика в белых стихах просто нелепа, и краснеет до ушей.*)

Бипин (*очень серьезно и спокойно*). Чем грязнее земля, тем почетнее работа того, кто ее очищает.

Шриш (*Нирмоле*). Согласно уставу, мы обсудим вопрос о приеме женщин в наше общество и сообщим вам решение.

Нирмола, молча кивнув, идет к выходу.

Чондро (*неожиданно*). Голубушка, а где же моя заонка?

Нирмола (*смущенно улыбаясь*). Она же у тебя на воротничке!

Чондро (*ощупывая рукой ворот*). Да, да, действительно, она здесь! (*Глядит на своих учеников и смеется.*)

З а н а в е с

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

ДОМ ОКХОЯ.

Нрипобала и Ниробала.

Нрипа. Что это ты, сестричка, последние дни такая серьезная?

Нира. А ты думала, вся серьезность в нашей семье досталась тебе одной? Мне тоже нравится быть серьезной.

Нрипа. Кажется, я догадываюсь, о чем ты все время думаешь.

Нира. Зачем тебе догадываться, дорогая. Ты лучше задумайся о себе!

Нрипа (обнимая Ниру). Ты думаешь, милая, о том, что мы с тобой приносим столько хлопот, что из-за нас родным одно беспокойство, — правда?

Нира. Но ведь мы не просто вещи, которые можно взять да и выбросить! И я считаю, что мы должны гордиться всей этой суматохой из-за нашего замужества. Ты читала «Кумарасамбхаву»? Помнишь, как был испепелен бог любви! Если бы обо всем, что здесь происходит, узнал какой-нибудь поэт, он написал бы поэму и о нашей свадьбе.

Нрипа. А все-таки мне очень неловко.

Нира. А мне, думаешь, ловко? Думаешь, у меня нет ни стыда, ни совести? Но что поделаешь? То же самое было со мной еще в школе. Когда нужно было получать грамоту, я стеснялась, а на следующий год ради такой же грамоты опять зубрила по ночам. И получать награду стыдно, и отказаться не хочется — такой уж у меня характер.

Нрипа. Я тебя понимаю, Нира. А сейчас тебе очень хочется получить награду.

Нира. О чем ты? Об этих двух членах Клуба холостяков?

Нрипа. А разве ты сама не догадываешься?

Нира. Сказать тебе правду? (*Обняв Нрипу, на ухо.*) Я слышала, что эти двое — большие друзья, и если они нам достанутся, то нам и после свадьбы не придется расставаться! А то еще увезут нас неизвестно куда... Поэтому, дорогая, я и молюсь на этих двух женихов. Сложив руки, я говорю про себя: «О боги — близнецы из Клуба холостяков, возьмите нас, двух сестер, как два цветка с одного стебля! Не разлучайте нас!»

При мысли о возможной разлуке сестры обнимаются и Нрипа не может сдержать слез.

Нрипа. Нира, а что же будет с Шойлой? С кем она останется, если мы обе уедем?

Нира. Я об этом много думала. Если бы только нам позволили не выходить замуж, мы бы ее не бросили. Раз у нее нет мужа, так пусть и у нас не будет! Нам не нужно больше счастья, чем у сестры.

Входит Шойла в мужской одежде.

(Берет с блюда гирлянду цветов и надевает на Шойлу.)
Мы выбираем тебя своим мужем!

Кланяются Шойлобале.

Шойла. Это еще что такое?

Нира. Не бойся, милая, мы обе будем твоими женами и не станем из-за тебя ссориться. А если и поссоримся, то Нрипе со мной не справиться, и я сама быстренько все уложу, ты даже и не заметишь! Я не шучу, Шойла. Мы все равно не найдем никого, кто бы нас уважал и любил больше тебя. Так зачем же ты хочешь отдать нас другим?

У Нрипы опять покатились слезы.

Шойла *(вытирая ей глаза)*. Успокойся, глупая, успокойся! Вы просто сами не знаете, в чем ваше счастье. Если бы я была уверена, что вам со мной лучше, разве я бы вас кому-нибудь отдала?

Входит Рошик.

Рошик. Милые, по поговорке «Ученье — свет, а неученье — тьма» вы заставили меня вступить в просвещенное общество холостяков, а как вести себя на заседаниях, не научили. Хе-хе, так сказать, темного просветили, а ни чему не научили!

Нира. Опять старая шутка? Мы ее слышим уже третий день!

Рошик. Где же ваше милосердие? Если шутка родилась, неужели ее нужно тут же задушить, словно дочь, родившуюся в семье раджпута? Как бы не так! Пока будет существовать Клуб холостяков, вам придется выслушивать эту шутку по два раза на дню, утром и вечером.

Нира. Тогда лучше по два раза с утра, чтобы больше ее не слышать. А знаешь, сестрица Шойла, может быть, мы поскорее уничтожим этот «вечный» Клуб вечных холостяков, чтобы дядя Рошик не терзал нас старыми шутками? И заодно оправдаем титул женщин — всепобеждающие! Ты уже обдумала план атаки?

Шойла. Он мне не нужен. Я принимаю решения сразу, на поле боя.

Нира. Если я тебе понадоблюсь, протруби только в рог, и я сразу явлюсь на подмогу!

И пускай тогда трепещут все холостяки:
Не спастишь им от подобной лотосу руки!

Входит Оккхой.

Оккхой. Я бы хотел получить от собравшихся здесь мудрых воительниц одну историческую справку.

Шойла. Пожалуйста, мы готовы.

Оккхой. Кто из великих задумал обрубить те две ветви, на которых сам сидел?

Нрипа. Я знаю: Калидаса!

Оккхой. Увы, не только он. Нашелся еще один великий глупец — господин Муккерджи Оккхойкумар!

Нира. И где же эти две ветви?

Оккхой (*привлекает ее к себе одной рукой*). Вот одна! (*Привлекает другой Нрипу*.) А вот другая!

Нира. И дровосеки скоро придут?

Оккхой. Почему придут? Я не ошибусь, если скажу, что уже пришли. Слышишь шаги на лестнице?

Девушки спасаются бегством, Шойла угаскивает за собой дядю Рошика. Не успевает умолкнуть звон браслетов, как появляются

Шриш и Бипин.

А почему не пришел Пурно-бабу?

Шриш. Мы были у Чондро-бабу, но там ему вдруг стало плохо, так что он сегодня не придет.

Оккхой. Подождите немного, я пойду встретить Чондро-бабу. Этот слепец не знает, куда он идет и куда придет, — а тут рядом есть места неподходящие для заседаний Клуба холостяков.

Оккхой уходит. Шриш внимательно осматривает комнату. Горят два светильника под бирюзовыми и шелковыми абажурами; их свет мягок и голубоват. На столе, в вазе стоят цветы.

Бипин (*с усмешкой*). Нет, друг, что ни говори, а эта комната не для холостяков.

Шриш (*вздрогнув*). Почему же?

Бипин. Такая обстановка, пожалуй, больше подходит для твоего молодого саньяси.

Шриш. Для моих саньяси ничто не может быть излишним.

Бипин. Кроме женщины.

Шриш (*не слишком уверенно*). Да, гм, разумеется...

Бипин. Я думаю, что этих картин на стенах и этого убранства вполне достаточно, чтобы получить общее представление о женщинах.

Шриш. Такое представление ты можешь получить где угодно!

Бипин. И то правда. Если верить поэтам, то нигде, ни на луне, ни в цветах, ни в лианах не найти спасения несчастным мужчинам от женских чар.

Шриш (*смеется*). Я думал, что в доме Чондробабу в той маленькой комнате на первом этаже мы были все-таки гарантированы от встречи с женщиной. Сегодня это заблуждение рассеялось. Увы, женщины распространились по всей земле!

Бипин. Для нескольких бедных холостяков не осталось ни одного свободного местечка! Трудно найти даже комнату для заседаний!

Шриш. Взгляни-ка сюда! (*Берет со столика несколько заколок для волос и показывает их.*)

Бипин. Ого, друг мой, это место тоже небезопасно для холостяков.

Шриш. Конечно, раз есть цветы, найдутся и шипы.

Бипин. В этом-то и беда. Если бы были только эти шипы, их можно было бы просто выкинуть.

Шриш рассматривает книги на маленькой книжной полке в углу комнаты. Среди них — английские романы и сборники стихов. Раскрыв книгу на первой странице, он показывает ее Бипину.

Ниробала! Уверен, это не мужское имя. А ты как думаешь?

Шриш. Я тоже в этом уверен. Но мне кажется, что и это имя относится не к мужскому роду. (*Показывает другую книгу.*)

Бипин. Ниробала! Да, это имя, может быть, и подходит для поэтического сборника, однако в Клубе холостяков...

Шриш. Если в Клуб холостяков являются обладательницы таких имен, тогда среди нас не найдется ни одного,

у кого бы хватило мужества закрыть перед ними дверь.

Бипин. Похоже на то. Пурно уже сражен первым ударом. Интересно, жив он еще или нет?

Шриш. То есть как это?

Бипин. А разве ты не заметил?

Шриш. Нет, нет, это только твои догадки.

Бипин. На то и разум, чтобы догадываться: глаза видят, ум додумывает.

Шриш. Значит, нездоровье Пурно не относится к компетенции медицины?

Бипин. Нет, о таких болезнях в медицинском колледже лекций не читают.

Шриш. Знаешь, я тут перед домом встретился с одним перезрелым холостяком по имени Рошик Чоккраборти. Мне кажется, его нельзя назвать подходящим привратником для нашего клуба.

Бипин. Да, не очень-то он подходит на роль стража урочища Шивы. Он и мне не внушает доверия. Есть в нем что-то от бога любви под маской служителя Шивы...

Входит Чондромадхоб.

Чондро. Пурно-бабу был так взволнован нашими сегодняшними спорами, что ему стало плохо, и я отправил его к себе.

Бипин. Нужно было раньше оберегать его от волнений, а сейчас уже поздно.

Чондро. Мне вовсе не кажется, что мы были к нему недостаточно внимательны.

Входят Оккхой и Рошик.

Оккхой. Извините, пожалуйста. Я только представлю вам этого нового члена вашего клуба и сразу уйду.

Рошик (*смеясь*). Моя новизна, очевидно, не очень-то заметна снаружи...

Оккхой. Из-за своей скромности он всегда старается казаться старше, чем на самом деле. Но его истинную сущность вы скоро поймете сами. Это и есть знаменитый господин Рошик Чоккраборти!

Рошик. Отец дал мне имя Рошик, то есть остроумный, еще не имея представления о моем уме, и теперь,

чтобы оправдать это имя, мне приходится стараться изо всех сил.

По чья же вина,
Если чаша дырявая,
Сколько не лей —
Никогда не полна?

Окхой уходит. Входит Шойла в мужской одежде, приветствует всех. Близорукий Чондромадхоб-бабу, а также Шриш и Бипин стараются разглядеть вошедшего. Следом за Шойлой появляются двое слуг, несущих подносы с едой. Шойла берет у них маленькие серебряные тарелки и начинает их расставлять.

Рошик. Вот вам еще один новый член клуба. В отношении его новизны не может быть никаких сомнений. В отличие от меня, он скрывает свою опытность под невинной внешностью. Я вижу, вы удивлены? Что ж, это вполне понятно. Увидев его, каждый подумает, что это мальчик, но уверяю вас — он совсем не мальчик!

Чопдро. Как его зовут?

Рошик. Господин Оболаканто Чоттопадхай.

Шриш. Оболаканто?

Рошик. Согласен, имя не совсем привычное для нашего общества. Мне оно тоже не особенно нравится, но если вы перемените его на какое-нибудь более подходящее, скажем на Викрамасингху или Бхимасену, он возражать не будет. Хотя в шастрах и говорится, что «Благословен муж, славный именем своим», однако наш Оболаканто не стремится снискать славу при помощи своего имени.

Шриш. Что вы говорите, господин! Ведь имя — не одежда, его не сменишь.

Рошик. Это у вас какое-то новое представление об именах, Шриш-бабу. Я знаю, что наши предки меняли свои имена так же просто, как одежду. Может, вы помните, каково истинное имя Арджуны, — Парта, Дхананджая, Савьянсан? Как людям хотелось, так они и назывались. Так что не считайте имя чем-то неизменным. Если вы по ошибке и назовете его не Оболаканто, он не начнет против вас судебного процесса,

Шриш (*смеяясь*). Если вы в этом так уверены, я совершенно спокоен! Однако мне не придется испытывать терпение Оболаканто — его имени я не забуду.

Рошик. Вы-то, может, и не забудете, да я могу забыть. Он приходится мне дальним родственником, поэтому я и путаюсь. Так что если я когда-нибудь назову его иначе, вы уж не взъщите!

Шриш. Оболаканто-бабу, что это вы там все готовите? Сегодня на повестке дня угощений не было.

Рошик (*поднимаясь*). Позвольте мне от имени общества поблагодарить того, кто исправил это упущение.

Шойла (*расставляя тарелки*). Шриш-бабу, разве еда тоже противоречит вашему уставу?

Шриш (*указывая на упитанного Бипина*). Взгляните на него, и у вас не останется сомнений.

Бипин. Раз вы заговорили об уставе, Оболаканто-бабу, хочу вам напомнить, что избранные сами создают себе устав; талантливые писатели следуют своему уставу, лучшие поэты не признают устава критиков, и никакой устав не может запретить тех сладостей, которые вы раскладываете. Тут может быть один устав — сесть и покончить с ними. Пока они существуют, все другие уставы мира должны ждать у дверей.

Шриш. Что с тобой случилось, Бипин? Я видел, конечно, как ты ешь, но никогда не слышал, чтобы ты мог сразу одним духом сказать столько слов.

Бипин. Очевидно, что-то случилось с моим языком — он сам так и вертится. Жаль, что здесь нет того, кто будет писать мою биографию.

Рошик (*поглаживая рукой лысину*). На меня в этом отношении надежды возлагать не стоит — так долго я не проживу.

В новой, роскошной обстановке Чондромадхоб ведет себя очень странно. Его энергия не находит выхода. Он то начинает листать свою тетрадку с отчетом, то без всякой причины рассматривает линии на своей ладони.

Шойла (*подходя к Чондро*). Если я немного нарушил распорядок общества, простите меня, пожалуйста, Чондро-бабу, однако легкая закуска...

Чондро. Да, да, боюсь, что распорядок будет несколько нарушен.

Рошик. А давайте попробуем! Если сладости помешают работе общества, тогда...

Бипин (негромко). Тогда лучше закрыть общество, но оставить сладости.

Шриш. Сидите, пожалуйста, Рошик-бабу. Что это вы встали?

Рошик. Я ежедневно сажусь за стол без приглашения, но сегодня в качестве члена общества холостяков, гордясь тем, что нахожусь в вашем обществе, я думал, что меня пригласят, однако...

Шойла. Что такое, дядя Рошик! Разве ты хочешь есть? Ведь сегодня воскресенье!

Рошик. Вы слышали, господа? Всем можно, нельзя только дяде Рошику! Насилие — ужасная вещь, но что делать, что делать? Я подчиняюсь.

Бипин (видя только четыре тарелки). А вы с нами не сядете, Оболаканто-бабу?

Шойла. Нет, я буду подавать.

Шриш. Но как же так?

Шойла. Позвольте мне угостить вас, это доставит мне куда больше удовольствия, чем сама еда.

Шриш. Рошик-бабу, разве это правильно?

Рошик. У людей вкусы разные, один любит угощать, другой любит угощаться, такое различие мне кажется даже удобным!

Все едят.

Шойла. Чондро-бабу, сладости потом, а сначала вот это овощное блюдо. Что вы ищете? Стакан воды? Вот вам вода.

Перед Чондро на блюде малго, он никак не может с ним справиться. Шойла поспешило разрезает его. Не спуская глаз с Чондро-бабу, она незаметно пододвигает ему то одно, то другое блюдо.

Чондро. Шриш-бабу, вы обдумали вопрос о приеме женщин в члены нашего общества?

Шриш. После тщательного рассмотрения я нашел, что особых причин для возражений нет. Меня тревожит только одно, не будет ли против общественное мнение?

Б и пин. Наше общественное мнение еще не вышло из детства. Если считаться со всеми капризами ребенка, он никогда не повзрослеет. Это же относится и к общественному мнению.

Ш ри ш. Мне кажется, что никчемность и бесплодность стольких обществ и комитетов, расплодившихся за последнее время в нашей стране, объясняется тем, что в них не принимают участия женщины. Что вы скажете на это, Рошик-бабу?

Рошик. Хотя в силу обстоятельств я не мог близко познакомиться с представительницами слабого пола, однако хорошо знаю, что они могут либо помочь, либо мешать, либо созидать, либо разрушать. Поэтому, если мы примем женщин в наше общество, может, это и не будет очень приятно, зато от многих неприятностей избавит нас наверняка. Подумайте сами! Если принять женщин в Клуб холостяков, у них не будет повода тайно подрывать устои нашего общества, в то время как сейчас...

Шойла. Откуда дядя Рошик взял, что женщины недовольны нашим клубом?

Рошик. Зачем же ждать, когда придет беда? Надо заранее принять меры предосторожности. Кривую газель подстрелили с той стороны, где у нее не было глаза. Если наш клуб будет так же крив, то есть слеп по отношению к женщинам, то именно оттуда и прилетит разящая стрела!

Ш ри ш (Билину). Одна кривая газель уже повержена. Бедный наш Пурно!..

Ч ондро. Тот, кто заботится о благе общества, опираясь только на мужчин, подобен человеку, скачущему на одной ноге. А такой далеко не ускакает. Мы отстранили женщин от всех великих начинаний, и нашей деятельности не хватает дыхания жизни. Наши помыслы и надежды расколоты на две половины, — одна снаружи, а другая во внутренних покоях дома. Поэтому здесь мы произносим речи, а придя домой, их забываем. Слушай, Оболаканто-бабу, и запоминай, пока ты молод. Не презирай женщин! Если мы унижаем женщин, они тянут нас за собой, а так далеко не уйдешь. Если их возвышаем, они тоже поднимают нас и помогают идти вперед. В нашей стране слишком часто произносят обличительные речи вне

дома, а дома забывают стыд и совесть; вот почему весь наш прогресс — одна показная шумиха!

Шойла. Мудрые наставления! Высокие слова! Благословите меня, Чондро-бабу, чтобы я был их достоин.

Чондро. Значит, никто не возражает против приема моей племянницы Нирмолы в Клуб холостяков?

Рошик. Есть только одно возражение со стороны грамматики. Особа женского пола в клубе холостяков? На нас обрушатся все проклятья Вопадевы!

Шойла. В наше время проклятья Вопадевы не страшны.

Рошик. Но надо соблюсти хотя бы форму! Выход есть. Нужно только, чтобы, вступая в наш клуб, женщины втайне от нас переодевались в мужскую одежду и принимали мужские имена, чтобы их никто не мог отличить от остальных холостяков. И тогда мы с грамматикой погладим.

Шриш. Это будет презабавно. Ведь они сами не будут знать, кто мужчина, а кто женщина!

Бипин. Лично я не ошибусь!

Рошик. И мне тоже кажется, что свою племянницу я ни с кем не спутаю.

Шриш. А мне вот не все ясно. Например, это имя — Оболаканто-бабу!

Шойла поспешно отходит к маленькому столику.

Чондро. А знаете, Рошик-бабу, бывает так, что со временем слова меняют свой смысл на противоположный. Но что в этом плохого? Что плохого, если Клуб холостяков приобретет иной смысл, когда мы примем в него женщин?

Рошик. Да ничего плохого. Я не противник перемен, если изменятся имена и одежда. Я всегда за новое, поэтому-то моя душа и не стареет!

Чондро. Итак, возражений нет? Ну и прекрасно.

Рошик. Надеюсь, угощение не помешало работе общества?

Шриш. Конечно, нет! Если раньше мы работали только языком, то сегодня помогали языку обеими руками.

Б и пин. Да, сегодня работать было куда приятнее. Но на этом, я думаю, можно закрыть заседание нашего клуба. Какие уж тут дебаты после такого угощения! К тому же и время позднее.

Все уходят.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

КОМНАТА В ДОМЕ ОКХХОЯ.

На сцене Окххой, Нира и Нрипа. Вечер.

Нира
(поет)

Пусть уходят все, кто хотел уйти,
Лишь бы ты один не успел уйти!
Подожди, я песнь о дожде спою,
Подожди, дослушай ту песнь мою!
Двери заперты всюду, — куда же ты?
Ничего там нет, кроме темноты,
Там лишь ночь, да ветер со всех сторон,
Да бормочет лес, потерявший сон...

Окххой. Объясните мне, что происходит? Почему здесь раньше наводил чистоту один слуга со своей тряпкой, а теперь вы обе толчетесь в моей комнате, так что пыль столбом?

Нира. Потому, что старшая сестра уехала, и теперь вся ответственность лежит на нас. Мы заботимся о тебе из милосердия.

Окххой. О, милосердные души! Вы просто маленькие воровки, которые прокрадываются в опустевшую комнату, чтоб украсть мое бедное сердце, оставленное без присмотра. Думаете, я не понимаю? Ну что ж, я не прочь!

(Поет.)

Приди, о милосердный вор,
И сердце укради мое,
Ты только руку протяни, —
Оно заранее твое!

Нира. Не думай, что мы настолько глупы! Где теперь найдешь сердце, оставленное без присмотра?

Окхой. А скажи по правде, как ты думаешь, где сейчас мое несчастное сердце?

Нрипа. Могу сказать, уважаемый господин Муккерджи: оно сейчас за четыреста семьдесят пять миль отсюда!

Нира. Откуда ты знаешь, сестрица? Ты что, бежала за его сердцем и считала мили?

Нрипа. А зачем? Просто когда старшая сестра собиралась в Бенарес, я заглянула в расписание, там все указано.

Окхой

(поет)

Умчалось сердце, — ай-яй-яй!
Кто будет кровь по жилам гнать?
Попробуй-ка его поймай,
Попробуй-ка его догнать!
Бегу за ним, лечу за ним,
Как будто бурею гоним.

Но впереди меня — она,
И сердце у нее в руках;
Бежит она, как лань, стройна,
А я за нею впопыхах, —
Куда уж мне убогому
За ланью быстроногою...

Нира. О, лучший из поэтов! Превосходно, великолепно! Только мне кажется, здесь чувствуется влияние какого-то современного поэта.

Окхой. Это потому, что я сам весьма современен. Неужели вы обе могли подумать, что ваш господин Муккерджи родился в эпоху какого-нибудь Криттибаша Оджа? Мили считать научились, а даты путаете: если с

географией у вас хорошо, то история подкачала. Какой же толк от своячениц, если они не могут отличить современника от древнего старца?

Нира. Господин Муккерджи, когда Шива пошел на свой брачный пир, его свояченицы ошиблись точно так же, однако Ума на этот счет имела свое мнение! О чём ты беспокоишься? Ведь наша старшая сестра не считает тебя древним старцем!

Оккхой. О, непонятливая! Да если бы у Шивы были такие свояченицы, разве понадобилось бы вмешательство бога любви, чтобы вывести его из состояния созерцания? Разве можно нас сравнивать?

Нрипа. Хорошо, хорошо, господин Муккерджи! Скажи лучше, что ты тут делал столько времени?

Оккхой. Разбирал счета за молоко.

Нира (*схватив со стола незаконченное письмо*). Так вот они какие, твои счета за молоко? Здесь почему-то слишком много сливочного масла.

Оккхой (*с беспокойством*). Нира, что за шутки? Отдай сейчас же...

Нрипа. Нира, дорогая, не выводи его из себя, верни письмо! Видишь, здесь не терпят шуток своячениц. Но сначала скажи нам, пожалуйста, господин Муккерджи, как ты обращаешься в письме к нашей старшей сестре.

Оккхой. Каждый раз по-новому.

Нрипа. А сегодня как?

Оккхой. Если хочешь, можешь послушать: «О вечная душа, прекрасная, прелестная, ты, чей нежный свет затмевает сиянье луны!»

Нира. Удивительно искусная лесть!

Оккхой. Еще бы! В ней нет никаких заимствований, никаких словесных повторов!

Нрипа (*удивленно*). Господин Муккерджи, неужели ты каждый день сочиняешь такие длинные обращения? Наверное, писать письма к нашей старшей сестрице отнимает немало времени?

Оккхой. Как ты догадлива! Но знаешь, для чего мне нужны эти длинные обращения? Чтобы развивать природную способность к экспромтам. Ты не веришь? Разве ты забыла, что, по законам Ману, каждому слову шурина нужно верить, как изречению из вед?

Нира. Успокойся, господин Муккерджи. Не сердись на мою Нрипу. Если хочешь знать правду, я верю каждому твоему слову — каждому второму. Это тебя утешит?

Нрипа. А скажи нам, Муккерджи, ты когда-нибудь сочинял стихи для своей жены?

Оккхой. Всякий раз, когда она злилась, я слагал в ее честь хвалебные гимны. Но так было только вначале.

Нрипа. А потом?

Оккхой. А потом я увидел, что это дает обратный результат, и бросил сочинять гимны: от них ее гнев только разгорался, как огонь от ветра.

Нрипа. Значит, потом ты занялся счетами из молочной лавки? Как жаль! Нам бы так хотелось послушать хоть один твой гимн. Спой нам, пожалуйста!

Оккхой. Боюсь. А вдруг вы насплетничаете моей супруге?

Нрипа. Что ты, ей мы ни слова не скажем!

Оккхой. Тогда внемлите!

(Поэт.)

О ты, владычица души моей,
Красавица с улыбкой кроткой,
Бутон прелестный неземных полей
С утиною походкой.

Твой лик порой от ярости багров
И мечет взор угрозы;
Порой бывают розы без шипов,
Но ты — шипы без розы.

О лань моя, любви моей весна!
Цветок жасмина, благостная тайна!
О вздорная и глупая жена,
Болтливая необычайно!

Как не любить тебя и не желать,
О мед, сокрытый под защитой жала!
Как не корить тебя и не ругать,
О лотос, выкованный из металла!

Ну вот и хватит с вас. А теперь, милостивые государи-ни, прошу вас удалиться!

Нира. За что ты с нами так? Если тебе досадила твоя супруга, незачем срывать злость на нас.

Оккхой. О, я вижу, в этом доме не хотят больше следовать обычаям и уходить при появлении посторонних. Бегите скорей, несчастные, сейчас сюда придут!

Нрипа. Скажи лучше, что тебе просто нужно закончить письмо.

Нира. Тогда мы останемся, а ты пиши. Не похитим же мы слова с кончика твоего пера!

Оккхой. Когда вы рядом, все мои мысли с вами, и боюсь, ни одна не дойдет по назначению. Но, кроме шуток, сейчас ко мне придут, а все двери заперты, кроме этой, так что убегайте, пока не поздно.

Нрипа. Кто же к тебе придет в такое время?

Оккхой. Совсем не те, о ком вы думаете!

Нира. О ком думаешь, тот никогда не приходит, ты сам это знаешь, не правда ли, господин Муккерджи? Думаешь о божестве, а к тебе является злой дух!

(Поэт.)

Над рекой луна собой любуется,
В сердце смех и слезы чередуются.
Вот пришла весна, все распускается,
Только я брожу одна, красавица.
Где же друг мой? — я у звезд выпытываю.
Он мечта, в душе моей сокрытая.

Оккхой. Откуда ты это взяла?

Нира. Слышала. Из твоих же прекрасных уст!

Оккхой. Что она со мной делает — пользуется моим одиночеством и терзает мое сердце! Не будь хоть жестокой, прикончи сразу!

Нира
(поэт)

Слышу запах, а цветов не вижу я,
Вижу тропку, а шагов не слышу я,
Он все ближе, а не приближается,
И глаза слезами заливаются.
Вот и осень подошла глубокая,
И напрасно жду я, одинокая...

Голос за сценой: «Скажите, Оболаканто-бабу дома?»

Неожиданно входит Шриш, но тут же пытается улизнуть, бормоча извинения, Нрипа и Нира убегают.

Оккхой. Заходите, заходите, Шриш-бабу!

Шриш (*смузенено*). Простите меня, пожалуйста.

Оккхой. С удовольствием прощу, если буду знать, за что.

Шриш. Я без предупреждения...

Оккхой. Пока по этому поводу не вышло особого постановления муниципалитета, можете всегда приходить запросто, Шриш-бабу.

Шриш. Спасибо, если я в самом деле не помешал...

Оккхой. Ну что вы! Вы можете приходить когда угодно и куда угодно — сам творец дал вам на это право. А для нас ваш приход — настоящий праздник! Подождите, я сейчас позову Оболаканто-бабу. (*Про себя.*) Надо куда-нибудь скрыться, иначе я так и не закончу это письмо! (*Уходит.*)

Шриш. Глазам не верю! Только что здесь были две волшебных газели... О, несчастный безоружный охотник, ты бессилен перед стрелами их испуганных глаз! Взгляд их остался в сердце, как золотая черта на точильном камне...

Входит Рошик.

Надеюсь, я не помешал вам своим поздним приходом, Рошик-бабу?

Рошик. Наоборот, друг мой. Для нищего и кусок сахарного тростника — богатство, а я еще неприхотливее.

Шриш. Скажите, Оболаканто-бабу дома?

Рошик. Конечно дома, сейчас выйдет.

Шриш. Нет, нет, если он занят, не стоит его беспокоить. Я ведь лентяй, зашел от безделья в поисках таких же бездельников.

Рошик. Доказано, что лучшие люди ленивы, а бездельники — праведны. Когда лентяи соединятся с бездельниками, это будет соединение золота с драгоценным камнем. Для таких встреч и существуют вечера. Йогам — утро, больным — ночь, дельцам — с десяти утра до четырех пополудни, а вечерам... Скажу по совести, по-моему,

Браhma создал вечера совсем не для заседаний Клуба холостяков. Как вам кажется, Шриш-бабу?

Шриш. Должен признать, что вечера действительно появились гораздо раньше Клуба холостяков и вряд ли они подчиняются уставу нашего Чондро-бабу...

Рошик. Зато они подчиняются уставу луны, ибо ведь луна — тоже «Чондро», но устав у нее другой. Признаюсь вам откровенно, Шриш-бабу, только, пожалуйста, не смейтесь! В мою комнату на первом этаже иногда заглядывает луч луны. Когда этот серебристый луч падает мне на грудь, мне кажется, что кто-то шлет мне дивную весть. Серебристый вестник склоняется надо мной и шепчет мне на ухо строки древних стихов о несбыточном.

Шриш. Как хорошо вы говорите, Рошик-бабу! Наверное, эти древние стихи еще прекраснее, но санскрит для меня слишком труден.

Рошик. Я перевел стихи, но пока держу это в секрете, чтобы редакторы не всполошились. Хотите послушать?

Где над Джамуной нависает сад,
Где лотосов пьянящий аромат,
В твоих объятьях, дева-чаровница,
Забудусь я, полусмежив ресницы,
И чтоб не видеть сладостных очей.
Лицом зароюсь в шелк твоих кудрей.
А если ты уснешь в полдневный зной,
Я буду веткой веять над тобой...
О, приходи скорей! Тебя я жду
В беседке над рекой в моем саду.

Шриш. Ого, почтенный Рошик-бабу, я и не знал, что вы так чувствительны!

Рошик. Откуда вам знать! Разве кто догадается, что сама богиня поэзии иной раз выходит из своего лотоса на эту лысину подышать свежим воздухом? (*Поглавливает свою лысину.*) Более просторного места ей не найти.

Шриш. Ах, Рошик-бабу, но эта беседка на берегу Джамуны мне положительно понравилась. Если увижу объявление, что она продается с аукциона, обязательно куплю!

Рошик. Ну что вы, Шриш-бабу, зачем вам какая-то беседка? Вы лучше подумайте о чаровнице с шелковыми кудрями. Ее на аукционе не купишь!

Шриш. Смотрите-ка, чей-то платок! Откуда он здесь?

Рошик. Позвольте взглянуть... О, чудесная находка! А какой аромат! Придется, видно, мне переменить одну строку, хоть это и ломает стих: «Лицом зароюсь в шелковый платок!» Но, к сожалению, Шриш-бабу, этот платок не годится на знамя для Клуба холостяков. Видите, в уголке вышито маленькое «и»?

Шриш. Какое же это имя? Вы не знаете, Рошик-бабу? Налини? Нет, это слишком банально. Ниламбулжа? А это чересчур громоздко. Нихарика? Слишком неопределенно. Как по-вашему, Рошик-бабу?

Рошик. Не знаю. Мне кажется, можно с тем же успехом собрать все «и», сколько их ни есть в словаре, сплести из них гирлянду и надеть ее на шею самой синеглазой. Например, Нирмолнобонинидито-Нобино... уф! Подскажите, Шриш-бабу!

Шриш. Нобиномоллика!

Рошик. Превосходно! Итак — Нирмолнобонинидито-Нобиномоллика. Прямо-таки поэма! Еще несколько прелестных «и» просятся на язык: Нибхрито, Никунджанилая, Нипуннупуроникопо, Ниворониродонирмукто... Ах, был бы тут брат Окхой, не пришлось бы нам ломать голову! При одном его приближении все слова разбегаются по местам, как ученики при виде учителя. Шриш-бабу, не прячьте платок в карман, не обижайте старого человека!..

Шриш. Но ведь его нашел я!

Рошик. Зато мне он нужнее. Я ведь вам говорил, что иногда одинокий луч луны заглядывает в единственное окно моей комнаты. В такие минуты мне вспоминаются стихи:

Месяц женщинам заглядывает в лица,
Просит красотою поделиться,
От окна к окну плывет в сиянье,
Просит красоты, как подаянья.

Что же я дам ему, когда он придет под мое окно? Самые яркие стихи, которые я могу припомнить, всего лишь слова, а словами рис не размочишь. И вот тут-то платок мне очень пригодится — ведь он имеет прямое отношение к красоте!

Шриш. А вы когда-нибудь хоть мельком видели эту красоту?

Рошик. Конечно, видел, иначе я бы не стал и спорить из-за какого-то платка. За всеми этими «н», которые гудят у меня в голове, как рой пчел, передо мной возникает образ, созданный моей фантазией, образ прекрасной богини среди зарослей лотоса!

Шриш. Ах, Рошик-бабу, ваша голова действительно словно улей, и во всех сотах — мед поэзии. Но боюсь, я уже сыт этим медом.

Входит Оболаканто-Шойла в мужской одежде.

Шойла. Простите, Шриш-бабу, я немного задержался.

Шриш. Это вы меня простите, Оболаканто-бабу. Приходить незваным в столь поздний час — преступление.

Шойла. Я прощаю, но при условии, что вы будете совершать такое преступление каждый вечер. Иначе — не прошу!

Шриш. Согласен, но смотрите, как бы вам не пожалеть о своем условии.

Шойла. Я-то не пожалею, но если вам оно будет в тягость, я вас прошу и так.

Шриш. Если вы на это надеетесь, вам придется ждать вечно.

Шойла. Дядя Рошик, что это вы тянетесь к карману Шриша-бабу? Неужели под старость лет вас прельстило ремесло карманника?

Рошик. Нисколько, дорогой, тем более, что оно под стать скорее вашему возрасту! Просто между мной и Шришем-бабу идет спор из-за одного платка, и, видно, тебе придется его разрешить.

Шойла. А в чем дело?

Рошик. У меня уже нет капитала, чтобы делать оптовые закупки на базаре любви. Мне остались лишь мелочи — платок, лента, записочка. А у Шриша-бабу,

основной капитал еще не растрочен, так что он может купить целое сари вместе с его обладательницей, а не то что какой-то платок. Мне дорога и лента для волос, а он может целиком окунуться в благоуханный поток распущенных до полу кос, — так чего же он крохоборничает?!

Шриш. Оболаканто-бабу, вы человек беспристрастный, поэтому пусть платок будет у вас, пока вы не выслушаете обе стороны. Кому вы его присудите, тому он и достанется. (*Передает платок Шойле.*)

Шойла (*взглянув на платок, прячет его в карман*). Зря вы считали меня беспристрастным судьей! Эта вышитая красными нитками буква «н» в уголке вписана кровью в мое сердце, а потому я оставил платок себе!

Шриш. Рошик-бабу, но это же насилие! Не думал я, что буква «н» так опасна...

Рошик. Европейцы говорят, что логика слепа. Но ведь любовь тоже слепа! Так пусть теперь воюют двое слепых, — кто сильнее, тот и победит.

Шойла. Шриш-бабу, вы ведь не видели того, кому принадлежит платок, — зачем же он вам?

Шриш. То есть как это не видел?

Шойла. Видели? Кого же вы видели? Ведь есть два «н»...

Шриш. Я видел обеих. И чей бы ни был платок, я не могу от него отказаться.

Рошик. Шриш-бабу, послушайтесь совета старика: не гонитесь за двумя зайцами, не то очутитесь между двух стульев. Ибо сказано: «Только одна луна рассеет тьму души!»

Входит слуга.

Слуга (*обращаясь к Шришу*). Там человек принес письмо от Чондро-бабу. Говорит, еле отыскал вас...

Шриш (*прочитав письмо*). Вы подождете меня? Дом Чондро-бабу совсем рядом, я схожу к нему и мигом вернусь.

Шойла. А вы не сбежите?

Шриш. Нет, мой платок остается залогом, без него я не уйду.

Уходит.

Рошик. Дорогая Шойла, оказывается, члены Клуба холостяков вовсе не такие уж неисправимые холостяки, как я предполагал. Чтобы их сорвать, вовсе не нужно ни Менаки, ни Рамбхи, ни Маданы, ни Васанта. Это под силу даже старому Рошику.

Шойла. Я уже вижу!

Рошик. А знаешь, в чем истинная причина? Стоит тому, кто жил в Дарджилинге, попасть в малярийную местность, он сразу же заболевает. Они слишком долго пробыли в таком здоровом месте, как дом Чондробабу, поэтому наш дом для них — сплошная зараза. Здесь, чего ни коснись — платка, книги, стула, стола, — всюду подстерегает смертоносная болезнь.

Шойла. А ты, дядя Рошик, наверное, так ко всему этому привык, что уже ничего не боишься?

Рошик. Какое там! У меня и печенья и селезенка давно уже поражены.

Входит Нира.

Нира. А мы были рядом, в соседней комнате, и все слышали!

Рошик. Ну конечно! Рыбаки стараются тянуть сеть, а коршун сидит и ждет своей добычи!

Нира. Ой, чего только тут ни наговорил Шриш-бабу из-за платка моей сестрички! Она чуть не сгорела со стыда... Дура я, что сама ничего не оставила. Вот теперь принесла целую дюжину платков — пусть растикают!

Шойла. А что это у тебя за тетрадь в руках?

Нира. Я туда записываю песни, которые мне нравятся.

Шойла. Можно взглянуть?

Нира
(шутливо)

Не зови гребца с парома, —
Он давно уж дома!
Расплатись вперед по счету
За его работу!

Рошик. Шойле сейчас некогда, дорогая. Я сам готов позвать перевозчика и рассчитаться с ним полностью. Спой нам, Нира!

Нира
(поет)

Я огонь по ночам не жгла,
И меня не узнал он сразу,
А потом я звала, звала, —
Не откликнулся он ни разу.

А свирель его все поет,
И печали меня и радуя;
Пусть ко мне он в слезах придет, —
Буду лучшей ему наградою.

Без пути бредет, как во спе,
Но душа моя знает, верит:
Приведет его боль ко мне,
И я встречу его у двери.

Голос за сценой: «Оболаканто-бабу, вы дома?»

Входит Бипин и растерянно останавливается. Нира, смущившись, убегает.

Шойла. Входите, Бипин-бабу!

Бипин. Мне, правда, можно зайти? Вы на меня не сердитесь?

Рошик. Вы уж вошли — что ж на вас сердиться?
А то, что ушло, может вернуться в удвоенном количестве — таков закон торговли. Я прав, Оболаканто?

Шойла. Остроумие дядюшки Рошика с каждым днем становится все гуще.

Рошик. Так и патока со временем загустевает!
Однако о чем вы задумались, Бипин-бабу?

Бипин. Я думаю, не лучше ли мне уйти. Тогда, по крайней мере, вы меня из вежливости хотя бы проводите.

Шойла. А если мы вас из дружбы попросим остаться?

Бипин. Тогда... Ну что ж...

Шойла. Вот и оставайтесь. Присаживайтесь, Бипин-бабу.

Рошик. И сделайте довольноное лицо, Бипин-бабу! Я вам по возрасту не соперник, ко мне можно не ревновать, а нашего юного Оболаканто почему-то ни одна женщина мужчиной не считает. Так что, если какая-нибудь

юная красавица при встрече с вами убегает, словно пугливая лань, — утешайтесь тем, что она признала в вас мужчину. Увы, мне этого счастья уже не испытать. Вряд ли кто-нибудь убежит в смущении, завидев мою лысину.

Бипин. Оболаканто-бабу, что это говорит про вас ваш дядюшка?

Шойла. Почем мне знать, Бипин-бабу? Может быть, он смеется над моим именем? Ведь в меня еще ни одна женщина не влюбилась!

Бипин. Не отчайвайтесь, все еще впереди.

Шойла. Если бы я хоть на что-нибудь надеялся, я бы не вступил в Клуб холостяков.

Бипин (*про себя*). Его что-то мучит, иначе его нежное, юное лицо не было бы так печально. Смотри-ка, тетрадка! С песнями! Чье это имя? (*Читает вслух.*) «Ниробала».

Шойла. Что это вы делаете?

Бипин. Готовлюсь совершить проступок перед какой-то незнакомкой. Может быть, мне представится случай попросить у нее прощения, и, может быть, мне посчастливится претерпеть от нее наказание, — я на все готов! Но собранные здесь песни — рубины и каждая буква — жемчужина, не мудрено впасть в соблазн. Надеюсь, вездесущий поймет меня и простит!

Шойла. Творец, может быть, и простит, но я не прощу. Эта тетрадь мне так же дорога, Бипин-бабу!

Рошик. А мне? Разве мне недоступно очарование таких вещей? Что можно сравнить с подобной рукописью? В ней воплощена сама душа, слетевшая с кончиков нежных пальцев. Посмотришь на строки — и словно само сердце перед глазами. Прошу тебя, Оболаканто, не упусти эту тетрадь! Твоя кипучая Ниробала подобна ручейку — журчит и струится, попробуй ее улови! А в этой тетради целая горсть, зачерпнутая из ее родника. Это бесценная вещь! Но зачем она вам, Бипин-бабу, ведь вы Ниру совсем не знаете...

Бипин. Зато вы оба знаете ее вполне достаточно, так что вам эта тетрадь тем более ни к чему. Я хоть по тетради с ней познакомлюсь...

Входит Шриш.

Шриш. А вы знаете, я видел здесь на книгах два имени: Припобала и Ниробала... Ба, смотрите-ка, Бипин! Как ты здесь очутился?

Бипин. Тот же вопрос можно задать и тебе.

Шриш. Я пришел обсудить с Оболаканто-бабу вопрос о группе саньяси. У него такая внешность, лицо и голос, что он может служить нам образцом. Если он, умавшийся сандалом и надев на шею гирлянду, с виной в руках войдет поутру в деревню, сердце любого семейного человека сразу растает.

Рошик. Не понимаю, кому это нужно — оттаивать сердца?

Шриш. Клуб холостяков для того и существует, чтобы оттаивать сердца!

Рошик. Что вы говорите? Тогда какой вам толк от меня?

Шриш. У вас внутри столько жара, что даже на Северном полюсе вы можете растопить весь лед и устроить наводнение. Куда ты, Бипин?

Бипин. Я пошел, хочу немного почтить на ночь.

Рошик (*негромко Бипину*). Оболаканто спрашивает, можно ли после прочтения получить тетрадь обратно?

Бипин (*так же, Рошику*). Когда прочту, тогда и поговорим. Ну, я пошел.

Шойла (*негромко*). Шриш-бабу, вы, кажется, что-то потеряли?

Шриш (*так же*). Поищу в другой раз, Оболаканто-бабу. Я тоже пошел.

Шриш и Бипин уходят.

Нира (*вбегая*). Что это за разбой?! Он унес тетрадку с моими песнями! Я страшно сердита!

Рошик. В словаре слово «сердиться» имеет различные значения.

Нира. Зачем мне словарь — верни мне мою тетрадку!

Рошик. Заяви в полицию, милая, ловить воров — не моя специальность.

Нира. А ты, сестрица, ты позволила унести мою тетрадь?

Шойла. Не надо было бросать такое бесценное сокровище!

Нира. Что же, я нарочно ее бросила?

Рошик. Можно подумать и так.

Нира. Дядя Рошик, твои шутки мне надоели!

Рошик. Это поистине ужасно!

Разгневанная Нира убегает. Входит смущенная Нрипа.

Что, Нрипа, ты тоже ищешь потерянное сокровище?

Нрипа. Я ничего не теряла.

Рошик. Вот это приятная новость. Шойла, дорогая, если у платка нет хозяина, отдай его тому, кто его нашел. (*Берет платок из рук Шойлы.*) Кто знает, чья это вещь?

Нрипа. Не моя. (*Хочет убежать.*)

Рошик (*удерживая ее*). Значит, ты не претендуешь на эту вещь?

Нрипа. Оставь меня, дядя Рошик, мне некогда! (*Уходит.*)

З а н а в е с

СЦЕНА ВТОРАЯ

Бипин и Шриш на улице Голдигхи.

Шриш. О, Бипин, месяц магх кончается, и уже подул весенний ветерок. Смотри, какая дивная луна! Если мы сейчас завалимся спать или засядем за книги — боги нам не простят.

Бипин. Их гнев я как-нибудь перенесу, а вот простуду...

Шриш. Вот из-за этого я всегда с тобой и ссорюсь! Я ведь знаю: и тебя волнует вешний южный ветер, но ты никогда в этом не признаешься, чтобы тебя не сочли сентиментальным. А какой в этом героизм? Я вот прямо говорю: мне нравятся цветы, нравится лунный свет...

Бипин. А еще что?

Шриш. А еще — все, что может нравиться.

Бипин. Странный ты человек, да, видно, таким уж создал тебя творец.

Шриш. А ты — еще страннее! Тебе правится то же, что и мне, но ты этого никогда не скажешь. Ты вроде часов в моей спальне: ход у них точный, а бой — лучше не слушать!

Бипин. Знаешь, Шриш, если все привлекательное начало тебя так соблазнять, это уже опасно.

Шриш. Не вижу никакой опасности.

Бипин. Вот это-то и плохо! Когда больной перестает чувствовать боль, значит, надежды на исцеление уже нет. Я, брат, согласен, у женщин немало привлекательного, но именно поэтому мы должны обходить их стороной.

Шриш. Ошибка, страшная ошибка! Как же ты будешь их сторониться, если они повсюду. Чтобы сохранить род людской, создатель сотворил столько женщин, что теперь от них никуда не денешься. Поэтому даже нам, холостякам, придется с ними примириться. Так, пожалуй, и должно быть. Когда мы наконец решим принимать женщин в наш клуб, мы тем самым заложим основу его долговечности. Но мало принять одну женщину, Бипин, надо, чтобы их было несколько! Если в комнате открыть одно окно, можно простудиться, но если распахнуть все окна и двери — опасности никакой.

Бипин. Не понимаю я тебя, брат... Если человек склонен к простуде, его не уберегут ни люди, ни боги.

Шриш. Ну а ты вот, склонен или нет?

Бипин. Сказать тебе правду, так возомнишь, что я вроде тебя. Скажу лишь одно: мой пульс тоже иногда бьется чаще, чем положено пульсу холостяка.

Шриш. И снова ты ошибаешься! Пусть в крови холостяка бушуют все бури вселенной — это совсем не страшно. Разве те, кто дал обет, могут оградить свое сердце от всех волнений? Пусть оно прядет и скачет, как необъезженный конь, но вот если кто-нибудь захочет его стреножить, тогда борись до конца!

Бипин. Смотри, кто там идет? Э, да это наш друг Пурно! Видно, конь его сердца совсем охромел: бедняга никак не может выбраться с этой улицы. Позвать его, что ли?

Шриш. Зови. Только мне кажется, что он здесь сам нас разыскивает.

Бипин. Эй, друг Пурно!

Появляется Пурно.

Что новенького?

Пурно. Все новости старые. Сегодня то же самое, что вчера и позавчера.

Шриш. Вчера дул холодный ветер, а сегодня повеяло весной, — может быть, это принесет что-нибудь новое?

Пурно. Новостям, которые приносит весна, не место в обществе холостяков. Однажды в лесу аскетов тоже подул весенний ветер, и Калидасе пришлось написать поэму «Кумарсамбхава», — о любви, браке и деторождении. А мы если и напишем поэму, то у нас от весеннего ветра все равно никто не родится.

Бипин. Кто знает, Пурно-бабу. Чему суждено быть, того не миновать. А может быть, попробуем оживить в нашей второй поэме бога любви, который сгорел в первой?

Пурно. Пусть в этой поэме сгорит Клуб холостяков и пусть бог любви его сам подожжет!.. Да нет, Шриш-бабу, я шучу. Хотя на самом деле наш клуб — настоящий смоляной дом: стоит поднести спичку, и уже никто не спасется. Лучше уж создать клуб женатых, — оно куда безопаснее! Если дом построен из обожженного кирпича, можно не бояться ни женщин, ни пожара.

Шриш. Нет, Пурно-бабу, люди, которые женятся, губят самую сущность брака. Поэтому, пока я жив, бог бракосочетаний не переступит порог нашего клуба.

Бипин. А бог любви?

Шриш. Для него дверь всегда открыта. Мы уже с ним подружились, и нам он не страшен.

Пурно. Смотри не ошибись, Шриш-бабу!

Шриш. А что смотреть? Я его сам ищу. Надо прикоснуться к пламени жизни, очиститься, излить душу в стихах, и только тогда можно стать настоящим саньяси. Помните, что сказал наш поэт?

Пока ночь не прошла,
Факел жизни зажги, дорогая,
И пройди по дороге
Со своим негасимым огнем;

Онемев от печали,
Во мраке тебя ожидаю —
Ты последней надеждою вспыхнешь
В темном сердце моем.
Пока ночь не прошла,
Факел жизни зажги, дорогая!
Без тебя окружает
Меня беспросветная мгла...

Пурно. А знаешь, Шриш-бабу, твой поэт неплохо сказал: «Пока ночь не прошла, факел жизни зажги, дорогая!» Представляешь? Комната украшена, на блюде — гирлянда, на ложе — цветы, и только факел жизни не горит. А ночь уходит... Ах, как прекрасно написано! Скажи, откуда это?

Шриш. Из книги «Зов».

Пурно. И название хорошее. (*Про себя.*) «Пока ночь не прошла, факел жизни зажги, дорогая!» (*Глубоко вздыхает.*) А вы что, собирались домой?

Шриш. Я, брат, уже и не знаю, в какой стороне мой дом.

Пурно. В такую ночь, в самом деле, можно забыть дорогу домой. Что скажешь, Бипин-бабу?

Шриш. Бипин-бабу о таких вещах предпочитает не говорить, чтобы не спугнуть их поэзии. Самое ценное сокровище всегда зарывают поглубже.

Бипин. Нет, брат, просто я не люблю разглагольствовать попусту. Всему свое время и место. Например, если уж умирать, то на берегу Ганги!

Пурно. Великолепное изречение, прямо из шаstry! Когда другие говорят, Бипин-бабу предпочитает молчать. Видно, он копит поэзию ко дню своих похорон. А мы, Шриш-бабу, не станем молчать, и да будут слова наши сладостны, как мед...

Шриш. Но пусть в них будет и капля яда...

Бипин. А главное, чтобы вы успевали между разговорами хотя бы поесть!

Пурно. Пусть паузы между фразами будут сладче самих фраз...

Шриш. И пусть не приходит сон...

Пурно. И не кончается ночь...

Биин. Не возражаю, если будет светить луна.

Пурно. И пусть Биин радуется весенним цветам...

Шриш. А несчастный Шриш перестанет заглядывать в каждую зеленую беседку!

Пурно. Довольно, Шриш-бабу! Прочти нам лучше еще что-нибудь из твоего «Зова». Как хорошо там сказано: «Пока ночь не прошла, факел жизни зажги, дорогая!» Достаточно горящему факелу жизни приблизиться к другому факелу — вспыхнет яркое пламя, и больше ничего не нужно! Стоит только нежной руке слегка наклонить свой факел — и сразу все озарится! (Про себя.) «Пока ночь не прошла, факел жизни зажги, дорогая!»

Шриш. Куда же ты, Пурно-бабу?

Пурно. Я... я забыл у Чондро-бабу одну книгу, пойду ее поищу!

Биин. Да разве у Чондро-бабу что-нибудь найдешь? В его доме такой беспорядок — если что потеряешь — пиши пропало!

Пурно, не слушая, уходит.

Шриш (*с глубоким вздохом*). Хороший он человек, этот Пурно!

Биин. Да только со слабой головой! Она у него вроде пробки в бутылке с шампанским — того и гляди, взлетит к небесам.

Шриш. Ну и пусть взлетает! Неужели весь смысл нашей жизни в том, чтобы удерживать голову на своем месте, опутав ее проволокой? Почему же мне моя голова иногда кажется такой тяжелой? Раскрутись, брат, постылую проволоку, пусть вся наша мудрость взлетит к небесам! Помнишь, я читал тебе стихи:

О путник, потерявший путь,
Скорее возвращайся вспять,
Иначе выплачешь глаза
И вовсе не найдешь пути.
Но если ты пойдешь назад,
Сумеешь, может быть, опять
Души утраченный покой
В начале странствия пайти.

Там груды красных лепестков
Под деревом, красней, чем кровь,
Там к вечеру и поутру
Накатывает океан,
Творя и разрушая вновь,
Ведет извечную игру, —
О путник, потерявший путь,
Вернись скорей из дальних стран!

Бипин. Что-то ты сегодня увлекаешься стихами, не довели бы они тебя до беды!

Шриш. Беда не беда для того, кто сам этого хочет. Вот если стараешься не оступиться и попадаешь ногой в яму, тогда это настоящая беда! Ой, кто это? Рошик-бабу? И вы тоже ночью на улицу? Идите к нам!

Появляется Рошик, бормоча себе под нос стихи.

Рошик

Что мне ночь и что мне день,
Что мне мрак и что мне свет,
Что мне солнце, что мне тень,
Если милой рядом нет!

Шриш. О чём это вы?

Рошик. Вы не понимаете старых стихов? Могу перевести:

Пусть уходит день за днем,
Пусть за ночью ночь уходит, —
Не жалею ни о чём,
Если счастье не приходит.

Теперь понимаете? Много ночных и дневных приходило и уходило, но та, единственная, так и не пришла. Так какая разница — день или ночь? Я больше не доверяю им обоим.

Шриш. А что, если ваша возлюбленная придет именно сейчас?

Рошик. Тогда она на меня даже не взглянет и достанется кому-нибудь из вас.

Шриш. Этим она только докажет свою недальновидность.

Рошик. Зато обретет счастье и радость. Но я непревную, Шриш-бабу. Я дарю вам ту, что опоздала прийти ко мне. О богиня, надень свадебный наряд, укрась себя цветами и приди сюда в эту светлую лунную ночь!

(Декламирует.)

Драгоценный убор свой и синее сари надень,
И приди так легко и неслышно, как ночи дыханье,
И молчи, чтобы в почь не ворвался непрошеный день
От улыбки твоей и цветов твоих благоуханья.

Шриш. Ах, Рошик-бабу, ваша память — просто сокровищница! Сколько же стихов вы перевели с сапскрита?

Рошик. Много. Что поделаешь, богиня любви ко мне не пришла, и все свое время я посвятил богине искусства.

Шриш. А все-таки любовные свидания приятно себе даже представить, что скажешь, Бипин?

Бипин. А ты не представляй, а попробуй это осуществить. Внеси вот такое предложение на следующем нашем заседании!

Шриш. Есть мечты такие прекрасные, что просто не хватает смелости их осуществить. На какой дороге встретишь ты любимую, рассыпавшую свое жемчужное ожерелье? Ведь не на Потолданга-стрит! Нет такой дороги нигде. Облаченная в синее сари дева выходит на прозрачную дорогу, смотрит на рассыпавшиеся жемчужины и не подбирает их, потому что они тоже нереальны: если бы это был настоящий жемчуг, она бы его обязательно бросилась собирать. Я прав, Рошик-бабу?

Рошик. Приходится согласиться, любовное свидание хорошо только в мечтах и проезжая дорога для него — неподходящее место. Гораздо приятнее, Шриш-бабу, если какая-нибудь красавица вот такой же лунной ночью позовет тебя из окна на свиданье к себе в дом. От души вам этого желаю!

Шриш. Надеюсь, Рошик-бабу, ваше пожелание сбудется. Об этом мне уже нашептывал сегодня ветерок. Словно разбойник Бише, который заранее предупреждает

жертву о своем приходе, моя неведомая возлюбленная сообщила мне о предстоящем свидании.

Бипин. Тогда прибери заранее свою веранду!

Шриш. Там все уже готово — одно кресло для нее, другое для меня...

Бипин. Вот я приду и усядусь в одно из них!

Шриш. Когда нет меда, можно обойтись и патокой, — не придет она, буду рад и тебе.

Бипин. Значит, если явится мед, мне достанется палка? Ну-ну!

Рошик (*негромко Шришу*). Шриш-бабу, а что же вы бросили знамя, которое было так кстати над вашей верандой?

Шриш. А разве платок можно добыть?

Рошик. При старании все можно.

Шриш. Бипин, Рошик-бабу, вы здесь поговорите без меня, я скоро вернусь. (*Поспешно уходит.*)

Бипин. Рошик-бабу, вы на меня не рассердитесь..

Рошик. Если я рассержусь, мне с вами все равно не справиться, — стар я и слаб.

Бипин. Я только хотел спросить...

Рошик. Сколько мне лет?

Бипин. Да нет же!

Рошик. Тогда спрашивайте, постараюсь ответить.

Бипин. Девушка, которую я видел в прошлый раз, она...

Рошик. Она вполне достойна обсуждения! Не стесняйтесь, Бипин-бабу, можете говорить о ней сколько угодно, мы с Оболаканто только тем и занимаемся, так что вы не будете оригиналом.

Бипин. Значит, и Оболаканто-бабу?..

Рошик. Она у него не сходит с языка!

Бипин. Неужели он?..

Рошик. Ну разумеется! Только он никак не может решить, кого он больше любит, Ниру или Нрипу, вот и колеблется.

Бипин. Но неужели никто из них?..

Рошик. Нет, согласия выйти за него замуж никто еще не давал. Из-за этого вся путаница.

Бипин. Наверняка потому Оболаканто-бабу такой...

Рошик. Такой озабоченный? Наверное.

Бипин. Кажется, Шримоти Ниробала любит песни?

Рошик. Конечно, любит, и доказательство — у вас в кармане!

Бипин (*вынимая тетрадь с песнями*). Я, конечно, поступил невежливо...

Рошик. Если бы не вы, точно так же поступил бы кто-нибудь из нас.

Бипин. Но вас бы, например, она простила, а я просто не знаю, что и делать — хоть сейчас иди с повинной!

Рошик. Этим дело не исправишь.

Бипин. То есть?

Рошик. Вернете вы тетрадь или нет, похищение остается похищением.

Бипин. А она что-нибудь говорила насчет тетради?

Рошик. Не слишком много, но многозначительно.

Бипин. Не понимаю.

Рошик. Она очень смущалась.

Бипин. Но ведь это я должен быть смущен!

Рошик. Она разделила ваше смущение, покраснев, как утренняя заря.

Бипин. Рошик-бабу, я сойду с ума!

Рошик. Ну что ж, тогда у меня появится компаньон.

Бипин (*пряча тетрадь обратно в карман*). Будь что будет! Англичане говорят: людской удел — грешить, удел богов — прощать.

Рошик. Я вижу, вы поступили, как человек.

Бипин. А она пусть поступит со мной, как богиня!

Входит Шриш.

Шриш. Так и не удалось повидаться с Оболакантобабу!

Бипин. Ты что же хочешь, чтоб он бодрствовал всю ночь, как саньяси?

Шриш. По крайней мере, я попрощался с Оккхоем-бабу.

Бипин. В самом деле, я совсем забыл, что хотел к нему зайти поговорить.

Рошик (*в сторону*). Снова, наверное, надеется что-нибудь найти. Ох, погубят тебя грехи!

Бинин уходит.

Шриш. Рошик-бабу, мне нужен ваш совет.

Рошик. Слава богу, в моем возрасте можно давать советы, даже если нет ума.

Шриш. Те две девушки, которых я видел у вас тогда... Они показались мне красавицами!

Рошик. Вам нельзя отказать в здравом смысле: все думают то же самое.

Шриш. Если иногда я буду говорить с вами о них, то не будет ли это...

Рошик. То я буду рад, вам это будет приятно, а вреда не будет никому.

Шриш. Надеюсь, что не будет. Если сверчки болтают о звездах...

Рошик. Это не нарушает покоя звезд.

Шриш. Однако и у сверчков бывает бессонница, хотя я лично ничего не имею против.

Рошик. Сегодня, видимо, никто не хочет спать.

Шриш. Хотелось бы узнать имя той, чей платок я нашел.

Рошик. Ее зовут Нрипобала.

Шриш. А которая же из них она?

Рошик. Попробуйте сами догадаться.

Шриш. Та, что была в красном шелковом сари?

Рошик. Продолжайте.

Шриш. Та, что, застыдившись, хотела скрыться и убежать, ей было стыдно, — поэтому она застыла на мгновение, словно испуганная газель, и прядь волос упала ей на глаза. Потом, приподняв левой рукой край сари и подхватив связку ключей, она поспешила к двери, и черные косы плясали на ее спине, пока не скрылись за занавеской, как черная комета.

Рошик. Действительно, это Нрипобала. Испуганные глаза, заплетенные волосы... Жаль, что вы не могли увидеть ее сердца — оно нежнее цветочного нектара и чище росы на заре.

Шриш. Наконец-то, Рошик-бабу, я нашел источник вашего вдохновения!

Рошик. Что ж, не стану отпираться. Это действительно она. (С чувством декламирует.)

Она как лотосов венок
На голове поэта,
Я без нее постичь не мог,
Как много в песнях света,
Но, у ее склонившихся ног,
Любой поймет мгновенно
И новый стиль, и новый слог
Поэзии нетленной,—
Любой поймет, кто видеть мог
Непревзойденный тот венок!

Шриш. Я тоже видел его, хоть и мельком, и с тех пор для меня открылась поэзия.

Появляется Оккхой. Не замечая собеседников, говорит сам с собой.

Оккхой. Эти юнцы прямо-таки выжили меня из дома! Одного я поймал у себя в комнате, когда он что-то разыскивал, а что — он так и не смог объяснить. Едва выпроводил одного, явился другой и начал рыться в книгах... Я просто сбежал! Так и не дали мне написать хорошее прочувствованное письмо. А ночь хороша... Луна-то, луна какая!

Шриш. А вот и Оккхой-бабу.

Оккхой (*в сторону*). О, боги! Один разбойник в доме, другой — на улице! Дорогая моя жена, я бы ни о чем не сожалел, если бы мне мешали думать о тебе какие-нибудь небесные девы, но, увы, даже неприятности я не могу себе выбирать по вкусу! Видно, Индра, владыка рая, утратил с возрастом чувство юмора, если вместо красавиц посыпает мне черт знает кого!

Появляется Бипин.

(*В панике.*) Еще один!

Бипин. Вот вы где, Оккхой-бабу! А я вас искал.

Оккхой. О, несчастный, неужели в такую ночь тебе больше нечего делать, как искать меня?..

В такую ночь, наверно, сам Троил,
Поднявшийся на стены древней Трои,

Душою рвался к греческим шатрам,
Где возлегала кроткая Крессида;
В такую ночь под лаской ветерка
Не смеют шелохнуть листвой деревья, —
Так эта ночь тиха и глубока!

Шриш. А что же вы сами бродите по улицам в такую ночь, Оккхой-бабу?

Рошик
(подходя к ним)

Дева, кроткая, газелеокая,
Не дает покою,
И хотя уже ночь глубокая,
Не заснуть Оккхой!

Оккхой (вглядываясь). Это еще кто?

Рошик. Я — Рошикчондро! Поддерживаемый с двух сторон этими двумя юношами, я купаюсь в океане юности.

Оккхой. Океан юности в твоем возрасте, дядюшка, это невыносимо!

Рошик. Не знаю, в каком возрасте это выносимо, но знаю, что утомительно. Вы не находите, Шриш-бабу?

Шриш. Нет, пока не чувствую.

Рошик. Подождите, доживете до моих лет, почувствуете. Но что с тобой, Оккхой? Ты чем-то озабочен?

Оккхой. Нет, просто рассеян. И это вполне естественно: ты меня не интересуешь, Шриш-бабу мною не интересуется, а Бипин-бабу, хоть и уверял, что искал меня, видимо, забыл об этом, так что я пойду — у меня дела. (Уходит.)

Рошик. Страдалец! Отправился дописывать письмо...

Шриш. Завидую я ему. Скажите, Рошик-бабу, его жена ведь старшая из сестер. Как ее зовут?

Рошик. Пуробала.

Бипин (приближаясь). Как вы сказали?

Рошик. Пу-ро-ба-ла!

Бипин. Значит, она самая старшая?

Рошик. Да.

Бипин. А как зовут самую младшую?

Рошик. Нира, Ниробала.

Шриш. А которая же Ниробала?

Рошик. Та, что старше Ниробалы.

Шриш. Тогда, значит, Ниробала средняя.

Бипин. А Ниробала младшая.

Шриш. Зато Ниробала младшая после Пуробалы.

Бипин. А после нее младшая — Ниробала.

Рошик (*про себя*). Ну вот, взялись перебирать имена, как четки. И как им пе надоест? К тому же холодно стало... Надо придумать какой-нибудь предлог и уйти.

Появляется **Бономали**.

Бономали. Вы, оказывается, здесь! А я заходил к вам домой.

Шриш. Ну теперь вы останетесь здесь, а мы пойдем домой.

Бономали. У вас всегда дела.

Бипин. При виде такого делового человека, как вы, невольно вспоминаешь о своих делаах.

Бономали. Уделите мне хоть пять минут!

Шриш. Рошик-бабу, вам не кажется, что похолодало?

Рошик. Вам сейчас только кажется, а я уже давно замерз.

Бономали. Ну, так пойдемте в дом!

Шриш. Как, вы собираетесь нанести визит в такой поздний час?

Бономали. Нет, нет, что вы! Поговорим в следующий раз, когда вы будете послеводней. Прощайте!

Запавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ДОМ ОКХОЯ.

Рошик и Шойла.

Рошик. Послушай, Шойла!

Шойла. Что, дядя Рошик?

Рошик. Все-таки это дело не по мне. Чтобы нарушить обет Махадевы, надо звать на помощь бога любви, а не меня, старика!..

Шойла. Ты, конечно, старик, но ведь и юноши эти — не такие уж Махадевы!

Рошик. Да, это я тоже подметил. Именно потому я и взялся без страха за такое дело. Но во мне уже нет прежнего жара, чтобы простоявать на холоде до полуночи и вести остроумные беседы.

Шойла. Так позаимствуй жар у них!

Рошик. Дорогая, сухое дерево от солнечного жара трескается, в то время как живое дерево расцветает. Их юношеский пыл не для старого человека.

Шойла. Глядя на тебя, не скажешь, что ты потрепкался.

Рошик. Если б ты увидела мое сердце, ты бы это сказала.

Шойла. Но ведь у тебя сейчас самый безопасный возраст. Разве может тебя коснуться пламя юности?

Рошик. Сухое дерево лучше горит. И если уж юношеский огонь коснется старика, он вспыхнет сразу и будет гореть с треском. Вот почему для старика молодая жена — погибель.

Входит Нира.

Приди ко мне, щедрая даятельница, богиня. Но одаришь ли ты меня, не знаю. Пока что я сам стараюсь принести тебе в дар жениха. Тем не менее поклонение твое и благодарность достаются бездельнику Шиве. Неужели стариk, который делает для тебя все, что может, так ничего и не получит?

Нира. Шива получает цветы, а ты, дядя Рошик, получишь плоды — тебе я и отдаю свою свадебную гирлянду.

Рошик. Богам выгодно делать подношения, ибо они все дары возвращают. Мне ты тоже можешь без страха поднести свою свадебную гирлянду, — когда она тебе потребуется, я ее тотчас верну. Но лучше свяжи мне, дорогая, шарф: старому человеку это нужнее, чем гирлянда.

Нира. Шарф у тебя будет, а пока я связала пару шерстяных носков — они тебе тоже пригодятся.

Рошик. Я тебе очень признателен, Нира, но мне достаточно и шарфа. Незачем одевать меня с головы до ног. Носки пока оставь, еще найдешь, кому их надеть!

Нира. Ах, дядя, ну что вы такое говорите!

Рошик. Ты видела, дорогая Шойла, наша Нира смущалась! Это скверный признак.

Шойла. Нира, что тебе здесь понадобилось? Зачем ты снова пришла? Ведь сегодня заседает наше общество: кто-нибудь сейчас нагрянет, и опять попадешь в беду!

Рошик. Однажды она уже попала в такую беду, и теперь ей не терпится пострадать еще раз.

Нира. Дядя Рошик, если ты будешь меня злить, не получишь шарфа, так и знай. А ты, сестрица, напрасно смеешься его шуткам, от этого он становится еще зносчивее.

Рошик. Видишь, дорогая Шойла, с нашей Нирой что-то случилось: она даже шутки перестала понимать! Ничего не поделаешь, милая Нира, еще в шастрах сказано, что иногда и крик кукушки кажется неблагозвучным. Но с каких это пор ты стала принимать шутки своего дяди Рошика за крик кукушки?

Нира. С недавних. Поэтому я и хочу поскорее повязать тебе на шею шарф, — может, песни твои станут немного потише.

Шойла. Нира, перестань язвить и уходи — сейчас все соберутся.

Нира и Шойла уходят. Появляется Пурно.

Рошик. Заходите, Пурно-бабу.

Пурно. Еще никто не пришел?

Рошик. Вы как будто расстроились, увидав здесь только меня, старика. Не отчайтайтесь, скоро придут и остальные.

Пурно. Я не отчиваюсь, Рошик-бабу.

Рошик. Тогда, право, не знаю, что с вами. Как только вы вошли, мне сразу показалось, что я вовсе не тот, кого с мольбою ищут ваши глаза.

Пурно. Откуда у вас такие большие познания в науке о взглядах?

Рошик. На меня никто никогда не смотрел, поэтому за свою долгую жизнь я смог достаточно хорошо изучить взгляды других. Будь я, как вы, наделен счастливой судьбой, я бы никогда не овладел наукой о взглядах, ибо все взгляды были бы прикованы тогда ко мне. Да, Пурно-

бабу, нет ничего более удивительного, чем глаза человека. Если в нас и обитает душа, то только глаза — зеркало души.

Пурно. (*с вдохновением*). Это великая истина Рошик-бабу! Только глаза человека можно сравнить с бесконечным небом или безбрежным морем.

Рошик. Есть одно стихотворение на санскрите, но вы, кажется, не владеете этим благородным языком?

Пурно. Увы, нет. Но если вы мне переведете...

Рошик. С удовольствием. Слушайте!

Глаза красавицы печальны и прекрасны;
Печальны, ибо каждый глаз так страстно
Мечтает взглядом встретиться с другим.
Нет выше радости, но их мечта напрасна, —
Вовек глазам не встретиться родным!

Пурно. Нет, Рошик-бабу, все это только словесные фокусы! Два глаза вовсе не стремятся увидеть друг друга.

Рошик. Может быть, может быть, но они наверняка стремятся встретиться с другой парой глаз. Почему бы нам не придать этому стихотворению другой смысл? Давайте изменим две последние строки. Пусть они звучат так:

Нет выше радости, чем встретить взором ясным
Глаза того, кто дорог и любим!

Пурно. Удивительно, Рошик-бабу! Как это у вас?

Нет выше радости, чем встретить взором ясным
Глаза того, кто дорог и любим!

Очень хорошо, но все-таки глаза — несчастные узники, они только мечутся, как птицы в клетке, и не могут, расправив крылья, полететь навстречу милым глазам любимой.

Рошик. Однако от этих «несчастных узников» можно иной раз жестоко пострадать. Я имею в виду именно милые глазки женщин. Знаете, что сказано в шахраях?

Она сражает взглядом, как стрелой.
Но в тот же миг, раскаяньем охвачена,
Спешит к бедняге, чтобы убедиться,
А может быть, он все-таки живой?
И если мертв — бывает озадачена,
А если выжил — злится.

Пурно. Ах, Рошик-бабу, в стихах она хотя бы оглядывается, спешит узнать, что стало с беднягой. А в жизни...

Рошик. Ну да, потому что в стихах все дозволено. Если бы жизнь была устроена по законам стиха, мы бы с вами тоже могли оглянуться и, может быть, кое-что исправить. Но, увы, вспять возвращаются только наши мысли.

Пурно. К сожалению, это так, Рошик-бабу. Но я никак не могу забыть ваши чудесные строки:

Нет выше радости, чем встретить взором ясным

Глаза того, кто дорог и любим!

Рошик. Да, когда речь заходит о глазах, можно читать стихи до бесконечности. Вот вам еще один перевод с санскрита:

Глаза, подобные глазам прекрасным серны,
Не подводи сурьмою их, не надо!

Ведь стрелы глаз твоих и без того смертельны,—
Зачем же ты их смазываешь ядом?

Пурно. Тише Рошик-бабу! Кажется, кто-то пришел.

Входят Чондро и Нирмола.

Чондро. Здравствуйте, Оккхой-бабу, здравствуйте!

Рошик. Если Оккхой-бабу услышит, что у него есть сходство со мной, вряд ли он особенно обрадуется. И его жена тоже. Я — Рошик.

Чондро. Извините, Рошик-бабу, я ошибся.

Рошик. Передо мной вам не за что извиняться. Приняв меня за Оккхой-бабу, вы мне только польстили. Так что извиняйтесь перед ним. Пока вас не было, мы здесь с Пурно-бабу вели ученые разговоры.

Чондро. Я как раз думал о том, что нашему обществу необходимо хоть раз в месяц устраивать научные обсуждения. Пурно-бабу, какой предмет вы сегодня обсуждали?

Пурно. Да так, ничего особенного.

Рошик. Речь шла о глазах.

Чондро. Проблема зрения очень сложна, Рошик-бабу.

Рошик. Конечно, конечно. И Пурно-бабу того же мнения.

Чондро. Отражение всех предметов падает на экран вашего зрения в перевернутом виде, и как получается, что мы видим все это правильно, неизвестно. Ни одно объяснение не кажется мне удовлетворительным.

Рошик. Чего уж тут удовлетворительного! Смотрим в кривое зеркало, а видим все правильно, от этого хоть у кого голова пойдет кругом! Очень сложная проблема.

Чондро. Рошик-бабу незнаком с Нирмоловой? Она первая женщина — член нашего общества холостяков.

Рошик (*приветствуя*). Она украшение нашего общества. Благодаря вам, Чондро-бабу, наше общество не испытывало недостатка в уме и знаниях, но она принесла нам красоту.

Чондро. Не только красоту, но и силу.

Рошик. Это одно и то же, ибо сила красоты беспрепятственна. Так я говорю, Пурно-бабу?

Входит Шойла, одетая в мужское платье.

Шойла. Извините, Чондро-бабу, я, кажется, опоздал?

Чондро (*смотрит на часы*). Нет, еще даже рано. Оболаканто-бабу, это моя племянница Нирмола. Сегодня она стала членом нашего общества.

Шойла (*присаживаясь возле Нирмоловы*). Вы знаете, все мужчины эгоисты, они держат женщин при себе, чтобы те им прислуживали. Поэтому, подарив вас нашему обществу, Чондро-бабу проявил истинное благородство!

Нирмола. Для моего дяди интересы страны и собственные интересы — едины. Если я смогу заняться каким-нибудь делом, полезным для нашего общества, этим я буду служить и ему.

Шойла. Хвала вам за то, что вы так хорошо знаете Чондро-бабу.

Нирмола. Кому же, как не мне, его знать!

Шойла. К сожалению, мы не всегда знаем своих близких. Родственные узы могут малое сделать большим, а порой — большое делают малым. То, что вы по-настоящему узнали Чондро-бабу, делает вам честь.

Нирмола. Но моего дядю очень просто узнать! Душа его совершенно чиста и прозрачна.

Шойла. Именно потому его трудно понять правильно. Дурьодхана не смог разглядеть стену из хрустяля и расшиб себе лоб. Далеко не каждый способен оценить такую чистоту и прозрачность. Многие ее презирают. Людей зачастую привлекают чванство и показной блеск.

Нирмола. Вы правы. Вне стен нашего дома никто по-настоящему не знает моего дядю. Вы единственный, от кого я впервые за много лет услышала такие слова. Я так счастлива, что у меня не хватает слов...

Шойла. Ваша преданность радует меня.

Чондро (*подойдя к обеим*). Оболаканто-бабу, прочитали вы книгу, которую я вам дал?

Шойла. Прочитал и выписал из нее все, что может вам пригодиться.

Чондро. Мне это очень нужно, большое спасибо, Оболаканто-бабу, Пурно также брал у меня эту книгу, но он был нездоров и ничего не сделал. Тетрадка с замечаниями у вас?

Шойла. Сейчас принесу. (*Уходит.*)

Рошик. Пурно-бабу, почему вы такой грустный? Вам нездоровится?

Пурно. Нет, нет, я здоров. Рошик-бабу, этого юношу, который вошел, зовут Оболаканто?

Рошик. Да, Оболаканто.

Пурно. Мне кажется, его поведение нельзя назвать приличным!

Рошик. Молод еще, несдержан...

Пурно. Ему бы неплохо поучиться, как вести себя с дамами!

Рошик. Это я тоже заметил; он еще не знает, как мужчине следует обращаться с женщинами. Слишком он фамильярен. Ничего, с возрастом научится!

Пурно. Но ведь и мы с вами не так уж стары, однако...

Рошик. Вижу, что вы держитесь в сторонке. И ей это вряд ли покажется вежливым, скорее она подумает, что вы ею пренебрегаете.

Пурно. Неужели, Рошик-бабу? Скажите, что же мне делать? Я просто не могу ничего придумать. С какими словами к ней подойти?

Рошик. Если будете об этом думать — все равно ничего не придумаете. Подойдите к ней, а слова сами найдутся.

Пурно. Нет, Рошик-бабу, я не смогу выдавить из себя ни слова. Лучше вы подскажите мне, что ей сказать?

Рошик. Не говорите ничего такого, отчего в мире может произойти смена эпох. Скажите о том, как сегодня вдруг стало тепло.

Пурно. А если она скажет: «Да, стало тепло», — что я тогда скажу?

Входят Бипин и Шриш.

Шриш (*приветствует Чондро и Нирмолу. К Нирмоле*). Ваш энтузиазм обгоняет время! Посмотрите, еще нет и половины седьмого!

Нирмола. Сегодня мой первый день в вашем клубе. Я пришла до начала заседания, чтобы преодолеть смущение. Ведь для этого тоже нужно время.

Бипин. Но теперь вы не должны нас смущаться. С сегодняшнего дня вы взвалили на себя тяжкое бремя: заботиться о несчастных холостяках, командовать нами и даже вашим дядей.

Рошик. Пурно-бабу, скажите хоть вы пару слов.

Пурно. Что же мне сказать?

Нирмола. Я не способна никем командовать.

Шриш. Неужели вы считаете нас такими непослушными?

Бипин. Нет ничего тверже металла, однако огонь и его плавит, а чтобы расплавить такую твердыню, как мы, достаточно тепла от вашего светильника.

Рошик. Слышите, Пурно-бабу?

Пурно. Что же мне сказать, Рошик-бабу?

Рошик. Скажите, что нами, как и металлом, должен править огонь.

Бипин. Ну что, Пурно-бабу, вы уже поговорили с Рошиком-бабу?

Пурно. Да.

Бипин. Здоровы ли вы сегодня?

Пурно. Да.

Бипин. Давно ли вы пришли?

Пурно. Нет.

Бипин. Как вам это нравится, — холодные ветры все время рвались, как лошади на скачках, и вдруг в середине месяца магх все кончилось, — финиш!

Пурно. Да.

Шриш. Пурно-бабу, прошлый раз вы себя плохо чувствовали. Надеюсь, теперь вы здоровы?

Пурно. Да.

Шриш. Сегодня, едва войдя в дом, я сразу понял, чего так не хватало Клубу холостяков. В золотом венце не было алмаза, а теперь он водружен на место. Что вы на это скажете, Пурно-бабу?

Пурно. Я не обладаю способностью, подобно вам, так искусно сплетать слова — в особенности, говоря о дамах.

Шриш. Я очень опечален этим, Пурно-бабу. Но, надеюсь, со временем и вы добьетесь в этом успеха.

Бипин (*отводя Рошика в сторону*). Нусть два героя воюют, а мне нужно с вами поговорить. Скажите, заходила тут еще речь об этой тетрадке?

Рошик. Люди грешат, а богини их прощают, — об этом, я, между прочим, заводил речь...

Бипин. И что же она сказала?

Рошик. Ничего! Исчезла, подобно молнии.

Бипин. Исчезла?

Рошик. Но эта молния была без грома.

Бипин. И без грозы?

Рошик. Обошлось.

Бипин. Что же тогда было?

Рошик. Нечто вроде дождичка.

Бипин. Что же это означает?

Рошик. Откуда мне знать? Может быть, в этом и был какой-то смысл, а может быть, и не было.

Бипин. Рошик-бабу, что-то ничего не могу понять из того, что вы мне сказали.

Рошик. Где уж вам понять такие трудности!

Шриш (*подойдя ближе*). Какие тут у вас трудности?

Рошик. Да вот, идет разговор о дожде, громе и молнии.

Шриш. О Бипин, если хочешь услышать что-нибудь потруднее, тогда иди к Пурно!

Бипин. У меня, брат, нет особой склонности к трудным разговорам.

Шриш. Наука о мире намного сложней науки о войне, но ты в ней силен, и эта задача по тебе. Умоляю, пойди охлади немного Пурно. А я тем временем побеседую насчет дождя, грома и молнии с Рошиком-бабу.

Бипин уходит.

Рошик-бабу, та, которую, как вы сказали, зовут Нипобала, она... она... э... расскажите что-нибудь о ней поподробней. Я видел ее всего один миг. У нее такое нежное лицо, что я не в силах его забыть!

Рошик. Если рассказать поподробней, то ваше любопытство только возрастет. Такое любопытство, как жертвенный огонь, все ярче разгорается. Я ее знаю очень давно, и тем не менее чистота этого нежного милого создания «каждый миг удивляет меня новизной».

Шриш. А она... я спрашиваю об этой самой Нипобале...

Рошик. Это я хорошо понимаю.

Шриш. Так она — о чем бы еще спросить? Расскажите что-нибудь о ней самой — что она сказала вчера, что делала сегодня утром, пусть это будут самые незначительные мелочи, все равно мне интересно.

Рошик (*взяв Шриша за руку*). Я очень рад, Шриш-бабу, что вы такой проницательный человек. Как вы сумели за несколько мгновений разглядеть и понять, что ничто из того, что ее касается, не может быть незначительным? Если она говорит: «Дядя Рошик, поправь эту керосиновую лампу», — то мне кажется, будто я услышал нечто новое, подобное ритму стихов древнего поэта. Я расскажу вам, Шриш-бабу, только, паверное, вы станете смеяться. Когда в тот день я вошел в комнату, то увидел, что Ниппа вдевает нитку в иголку, а на коленях у нее лежит наволочка. И я подумал: какая удивительная картина! Столько раз я проходил мимо лавок белошвеек, столько раз это видел, и, однако...

Шриш. Рошик-бабу, разве она сама делает всю домашнюю работу?

Входит Шойла.

Шойла. О чем вы советуетесь с дядей Рошиком?

Рошик. Нет, нет, мы просто беседуем на самые малозначительные темы.

Чондро. Пора начинать заседание, больше нельзя медлить. Пурно-бабу, начните вы. Начните с предложения, касающегося сельскохозяйственного учебного заведения, о котором вы уже говорили.

Пурно (*встав, теребит цепочку часов*). Сегодня, сегодня... (*Кашляет*.)

Рошик (*негромко*). Сегодня наше общество...

Пурно. Сегодня наше общество...

Рошик. Приобрело новую красоту и гордость...

Пурно. Приобрело новую красоту и гордость.

Рошик. За что, прежде всего, я и хочу выразить благодарность...

Пурно. За что, прежде всего, я и хочу выразить благодарность...

Рошик (*негромко*). Продолжайте, Пурно-бабу!

Пурно. За что, прежде всего, я и хочу выразить благодарность...

Рошик. Не бойтесь, Пурно-бабу, продолжайте.

Пурно. Приобрело новую красоту и гордость. (*Кашляет*.) Приобрело новую красоту (*снова кашляет*)... благодарность...

Рошик (*встав*). Господин председатель, позвольте мне сказать несколько слов. Сегодня Пурно-бабу пришел на собрание раньше всех остальных. Он очень нездоров, но тем не менее не смог остаться дома. Ведь сегодня в нашем обществе первый восход солнца. Чтобы его встретить, птицы уже на заре покидают гнезда. Но больному трудно выразить своим слабым голосом то, что чувствует переполненное сердце. Вот почему нам придется сегодня освободить его от выступления. От его имени я хочу попросить прощения и у зари, воспеть которую он сегодня собирался. Пурно-бабу, лучше отложить заседание нашего общества, потому что я не могу позволить вам выступать в таком состоянии. Да простит меня господин председатель и та, которая своим блеском придала смысл нашему собранию, — ведь ее мягкому сердцу свойственно прощать!

Чондро. Я знаю о том, что с некоторого времени Пурно-бабу нездоров, поэтому мы не станем его тревожить. Тем более что Оболаканто-бабу значительно продвинул дела нашего общества. Я передал ему все правительственные отчеты о сельском хозяйстве. Из них он выбрал все, что относится к удобрениям, и, основываясь на этом, готовится теперь издать брошюру на общедоступном бенгальском языке. Ему нужно выразить искреннюю благодарность за его энтузиазм и умение, с которым он выполняет эту работу. Бипин-бабу взял на себя труд собрать материалы о правилах и внутреннем распорядке европейских студенческих общежитий, а Шриш-бабу обещал составить сводку о лондонских благотворительных организациях и написать об этом. Но, по всей вероятности, он еще не закончил своей работы. Я же занят одним исследованием. Все знают, что воловьи упряжки в нашей стране сделаны так, что, как только сзади положат груз, дышло поднимается и душит вола. Если же почему-либо вол падает, то вся повозка с грузом опять-таки валится ему на шею. Я занят обдумыванием способа, который помог бы это устраниТЬ, — надеюсь, мне это удастся. Все мы на словах выражаем жалость к волам, но тем не менее каждый день равнодушно наблюдаем бесмысленные страдания. На мой взгляд, нет ничего позорнее, чем это лицемерие и пустая сентиментальность. Если мы сможем облегчить их участЬ, то честь и хвала нашему обществу. Я вечером ходил в квартал возчиков и обсуждал с ними бедственное положение волов. Объяснить возчикам, что излишняя жестокость по отношению к волам противоречит и выгоде и закону, кажется, будет не слишком трудно. Для этого я постараюсь организовать среди возчиков совет. Госпожа Нирмола регулярно получает у доктора Рамротона советы относительно того, как оказывать первую помощь при подобных травмах. Полученные знания она уже распространяет среди женщин, в нескольких семьях. Таким образом, благодаря усилиям каждого члена клуба, наши идеи незаметно станут достоянием простого народа и мы одержим победу. В этом я нисколько не сомневаюсь.

Шриш. Бипин, а я и не начинал своего дела.
Бипин. Я тоже.

Шриш. Но надо начинать.

Бипин. Я тоже так думаю.

Шриш. Но тогда придется оставить на некоторое время все другие дела, иначе ничего не получится!

Бипин. Совершенно справедливо.

Шриш. Нужно воздать должное Оболаканто-бабу. Просто непонятно, когда он успевает все это делать.

Бипин. Да, этому можно только удивляться. И все-таки мне кажется, что он чем-то недоволен.

Шриш. Пойду-ка поговорю с ним. (*Отходит к Шойле.*)

Пурно. Рошик-бабу, я не знаю, как выразить вам свою благодарность.

Рошик. Молчите, я все понимаю. Но знайте, Пурно-бабу, не все люди умеют так же хорошо догадываться, как я, поэтому и вам нужно уметь говорить.

Пурно. Вы поняли, что у меня было в душе, — я просто спасен! Но сам, наверное, я так и не решусь высказать то, что у меня на сердце. Посоветуйте, что мне делать?

Рошик. Во-первых, подойдите к ней и начните о чем-нибудь говорить...

Пурно. Но видите, рядом с ней опять сидит этот Оболаканто-бабу!

Рошик. Ну и что же, ведь он сидит только с одной стороны. Вам не придется прорываться через Оболаканто-бабу, как сквозь вражескую цепь. Пойдите и сядьте с другой стороны.

Пурно. Хорошо, я попробую.

Шойла (*Нирмоле*). Не говорите этого! Вы делаете куда больше меня. Однако мне очень жаль бедного Пурно-бабу. Он так радовался, зная, что вы приедете, и был так огорчен, когда не смог этого выразить словами. Если вы его...

Нирмола. Меня смущает, что вы как-то выделяете меня среди других членов общества. Мне бы хотелось, чтобы остальные не думали обо мне как о женщине.

Шойла. Наше общество не может пренебречь тем, что вы женщина, ибо мы знаем, что вы куда больше сделяете, отдавшись от нас, чем вместе с нами. Те, кто способен прокладывать путь, должны стоять на носу ко-

рабля. Чондро-бабу, например, держит руль нашего корабля, потому что он мудрее нас всех. Вы тоже не чета остальным, а мы лишь простые гребцы.

Нирмола. Но и вы, кажется, отличаетесь от других делами и мыслями. Я сразу поняла: в нашем обществе вы — моя главная опора.

Шойла. Я был бы счастлив. А вот и Пурно-бабу! Пожалуйте сюда. Мы говорили как раз о вас. Садитесь.

Шриш. Простите, Оболаканто-бабу, мне нужно с вами поговорить. (*Отводит Шойлу в сторону.*) Сегодня вы пристыдили трех старых членов общества. Впрочем, я не сержусь: новое для того и приходит, чтобы вдохнуть жизнь в старое.

Шойла. Но чтобы зажечь сырое дерево, всегда нужны старые дрова.

Шриш. Да, это верно, но об этом поговорим потом. Как дела с моим платком? Похитив его, я потерял место в раю. Теперь я хочу сохранить хотя бы платок. Вот дюжина шелковых платков, которые хочу предложить вам взамен. Я, конечно, не говорю, что все они стоят того одного, — чтобы дать за него истинную цену, пришлось бы разорить Китай и Японию.

Шойла. Дорогой Шриш, боги не обделили меня разумом, и я понимаю вашу хитрость. Этот подарок ведь не для меня, вы хотите вручить его тому, у кого похитили тот платок!

Шриш. Оболаканто-бабу, я вижу, что боги наградили вас разумом, но обделили милосердием. Однако, если бы вы вернули мне, несчастному, платок, я переменил бы свое мнение о вас.

Шойла. Хорошо, я сделаю вам эту милость. Но вы обещали написать для общества статью, и вам тоже придется это сделать.

Шриш. Конечно, я напишу! Как только вы вернете мне платок, я сразу займусь делами общества. Я оставлю все другие поиски, буду искать только истину.

В другом углу комнаты идет свой разговор.

Бипин. Рошик-бабу, я поражен ее умением выбирать песни! У того, кто их сочинил, есть, конечно, поэти-

ческий талант, однако поэзия, которая проявилась в выборе песен, его превосходит!

Рошик. Вы совершенно правы, гораздо ценнее способность выбирать. Цветок распускается сам по себе, но только те, кто плетет венки, обладают истинным умением и вкусом.

Бибин. Помните вы эту песню из ее тетради?

Тонет, тонет моя ладья,
Погружаюсь в пучину я.

Я на новой ладье плыла,
Не стремилась на глубину,
Возле бережка я гребла,
А теперь в океане тону.

Тонет, тонет моя ладья,
Погружаюсь в пучину я.

По теченью плыла реки,
И шептала со мной волна,
Были мысли мои легки,
Я беспечно плыла одна,

А теперь вот тонет ладья,
Погружаюсь в пучину я.

К саду райскому я плыла,
Ветерок меня овевал,
И не знала я, не ждала,
Что обрушится грозный вал,

И потонет моя ладья,
И погибну в пучине я.

Рошик. Тонет, а что делать?

Бибин. Пусть тонет, однако хотелось бы знать, где она затонула? Интересно, почему она записала эту песню?

Рошик. Есть такая пословица: тайны женского сердца не знает сам творец. Куда уж мне, ничтожному Рошику!

Шриш (*подходя к ним*). Бипин, подойди на минутку к Чондро-бабу. Мы и так проявляем слишком мало интереса к нашим обязанностям. Если ты хоть немного поговоришь с ним о делах общества, он будет рад.

Бипин. Хорошо. (*Отходит*.)

Шриш. Итак, вы говорите, что она шила, — значит, она делает сама всю домашнюю работу?

Рошик. Конечно.

Шриш. Значит, в тот день вы увидали, что у нее на коленях лежит наволочка и она...

Рошик. Наклонив голову, вдевает нитку в иголку...

Шриш. Вдевает нитку в иголку... Она, наверное, только что искупалась.

Рошик. Да, тогда было часа три.

Шриш. Часа три. Значит, она сидела на своей постели и...

Рошик. Нет, не на постели, а на веранде, постелив циновку.

Шриш. Сидя на веранде, на циновке, она вдевала нитку в иголку.

Рошик. Да, да, вдевала нитку в иголку! (*Про себя*.) Нет, я больше не выдержу!

Шриш. Я так ясно вижу перед собой эту картину — вытянутые ноги, склоненная головка, волосы, рассыпавшиеся по плечам...

Бипин (*подходя*). Чондро-бабу хочет поговорить с тобой о твоей статье.

Шриш отходит.

Рошик (*про себя*). Долго ли мне еще с ними мучиться?!

Разговор на другом конце сцены.

Нирмола (*обращаясь к Пурно*). Вы, кажется, сегодня не совсем здоровы?

Пурно. Нет, я вполне здоров, — да, немного это самое. Э-э-э, в общем — ничего особенного, но все же немного... это самое... (*Кашляет*.) Вы, надеюсь, вполне здоровы?

Нирмола. Да.

Пурно. Вы, я спрашивал, что вы... вы... у вас это самое... Кажется, в наш курс магистров искусств включили Мильтона... Он вам нравится?

Нирмола. Я еще не читала.

Пурно. Не читали?

Молчание.

Вы — это самое... как теперь, однако, жарко. Простите, мне на минутку нужен Рошик-бабу. (*Отходит от Нирмолы.*)

В другом углу комнаты.

Бипин. Рошик-бабу, скажите, как по-вашему, имела она в виду что-нибудь особенное, когда писала эту песню?

Рошик. Все может быть. Вы поселили в моей душе зерно сомнения. Раньше я как-то над этим не задумывался.

Бипин. «Тонет, тонет моя ладья... А теперь в океане тону...» «Обрушился грозный вал...» Рошик-бабу, но что означает здесь в действительности слово «ладья»?

Рошик. Оно означает сердце, в этом нет сомнения. Однако где этот океан и что это за «грозный вал» — об этом стоит подумать.

Пурно (*подходя*). Бипин-бабу, извините, мне нужно поговорить с Рошиком-бабу... Конечно, если вы не...

Бипин. Хорошо, говорите, я не буду мешать. (*Отходит от Рошика.*)

Пурно. Ах, Рошик-бабу, нет в мире второго такого глупца, как я!

Рошик. Куда глупее вас те, кто считает себя умными, — например, я.

Пурно. Где бы нам найти уединенное место? Мне с вами нужно поговорить. Не могли бы вы уделить мне немного времени сегодня вечером, когда кончится заседание?

Рошик. Хорошо.

Пурно. На улице Голдигхи. Как вы относитесь к этому месту? Сегодня такой чудный лунный свет!

Рошик (*про себя*). Боги милостивые!

Шриш (*подходя*). О, вы тут беседуете. Я не хочу вам мешать, Рошик-бабу, но, может быть, вы будете свободны сегодня вечером?

Рошик. Может быть.

Шриш. Тогда, если вы не против, давайте встретимся там же, где вчера. Вы убедились, что на улице встречаться лучше, чем дома?

Рошик. Конечно! (*Про себя.*) Там лучше всего простоявшаясь!

Шриш уходит.

Пурно. Рошик-бабу, как бы вы начали, будь вы на моем месте?

Рошик. Возможно, я бы спросил: видели ли вы с вашей крыши, как летит воздушный шар?

Пурно. А если бы она ответила: «Да»?

Рошик. Я бы сказал: дав человеческому разуму способность летать, бог не наделил тело человека крыльями, но, связав тело, творец только расширил стремления души...

Пурно. Понял, Рошик-бабу, чудесно; после этого можно начать любой разговор.

Бипин (*подойдя*). Вы не кончили, Пурно-бабу? Извините! Рошик-бабу, как вы относитесь к тому, чтобы нам поговорить сегодня вечером о том самом?

Рошик. Хорошо.

Бипин. Я думаю, это лучше всего сделать, прогуливаясь при лунном свете, как вы считаете. Там нас никто не побеспокоит.

Рошик. Да, да, никто! (*Про себя.*) Это мы еще увидим!

В другом конце сцены.

Шойла (*обращаясь к Нирмоле*). Хорошо, если вы хотите, я тоже попробую заняться этим делом. Когда-то я немного изучал медицину. И если мое участие вам поможет, я готов.

Пурно (*подходя*). Видели ли вы с вашей крыши, как летит воздушный шар?

Нирмола. Воздушный шар?

Пурно. Да, воздушный шар.

Все молчат.

Рошик-бабу сказал мне, что вы, наверно, смотрели... Извините, я помешал вашей беседе... Я очень сожалею...

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ДОМ ОКХОЯ.

Окхой и Пуробала.

Окхой. О деви, если позволишь, я задам тебе один вопрос.

Пуробала. Ну говори.

Окхой. Я что-то не вижу, чтобы твоё прекрасное тело похудело. Как это понимать?

Пуробала. Мое прекрасное тело не за тем ездило на запад, чтобы худеть.

Окхой. Значит, то, что называется страданием в разлуке, умерло вместе с великим Калидасой?

Пуробала. Да, и ты сам тому доказательство. Твоему здоровью, как я вижу, разлука тоже не повредила!

Окхой. Кто бы это допустил?! Все три твои сестры ежедневно и неустанно заботились о моем благополучии и даже не позволили мне думать о разлуке!

(Поэт.)

Я думал, что с тобой в разлуке
Умру с тоски или от скуки,
Но чьи-то ласковые руки,
Обняв, меня спасли.

Я думал, что умру от горя,
Уже тонул в слезах, как в море,
Но подошла ладья, и вскоре
Доплыл я до земли.

Как видишь, дорогая, бог любви не смел меня беспокоить из страха перед трехглазым Шивой, воплощенным в трех твоих страхах. Но, кажется, и тебе в Бенаресе он не очень-то докучал?

Пуробала. Не больше, чем тебе здесь, в Калькутте!

Оккхой. Бог любви редко докучает кому-нибудь одному: я могу это доказать.

Входят Нрипобала и Ниробала.

Нира. Диidi! Ты приехала! Ах, диidi!

Оккхой. Ну конечно, теперь только и будет разговоров, что о диidi. А когда диidi с каждым днем хорошела в разлуке со мной, когда она плавилась, подобно золоту, от огня печали, кто из вас вспоминал о диidi?

Нира. Не слушай его, диidi! Он все выдумывает. И про нас и про себя! Пока тебя не было, он на нас даже ни разу не взглянул, только писал тебе письма да читал свои книги, закинув ноги на стол. А теперь, когда ты приехала, он будет с нами шутить, петь песни и притворяться, будто...

Нрипа. Диidi, а ты тоже хороша! За столько времени — и ни одного письма!

Пуробала. А когда мне было писать, милая? Все время пришлось возиться с матерью.

Оккхой. Если бы ты сказала, что все время думала об их шурине, люди бы тебя тоже не осудили!

Нира. Зато тщеславие шурина возросло бы еще больше. Господин Муккерджи, пошел бы ты в свою комнату! Мы столько времени не виделись с диidi, неужели нам нельзя поговорить с ней наедине?

Оккхой. Жестокие, вы хотите заставить вашу сожженную огнем разлуки диidi опять гореть в этом же огне? Когда густое черное облако вашего шурина прольется ливнем свидания, а лиановая беседка его возлюбленной прорастет побегами радости, тогда под молниями косых взглядов и под дождем любви...

Нира. От сырости разведутся лягушки и заквакают...

Входит Шойла.

Оккхой. Иди, иди сюда! Вот они, все три мои свояченицы, три моих наказания!

Нира. А что бы ты делал без нас?

Шойла (*к Нрипе и Нире*). Вот что, милые, выйдите-ка на минутку, нам нужно поговорить.

Оккхой. И вы, конечно, понимаете о чем! Во всяком случае, не о погоде!

Нира. Ладно уж, хватит тебе над нами смеяться!

Нрипа и Нира уходят.

Шойла. Диidi, ма уже выбрала женихов для Нрипы и Ниры?

Пуробала. Да, дело почти решенное. Я слышала, оба мальчика очень неплохие. Если наши девочки им понравятся, тогда все в порядке.

Шойла. А если не понравятся?

Пуробала. Тогда, значит, горькая их судьба!

Оккхой. Наоборот, самая сладкая!

Шойла. А если они не понравятся Нрипе и Нире?

Оккхой. Я похвалю их за вкус.

Пуробала. Мало ли что им не понравится! Времена «свямывары», когда жениха выбирала невеста, давно прошли. Девушек нечего и спрашивать — выйдут замуж, тогда и полюбят!

Оккхой. А что тогда будет с их несчастным шурином?

Входит **Джоготтарини**.

Джоготтарини. Сынок Оккхой, нужно известить обоих мальчиков: они не знают, как нас найти!

Оккхой. Хорошо, ма, давайте пошлем за ними дядю Рошика.

Джоготтарини. Только не его! Если его послать, то неизвестно, за кем он поедет и кого привезет.

Пуробала. Ма, пусть тебя это не волнует. Я позабочусь, чтобы они доехали благополучно.

Джоготтарини. Да, Пури, если ты этим не займешься, ничего у нас не выйдет. Я понятия не имею, как обращаться с теперешними молодыми людьми.

Оккхой (*в сторону*). А у Пури уже есть опыт! Она раздобыла своей матери такого зятя, который сразу поднял ее репутацию. Ей уже известно, как обрабатывать современных молодых людей...

Пуробала (*в сторону*). Можно подумать, что это ты современный и молодой!

Джоготтарини. Ну, вы здесь пока посоветуйтесь, а я пойду, — там у меня сидит соседка — надо ее проводить.

Шойла. Ма, но ты все-таки подумай, — ведь никто из вас ни разу не видел этих женихов — и вдруг...

Джоготтарини. В думах прошла вся моя жизнь и вот теперь подошла к концу. Хватит, больше раздумывать не могу.

Оккхой. Всему свое время: сначала были раздумья, а теперь пусть будет дело.

Джоготтарини. Правильно, сынок! Растилкуй это Шойле.

Пуробала. Напрасно ты споришь, Шойла, уж если мать что решила, никто не сможет ее переубедить. А потом — от судьбы не уйдешь!

Оккхой. И это верно. В противном случае каждому доставалось бы не то, что ему суждено, а то, что ему не суждено.

Пуробала. Из твоих рассуждений нельзя понять и половины.

Оккхой. Стало быть, я наполовину глупец.

Пуробала. А раз так, ступай и искупайся, освежи хоть наполовину свою голову. (*Уходит.*)

Появляется Рошик.

Шойла. Дядя Рошик, ты слышал? Беда!

Рошик. Какая же это беда? И наши холостяки из клуба не нарушают обет безбрачия, и Нирпу с Нирой сплавим — сплошная радость и ликование!

Шойла. Какое уж тут ликование!

Рошик. По крайней мере, я, старик, ликую: не придется мне больше торчать по ночам на улице и читать стихи современным молодым болтусям!

Шойла. Господин Муккерджи! Кроме тебя, никто не может справиться с дядей Рошиком, — меня он не слушается.

Оккхой. Очевидно, он вышел из того возраста, когда каждое твое слово казалось ему изречением из вед, — иначе он бы не осмелился тебе перечить. Но ты не волнуйся, я все уложу! Пойдем, дядя Рошик, посидим у меня в комнате, покурим, поговорим...

СЦЕНА ВТОРАЯ

ДОМ БИПИНА.

Бибин и музыкант Гурудас.

Бибин терзает какой-то нехитрый струнный инструмент, извлекая из него душераздирающие звуки.

Бибин. Дорогой Гурудас, такому опытному музыканту, как ты, наверное, нетрудно будет сделать для меня доброе дело. Ты должен положить на музыку песни, записанные в этой тетради. Вот ты сейчас напел мотив. Он звучал прекрасно. Если не трудно, спой еще раз, но теперь со словами. Песню я тебе подобрал — каждая строка в ней, словно лотос на волшебном озере. Спой, брат, очень тебя прошу!

Гурудас. Ну что ж, попробую.

(Поэт.)

Я у пыльной дороги тебя ждала,
О прекрасный мой!
Я гирлянды тебе из цветов плела,
О прекрасный мой!
Но забытая вйна лежит в пыли,
И цветы гирлянд моих отцвели.

Песни слез я пела, но песни те,
О прекрасный мой,
Не услышал ты издали в темноте,
О прекрасный мой,
Как в пустыне жду тебя день за днем,
И тоска сжигает меня огнем.

И на берег я выхожу пустой,
О прекрасный мой,
Может, парус твой промелькнет цветной,
О прекрасный мой!
Я не знаю, как без тебя мне жить,
Как по морю жизни одной проплыть,
О прекрасный мой!

Входит слуга.

Слуга. Там какой-то господин.

Бипин. Что еще за господин?

Слуга. Какой-то старик.

Бипин. С лысиной на голове?

Слуга. С лысиной.

Бипин. Сейчас же веди его сюда! Подай табаку! Куда ты? Подай опахало! Поди поскорей купи сладостей и бетеля и немедленно принеси воды со льдом, понятно?

Слуга убегает.

(Услышав шаги.) Добро пожаловать, Рошик-бабу!

Входит Бономали.

Вот так, Рошик-бабу! Да это же Бономали!

Бономали. Да, мое имя Шри Бономали Бхоттачарджо.

Бипин. Можете не представляться: во-первых, я вас знаю, а во-вторых, я сейчас очень занят.

Бономали. Но девочки не могут больше ждать, да и от женихов нет отбоя...

Бипин. Вот и хорошо, выдайте их замуж, и дело с концом!

Бономали. Но они так подошли бы именно вам!

Бипин. Послушайте, Бономали-бабу, вы просто плохо меня знаете, и если сейчас познакомитесь со мной поближе, то вряд ли я вам понравлюсь!

Бономали. Простите, я вижу, вы действительно очень заняты! Не буду вам мешать! Зайду как-нибудь в другой раз...

Уходит.

Бипин. Уф, наконец-то! (Снова начинает терзать струны.)

Входит Шриш.

Шриш. Что с тобой, брат Бипин? Ты оставил борьбу и занялся музыкой? А почему молчит Гурудас?

Бипин. Он отдыхает. Что ж поделаешь, если я не выучусь петь, то не быть мне в твоей группе саньяси. Вот я и признал Гурудаса своим гуру — беру у него уроки, готовлюсь принять обет «нового аскетизма».

Шриш. Это еще что такое?

Бипин. Надо, чтобы душа переполнилась чувствами, тогда легче их излить и от всего отречься. Ведь переполненная туча тоже изливается дождем!

Шриш. Оставь ты свою новую философию! Скажи лучше, ты уже занялся статьей для нашего общества?

Бипин. Нет, брат, и не притрагивался. А ты свою статью, наверное, уже кончил?

Шриш. Нет, и я ничего еще не сделал. (*Помолчав.*) Плохо, брат! Обещаем, а ничего не делаем!

Бипин. Обещания, как хвост у головастика: со временем отпадают сами собой. Ведь если бы хвост остался, головастик так и не стал бы лягушкой! Так не лучше ли забыть свои обещания и повзросльеть, вместо того чтобы всю жизнь оставаться головастиками?

Шриш. Нет, тут дело не в этом. Просто нас раздирают противоречивые стремления. Так на некоторых деревьях сок выступает сразу на всех ветвях, и чем больше ветвей, тем меньше плодов. Я и сам заблуждался, брат Бипин. Только теперь я понял, что в каждом деле нужно быть подвижником. Если не отказаться от всех удовольствий и развлечений, ничего большого не совершишь. Поэтому отныне я отрекаюсь от всяких чувств и приступаю к делу, — таков мой обет!

Бипин. Согласен с тобой. Однако не на каждом стебле созревает рис — некоторые стебли засыхают. С недавних пор мне стало казаться, что мы с тобой взялись за непосильное дело. Не лучше ли нам избрать какой-нибудь другая путь, полегче и подоступнее?

Шриш. Это несерьезный разговор, Бипин! Да брось ты свою тренъкалку!

Бипин. Ладно, брошу, от этого она не пострадает.

Шриш. Давай перенесем заседание нашего клуба обратно в дом Чондро-бабу.

Бипин. Превосходно. А для чего?

Шриш. Там вдвоем мы сможем образумить Рошика-бабу.

Бипин. Вот уж не уверен! Скорее он сведет с ума нас обоих.

Гурудас. Раз пошел разговор об уме и благородстве, я, наверное, больше не нужен.

Бипин. Как раз наоборот. Чем сильнее жара, тем нужнее прохладная вода. Не покидай меня в эти трудные дни — доставь мне радость видеть тебя и утром, и вечером. Да, кстати, будут ли готовы эти песни сегодня к вечеру? Гурудас. Постараюсь все сделать. (Уходит.)

Появляется слуга.

Слуга. Там опять пришел какой-то старый господин.

Бипин. Старый? Он меня доконает! Это, наверное, опять Бономали.

Шриш. Бономали? Но ведь он только что приходил и ко мне.

Бипин (*слуге*). Гони этого старика в шею!

Шриш. Если ты его прогонишь сейчас, он потом свалится на шею мне. Уж лучше пусть войдет. Может быть, вместе мы от него сразу отделаемся. (*Слуге*.) Впусти старика!

Слуга уходит. Появляется Рошик.

Бипин. Что это? Ведь это не Бономали, а Рошик-бабу!

Рошик. У вас удивительная наблюдательность! Я и в самом деле не Бономали.

Бономали над Джамуною-рекой,
В лесу, где ветер шелестит листвой...

Шриш. Нет, нет, Рошик-бабу, только не это! Мы решили покончить со всякими остротами и шутками.

Рошик. Вот хорошо-то, и мне легче!

Шриш. Мы оставляем все развлечения и отныне занимаемся только делами Клуба холостяков.

Рошик. Я очень рад!

Шриш. К нам тут приходил некий господин по имени Бономали и предлагал вступить в брак с двумя дочерьми Ниломадхаба Чоудхури из Кумортули. Но мы его прогнали. Нам кажется это несвоевременным.

Рошик. Я тоже так думаю. Если бы этот Бономали пришел ко мне и предложил вступить в брак с двумя и более дочерьми кого бы то ни было, ему тоже пришлось бы уйти ни с чем.

Бипин. Рошик-бабу, не хотите ли немного закусить?

Рошик. Нет, только не сегодня. Я пришел к вам по серьезному делу, но, услышав, что вы дали такой суровый обет, не знаю, как и приступиться...

Бипин (*с интересом*). Нет, нет, наш обет этому не помеха!

Шриш. Он совсем не так суров, как вы предполагаете. Это дело, с которым вы пришли, наверное, касается меня?

Бипин. Нет, скорее он хотел поговорить со мной!

Рошик. Дело не такое уж важное, отложим его...

Шриш. Но ведь мы хотели встретиться сегодня вечером!

Рошик. Прошу прощения, Шриш-бабу, но это невозможно.

Шриш. Брат Бипин, выйди на минутку в другую комнату! Мне кажется, в твоем присутствии Рошик-бабу...

Рошик. Не уходите, в этом нет никакой необходимости...

Бипин. Тогда, Рошик-бабу, давайте мы поднимемся на третий этаж, а Шриш подождет нас тут.

Рошик. Лучше вы оба оставайтесь, где сидите, а я пойду.

Бипин. Как же так? Хоть закусите немного!

Шриш. Нет, мы вас не отпустим. Так дело не пойдет.

Рошик. Ну что же, тогда, слушайте. Вы, конечно, уже слышали о Нрипобале и Ниробале...

Шриш. Конечно, слышали. Поэтому, если это касается Нрипобалы...

Бипин. Если что-нибудь с Ниробалой...

Рошик. Есть причина беспокоиться о них обеих.

Оба. Уж не больны ли они?

Рошик. Хуже. Они должны выйти замуж.

Шриш. Что вы говорите, Рошик-бабу! Ведь об их браке до сих пор не было и речи!

Рошик. Да, но мать, вернувшись из Бенареса, решила вдруг выдать их за двух шалопаев.

Бипин. Это совершенно невозможно, Рошик-бабу!

Рошик. На земле очень часто случаются самые невозможные вещи, а сорняки всегда глушат цветы, — так что этот вариант как раз вполне возможен.

Бипин. Но сорняк нужно вырвать!..

Шриш. А цветы защитить!

Рошик. Это верно, но кто это сделает?

Шриш. Мы сделаем. Как ты думаешь, Бипин?

Бипин. Конечно.

Рошик. Но что вы можете сделать?

Бипин. А как вы посмотрите на то, чтобы подстерь этих шалопаев на дороге и...

Рошик. Я понял, но об этом страшно даже подумать! И к тому же творец так создал мир, что недостойное практически неистребимо. Вместо двух шалопаев явится десять.

Бипин. Но если бы мы смогли как-нибудь задержать этих двух на несколько дней, у нас было бы время что-то придумать.

Рошик. Слишком мало времени осталось для размышлений! Они придут посмотреть на девушек уже в эту пятницу.

Бипин. В эту пятницу?

Шриш. Это же послезавтра!

Рошик. Вот именно послезавтра. Ведь пятницу-то никак не задержишь!

Шриш. У меня есть идея.

Рошик. Какая, говори!

Шриш. Знает ли кто-нибудь в доме этих женихов в лицо?

Рошик. Нет, никто.

Шриш. А они знают, как найти ваш дом?

Рошик. Тоже нет.

Шриш. Тогда если Бипин сможет их задержать, то я от их имени сумею убедить Ниробалу...

Бипин. Знаешь что, брат, вряд ли мне удастся их задержать, ты это сделаешь лучше меня, а уж я от их имени попробую уговорить Ниробалу...

Рошик. Послушайте, любезные, ведь речь идет о двух женихах, как же я смогу любого из вас выдать за двоих?..

Шриш. Действительно, не выходит.

Бипин. Да, и я об этом забыл.

Шриш. Тогда нам нужно идти обоим. Однако...

Рошик. А этих двоих я сам сумею направить по ложному пути. Однако что «однако»?

Бишин. За нас вы не беспокойтесь, Рошик-бабу.

Шриш. Мы на все готовы.

Рошик. Только истинно великие люди способны на такое самопожертвование!

Шриш. Что вы, какая тут жертва!

Бишин. Сделать это для нас большая радость.

Рошик. Нет, нет, ведь это очень опасно! Как знать, тут можно самому попасть в собственную западню.

Шриш. Я лично не боюсь никакой опасности.

Бишин. Что бы с нами ни случилось, мы будем только счастливы.

Рошик. Это очень благородно, но мой долг охранять вас. Поэтому я даю вам слово, что после этой пятницы я больше никогда не буду вас беспокоить.

Шриш. Рошик-бабу, мне очень грустно слышать эти слова — «не буду беспокоить»...

Рошик. Ну, хорошо, буду!

Бишин. Неужели вы думаете, что мы беспокоимся только о себе, заботимся только о своей независимости? Почему вы считаете нас такими эгоистами?

Рошик. Извините, значит, я заблуждался.

Шриш. Что ни говори, а найти вот так сразу хорошего жениха сейчас нелегко.

Рошик. Именно потому и свалилась на нас такая беда. Я ведь знаю, что одно упоминание о браке вам неприятно, и тем не менее...

Бишин. Об этом не беспокойтесь...

Шриш. Мы вам только благодарны за то, что вы не пошли ни к кому другому, а обратились прямо к нам.

Рошик. Я вас больше благодарить не буду. Благодарность этих двух девочек вознаградит вас.

Бишин. Эй, слуга! Опахало!

Шриш. Ты приказал принести для Рошика-бабу закуску?..

Бишин. За ней уже пошли. А пока выпейте стакан воды со льдом.

Шриш. Почему воды, сейчас принесут лимонад. (*Вынимает из кармана жестяную коробочку.*) Вот угощайтесь, Рошик-бабу, это бетель.

Бишин. Вам от окна не дует? Возьмите, пожалуйста, подушку.

Шриш. Рошик-бабу, Припобала, наверно, очень опечалена?..

Бипин. И Ниробала, конечно, тоже?..

Рошик. Что и говорить!

Шриш. Припобала, наверное, плачет?

Бипин. Почему же Ниробала не объяснится начистоту со своей матерью?

Рошик (*про себя*). Ну, началось! Не нужен мне теперь никакой лимонад. (*Вслух.*) Извините, но мне пора идти.

Шриш. Что вы говорите?

Бипин. Как же так!

Рошик. Я тороплюсь! Надо сообщить этим двум мальчикам ложный адрес, нё то...

Шриш. Понял! Тогда идите скорее...

Бипин. Да, да, медлить нельзя!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ДОМ ЧОНДРОМАДХОВА.

У окна сидит Нирмола. Входит Чондро.

Чондро (*про себя*). Бедная Нирмола, взялась за такое трудное дело! Вот уже несколько дней она погружена в раздумье. Разве могут женщины нести бремя мужчин? (*Вслух.*) Нирмола!

Нирмола (*вздрогнув*). Что, дядя?

Чондро. Ты, наверно, все время думаешь об этой статье? Мне кажется, что и для статьи, и для тебя самой будет лучше, если ты отдохнешь день-другой.

Нирмола (*смущенно*). Я думаю вовсе не о статье. Мне давно пора было ею заняться, но вот уже несколько дней, с тех пор как подул этот южный ветер, я ничего не могу с собой поделать. Это, конечно, очень плохо, и я сегодня же, во что бы то ни стало...

Чондро. Нет, нет, не насилий себя! Мне кажется, тебе не хватает подруги. Совсем одной заниматься таким делом трудно, нужна чья-то помощь, содействие...

Нирмола. Оболаканто-бабу обещал мне немного помочь. Я дала ему английскую книгу по уходу за больными,

и он обещал просмотреть для меня один раздел. Наверное, сейчас принесет книгу со своей статьей, вот я сижу и жду.

Чондро. Он очень хороший юноша...

Нирмола. Просто замечательный!

Чондро. Такое прилежание, такая старательность...

Нирмола. И такой прекрасный характер!

Чондро. Я просто удивился тому, с каким энтузиазмом он взялся за дело.

Нирмола. Кроме того, достаточно его увидеть, чтобы понять, какая добрая у него душа.

Чондро. Я никогда прежде не думал, что за такое короткое время можно так привязаться к человеку и полюбить его. Мне хочется оставить этого юношу у себя, — я бы помог ему в работе и учебе.

Нирмола. Это и мне бы оказало большую помощь, я многое могла бы сделать. Поговори с ним об этом! А вот и слуга. Наверное, Оболаканто-бабу прислал статью.

Входит слуга и подает Чондро письмо.

Дядя, эту статью он, вероятно, прислал мне, — дай ее сюда.

Чондро. Нет, голубчик, это письмо для меня.

Нирмола. Письмо тебе? Значит, Оболаканто-бабу написал именно тебе... Что же он пишет?

Чондро. Нет, это письмо от Пурно.

Нирмола. Письмо от Пурно? Ах!

Чондро. Посмотрим, что он пишет! (*Читает*) «Уважаемый учитель! Ваша стойкость и ум необычайны. Люди с таким сильным характером, как у вас, могут понять и простить слабого — поэтому я и решился вам написать».

Нирмола. Что-то случилось. Кажется, Пурно-бабу собирается выйти из Клуба холостяков, иначе для чего такое вступление? Ты заметил, дядя, что последнее время он уже ничего не делал для нашего общества?

Чондро (*читает*). «Созданный вами идеал слишком высок, а намеченная цель — слишком далека. До сих пор я никогда не изменял этому идеалу и не отступался от

этой цели, но теперь я чувствую, силы меня покидают, — смиренно вам признаюсь».

Нирмола. Я думаю, у каждого, кто делает большое дело, бывают минуты упадка, но это скоро проходит.

Чондро (*читает*). «Когда после собрания я возвращаюсь домой и сажусь за работу, я вдруг чувствую себя таким одиноким и вся моя решимость исчезает». Слышишь, Нирмола? Мы ведь только что об этом говорили. Нельзя оставаться одной!

Нирмола. Да, Пурно-бабу верно подметил. Одному, без друзей, трудно сохранить решимость!

Чондро (*читает*). «Простите меня за дерзость, но я скажу прямо: после долгих раздумий я пришел к убеждению, что обет безбрачия слишком тяжел для таких простых людей, как я. Он делает нас не сильнее, а слабее. Мужчина и женщина нужны друг другу, как правая рука левой. Только когда они вместе, они могут принести пользу обществу». Что ты скажешь, Нирмола?

Нирмола молчит.

И Оккхой-бабу доказывал мне когда-то то же самое, и на многие его доводы я не смог ответить.

Нирмола. А может быть, он был прав? Во всяком случае, в этом письме многое кажется справедливым.

Чондро (*читает*). «На мой взгляд, будет гораздо лучше, если вместо Клуба холостяков-саньяси мы создадим общество семейных людей, сохранив все наши воззванные идеалы».

Нирмола. Пурно-бабу хорошо сказал.

Чондро. Я тоже с некоторых пор стал задумываться, не отказаться ли нам от обета безбрачия?

Нирмола. Я с тобой согласна. Ничего плохого не случится, если мы откажемся от этого обета. Разве кто-нибудь из членов общества будет возражать? Оболаканто-бабу, Шриш-бабу...

Чондро. По-моему, у них нет причины для возражений.

Нирмола. Все же нужно сначала посоветоваться с Оболаканто-бабу и другими.

Чондро. Да, да, это непременно. (*Читает.*) «Все, что я написал до сих пор, я писал без труда, но то, что собираюсь сказать сейчас, я боюсь доверить даже моему перу».

Нирмола. Возможно, Пурно-бабу хочет открыть тебе какую-нибудь тайну, лучше не читать этого вслух.

Чондро. Ты права, голубушка. (*Читает про себя.*) Вот это новость! Глазам своим не верю! Как же я до сих пор ничего не замечал? Нирмола, разве Пурно-бабу вел себя по отношению к тебе как-нибудь...

Нирмола. Да, Пурно-бабу иногда вел себя довольно глупо.

Чондро. Да нет же, на самом деле он очень умен. В общем, я скажу тебе прямо — Пурно-бабу просит разрешения жениться...

Нирмола. Почему он обращается за разрешением к тебе: ведь ты ему не опекун!

Чондро. Но я твой опекун! Вот, прочти.

Нирмола (*прочитав письмо, краснеет*). Это невозможно!

Чондро. Что же мне ему сказать?

Нирмола. Скажи, что это невозможно.

Чондро. Но почему? Ведь ты сама говорила, что нужно отказаться от обета безбрачия!

Нирмола. Но это не значит, что надо выходить за всякого, кто сделает тебе предложение!

Чондро. Пурно-бабу далеко не всякий! Он очень хороший человек.

Нирмола. Дядя, ты в этом ничего не понимаешь, а я объяснить тебе не могу... Прости, мне надо идти... Ой, что это торчит у тебя из кармана?

Чондро (*вздрогнув*). Ах да, совсем забыл! Сегодня утром слуга передал мне какой-то конверт на твое имя...

Нирмола (*поспешно схватив конверт*). Ах, дядя, как это некрасиво! Это же письмо от Оболаканто-бабу! Пришло еще утром, а ты его мне не отдал. Я уже думала, это он забыл!

Чондро. Действительно, с моей стороны это не совсем хорошо, но я каждый день совершаю куда больше

неправедности, и ты всякий раз меня прощаешь. Прости и теперь!

Нирмола. Не говори так! Я сама была в душе несправедлива к Оболаканто-бабу. Я думала... А вот и Рошик-бабу! Пожалуйста, заходите, Рошик-бабу, дядя здесь.

Входит Рошик.

Чондро. Рошик-бабу? Я очень рад!

Рошик. Если мой приход вас радует, я могу доставлять вам это удовольствие хоть каждый день, когда только пожелаете и даже если не пожелаете.

Чондро. Мы здесь думали о том, не отменить ли нам безбрачие, — как вы посоветуете?

Рошик. Я могу дать совершенно беспристрастный совет, потому что мне лично все равно, сохраните вы этот обет или нет. Мой совет таков: лучше откажитесь от этого обета, иначе рано или поздно он все равно будет нарушен... Пьяница Рамхори из нашего квартала встал однажды посреди улицы, созвал всех прохожих и сказал: «Люди, я решил, что вот на этом самом месте я и упаду!» И упал, потому что предвидел, что так оно и случится. Вот что значит принять правильное решение!

Чондро. Вы верно сказали, Рошик-бабу; лучше, чтобы это совершилось по нашей воле. Нужно еще до следующего воскресенья внести это предложение.

Рошик. Хорошо, вечером в пятницу приходите к нам, я всех извещу.

Чондро. Рошик-бабу, если есть у вас время, мне бы хотелось обсудить с вами вопрос об улучшении породы коров в нашей стране.

Рошик. Эта тема меня весьма интересует, но сейчас, к сожалению, уже поздно.

Нирмола. Рошик-бабу, можно вас на минуту? Мне нужно с вами поговорить. А ты, дядя, заканчивай свою статью, мы тебе не будем мешать.

Рошик. Итак, слушаю. (*Отходит в сторону.*)

Нирмола. Оболаканто-бабу прислал мне свою работу, передайте ему мою благодарность за то, что он не забыл о моей просьбе.

Рошик. Даже не получив благодарности, он награжден уже тем, что смог вам угодить.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

ДОМ ОККХОЯ.

Джоготтарини, Пуробала и Оккхой.

Джоготтарини. Сынок, что мне делать с девочками? Нрипа все время плачет, Нира твердит, что ни за что не пойдет замуж. Сейчас придут молодые люди из приличных семейств — не отсыпал же их назад? Ты, Оккхой, воспитал моих дочерей, ты их и образумь!

Пуробала. Да, да, пожалуйста! Они себя так ведут, что просто ужас! И о чем они думают?

Оккхой. По-моему, им просто никто не нравится, кроме меня, — ведь это твои родные сестры, и вкус у вас должен быть одинаковым.

Пуробала. Оставь ты свои шутки, теперь не время! Скажи лучше, сможешь ты их вразумить? Кроме тебя, они никого не послушают.

Оккхой. Такие послушные — и вдруг не послушают? Ну что ж, пришли их ко мне, — посмотрим.

Джоготтарини и Пуробала уходят.

Входят Нрипа и Нира.

Нира. Нет, господин Муккерджи, это совершенно невозможно!

Нрипа. Господин Муккерджи, припадаю к твоим ногам, не выдавай нас за каких-то...

Оккхой. Однажды был отдан приказ повесить одного человека. Когда его подвели к виселице, он сказал: «Не поднимайте меня слишком высоко, — от высоты у меня кружится голова». Точно так же и с вами. Собираетесь замуж, а сами стыдитесь показаться женихам.

Нира. Кто сказал, что мы собираемся замуж?

Оккхой. Ах, я понимаю: тело трепещет, сердце дрожит, но судьба всемогуща! Все равно ведь придется нарушить девичий обет!

Нира. Нет, не придется!

Оккхой. Не придется? Тогда идите без боязни и сразите своим появлением этих двух юнцов — только не наполовину, — пусть несчастные умрут у себя дома!

Нира. Мы совсем не хотим убивать без причины!

Оккхой. Скажите пожалуйста, какие сердобольные! Тогда зачем из-за такого пустячного дела вносить разлад в семью? Раз уже ваша мать и старшая сестра обо всем договорились и два порядочных человека уже на пути сюда, чтоб вам стоит появиться на несколько минут. А в остальном положитесь на меня: без вашего согласия свадьбы не будет, — я этого не допущу!

Нира. Ни за что?

Оккхой. Ни за что!

Входит Пуробала.

Пуробала. Идемте, я вас наряжу.

Нира. Мы не станем наряжаться.

Пуробала. Вы выйдите к гостям в этой одежде?
И вам не стыдно?

Нира. Конечно, будет стыдно, диди, — но еще хуже — наряжаться неизвестно для кого!

Оккхой. Ума пленила Махадеву в одеянии отшельницы, Шакунтала победила сердце Душианты, когда на ней была одежда из древесной коры, к тому же, как уверяет Калидаса, эта одежда была ей маловата. Твои сестры, прочитав все это, стали умными и наряжаться не хотят.

Пуробала. Это все было в золотом веке, а современным Душиантам подавайте наряды!

Оккхой. На кого ты намекаешь?

Пуробала. Хотя бы на тебя. Разве мать не нарядила меня, когда ты пришел в первый раз?

Оккхой. Я подумал тогда, что если бы на тебе было поменьше нарядов, насколько бы ты была красивее!

Пуробала. Ладно уж, помолчи, идем, Нира.

Нира. Нет, милая диди!..

Пуробала. Ну, если не хочешь наряжаться, то хоть причешись!

Оккхой
(поет)

Для чего тебе цветы?
Заплети лишь косы ты,
Пусть глаза тебя украсят
Блеском юной красоты.

Не черни каджалом бровь,
Взбудоражь улыбкой кровь,
Из веселых складок сари
Ты ловушку приготовь.

Пусть он будет ослеплен,
Очарован и пленен,
И тогда любую прихоть
Поспешит исполнить он!

Пуробала. Снова запел? Скажи лучше, когда я успею все сделать? Сейчас они придут, а у меня еще не готово угощение.

Пуробала, Нрипа и Нира уходят.

Входит Рошик.

Оккхой. А, генералиссимус, все ли готово к сражению?

Рошик. Все готово. Два воина-богатыря уже пришли.

Оккхой. А мои две воительницы пошли снаряжаться. Пока не грязнул бой, можно передохнуть.

Рошик. Я тоже не прочь.

Рошик и Оккхой уходят. Появляются Шриш и Бипин.

Шриш. Бипин, ты, кажется, штурмовал твердыню музыки. Ну и как, можно тебя поздравить с победой?

Бипин. Какое там! Эту твердыню охраняют грозные часовые — всякие гаммы, лады, музыкальные ключи, так что я не смог туда даже проникнуть. А почему ты спрашиваешь?

Шриш. Да видишь, мне хотелось положить на музыку эти стихи:

Ты до сих пор на берегу,
Как в полусне играешь,
Весь день с ладони на ладонь
Песок пересыпаешь.
Неужто не скучна игра?
Давно расстаться с ней пора.

Когда же в море ты войдешь?
Быть может, ждет удача?

Быть может, жемчуг там найдешь,
Быть может, счастье обретешь
И побежишь бегом домой,
И хохоча, и плача.

Я даже знаю мелодию к этим стихам, да только петь не умею!

Бипин. Неплохие стихи, мне нравятся. А дальше?
Раз уж начал, доканчивай!

Шриш

Тебя давно уж кто-то ждет,
Его ты встретишь, знаю!
Иди бестрепетно вперед,
Своей дорогою иди,
Хоть сердце екает в груди,
От страха замирая.

Бипин. Очень хорошо! Но что ты ищешь на книжной полке?

Шриш. Те книги, в которых я впервые увидел два имени.

Бипин. Не время сейчас!

Шриш. А почему бы и нет?

Бипин. Не говори о них!

Шриш. Странный ты какой-то! Да как же я заговорю с ними, если...

Бипин. Не сердись, брат. Я так волнуюсь, что, наверное, не смогу связать и двух слов, хотя не раз говорил здесь об этом с Рошиком-бабу. Нет, ты не понимаешь...

Шриш. Очень даже понимаю. Но ведь я только хотел заглянуть в книгу, всего лишь в одну книгу!

Бипин. Нет, сегодня не надо делать даже этого. Сегодня они сами выйдут к нам, и мы должны быть их достойны.

Шриш. Бипин, да что с тобой?..

Бипин. Нет, брат, ты со мной лучше не спорь. Пусть я проиграю, но ты эту книгу оставь!

Входит Рошик.

Рошик. А, вы уже пришли! Ничего, что пришлось посидеть одним?

Шриш. Нет, ничего. Эта комната сама обратилась к нам с почтительным приветствием.

Рошик. Я вам доставил столько хлопот...

Шриш. Разве это хлопоты? Мы вам только благодарны за такие приятные хлопоты.

Рошик. Во всяком случае, через несколько минут все это кончится и вы будете свободны. Подумайте сами: если бы все это было на самом деле, какой бы вы сейчас испытывали страх перед узами брака! Ведь эта штука только начинается сладостями, а завершается далеко не сладко. Но почему вы сидите с такими грустными лицами и молчите? Я же сказал, бояться нечего! Вы лесные птицы, поклюете зернышек и снова в лес — и никто вас не поймает!

Здесь охотники с сетью не ходят
И костров по ночам не разводят!

Правда, вместо зернышек вы получите сегодня сок молодых кокосовых орехов.

Шриш. Мы не об этом горюем, Рошик-бабу. Мы думаем, сможем ли мы принести хоть какую-нибудь пользу. И потом нас очень тревожит, что будет дальше?

Рошик. Не понимаю! За то, что вы собираетесь сделать, беззащитные девушки будут вам век благодарны, а сами вы остаетесь свободными от всяких уз — о чем тут беспокоиться?

Джоготтарини (*за сценой негромко*). О Нрипа, ну что за ребячество! Вытри скорей слезы и ступай в комнату. О, мать Лакшми, от слез у тебя глаза совсем красивые, — ну подумай, как это некрасиво! Нира, иди же! О, творец, я больше не могу с вами. Заставляют ждать порядочных людей. Ведь они обидятся!

Шриш. Вы слышите, Рошик-бабу? Это невыносимо! Даже раджпуты, убивающие своих девочек, не так жестоки!

Бипин. Рошик-бабу, мы готовы на все, лишь бы избавить их от этого несчастья.

Рошик. Нет, нет, я не хочу причинять вам беспокойство. Только сегодня, а потом можете не тревожиться!

Шриш. Не тревожитесь? Что вы говорите, Рошик-бабу. Что мы, камни, что ли? С сегодняшнего дня мы как раз и начнем тревожиться.

Бипин. Если после такого события мы останемся к ним равнодушными, значит, мы просто трусы!

Шриш. Отныне заботиться о них — дело нашей чести!

Рошик. Ну что ж, заботьтесь, но, кроме этих забот, у вас не будет никаких хлопот.

Шриш. Рошик-бабу, но почему вы так оберегаете нас от хлопот?

Бипин. Если ради них нам и придется похлопотать, мы сочтем это за честь.

Шриш. Рошик-бабу, уверяя нас, что эти хлопоты продлятся всего день-другой, вы нас только огорчаете!

Рошик. Простите меня, я больше никогда не буду втягивать вас в такие безрассудные дела.

Шриш. Неужели вы нас так плохо знаете?

Рошик. Я-то вас знаю, можете не беспокоиться!

Входят смущенные Нрипа и Нира.

Шриш (*поклонившись*). Рошик-бабу, скажите им, пожалуйста, пусть они нас простят.

Бипин. Если мы, даже не желая того, стали причиной их стыда или страха, для нас это великое горе! Если они не простят нас...

Рошик. Послушайте, прося у них прощения, вы только увеличиваете вину этих юных преступниц. Они вдруг забыли, как нужно встречать гостей, и стоят с опущенными головами. Но не смущайте их еще больше и не думайте, что это от нерасположения к вам. Нрипа, Нира, что же вы молчите? Ваши глаза мокры от слез — значит ли это, что и ваши сердца отворачиваются от гостей?

Нрипа и Нира молчат в смущении.

Рошик (*девушкам*). Да говорите же! Что мне ответить этим людям? Может быть, предложить им убраться отсюда поскорее?

Нира (*негромко*). Дядя Рошик, какие глупости ты болтаешь! Разве мы этого хотим? Разве мы знали, что это они?

Рошик (к Шришу и Бипину). Они говорят:

О друг, какой конфуз ужасный!
От солнца я бежать хотела
И лишь случайно разглядела,
Что для меня — ты месяц ясный!

Может быть, еще что-нибудь добавить?

Нира (в сторону). Ах, дядя Рошик, ведь это неправда! Разве я это говорила?

Рошик (к Шришу и Бипину). Они меня ругают за то, что я не смог полностью выразить их чувства. Они хотят сказать, что месяц — не сравнение. Лучше...

Нира (в сторону). Если ты будешь так говорить, мы уйдем.

Рошик. Не подобает уходить, не приняв как следует гостей! (*К Шришу и Бипину.*) Они говорят, что если я расскажу вам о том, что они чувствуют в действительности, то они сбегут от стыда.

Припа и Нира порываются уйти.

Шриш. Почему вы хотите наказать невиновных, хотя виноват один Рошик-бабу? Ведь мы не сделали ничего плохого!

Девушки в нерешительности.

Бипин (обращаясь к Нире). Если я в чем-нибудь и провинился перед вами, неужели вы не позволите мне оправдаться?

Рошик (в сторону). И ради того, чтобы оправдаться, этот несчастный так долго ожидал удобного случая!

Нира (в сторону). В чем же он провинился?

Рошик (Бипину). Она говорит, ваш проступок так очарователен. Она даже не считает, что за него нужно просить прощения. Однако если бы эту тетрадку осмелился похитить я, тогда бы это было целым преступлением, — в уголовном кодексе есть даже статья на этот счет.

Бипин. Не завидуйте мне, Рошик-бабу. Вы всегда имеете возможность и совершил преступление, и претерпеть наказание. Я лишь случайно провинился — но, видно, я так ничтожен, что меня не сочли даже нужным наказать, ни простить.

Рошик. Не стоит отчаиваться, Бипин-бабу! Наказание часто запаздывает, но от него все равно не уйдешь!

Входит слуга с подносом.

Слуга. Угощение подано!

Нрипа и Нира удаляются.

Шриш. Рошик-бабу, разве мы пришли из голодного края? Почему такая спешка с едой?

Рошик. «Пусть все закончится сладким».

Шриш. Как бы не кончилось все это горьким. (*Обращаясь к Бипину.*) Бипин, мы не можем их обмануть!

Бипин (*Шришу*). Если бы мы могли, то были бы подлецами.

Шриш (*Бипину*). Что нам теперь делать?

Бипин (*Шришу*). Неужели об этом еще нужно спрашивать?

Рошик. Вы, я вижу, испугались. Но бояться нечего: как бы ни обернулось дело, я вас спасу!

Шриш и Бипин приступают к еде. Входят Оккхой и Джоготтарини.

Джоготтарини. Ну, сынок, видел, каковы мои мальчики?

Оккхой. Ма, твой вкус неоспорим, этого я не могу не признать.

Джоготтарини. А посмотри на наших девочек! Куда только девались их слезы...

Оккхой. И прекрасно! Однако, ма, тебе нужно самой подойти и благословить мальчиков.

Джоготтарини. Это неприлично, Оккхой. Разве они уже сказали о своем согласии?

Оккхой. Еще бы! Поэтому, если ты сейчас сама подойдешь и благословишь их, все будет сразу решено.

Джоготтарини. Ну что ж, раз ты так считаешь... В конце концов, ведь я им в матери гожусь, чего мне стыдиться!

Входит Пуробала.

Джоготтарини. Пуро, я хочу тебе сказать, что эти мальчики — словно золотые месяцы,

Пуробала. Я так и думала. Разве могла судьба предназначить Нире и Нрипе плохих женихов.

Оккхой. Это, конечно, надо понимать, как намек на судьбу их старшей сестры!

Пуробала. А ты ступай-ка лучше и поговори с ними. Однако куда же девалась Шойла?

Оккхой. Она от радости заперлась и молится за нас всех. (*Подходя к Шришу и Бипину.*) Ну, как дела? Дядя Рошик, я вижу, гостей ты угощаешь, а про меня забыл?

Рошик. Угощая их, я тем самым выражают им свое уважение, а как мне уважить тебя? Этот способ для тебя слишком стар, а нового придумать я не успел.

Оккхой. Но я вижу, ты опустошил весь домашний запас сладостей и весь неиспробованный мед нашего семейства. А ведь сегодня придут еще двое и спросят свою долю, — ты забыл об этом?

Рошик. Именно своей забывчивостью я и славлюсь. Хозяйка знает: к чему приложил руку старый дядюшка Рошик, там без путаницы не обойдется!

Оккхой. Что ты говоришь, дядя Рошик? Что ты успел натворить? Куда ты послал тех двух юношей?

Рошик. По ошибке я дал им другой адрес.

Оккхой. Что же будет с этими несчастными?

Рошик. Ничего худого. Они сейчас поглощают сладости в доме Ниломадхоба Чоудхури из Кумартули. О них позаботился незаменимый Бономали Бхоттачарджо!

Оккхой. Я, кажется, начинаю понимать. Приготовленные для них сладости достались другим. Но не будет ли твое угощение кое для кого горьким? Исправь ошибку, пока не поздно! Шриш-бабу, Бипин-бабу, не думайте ничего плохого. Тут небольшая семейная тайна.

Шриш. Простодушный Рошик-бабу уже поведал нам эту тайну. Вы нас не проведете.

Бипин. Опустошать тарелку со сладостями мы тоже имеем право. И мы готовы это доказать.

Оккхой. Что вы говорите, Бипин-бабу? Плакало Общество холостяков на вечные времена! И вы делаете это совершенно добровольно?

Рошик. Нет, нет, ты ошибаешься, Оккхой!
Оккхой, Снова ошибка! Неужели сегодня день ошибок?

(Поет.)

По ошибке запутался ветер
В ошибках лиан и веток,
Ошибка ошибок в ошибках,
Одни лишь цветы — в улыбках,
Да радость, не ошибаясь,
Растет, волной разливаясь!

Рошик. Ах, идет хозяйка дома!

Оккхой. Да, да, сюда идет хозяйка дома. А куда ей прикажете идти? Не пойдет же она на Камартули!

Входит Джоготтарини. Шриш и Бипин кланяются до земли. Джоготтарини благословляет каждого из них золотой монетой, отходит в сторону и что-то говорит Оккхою.

Оккхой (*громко*). Ма говорит, что вы плохо ели, — все осталось на тарелках!

Шриш. Мы два раза просили добавить еще!

Бипин. То, что лежит на тарелках, — положено третий раз.

Шриш. Этого доесть мы просто не смогли.

Джоготтарини (*в сторону*). Так ты побеседуй с ними, сын мой, а я пошла. (*Уходит*.)

Рошик. Нет, это невозможно!

Оккхой. О чём ты?

Рошик. Я их так уверял, что они сразу же получат свободу, как только поедят, что для них нет никакой опасности, а тут вдруг...

Шриш. При чём тут «вдруг», Рошик-бабу? Почему вы так о нас беспокоитесь?

Рошик. Как же так, Шриш-бабу, я ведь дал вам слово!

Бипин. Ну и что же? Никакой беды не случилось.

Шриш. И мы обещаем заслужить благословение ма!

Рошик. Нет, нет, Шриш-бабу, это не серьезный разговор. Ведь вы попали в эту историю только из-за своей вежливости,

Б и п и н. Рошик-бабу, не будьте к нам так несправедливы! Попав в затруднительное положение...

Р о ш и к. Вот видите, сами говорите — затруднительное положение. Я сейчас же все уложу. Пойду к Бономали, освобожу этих мальчиков и приведу их сюда...

Ш ри ш. Чем мы провинились перед вами, Рошик-бабу?

Р о ш и к. Нет, нет, тут речь идет о моей вине, а не о вашей! Вы, порядочные люди, приняли обет безбрачия, по моей просьбе согласились помочь ближним, и что из этого вышло!

Б и п и н. Поймите же, в конце концов, что мы помогли самим себе.

Ш ри ш. Почему вы стараетесь лишить нас счастья?

Р о ш и к. Тогда не вините меня.

Б и п и н. Обязательно обвиним, если вы не станете помогать нам и дальше.

Р о ш и к
(торжественно декламирует)

Я вас последний раз предупреждаю:
Вы можете спастись еще успеть!
Смотрите! Птицеловы, окружая,
Вдоль берега растягивают сеть.
Проснитесь, лебеди, скорее сон стряхните!
Коварной сетью окружают вас!
Еще есть время — на простор летите,
На озеро волшебное Манас!

Ш ри ш. И не подумаем! Ваши санскритские вирши тут не помогут: лебеди с этого места и не сдвинутся.

Р о ш и к. Действительно, какое-то заколдованное место. Вот и я тоже сижу как приkleенный... Ох, хо, хо! — никуда не хочется уходить.

О газель, видно, злая судьба привела
Тебя в город охотников,
И тебя поразила стрела...

Входит слуга.

Слуга. Пришел Чондро-бабу.
Окхой. Зови его сюда!

Слуга уходит.

Рошик. Отдадим ему на суд сразу обоих воров — пусть казнит или милует!

Входит Чондро.

Чондро. Ах, и вы здесь! Даже Пурно-бабу пришел!
Окхой. Простите, я не Пурно-бабу, а Окхой-бабу.

Чондро. Окхой-бабу! Это очень хорошо, вас-то мне и нужно.

Окхой. Я всегда нужен там, где требуется ни на что не годный человек. Чем могу быть полезен?

Чондро. Я пришел к выводу, что, если не откажаться от обета безбрачия, наше общество останется слишком малочисленным. Нужно будет убедить в этом Шриша-бабу и Бипина-бабу.

Окхой. Трудное дело! Боюсь, оно мне не по силам.

Чондро (*Шришу и Бипину*). Поскольку мы сами приняли обет безбрачия, мы сами можем от него и отказаться. Логика прежде всего! Она важнее, чем принятые ранее решения.

Шриш. Нас незачем долго уговаривать...

Чондро. Почему? Неужели вы не хотите прислушаться к голосу разума?

Бипин. Мы по вашему же решению...

Чондро. Мое прежнее решение было ошибочным, я это признаю. Зачем же ссылаться на это решение?

Рошик. А вот и Пурно-бабу! Заходите, заходите!

Входит Пурно.

Чондро. Пурно-бабу, мы здесь собрались, чтобы по вашему предложению отказаться от обязательного обета безбрачия. Но Шриш-бабу и Бипин-бабу совершенно непреклонны, так что если бы вы сумели их убедить...

Рошик. Я сделал все возможное, чтобы их убедить, Чондро-бабу.

Чондро. Если даже такой красноречивый оратор, как вы, не имел успеха, тогда...

Рошик. Успех налицо!

Чондро. Я что-то не понимаю, о чём вы говорите.
Оккхой. Дядюшка Рошик, Чондро-бабу нужно все объяснить! Но лучше я сейчас приведу сюда два очевидных доказательства.

Шриш. Как ваше здоровье, Пурно-бабу?

Пурно. Спасибо.

Бипин. Я вижу, вы немного грустны,

Пурно. Нет, вовсе нет.

Шриш. Скоро у вас экзамен?

Пурно. Да.

Входит Оккхой, ведя Нрипу и Ниру.

Оккхой (*к Нрипе и Нире*). Это Чондро-бабу, ваш уважаемый учитель, поклонитесь ему.

Нрипа и Нира кланяются.

Чондро-бабу, согласно новому уставу, в ваше общество вступают два новых члена.

Чондро. Очень рад. Кто эти девушки?

Оккхой. Они в самом близком родстве со мной. Это две мои свояченицы. Но скоро, когда для этого настапет благоприятный день, они окажутся в еще более близком родстве с Шришем-бабу и Бипином-бабу. Взгляните на девушек, и вы поймете, что не только красноречие дяди Рошика было причиной отступничества молодых людей.

Чондро. Очень приятно.

Пурно. Шриш-бабу, рад за вас! Бипин-бабу, желаю вам счастья! Надеюсь, и Оболаканто-бабу не будет обижен, ведь и для него есть кандидатура.

Входит Нирмола.

Чондро. Нирмола, я хочу тебя обрадовать, скоро Шриш-бабу и Бипин-бабу женятся. Так что ставить предложение об отказе от обета безбрачия теперь излишне.

Нирмола. Но ведь вы еще не спросили, что об этом думает Оболаканто-бабу, — я его здесь не вижу!

Чондро. Верно, о нем совсем я забыл. Почему он сегодня не пришел?

Рошик. Вас удивляет его отсутствие, но вы еще больше удивитесь, увидев его превращение.

Оккхой. Чондро-бабу, надеюсь, теперь вы и меня примете в свое общество. Оно стало настолько привлекательным, что вы меня просто обязаны принять!

Чондро. Мы будем счастливы заполучить вас.

Оккхой. А вместе со мной вы получите и еще одного члена. Мы до сих пор не могли его представить сегодняшнему собранию. Но как только он закончит в брачной комнате приготовление подарков бывшему Клубу холостяков, он сам предстанет перед вами, и тогда Общество холостяков прекратит свое существование.

Входит Шойла.

Шойла (*поклонившись Чондро-бабу*). Простите меня!

Шриш. Что это значит, Оболаканто-бабу?

Оккхой. Вы переменили мнение, а она — только одеяние.

Рошик. Рожденная в горах Парвати до сих пор носила одежду охотника, а сегодня снова облачилась в одеяние отшельницы.

Чондро. Нирмола, я ничего не понимаю!

Нирмола. Это несправедливо! Какая несправедливость! Оболаканто-бабу...

Оккхой. Нирмола-деви сказала верно: это несправедливо. Но это несправедливость творца. Ей действительно нужно было родиться Оболаканто-бабу, и почему бог сделал ее вдовой Шойлой — совершенно непонятно.

Шойла (*Нирмоле*). Если я виновата, я готова на все, чтобы искупить свою вину. Но я надеюсь, что время поможет мне и вина мои окажется не такой уж тяжкой.

Пурно (*подходя к Нирмоле*). Пользуясь случаем, я хочу просить у вас прощения за ту самонадеянность, которую проявил в письме к Чондро-бабу. Со стороны такого недостойного человека, как я, это тоже было бы несправедливостью.

Чондро. Пурно-бабу, никакой несправедливости в этом нет! Если Нирмола не может оценить ваших достоинств, то это недостаток самой Нирмолы.

Нирмола, опустив голову, молча выходит.

Рошик (*к Пурно*). Не огорчайтесь, Пурно-бабу: ваше заявление принято и вы получите положительный ответ не позже чем завтра на заре.

Шриш (*к Шойле*). Как же вы провели нас!

Бипин. Провели, когда мы еще и не думали, что можем породниться!

Шойла. Тем более. Теперь вам житья не будет!

Бипин. И не надо.

Рошик. На этом кончается пьеса, давайте же завершим ее изречением Бхараты:

Пусть исчезнут все трудности, пусть все будут
счастливы,
Пусть исполняются все желания и пусть все радуются!

КОЛЕСНИЦА ВРЕМЕНИ

Перевод

А. Ибрагимова и А. Ревица

Под редакцией

М. Зенкевича

ЖЕНЩИНЫ НА ЯРМАРКЕ В ДЕНЬ ШЕСТВИЯ КОЛЕСНИЦЫ

Первая

Послушайте-ка, сестры! Что творится!
Чуть свет, когда еще и птицы спали,
Умылась я в пруду у храма Кали
И поспешила колеснице встретить.
Но жду я битый час,
А Колесницы Времени все нет.
И грохота колес еще не слышно.

Вторая

Нет ни души. Весь мир как-будто вымер,
Что будет с нами? На сердце — тревога.

Третья

Торговый люд притих и озабочен,
Закрыты лавки. Толпы у обочин
Все ждут и ждут,
Когда же наконец
Появится святая колесница.

Первая

Сегодня шествием пройти должны
Все жители страны:
И брахманы-жрецы с учениками,
И махараджа во главе полков,

Наставник, а за ним его питомцы
С божественными книгами в руках,
И матери, несущие младенцев, —
Младенцы выйти в путь должны впервые.
Но почему же не идет никто?

Вторая

Глядите-ка, — молитву шепчет жрец,
В отчаянии голову руками
Он обхватил...

Входит саньяси.

Саньяси

О, горе!
Грядет война, пожары всыхнут вскоре,
Наступит мор. Беда нас ждет, беда!
Земля пожухнет, высохнет вода.

Первая женщина

Беда? О чём ты говоришь, отец?
В храм бога Шивы мы пришли сегодня,
Сегодня праздник, выезд колесницы.

Саньяси

Взгляни! Ведь все богатство — у богатых.
А что в нем проку? Словно плод гнилой...
На ниве нищей созревает голод,
Кубера, бог богатств, и тот голодный.
Корзина драная в руках у Лакшми.
Взгляни! Иссяк поток ее даров,
Лежит земля бесплодная вокруг.

Третья женщина

Увы, отец.

С а н ъ я с и

Вас давят неоплатные долги.
Чем будете расплачиваться? Нечем.
Растратили вы все богатства века, —
И времени недвижна колесница.
Безжизненно лежат в пыли постройки.

П е р в а я ж е н щ и н а

Увы, отец. Я вся дрожу от страха.
Веревка эта схожа
С раздувшимся, сытою змеей.

С а н ъ я с и

Веревка эта тянет колесницу,
Пока в движении — несет свободу,
Недвижная же превратится в путы.

В т о р а я ж е н щ и н а

Мне кажется: упрямится веревка
Лишь потому, что мы не чтим ее.
Склонимся ж пред богинею-веревкой.

П е р в а я

Сестра, ведь мы пока что не готовы
К подобному обряду.

Т р е т ь я

Об этом не было и речи даже, —
Ведь ярмарка — для купли и продажи,
Мы собирались поглядеть жонглеров
И пляски обезьян.
Пойдем скорей, пока еще не поздно,
И подготовим для обряда все.

Уходят.

Появляются горожане.

Первый горожанин

Глядите-ка, валяются постремки
От колесницы времени. Когда-то
За них держались разные державы.
Теперь же бечева лежит в пыли,
Черным-черна.

Второй

Не лучше ли уйти?
Вот-вот она взовьется, пасть ощерит
И бросится на нас.

Третий

Глядите. Шевельнулась. Я уйду.

Первый

Молчи! Еще накликаешь беду.
Коль оживет она — нам всем конец.

Третий

Нарушатся все связи бытия,
Когда бразды мы выпустим из рук,
Ведь если сами двинутся колеса,
Раздавит время нас.

Первый

Гляди-ка, брат, как брахман побледнел,
Уселся в стороне и шепчет мантры.

Второй

Напрасный труд. Давно прошла пора,
Когда жрецам повиновалось время,
А ведь они и наш открыли век.

Третий

Я видел сам: он взялся за веревку,
Но потянул назад, а не вперед.

Первый

А может, это — древний, верный путь,
Но сбылось время с верного пути.

Второй

И где ты этой мудрости набрался?

Первый

У мудрецов. Они ведь утверждают,
Что время не вперед идет — назад.
Вперед его насилино тащат люди.
Иначе бы оно вернулось вспять
И скрылось в довременной бездне мрака.

Третий

Гляжу я на веревку — жуть берет.
Она — как жила: бьется в ней, дрожит
Горячечный, безумный пульс веков.

Входит саньяси.

Саньяси

Беда, беда!
Я слышу грозный гул.
То в недрах родилось землетрясенье,
Из щелей рвутся языки огня.
Пылает небозем вокруг меня,
Огонь кровавит небо.

Уходит.

Первый горожанин

Неужто нет у нас в стране святого,
Который бы дерзнул поднять постройки?

Второй

Столетие придется нам потратить,
Чтоб одного святого отыскать.
Что ж будет с грешниками? Их не счесть.

Третий

До них ли богу? — сам ты посуди.

Второй

Ну что ты мелешь?! В мире все грешны.
Без грешников исчезнет царство божье.
Святой приходит редко и случайно
И прячется от нас в лесах, в пещерах.

Первый

Постойте! Осторожнее! Глядите,
Веревка эта будто посинела.

Входят женщины.

Первая женщина

В морскую раковину протрубите.
Пока стоит на месте колесница,
Замрет весь мир,
Очаг остынет, птицы рис склюют.
Мой средний сын работу потерял,
Больна невестка. Нет конца напастям.

Первый горожанин

Что здесь вам нужно, женщины? Скажите,
При чем здесь вы? Не ваше это дело.
Домой бы лучше шли вы, к очагу.

Вторая женщина

Зачем? Молиться ведь и я могу.
Не будь нас, брахманы бы отошли.

Тебя мы молим, смилиуйся, веревка!
Мы жертву принесли. Эй, лейте масло
И молоко. А где вода из Ганги?
Здесь надобно кропить святой водою.
Зажгите пять светильников. Веревка!
Богиня! Если ты пошевелишься,
Клянусь, отрежу косы в дар тебе.

Т р е т ь я

Я риса тридцать дней не буду есть.
Сестрицы, воздадим богине честь.

П е р в ы й г о р о ж а н и н

Вот глупые! Уж лучше б честь воздали
Вы богу времени, а не веревке.

П е р в а я ж е н щ и н а

Где он — твой бог? Ведь мы его не видим.
А госпожа веревка — тут как тут.
О, счастье! Вот она — черна, толста.
Подобие священного хвоста,
Которым Хануман, царь обезьянний,
Испепелил оплот ракшасов — Ланку.
Пусть труп мой вымоют водой, в которой
Веревку постирают!

В т о р а я

Пусть все мои браслеты перельют,
Чтоб сделать наконечник для веревки.

Т р е т ь я

О как прекрасна госпожа веревка!

П е р в а я

Прекрасна, как Джамуна!

Вторая

Как шелковые косы девы-нага!

Третья

Гибка, как хобот мудрого Ганеши!
От счастья даже слезы на глазах.

Входит саньяси.

Первая женщина

Отец, хотим веревке помолиться,
Но жрец молчит. Кто прочитает мантры?

Саньяси

Что могут мантры?!
Для времени стал путь непроходим,
Весь в рытвинах, в ухабах, в ямах, в кочках.
Не выровняем путь — нас ждет беда.

Третья женщина

Такого отроду я не слыхала!
Всегда подчинены верхам низы,
И колесница по мосту всегда
Катилась снизу вверх.

Саньяси

Все глубже пропасть, трещина все шире,
Устои сгнили, беспорядок в мире,
Толчок — и рухнет мост.

Уходит.

Первая женщина

Помолимся же божеству дороги
И богу трещин жертву принесем.

А вдруг прогневаются эти боги?
Ведь пропастей немало на пути.
Богиня милосердная, прости!
Не нас — так наших деток пожалей.

Женщины уходят.
Входят воины.

Первый воин

Веревка все лежит на прежнем месте,
Растрапана, как ведьминна коса.

Второй

Какой позор! Сам махараджа брал
Веревку в руки. Помогали мы.
А оси и не скрипнули. Позор!

Третий

Но разве это наше дело, братья?
Мы кшатрии — не буйволы, не шудры,
Всегда стояли мы на колеснице,
А чернь презренная ее везла.

Первый горожанин

Мы прокляты, мы время оскорбили,

Третий воин

О чем болтает этот человек?!

Первый горожанин

Когда-то шудры вздумали сравняться
С жрецами, брахманами. Наглецы!
Такие же в то время были смуты,
И время стало. Замерли минуты,
Но Рама шудре голову отсек,
И снова водарился мир в стране,

Второй

Все эти шудры — стали грамотеи.
Попробуй книги отобрать — кричат:
Что мы — не люди?!

Третий

Еще не то придется слышать нам!
Однажды скажет чернь: пустите в храм!
Иль скажет: с воинами и жрецами
Хотим купаться вместе.

Первый

Раз так — то неподвижность колесницы
На благо нам,
Приди она в движенье — мир погибнет
Под тяжким колесом.

Первый воин

Читает шудра книги! О безумье!
А завтра брахман будет сеять рис.

Второй

Ворвемся в их лачуги и докажем,
Кто человек, а кто не человек.

Второй горожанин

Один мудрец сказал однажды радже:
В наш век бессильны и мечи и шастры,
Вся сила — в золоте. И царь призвал купца.

Первый воин

Коль сдвинут колесницу торгаши,
Я утоплюсь во всем вооруженье,

Второй

Зря кипятишься, брат, теперь иные
Настали времена.
Не бог любви — стрелу торговец пустит,
И тетива протяжно запоет,
А если стрел не заострит купец,
Им не достигнуть никогда сердец.

Третий

Ты прав. В наш век над всем стоит правитель,
За ним — купец. Царит полукупец —
Полувладыка.

Входит саньяси.

Первый воин

Отец, послушай! Почему не в силах
Мы сдвинуть колесницу?

Саньяси

У вас в руках веревка обветшала,
Все ваши стрелы ранили ее.
Она едва жива, вот-вот порвется,
А вы ее разите вновь и вновь.
Кичитесь силой, оскорбляя время,
Тиранством ослабляете его,
Уйдите прочь с дороги!

(Исчезает.)

Входят торговцы.

Первый торговец

Проклятье! Обо что я зацепился?

Второй

Да это же постремки колесницы,

Четвертый

Страшна веревка, словно змей Васуки.

Первый воин

Кто эти люди?

Второй

У них на пальцах золотые перстни,
Блеск бриллиантов так и бьет в глаза.

Первый горожанин

Да это ж богатеи.

Первый торговец

Призвал властитель одного из нас.
И все надеялись: он сдвинет колесницу.

Второй воин

Кто это — все? О ком ты говоришь?
Кто и на что надеялся, скажи?

Второй торговец

Все люди знают, что движенье мира
Всегда подчинено рукам богатых.

Первый воин

Но так ли это? Показать могу я,
Как меч мой движется в моих руках.

Третий торговец

Скажи, а кто твоей рукою движет,

П е р в ы й в о и н

Молчать, наглец!

В т о р о й т о р г о в е ц

Ты нам велишь молчать?!

Но всюду слышен голос только наш.

П е р в ы й в о и н

Ты думаешь, клинок мой не звенит?

В т о р о й т о р г о в е ц

Звенит, послушный нашему приказу,
В любой стране, на суше и на море,

П е р в ы й г о р о ж а н и н

С богатыми не стоит в спор вступать.

П е р в ы й в о и н

Ты говоришь: не стоит?
Но звон оружья — лучший довод в споре,

П е р в ы й г о р о ж а н и н

Оружье можно, как и все, купить,
А это значит: золото — главное,

П е р в ы й т о р г о в е ц

Вы слышали? — отшельника призвали,
Чтоб шел на помощь с берегов Нарбады.

В т о р о й т о р г о в е ц

Слыхали. Говорят, посланец раджи
Пришел в пещеру, смотрит, а подвижник

Лежит недвижно, ноги подогнул,
Хоть звук трубы нарушил созерцанье.
Колени старца одеревенели.

П е р в ы й г о р о ж а н и н

К чему же нам винить святые ноги?
Не двигался он шестьдесят пять лет.
Так что же он сказал?

В т о р о й т о р г о в е ц

Сказал? Ему претила болтовня,
И он давно отрезал свой язык.

П е р в ы й т о р г о в е ц

А что потом?

В т о р о й

Его до колесницы нес десяток
Отборных силачей. Едва он взялся
За бечеву — ушли колеса в землю.

П е р в ы й

Хотел он колесницу подавить,
Как собственную душу.

В т о р о й

День голодать — и то не держат ноги,
Да, видно, тяжки шестьдесят пять лет.

В ходят м и н и с т р ы и б о г а ч и .

Б о г а ч

Зачем вы нас призвали, господин?

М и н и с т р

В годину бед надежда вся на вас.

Б о г а ч

Коль дело все в деньгах, берусь помочь.

М и н и с т р

Необходимо сдвинуть колесницу.

Б о г а ч

Во все века мы смазывали ось,
Тянуть нам колесницу не пристало.

М и н и с т р

Попробуйте-ка силу ваших рук,
Другие силы нынче бесполезны.

Б о г а ч

Попробуем, но я предупреждаю,
Что б ни было, я умываю руки.

(Обращается к окружающим.)

Ну, что же, пожелайте нам удачи.

В с е

Да будет вам во всем успех и счастье!

Б о г а ч

А ну, счастливые, взялись! Тяните!

П е р в ы й т о r г о в е ц

Мне даже не поднять веревку эту.

Б о г а ч

А ну, берись, конторщик, за веревку
И покажи-ка всем свою сноровку.
Удачи пожелайте нам, удачи,

Второй богач

О господин министр! У нас у всех
Окаменели руки как на грех,

Все

Какой позор!

Воин

Добро ж, мы сохранили нашу честь!

Жрец

И выстояла вера в испытаньях!

Воин

Случись в иное время это дело,—
Здесь не одна бы голова слетела!

Богач

Вам только б людям головы рубить;
А нет, чтоб поработать головою...
О чем вы так задумались, министр?

Министр

Я вижу, тщетны все старанья наши,
Не знаю, что и делать.

Богач

А это уж не ваше горе: время
Само себе дорогу изберет.
На клич его толпою соберутся
Все, кто сегодня неприметен глазу, —
Они-то и потянут колесницу.
Припрячь-ка, счетовод, свои тетради;
Запри сундук, приказчик, бога ради.

Богачи уходят вместе со своими прислужниками.

Появляются же индивидуумы,

Первая

Мы встали рано, — до сих пор не ели,
А колесница-то на прежнем месте:
Все оттого, что скудно благочестье,

Министр

Зато у вас его — хоть пруд пруди,
Испробуйте же силу вашей веры!

Первая

Помилуй нас,
Богиня милосердная — Веревка!
Помилуй нас!

Вторая

Мне говорили: если в полдень дева,
Дочь брахмана, восславит имя бога
И, омовенье совершив в пруду,
На расстоянье трех локтей от гхата,
Достанет три пучка патшиалы,
Потом в сырье волосы вплетет
И подожжет, — вот, говорят, тогда-то
Богиня и воспрянет ото сна.
Готово все к обряду, но сначала
Чело богини смажьте краской алой.
Не бойтесь! Оскорбить ее не может
Касание того, кто предан ей.

Первая

Сама и крась. Зачем просить других?
А у меня племянник захворал:
Неровен час, бедняге станет худо.

Третья

Патшиала уже вовсю дымится,
Веревка же никак не оживает.

О смилостивъся, добрая богиня!
Свое великодушие яви.
Браслет тебе подарим в знак любви, —
В нем унций сорок золота, не меньше,
Исполнит наш заказ чеканщик Бени.

Вторая

Три года прослужу твоей рабыней
И стану приносить тебе дары
Три раза в день...
Возьми-ка в руки опахало, Бини, —
Богиня умирает от жары...
Кувшин воды из Ганги принесите
И глиной мне намажьте лоб, сестрицы.
А вот и наша Кхеди. Рис несет.
Давно пора — богиня голодна.
Помилуй нас, богиня из богинь!
Ты, грешных, нас вовеки не покинь!
Что ж ты не машешь опахалом, Бини?

Первая

Что с нами будет? И подумать жутко!
Богиня рассердилась не на шутку.
Ведь у меня три сына на чужбине.
А вдруг не возвратятся сыновья?

Министр

Ну, женщины, вы кончили свое?
Теперь ступайте по домам — молитесь;
А остальное предоставьте нам,

Первая

Так, мы уходим, господин министр.
Смотрите, чтобы не погасло пламя
В патшиале, чтоб листья не опали.

Женщины удаляются.

Входит гонец.

Гонец

Я весть принес, что взбунтовались шудры.

Министр

Что? Что?

Гонец

Они бегут сюда и говорят,
Что могут сдвинуть эту колесницу.

Все

Они не смеют в руки брать постромок.

Гонец

Что их удержит! Меч ваш слишком ломок,
Чем вы встревожены, мой господин?

Министр

Я опасаюсь не прихода их —
Боюсь, что улыбнется им удача.

Воин

Тому не быть. Как топору не плавать.

Министр

Когда низы становятся верхами,
Об этом «смена власти» — говорят.
Сменяются века,
Когда выходит скрытое наружу.

Воин

Скажи, что делать; мы не знаем страха.

Министр

Напрасно, друг. Не укротят поводья
Бушующую ярость половодья!

Гонец

Каков же ваш приказ?

Министр

Пустите их.
Преграду смяв, себя познает сила, —
Тогда ее ничем не одолеть,

Гонец

Вот и они.

Министр

Спокойней! Не теряйте головы!

Входят шудры.

Предводитель шудр

Явились мы, чтоб сдвинуть колесницу,

Министр

А вы всегда и двигали ее.

Предводитель

Да. И всегда, простертые в пыли,
Лежали под колесами ее,
А ныне бог не принял этой жертвы,

Министр

Понятно. Пред колесами всегда
Лежали вы, не поднимая глаз.
Дабы случайно бога не узреть.
Колеса же, казалось, были сыты,

Жрец

Конечно, было им не до еды,
Когда кругом — безбожия плоды,

Предводитель

И вот воззвал всевышний к нам: «Впрягайтесь!»

Жрец

Но как узнали вы, что это божий глас?

Предводитель

Узнали, а откуда — неизвестно.
Сегодня, пробудившись в ранний час,
Сказали мы: «Бог призывает нас!»
Деревню облетела эта весть
И, пронесясь через поля и реки,
Достигла дальних гор:
«Бог призывает нас!»

Воин

Быть может, он возжаждал вашей крови?

Предводитель

Нет, мы нужны, как тяговая сила.

Жрец

Бразды — для тех, кто правит этим миром.

Предводитель

И кто же правит миром? Уж не ты ли?

Жрец

Не смей дерзить! Бог проклянет тебя!

Предводитель

Не вы ли миром правите, министр?

Министр

Не надо так шутить.

Мир — это вы.

Он движется, послужен вашей воле.

А то, что правим мы, — обман, не боле.

Предводитель

Мы сеем рис, а вы его едите;

Мы ткем — вы прикрываете свой срам.

Воин

Мерзавцы! До сих пор они смиренно

Твердили: «Все, что мы имеем, ваше».

Теперь взгордились. Надо гнать их взашей!

Министр

(обращаясь к воину)

Молчи!

(Обращаясь к предводителю.)

Вы, шудры, на себе несете время,

Как Гаруда — божественное бремя.

Впрягайтесь же, беритесь за работу!

А мы продолжим начатое вами.

Предводитель

Тяните, братья, что есть сил тяните!

Министр

Мой друг, следи за колесницей строго —

Пусть движется накатанной дорогой.

Не то она еще раздавит нас.

Предводитель

А мы не знаем, где она, дорога.
Ходить по ней — не разрешали нам;
Пусть смотрит за дорогою возничий.
Смотрите-ка, над нами
Затрепетало знамя!
То бога знак. Прочь, страх! Глядите, братья,
Веревка ожила!
Так в высохшее русло мчатся волны.

Жрец

Презренные! Они ее коснулись.

Вбегают женщины.

Все

Не трогайте, не трогайте веревки.
Вы на душу берете тяжкий грех.
Сейчас начнется светопреставление:
И муж, и дети, и сестра, и брат —
Погибнут, без разбора, все подряд.
Уйдем отсюда. Грех смотреть на это.

Уходят.

Жрец

Глаза закройте все! Глаза закройте!
Испепелитесь вы, когда пред всеми
Грозновеликое предстанет время.

Воин

Что слышу я: скрипенье колеса,
Иль это застонали небеса?

Жрец

Не может быть! В моих священных книгах
На этот счет
Нет указанья свыше.

Г о р о ж а н и й

Задвигалась! Задвигалась! Пошла!

В о и н

Земля своим разгневанным дыханьем
Всклубила пыль! О преступленье, грех!
О страшный грех!

Ш у д р ы

Да будет славен бог великий — Время.

Ж р е ц

О горе! До чего пришлось дожить!

В о и н

Вели — и мы задержим колесницу.
На старости совсем сдурело время!

Ж р е ц

Нет, я не дам такого повеленья.
Коль бог возьмись низких пожелал,
Ты лучше помолчал бы, Ронджуал.
Пусть сам себя всевышний покарает.
Чтоб смыть подобный грех,
Сдается мне, воды не хватит в Ганге.

В о и н

Зачем вода? Как крышки у кувшинов,
Мы снимем головы низкорожденных
И бога щедро окропим их кровью.

Г о р о ж а н и н

Куда вы направляетесь, министр?

М и н и с т р

Возьмусь-ка за бразды со всеми вместе.

В о и н

Какой позор, бесчестье!

М и н и с т р

На них распространилась милость божья —
И это так, сомнений больше нет.
Мы, помогая им, себя спасаем.

В о и н

Мы лучше колесницу остановим,
Чем встанем в ряд с презренным их сословьем.

М и н и с т р

Ну что ж, тогда ложитесь под колеса.

В о и н

Они покрыты были грязной кровью —
Пусть чистая теперь омоет их.

Ж р е ц

Министр, скажите, что за наважденье?
Несется колесница по дороге.
И мир не гибнет — в страхе и тревоге.
Качается она, пьяным-пьяна.
Где свалится она?

В о и н

Вы слышите отчаянные крики?
О помощи взывают богачи:
Богатства их раздавит колесница.
Бежим же их спасать.

Министр

Подумай лучше о своем спасенье:
Опасность угрожает оружейной.

Воин

Каков же ваш совет?

Министр

Берись за вожжи —
И направляй туда, где мы спасемся.
Не время размышлять.

Воин

А ты что посоветуешь, отец?

Жрец

Сперва открой намеренья свои.

Воин

Никто не даст хорошего совета,
И я в недоуменье:
За вожжи взяться — или за мечи.
Отец, скажи, что делать! Не молчи!

Жрец

И сам я не решу: за вожжи браться,
Моления ли богу возносить?

Воин

Конец всему! Какой ужасный гуд!

Второй воин

Они ли колесницу волокут
Или она толкает их, не знаю.

Третий воин

Казалось, будто дремлет колесница;
Плелась, как вол, медлительно она.
Но вот проснулась! Ну и сила в ней!
Свернула с прежнего пути — и ломит
Нехоженой тропою,
Как дикий бык, несущий всем погибель.

Второй воин

А вот идет поэт. Его спросите.
Пусть растолкует все.

Жрец

Безумцы вы! Ему ль зажечь светильни!
Там, где бессильны мы, поэт еще бессильней.
Он выдумщик, священных книг не знает.

Входит поэт.

Второй воин

Поэт, что это значит, почему
Ни праведник, ни раджа
Не сдвинули святую колесницу?

Поэт

Они смотрели, головы задрав,
На самый верх ее.
И не смотрели вниз,
Пренебрегая
Веревкою, связующей людей.
И вот она хвостом забила в злости
И раздробит им кости.

Жрец

У шудр твоих — ума избыток явный.
Им, видите ли, ведомы законы,
Которым покоряется веревка.

Поэт

Быть может, и неведомы пока.
Отсутствие возничего заметив,
Они поймут, что могут править сами.
С ликующими кликами тогда:
«Да славятся орудия труда!»
Они вольются в войско к Балараме —
И в опьяненье он всколеблет мир!

Жрец

Что, если снова станет колесница?
Тебя на помощь призовут опять.
Ты дунешь — и она помчится вспять.

Поэт

Довольно шуток!
Меня не раз на помощь призывали,
Но до сих пор не мог я протесниться
Сквозь толпы сильных мира — к колеснице.

Жрец

Как можете вы сдвинуть колесницу,
Вы, виршеписцы?

Поэт

Не силой наших рук, а силой ритма.
Сломай его — и этой силы нет.
Уродство однобокое для всех
Губительно. Оно, как Кумбхакарна,
Прожорливо — и так же безобразно.
Все тяжестью своею подавляет.
Мы за прекрасное, а вы за мощь —
За мощь оружия и книг священных.
Вы верите в насилие извне —
Не в ритм, что возникает изнутри.

Воин

Поэт, ты все болтаешь языком, —
А там пожар, смотри!

Поэт

Пожар — извечный спутник перемен,
Пусть то, что тленно, превратится в тлен,
Потом начнется новая эпоха.

Воин

И в чем, поэт, твоё предназначенье?

Поэт

Слагать я буду песни в новом ритме.

Воин

Зачем они?

Поэт

Пускай все те, кто тянет колесницу,
Идут, шагая в ногу, словно в марше.
Ведь для людей, сбивающихся с ритма,
И ровная дорога неровна.
Шатаются они, как от вина.

Входят женщины.

Первая женщина

Отец, что происходит в этом мире!
Как верить поучениям твоим?
Напрасной оказалась наша вера.
Даров не принял бог — он шудр признал.
О стыд и срам!

Поэт

И где же те дары?

Вторая женщина

Да вот они. Всевышнему в угоду
Мы лили масло, молоко и воду.
Дорога не подсохла до сих пор;
Нога скользит, ступая по цветам.

Поэт

Все втоптано во прах: и вера ваша,
И ваши приношенья.
Веревка не потерпит поношенья:
Она людей между собой связует;
Лишь преступленье обрывает связь.

Третья женщина

А как же те, чье имя грех и молвить?

Поэт

Бог повернулся к ним.
Ведь был нарушен ритм. Одни высоко
Вознесены, другие пали низко.
Бог потянул. Низверг великих он —
И выровнял свой трон.

Первая женщина

Так что же будет дальше?

Поэт

Придет другое время — колесница
Свершит, быть может, новый поворот, —
Тогда опять столкнутся верх и низ.
Отныне вы следите за веревкой.
Из рук не выпускайте, ближе к сердцу
Ее держите;
И вашей верой не грязните путь!
Пусть грянет общий хор:
«Проснитесь вы, что спали до сих пор!
Кто спину гнул столетья — распрямитесь!»

Входит саньяси.

Саньяси

Да славится великий новый век!

Следует отметить, что в последние годы в
США и Европе возникла тенденция к
разработке и внедрению в практику
новых методов и форм социальной
работы.

Тематика социальной работы

КОММЕНТАРИИ

Все большее значение приобретают
такие темы, как социальная политика
и социальное развитие, социальная
забота о детях, социальная реабилитация
и социальная помощь инвалидам.

Важное место в тематике социальной
работы занимает проблема социальной
поддержки и социальной защиты.

В ТЕНЕТАХ ЖИЗНИ

В 1927 году Р. Тагор начал работать над романом «В тенетах жизни» («Джогаджог»), который в течение 1927—1928 годов частями печатался в журнале «Бичитра», а отдельной книгой вышел в свет в 1929 году. На русский язык роман переводится впервые.

Вновь, как и в романах «Песчинка», «Крушение», созданных еще в начале XX века, Р. Тагор обращается к одной из важнейших тем своего творчества — к проблеме положения женщины в индийском обществе. Однако роман «В тенетах жизни» отличает более глубокий и реалистический подход писателя к сложнейшему комплексу социальных и морально-этических проблем, связанных с традиционным, освящаемым индуизмом, приниженным положением женщины в индийской семье.

В этом романе Р. Тагор поставил перед собой чрезвычайно сложную и важную задачу — показать, как в сознании индийской женщины, воспитанной в традиционном духе, постепенно вызревают идеи протesta против ее рабского положения в семье, как, мучительно преодолевая привычные ей с детства понятия о религии, о боге, она, в конце концов, приходит к выводу о необходимости бороться за свое достоинство, за право быть равной.

Образ Куму сложен и противоречив. В формировании ее сознания, как и сознания любой индийской женщины, огромную роль сыграла религия. Детство и юность Куму провела в созданном ее воображением «призрачном мире», где властвуют грозные боги, где верят в приметы, где можно «купить

«милости богов» и «откупиться от их гнева». Люди, живущие в этом иллюзорном мире, «не рассуждают, они следуют веленьям свыше».

В то же время большое влияние на Куму оказывал ее брат Бипрадаш, который, по словам самой Куму, имел лишь один недостаток: он не верил в судьбу».

Бипрадаш сделал все, чтобы дать Куму всестороннее образование, разумеется, насколько это было возможно в домашних условиях, а главное — он воспитал в девушке чувство собственного достоинства, благородство души.

Однако мир иллюзий, в котором жила Куму, Бипрадаш не смог разрушить — этот мир был самой сокровенной частью души Куму. Сознание девушки оказалось в плена религии. Этим, собственно, и объясняется то, что Куму с такой готовностью, не размышляя, дала согласие на свой брак с Модхушудоном.

Будущий супруг грезился Куму «в ореоле божественной святости, похожий на могучего Шиву». Она мысленно уносилась в воображаемый мир, который якобы был уготован ей судьбой. «В самом центре этого мира восседала сама Куму — воплощение благочестия, смирения и преданности мужу».

Огромное влияние на Куму оказала и сила традиции: ее мать, долгие годы терпеливо сносившая обиды отца, сестры, которые, выходя замуж, и не помышляли о любви: «мужа... не выбирают», «...у бога нет лавки женихов», «судьбу себе не закажешь». С такими представлениями о замужестве Куму и вошла в дом Модхушудона Гхосала.

В остром конфликте автор сталкивает в романе две крайности: нежную, доверчивую Куму, жаждущую любви и готовую всю себя отдать служению мужу, и грубого эгоиста Модхушудона, для которого главное — нажива. Следует сказать, что тип разорившегося помещика, каким был Модхушудон, который потом становится торговцем и промышленником, весьма характерен для Индии конца XIX века.

Для характеристики мировоззрения Модхушудона весьма показательно, что он угодничает и даже пресмыкается перед «сильными» — своими хозяевами — англичанами, добиваясь от них титула махараджи, и в то же время проявляет жестокость по отношению к «слабым», к тем, кто от него зависит.

И вот этот человек, убежденный в том, что нет силы, которая смогла бы устоять перед его богатством, что все на

сните можно купить, даже любовь, терпит поражение перед неиссякаемой душевной силой Куму, перед ее неукротимой волей и чувством собственного достоинства.

Это — не победа женской «дерзкой строптивости», с которой мог бы легко справиться Модхушудон. Это победа сильного духом над грубой физической силой и нравственным уродством. Р. Тагор блестяще раскрывает полное моральное поражение Модхушудона, который «...не знал, как лишить силы слабого», ибо не знал «иного средства, кроме грубой власти».

Трагически тяжело, мучительно переживает Куму крушение своей веры в божественное предназначение мужа. Тщетно взыскивает она к богам, они бессильны помочь ей. Как же быть с заповедями, которые учат жену «быть выше счастья и несчастья, преодолевать гнев и страх»? Ведь «жена должна подчинить себя воле мужа и ничего не требовать взамен».

Временами Куму охватывало такое отчаяние, что она готова была изорвать изображение Кришны и Радхи, бросить богам вызов, крикнуть: «Я вам больше не верю!»

С огромной психологической убедительностью Р. Тагор показывает, как в сознании Куму совершается подлинная «духовная революция», которая приводит ее к новому, совершенно иному мироощущению, и в этом, пожалуй, главное достоинство романа «В тенетах жизни».

В сложном идеином развитии образа Куму проявилась известная концепция Р. Тагора, по существу очень близкая к гуманистическим традициям вишнуизма и учения бхакти. Это «религия человека» («Манушдхарма»). Отрицая одного бога, Куму, по существу, приходит к утверждению другого, который, по словам Бипрадаша, живет в душе человека и не отделим от него. Важно знать, что Бипрадаш в значительной мере является выразителем взглядов самого писателя. Он исповедует передовые взгляды своего времени, призывает к борьбе с фальшивыми авторитетами религии и несправедливым общественным устройством, которое низвергло женщину до положения рабыни. И еще не до конца осознав социальные черты своего протesta, Куму под влиянием Бипрадаша решает уйти от мужа, чтобы не жить среди унижений, лжи и обмана.

Совсем отличны от Куму две другие героини романа — Нистарини и Шема.

С такими женщинами мы встречаемся во многих произведениях Р. Тагора. Умная, веселая и очень добрая Нистарини

всей душой привязалась к Куму, сочувствует ей. Однако реше-
ние Куму уйти от мужа вызывает у Нистарини гнев, и не по-
тому, что она глубоко религиозна, а по той простой причине,
что поступок Куму выходит за рамки традиционных представ-
лений о месте женщины в семье.

Участь Шемы — печальная участь вдовы, которая по за-
кону не имела права вторично выйти замуж и, отчаявшись,
искала свое счастье в чужой семье.

Не совсем ясны для читателя самые первые строки романа,
так как говорится о тридцатилетии сына Куму. Осталась ли Куму
в доме Модхушудона или ушла от него, каким вырос ее сын —
пошел ли он по стопам отца или иным путем? Но может быть,
именно в незавершенности, в незаконченности этих липий ро-
мана и проявляется правда жизни, где победа добра над злом
бывает столь трудна и нескора?

А. Чичеров

Стр. 12. *Марвары* — торговцы и ростовщики, выходцы из
Раджпутаны.

Стр. 15. *Дурга* — грозная богиня, супруга Шивы; культ ее
широко распространен в Бенгалии.

Гандхешвари — богиня, покровительствующая торговцам.

Гхенту — бог, исполняющий различные желания.

Шоштихи — богиня, охранительница детей.

Период *Амбувачи*... — Амбувачи созвездие. Период Амбу-
вачи — время в месяце ашарх, когда вода в Ганге становится
красной.

Стр. 24. *Васанти* (Весенняя). — Так называют богиню
Дургу, когда молятся ей весной.

Стр. 26. Прочитав «Рождение бога войны» Калидасы... —
«Рождение бога войны» (Кумарасамбхава) — поэма великого
индийского драматурга и поэта Калидасы, описывающая рож-
дение бога войны Кумара (Картика, Сканды).

Ума — имя супруги Шивы.

Манаса — озеро в Гималаях, о котором существует не-
сколько мифологических преданий; место паломничества.

Стр. 28. *Ориссец* — житель провинции (теперь штата),
Орисса в восточной части Индии.

Стр. 30. *Сирадж-уд-Даула* (ок. 1728—1757) — правитель Бен-
галии, Вел борьбу против англичан. Потерпев поражение

в битве при Плесси (1757), Сирадж-уд-Даула бежал, но был захвачен в плен и убит.

Стр. 38. *Сати* — дочь Даинги, сына Брахмы, и жена Шивы. *Лакши-пуджа* — праздник в честь богини счастья и богатства Лакшми.

Стр. 39. В прежние времена такого жениха со всей его свитой давно бы отправили на тот берег Вайтарани... — Вайтарани — мифическая река, полная нечистот и крови. Через нее лежит дорога в ад.

Хузур — господин.

Стр. 41. *Арунхати* — звезда — спутница и верная жена мудреца Васишти, входящего в созвездие Большой Медведицы (Семи Мудрецов).

Стр. 43. Четырехликий — бог Браhma, создатель вселенной. «Самаведа» — третья книга вед.

Сатьяюга (Критаяуга). — По индийской мифологии, время представляет собой бесконечно повторяющийся цикл из четырех юг (веков). Сатьяюга — первая из них и самая длинная. Это век господства добра и справедливости.

Яджнявалкья — мифический мудрец, автор свода законов, именуемого *Яджнявалкья-смрити*.

Стр. 46. Они настреляют их столько, что впору будет накормить всех проморливых ракшасов, у самого десятиголового Раваны, и то челюсти устанут. — Ракшасы — демоны. Равана — их повелитель, персонаж «Рамаяны»; у него десять голов и двадцать рук.

Стр. 51. *Церемония бashi-бийе* — обряд, совершаемый после первой брачной ночи.

Стр. 56. *Церемония кушандика* — одна из церемоний свадебного обряда.

Стр. 59. *Карна* — сводный брат пяти Пандавов, героев «Махабхараты». По легенде, родился в доспехах и с оружием.

Стр. 60. ...незачем учиться галантности у бога брака Праджапати... — Праджапати — здесь Браhma. Его символ — бабочка — ставится на пригласительных билетах, рассыпаемых перед свадьбой.

Стр. 64. *Дамаянти* заранее знала, что изберет себе в мужья *Ная*, раджу Видарбхи. Знала, потому что получила весть... — Ная и Дамаянти — герои одного из сказаний, включенных в «Махабхарату»; оно известно у нас в переводе Жуковского... Ная послал к Дамаянти гуся, который рассказал ей о нем,

Когда Наль отправился на состязание женихов, домогавшихся руки Дамаянти, боги попросили его быть их послом. На состязании Дамаянти увидела перед собой пятерых молодых людей, как две капли воды похожих на ее суженого. Она стала молить богов, чтобы они открыли ей, кто же из них Наль, и боги, смилиостивившись, удовлетворили ее желание.

Стр. 65. Привет небесным супругам — Парвати и Парамешваре... — Парамешвара — Шива. Парвати — его жена.

Стр. 67. ...обошли семь раз, вокруг огня... — Обход огня — свадебный обряд, символизирующий скрепление брака богом огня Агни. Сейчас в Бенгалии огонь не является непременным атрибутом этого обряда: невеста обходит вокруг жениха.

Стр. 69. Гопал (Пастух) — имя бога Кришны, земного воплощения Вишну. По преданию, Кришна жил среди пастушеских племен, и его возлюбленной была пастушка Радха.

Стр. 70. Вишнуиты поклоняются черному камню... — Вишнуиты поклоняются небольшому овальному камню, который, в их представлении, олицетворяет бога Вишну.

«О Кришна, держащий гору, я поклоняюсь одному тебе»... — Согласно одной из легенд, Кришна убедил пастухов не почитать бога Индру, а поклоняться горе Говардхана, которая давала им приют. Индра обрушил на них сильный ливень. Тогда Кришна поднял гору и прикрыл пастухов. Поэтому его называют «Держащий гору».

Мира-бай (XVI в.) — раджпутанская поэтесса и религиозная проповедница-реформатор.

Стр. 71. Бхишма — сын царя Сантану и Ганги, герой «Махабхараты».

Стр. 76. Боро-боу — старшая невестка, хозяйка дома.

Стр. 77. Куму вспомнила слова Индумати из поэмы Калидасы... — Имеется в виду поэма «Рагху-ванша» (Род Рагху) — поэма из девятнадцати песен — история Рамы и его прародителей. В ней содержится также сказание о любви Индумати, дочери царя Бходжи и царевича Аджи. Когда отец Индумати, объявил о состязании женихов, Аджа поспешил на это состязание. В пути на него напал огромный слон. Аджа ранил его, и слон превратился в прекрасного юношу — царевича небесных музыкантов-гандхарлов. В благодарность за свое избавление от чар он подарил Адже волнебную стрелу.

Разве Савитри была рабой Сатьявана... — Сатьяван и Савитри — герои одного из сказаний «Махабхараты». Когда Са-

вытри выходила замуж, ей было предсказано, что ее муж, Сатьяван, умрет через год. В назначенный день явился бог смерти Яма и понес душу Сатьявана в свое царство. Савитри бесстрашно последовала за ним и умолила его воскресить мужа. Савитри — символ верной и преданной жены.

Стр. 81. «Бхагавадгита» — философская часть «Махабхараты», построенная в форме беседы между Кришной и Ардхуной.

Стр. 88. *Кари* — острая приправа, также блюдо, приготовленное с этой приправой (мясо или рыба, вареный рис, овощи).

Стр. 89. *Индра* — бог-громовержец; по преданию, отличался воинственностью.

Стр. 103. *Кундо* — невысокий кустарник с мелкими белыми цветами, растет обычно у дороги.

Стр. 107. *Жаль, что не пришлось мне быть Лакшманой*. — Лакшмана — герой «Рамаяны», младший брат и верный друг Рамы.

Стр. 121. ...*Ведь это ты велел Дхруве идти в лес, ты обещал явиться ему там!* — Дхрува — легендарный мудрец; бог Вишну вознес его на небо и сделал Полярной звездой.

Стр. 124. *У нее было такое чувство, будто ее проглотил голодный жестокий демон, вроде Раху...* — Раху — демон, якобы являющийся причиной солнечных и лунных затмений: он проглатывает солнце и луну.

Стр. 132. *О твоем образовании пусть судит Сарасвати...* — Богиня Сарасвати — покровительница наук.

Стр. 138. *Бхригу-санхита* — древний трактат по астрологии, приписываемый мудрецу Бхригу.

Стр. 149. *Джамрул* — большое дерево с кисло-сладкими плодами.

Стр. 155. *А кто же, по-твоему, его жена — Раху или Кету?* — Раху (см. прим. к стр. 124) и Кету — высшая и низшая точки пересечения двух орбит. Согласно легенде, когда боги и демоны пахтали океан, Раху принял другой облик и выпил немного амриты. Вишну, в наказание, отрезал ему голову и две руки, но так как он успел стяжать бессмертие, его тело вознеслось в звездные сферы; верхняя часть, в виде головы дракона, стала верхней точкой пересечения орбит, а нижняя часть, в виде хвоста дракона, стала Кету, низшей точкой пересечения орбит.

Стр. 158. *Ты, как змея, потерявшая свой драгоценный камень!* — выражение, означающее «ты очень много потеряла». В одной сказке рассказывается о змее, которая могла видеть только сквозь драгоценный камень; без него она была слепа.

Стр. 177. *Гауришанкар* — Эверест.

Стр. 183. *Бенкото-свами бормотал правила из «Мудхабодхи»*, древней санскритской грамматики Вопадевы... — Вопадева — знаменитый грамматик XIII века.

Стр. 190. *В его глазах она увидела тот же огонь, что и в третьем глазу Махадевы...* — По индийской мифологии, Махадева (Шива) имеет во лбу третий глаз, которым может испепелять все дурное и порочное.

Стр. 208. *Так ядовитые змеи на голове Махадевы...* — Шива изображается со змеями на голове.

Стр. 216. *«Мать Кали, сделай, чтобы это было правдой!...* — Кали — имя супруги Шивы. Выражение «Мать Кали, сделай, чтобы...» равносильно русскому «Дай бог, чтобы...».

Стр. 220. *Мелодия бхайрави* — торжественная мелодия, исполняемая обычно по утрам.

«Когда Шакунтала отправлялась во дворец к Душианте, Канва провожал ее. — Шакунтала, Душианта и Канва — персонажи «Шакунталы» Калидасы. Канва — отшельник, приемный отец Шакунталы.

ПОСЛЕДНЯЯ ПОЭМА

Над «Последней поэмой» Р. Тагор работал в течение 1928—1929 годов. В 1929 году роман вышел в свет отдельной книгой. На русском языке «Последняя поэма» была впервые опубликована в третьем томе собрания сочинений Р. Тагора (1-го издания) в 1956 году в переводе И. Световидовой. Стремление к изображению с реалистических позиций крупных социальных проблем, столь характерное для прозаического творчества писателя, в этом романе, как нам кажется, выражено несколько слабее, чем обычно. В романе Р. Тагор касается важной социальной проблемы, проблемы «золотой молодежи», которая в 20-х годах приобрела особую остроту. «Золотая молодежь» отвергала национальную культуру и слепо подражала западной цивилизации.

В центре романа образ Омита Рая — молодого повесы, получившего оксфордское образование. Он пропагандирует инд-

шеанские идеи, высмеивает индийскую культуру, обрушивая свой гнев на реалистическое искусство, в частности, и на творчество Рабинраната Тагора. Окружение Рая — его сестры, Кетоки Миттер и ее брат Норен — типичные представители «золотой молодежи». В обрисовке этих несколько гротесковых образов сарказм и сатирическая направленность достигают наибольшей силы.

Этим «западникам» Р. Тагор противопоставляет два японских образа — Лабонно и Джогомайю, которым отданы все его симпатии. Если в образе Джогомайи воплощены все лучшие гуманистические традиции «старой» индийской культуры, то в образе Лабонно собраны все идеальные черты молодой героини. Лабонно умна, образованна. Она черпает то великое, что создала западная культура, и в то же время с глубоким интересом и уважением относится к культуре индийской.

Любовь Лабонно преобразила Омита, он по-иному взглянул на жизнь, понял, что смысл ее — в служении прекрасному, в стремлении сделать всех людей счастливыми.

Тагор поэтически раскрыл всю глубину чувства молодых людей, показал, какие огромные душевые силы оно рождает.

Лирические стихи, которые Р. Тагор вкладывает в уста Омита для того, чтобы выразить его любовь к Лабонно, это поистине лучшие страницы романа. Эти лирико-драматические произведения Р. Тагора, наполненные прекрасными человеческими чувствами и переживаниями любящих молодых людей, бесспорно принадлежат к большим достижениям поэтического дарования Р. Тагора.

А. Чичеров

Стр. 226. *Если цените стиль Бонкима, читайте его «Ядовитое дерево»...* — Бонкимчондро Чоттопадхай (1838—1894) — известный бенгальский писатель. Его роман «Ядовитое дерево» переводился на русский язык (Гослитиздат, 1963).

Жертвоприношение Дакши. — Когда однажды во время жертвоприношения появился Дакша, все боги, кроме Шивы, приветствовали его, встав со своих мест. Разгневанный, Дакша не велел давать Шиве угощения, и когда состоялось следующее жертвоприношение, не стал его приглашать.

Чандра — бог луны.

Варуна — бог неба, а также властитель вод.

Стр. 229. *Вишвакарма* — бог-строитель. Среди его многочисленных занятий — изготовление украшений.

Вообрази, что рыбак из «Шакунтала» вскроет рыбу... — В чреве пойманной рыбы рыбак нашел волшебное кольцо, которое возвратило царю Душианте память о его возлюбленной («Шакунтала», 6-е действие).

Стр. 231. *Ресторан Фирпо* — известный ресторан в центре Калькутты.

Когда Шива разъял мертвое тело Сати на куски, везде и всюду, куда упали частицы ее тела, возникли сотни святых мест. — По преданию, Сати, супруга Шивы, покончила с собой во время жертвоприношения Дакши (см. прим. к стр. 226). Шива разбросал куски ее тела в разных местах.

Стр. 232. *Баллигандж* — район Калькутты.

Ата — сладкий плод дерева ата.

Стр. 233. *Джатаю* — мифический царь коршунов, сын Гаруды, на котором ездит Вишну. Джатаю был другом Рамы и пытался помешать Раване похитить Ситу. Повелитель ракшасов смертельно ранил Джатаю, но тот все же успел сообщить Раме о том, что произошло.

Кишкиндхья — мифическая страна, отнятая Рамой у царя обезьян Бали и переданная Сугриве, другу и союзнику Рамы.

Хануман — повелитель обезьян; помогал Раме в его войне против ракшасов. Ракшасы подожгли хвост Ханумана, но он испепелил горящим хвостом столицу ракшасов — Ланку (Цейлон)...

Стр. 234. *Тадж Махал* — прославленный мраморный мавзолей, построенный могольским императором Шах Джаханом в память его покойной жены Мумтаз Бегум.

Стр. 238. «Происхождение и развитие бенгальского языка» — *Сунити Чаттерджи*... — Сунити Кумар Чаттерджи (р. 1890 г.) — индийский ученый-филолог, общественный деятель.

...создать такой «Облако-вестник», в котором возлюбленная из незримой Алаки будет вспыхивать в небе его воображения... — «Облако-вестник» — поэма Калидасы, где рассказывается о мифическом существе — якше (якши составляют свиту бога богатств Куберы), изгнанном из Алаки, столицы Куберы. Он просит пролетающее облако передать весточку своей возлюбленной.

Стр. 239. *Абаниндранат Тагор* (1871—1951) — известный бенгальский художник, один из зачинателей бенгальского Возрождения в живописи.

Авантака и Малавика — героини пьесы Калидасы.

...*Лакшми*, вновь вышедшая из молочного океана, все еще бурлящего от ударов горы *Мандар*. — По индийской мифологии, Лакшми вышла во всем блеске своей красоты из молочного океана, когда его пахтали боги и демоны. Гора Мандар служила мутовкой для взбивания океана.

Стр. 243. *Манаса* — сестра царя змей Шеши, которая якобы спасает от змеиного яда.

«*Ногавасиштха Рамаяна*» — древний трактат, излагающий воззрения йогов на «Рамаяну».

Стр. 244. «*Гита*». — См. прим. к стр. 81 «Бхагавадгита».

«*Брахмабашья*» — комментарии индийского реформатора и философа Шанкарачары (VIII в.).

Стр. 247. *Гупта* — династия правителей Индии (IV—VIII вв.).

Стипендия «*Премчанд Райчанд*» — стипендия, выдаваемая лучшим студентам в Калькуттском университете.

Стр. 249. *Грот, Джордж* (1794—1871) — английский историк, автор «Истории Греции».

Гибbon, Эдвард (1737—1794) — английский историк, написал многотомную «Историю упадка и разрушения Римской империи».

Мёррей, Джилберт (1866—1957) — английский ученый-литературовед. Ему принадлежат «История древнегреческой литературы», «Развитие греческого эпоса» и другие исследования.

Стр. 250. *Донн, Джон* (1573—1631) — английский поэт.

Стр. 251. *Маши-ма* — тетя по материнской линии; ласковое обращение.

Стр. 256. *Шанкарачарь* (см. прим. к стр. 244). — Шанкарачарь — создатель религиозно-философской системы адвайта веданта, учения о единстве вселенной.

Стр. 258. *Кхаси* — народность проживающая в Ассаме.

Стр. 262. Он знает, что на берегу океана знаний сумел подобрать всего несколько камешков — намек на известные слова Ньютона: «Не знаю, как я выгляжу в глазах мира, но самому себе я кажусь мальчиком, играющим на берегу моря и забавы ради старающихся отыскать гладкий камешек или красивую ракушку, в то время как передо мной раскинулся неоткрытый великий океан истины».

Аннапурна — имя богини Дурги, дарующей пищу.

Стр. 264. *Акбар* (1542—1605) — император из династии Великих Моголов.

Лштами — второй день праздника Дурги, в этот день совершаются много жертвоприношений.

Дашами — четвертый день праздника, когда, по преданию, богиня уходит к своим родителям.

Стр. 266. *Рама* хотел испытать чистоту *Ситы огнем..* — Рама и Сита — главные герои «Рамаяны». После того как Сита была освобождена из рук ракшасов, Рама решил проверить, сохранила ли она супружескую чистоту, испытав ее огнем. С помощью бога Агни Сита прошла невредимой сквозь это испытание. Однако Рама, вняв наветам клеветников, прогнал ее прочь.

Стр. 267. *Голдиххи* — парк в центре Калькутты.

Стр. 276. *Нарада* — мудрец-риши, которого считают автором нескольких гимнов «Ригведы».

Стр. 280. *Арнольд, Мэтью* (1822—1888) — английский поэт и эссеист.

Стр. 283. *Видьяпати* (XV в.) — поэт, писавший на языке майтхили, распространенном в северной части Бихара. Видьяпати очень популярен в Бенгалии.

Стр. 285. «*Смерть Мегхнада*» — поэма бенгальского поэта Майкла Модхушудона Дотто (1824—1873); написана в 1861 году.

Даймонд Харбор — пристань на Ганге, недалеко от Калькутты.

Стр. 286. *Дханапати* — имя бога богатства Куберы. Он был властителем Ланки, но Равана изгнал его оттуда.

Стр. 287. *Джаядева* (XII в.) — индийский поэт, автор лирико-драматической поэмы «*Гитаговинда*», повествующей о любви Кришны и Радхи.

Стр. 300. Это краткий, написанный на почтовой открытке ответ твоему поэту по поводу его «*Тадж Махала..*» — Речь идет о стихотворениях самого Р. Тагора «Шах Джahan» и «*Тадж Махал*» (см. 7 т. наст. собр. соч, стр. 22, 29).

Стр. 301. «*Журавли*» — сборник стихов Тагора, опубликованный в 1916 году (см. 7 т. наст. собр. соч.).

Стр. 303. *Сюань Цзан* пришел в Индию, как паломник.. — Сюань Цзан — китайский путешественник, монах. Посетил Индию в VII веке.

Патаны — афганцы,

Стр. 308. *Питхе* — индийское «пиццино».

Стр. 316. ...нам пришлось немало походить в поисках нашей волшебной птицы, или дикого гуся, как говорят англичане! — Английское выражение «искать дикого гуся» (*to chase the wild goose*) означает «предаваться несбыточным мечтам».

Стр. 322. «Путешествие в никуда» *Рабинраната Тагора...* — Стихотворение Р. Тагора (см. 2 т. наст. собр. соч., стр. 180).

Стр. 325. *Парамаханса Рамакришна* (1834—1886) — индийский религиозный деятель, учитель Вивекананды Свами.

Стр. 326. *Аннапрашан* — обряд первого кормления ребенка рисом.

...читал «Письма Уильяма Джеймса». — Джеймс, Уильям (1842—1910) — американский философ и психолог, один из основателей pragmatism. «Письма Уильяма Джеймса» были опубликованы в 1920 году.

ПЬЕСЫ

1929—1932

КЛУБ ХОЛОСТЯКОВ

Драматургические произведения Р. Тагора, собранные в этом томе, открывает «Клуб холостяков», который публикуется на русском языке впервые.

В 1901 году он был опубликован в журнале «Бхароти» как новость, а в 1924—1925 годах переработан Тагором в пьесу. По существу своей социальной тематики «Клуб холостяков» примыкает к пьесам 20-х годов: «Освобожденный поток», «Путь колесницы», «Красные олеандры», а также перекликается с «Возмездием природы» и «Крепостью консерватизма», написанными несколько ранее. В то же время «Клуб холостяков» отличается от этих пьес, написанных в условной, часто символической форме. Пьеса «Клуб холостяков» является одним из первых драматических произведений Р. Тагора, созданных в реалистической манере, в этом смысле ощущается ее близость к рассказам и романам Р. Тагора конца XIX — начала XX века. Она посвящена жизни бенгальской городской разночинной интеллигенции конца XIX века, которую Р. Тагор хорошо знал. В одном из своих писем Р. Тагор писал

о «Клубе холостяков», что «его юмор, его сатира, его социальное содержание чисто бенгальские...»¹

На первый взгляд, в этой нехитрой комедии, своего рода «водевиле с переодеванием», отразившей такую «животрепещущую» проблему, как поиски женихов для двух девушек на выданье, трудно разглядеть социальный смысл. Вся комедия, написанная легко и весело, простым разговорным языком, полна юмора, ощущения радости жизни. В ней проявилась присущая творчеству Р. Тагора философия вишнуитской средневековой поэзии Чондидаса и Видьяпати, а также молитвы «мировой радости», характерные для поэзии Шелли. С блеском комедийного мастерства эти идеи особенно ярко воплощены в образах главных героев пьесы Оккхоя, Рошика и Шойлы, разрушающих Клуб холостяков. Песни, которые распеваются в пьесе Оккхой и Шойла, по своим мотивам, стихотворному складу, по общей направленности близки поэтическим сборникам Р. Тагора «Картины и песни», «Диезы и беномли», «Золотая ладья» и особенно «Мгновения».

Язык героев пьесы насыщен сочным народным юмором, многочисленными афоризмами: «Если позволить жене говорить о серьезных делах, она сразу же потребует купить ей браслет», «Чтобы из яйца выпустился цыпленок, мало просто разбить скорлупу: яйцо надо высидеть, а для этого требуется время», «Когда живешь под соломенной крышей, не старайся поджечь каменный дом соседа», «Обещания, как хвост у голуба: со временем отпадают сами собой» и т. д. Все это очень роднит языковый материал пьесы с содержанием известного поэтического сборника афоризмов Р. Тагора «Крупинки».

В пьесе «Клуб холостяков» отразились острые социальные проблемы, стоявшие перед Индией, в особенности перед Бенгалией конца XIX — начала XX века. Идейное содержание здесь раскрывается в двух основных направлениях. Прежде всего это опять близкое к идеям вишнуитской поэзии юмористическое, а порой сатирическое высмеивание религиозного консерватизма, весьма распространенного в среде индийской интеллигенции и представлявшего собой серьезную преграду на пути социального прогресса страны.

Для Р. Тагора борьба с религиозным фанатизмом оставалась важнейшей задачей всей его жизни, с юношеских лет,

¹ Р. Тагор, Собр. соч., т. 16, Калькутта, 1950, стр. 515.

со временем его участия в работе просветительского общества «Брахмо Самадж». Эта юмористически сатирическая направленность «Клуба холостяков» ярко проявляется в образах старухи Джоготтарини и ее дочери Нуробалы — жены Окхоя. Главными нарушителями «норм» и «догматов» праведного поведения и выступают главные герои пьесы: Окхой, сестра его жены Шойла и дядя Рошик. Окхой издевается над священными книгами («...ведь в шастрах говорится: нет плохого в избытке...», «...а на этот случай в шастрах имеется другое священное изречение: все чрезмерное пагубно!»).

Р. Тагор разоблачает ханжескую «небожность» и ложность религиозных добродетелей некоторых индийцев, которые при первой же возможности рады нарушить все «святые» предписания религии индуизма. Так два неудачливых жениха Дарукешфор и Мриттунджай ради того, чтобы на чужой счет поехать в Англию, готовы забыть все религиозные запреты: пить виски, есть мясо и весело распевать:

Что же будет с Индией,
Как нам жить на свете?
На одних бобах с водой
И рисовой диете?
Засухи и голод,
Нищета на улице, —
Перейди на виски с содой
И барапа с курицей!

Не менее важна в пьесе и вторая линия — сатирическое изображение многих представителей интеллигенции, которые в обстановке пробуждения национального самосознания и нарастающего подъема массового антиимпериалистического, освободительного движения в стране не умели, да, по существу, и не хотели принять в нем активное участие — помочь трудящимся, страдавшим как от колониального империалистического гнета, так и от эксплуатации «своих» помещиков и капиталистов.

Пытаясь скрыть сущность своей глубоко антипатриотичной позиции, подобного рода «деятели» притались за вывесками всевозможных клубов, обществ, кружков, щеголяли «революционными» фразами. Эти люди были большим социальным злом для Индии конца XIX — начала XX века.

Таковы в пьесе Чандромадхоб и члены клуба Шриш, Бинни и Пурно. Р. Тагор в беспощадном сатирическом свете вы-

ставляет этих «национальных героев», которые только и могли разглагольствовать о необходимости борьбы с «нищетой народа».

В своих публицистических статьях начала XX века Р. Тагор писал: «Народ вымирает от эпидемий, измученный нищетой, гибнет от невежества, а те, кто не прилагает никаких усилий, чтобы облегчить страдания народа, воображают себя патриотами»¹.

Одной из важнейших форм подъема антиимпериалистической борьбы в XIX — начале XX века было движение «свадеши», требовавшее бойкота иностранных товаров и развития отечественной торговли и промышленности, сыгравшее важную и в целом положительную роль в борьбе с колониализмом. Тагор несомненно видел положительные стороны «свадеши», но в целом не принимал его, потому что был противником любых форм насилия, а также считал, что от бойкота иностранных товаров часто страдают крестьяне, вынужденные по взвинченным индийскими торговцами ценам покупать ткани, изготовленные на национальных предприятиях. В отрицании «свадеши» сказалась определенная социальная ограниченность мировоззрения Р. Тагора.

Отношение Р. Тагора к «свадеши» достаточно ясно отразилось в пьесе «Клуб холостяков». Справедливо высмеивая лжепатриотизм членов клуба, автор в то же время ставит в один ряд планы производства спичек «для блага народа» и реконструкции воловьей упряжки с очень важной идеей создания кооперативных индийских банков и магазинов в деревнях. Впрочем, и эта идея остается лишь фантазией руководителя клуба Чондро-бабу.

Таковы основные проблемы, касающиеся идейного, социального содержания пьесы Р. Тагора «Клуб холостяков».

А. Чичеров

Стр. 343. *Аларна* — имя Дурги, предающейся суровому подвижничеству.

Стр. 345. *Шаливахана* — южноиндийский царь. При нем было установлено летосчисление, начинающееся с 78 года.

Стр. 351. *Терити* — старинный базар в Калькутте.

¹ Р. Тагор, Образование, Калькутта, 1953, стр. 23.

Стр. 354. *Бог Вишну однажды обманул мужчину, приняв облик женщины...* — Когда был получен патиток бессмертия — амрита, Вишну велели разделить его; приняв облик женщины, он сумел обмануть демонов.

Стр. 356. *Гандхамадана* — гора в Гималаях. Как рассказывает легенда, в вершине ее хранятся целительные средства. Однажды, чтобы спасти Лакшману от смерти, Хануман, предводитель обезьян, не найдя этих лекарств, снял с горы вершину и принес ее Лакшмане. Лакшмана был спасен.

Нала, Нила, Ангад — военачальники обезьян.

Стр. 359. ...но не скажу того же про слуг Шивы — *Властителя духов...* — Шива считается владыкой духов и привидений, обитающих на площадке для сожжения трупов.

Стр. 360. *Нанди* — бык Шивы, его неизменный спутник.
Бхринги — дух, спутник Шивы.

Стр. 361. *Шива Чандрачура* — Шива, изображаемый с луной в волосах.

Стр. 363. *Панини* — автор известной санскритской грамматики. Жил около IV века.

Стр. 377. *Картик* — сын Шивы, бога войны. Он восседает верхом на павлине, в одной руке — лук, в другой — стрела. У него шесть голов.

Стр. 378. *Чайтонно (Чайтанья)* (1485—1533) — бенгальский проповедник и реформатор; вел отшельническую жизнь.

Стр. 379. ...«*Бидда и Шундор*»... — Пьеса «Бидда и Шундор» написана бенгальским поэтом Бхаротчондро Роем. Шундор — герой этой поэмы, ходит на свидание с Биддой, переодетый в саньяси. На сюжет этой поэмы разыгрывается театральное представление — джатра.

Стр. 384. *Хантер, Вильям* (1840—1900) — английский учёный, изучал историю Индии.

Стр. 392. *Помнишь, как был испепелен бог любви!* — Бог любви Кама (Мадана) помешал подвижничеству Шивы, внушив ему греховные мысли о жене. Разгневанный Шива испепелил его огнем из третьего глаза. Впоследствии, раскаявшись, он воскресил бога любви.

Стр. 393. ...неужели ее нужно тут же задушить, словно доиль, родившуюся в семье раджпута? — Раджпуты — воины, выходцы из Раджпутаны. По преданию, убивали новорожденных девочек.

Стр. 394. Кто из великих задумал обрубить те две ветви, на которых сам сидел? Я знаю: Калидаса! — Существует легенда о том, что Калидаса был настолько глуп, что как-то обрубил ветви, на которых сидел. Но потом, вдохновленный богиней Сарасвати, он стал знаменитым поэтом.

Стр. 397. Оболаканто — «Любимчик женщин» (бенг.).

Викрамасингха и Бхимасена — раджпутские военачальники.

Арджуна — один из пяти братьев Пандавов, героев «Махабхараты». От матери Кунти (Притхи) он унаследовал имя Партха. Дхананджая — «Победитель богатств». Савьянсачин — «Искусный лучник» (Арджуна славился своим уменьем стрелять из лука).

Стр. 403. ...ваш господин Муккерджи родился в эпоху какого-нибудь Криттибаша Одджа? — Криттибаш — поэт, переложивший «Рамаяну» на бенгальский язык (XV в.).

Стр. 404. Ману — имя четырнадцати мифических прародителей человеческого рода. Первый из них — Сваямбхува — считается составителем свода законов — «Законов Ману».

Стр. 408. Чондро — луна (бенг.).

Стр. 412. Менака — небесная дева (апсара), соблазнившая мудреца Вишвамитру.

Рамбха — небесная дева, которая также пыталась соблазнить Вишвамитру; была им проклята и обращена в камень.

Мадана — бог любви, то же, что Кама, Камадева.

Васант — юноша, олицетворяющий весну, спутник Камадевы.

Стр. 422. Бишеш — разбойник, живший в позднем средневековье и предупреждавший заранее о своих нападениях.

Стр. 426. Троил — в греческой мифологии сын Приама, царя Трои. Крессида — дочь троянского священника.

Стр. 428. Чтобы нарушить обет Махадевы, надо звать на помощь бога любви... — См. прим. к стр. 190, 392.

Стр. 434. Дурйодхана не смог разглядеть стену из хрустала и расшиб себе лоб... — Дурйодхана — старший сын царя Ахритараштры, старший из братьев Кауравов, героев «Махабхараты». Когда Пандавы пригласили Дурйодхану в свой дворец, он был так ошеломлен его великолепием, что в растерянности наткнулся на хрустальную стену.

Стр. 444. Мильтон, Джон (1608—1674) — английский поэт, автор «Потерянного рая» и «Возвращенного рая».

КОЛЕСНИЦА ВРЕМЕНИ

В 1923 году Р. Тагор написал пьесу «Веревка колесницы», которую он в 1932 году переработал в новый вариант под названием «Шествие колесницы», в нашем переводе «Колесница времени». Пьеса впервые переводится на русский язык. «Колесница времени» по многим своим характерным чертам резко отличается от «Клуба холостяков». Она написана в стихах, лишена внешних реалистических примет места и времени действия, в ней проявилось увлечение Тагора романтической символикой. В этом смысле «Колесница времени» довольно близка к пьесам 80—90-х годов XIX века — «Раджа и Рани», «Жертвоприношение», «Читрангода», «Малини».

Но по своим социальным мотивам, по явной связи с основными идеологическими вопросами национально-освободительного движения 20—30-х годов XX века мы можем совершенно определенно говорить о близости «Колесницы времени» к наиболее значительным драматургическим произведениям Р. Тагора этого периода — пьесам «Освобожденный поток» и «Красные олеандры».

Идейно-политическое звучание этой пьесы в 20—30-х годах в Индии получило большой резонанс. Как известно, постановка «Красных олеандров» вызвала судебное преследование, ибо колониальные власти увидели в ней угрозу общественному порядку и призыв к борьбе за национальное освобождение. Те же идеи в полной мере высказаны автором и в «Колеснице времени».

В пьесе даны собирательные, во многом гротесковые образы-маски действующих лиц: угнетенного и пребывающего в рабской покорности народа, тупых и бездумных воинов, для которых профессия — убийство, хитрых и наглых купцов, убежденных в том, что на свете все продается и золото правит миром, изворотливого министра, наконец, проповедника грядущей социальной революции — саньяси и восставшего и победившего народа — рабов-шудр. Язык пьесы несколько высокопарен и искусствен, все в ней условно, как и сама «Колесница времени». Действие происходит где-то в древней Индии. Но вместе с тем в этом произведении бьется пульс самых передовых идей политической борьбы народов Индии за свое освобождение. Сюжет пьесы очень прост. Высшие касты — брахманы, воины-кшатрии, торговцы-вайшы — не могут сдви-

путь с места остановившуюся «колесницу времени». Это вызывает всеобщую панику и замешательство среди членов благородных каст. Причина остановки — социальный конфликт, об этом автор прямо говорит устами саньяси:

Взгляни! Ведь все богатство у богатых.
А что в нем проку? Словно плод гнилой...
На ниве нищеты созревает голод.
Кубера, бог богатств, и тот голодный.
Корзина драная в руках у Лакшми.
Взгляни! Иссяк поток ее даров,
Лежит земля бесплодная вокруг.

Ни жрецы, ни брахманы, ни воины не в силах сдвинуть колесницу с места. По словам горожан, «давно прошла пора, когда жрецам повиновалось время», теперь уже не повернуть вспять колесо истории.

Даже богатей-купцы, уверенные в том, что вся сила в золоте, ничем не могут помочь высшим кастам.

Все глубже пропасть, трещина все шире,
Устои сгнили, беспорядок в мире,
Толчок — и рухнет мост.

Растет недовольство среди угнетенных шудр, и этого больше всего боятся высшие касты. Да и горожанам — представителям средних классов — не по душе пробуждение самосознания в массах, их стремление к равенству, справедливости.

Однажды скажет черны: пустите в храм!
Иль скажет: с воинами и жрецами
Хотим купаться вместе.

И здесь Р. Тагор выносит суровый приговор средним классам, которые боятся освобождения народа и становятся препятствием на пути социального прогресса, утверждая, что

Неподвижность колесницы
На благо нам (горожанам. — А. Ч.),
Приди она в движенье — мир погибнет
Под тяжким колесом.

Министры трепещут перед сменой власти, ибо сильнее всего боятся революции, «когда низы становятся верхами». И вот поднимаются восставшие шудры, те, что «всегда простерты в пыли лежали» под колесами истории, и с невиданной доселе быстротой начинают двигать колесницу вперед. Эксплуататоры все еще пытаются направить революцию по вы-

годному для них руслу, на колесница, движимая энергией народа, несет им гибель.

Р. Тагор завершает пьесу пророческим призывом поэта:

Проснитесь вы, что спали до сих пор!
Кто спину гнул столетья — распрямитесь!

Саняси торжественно провозглашает: «Да здравствует великий новый век!»

Эта пьеса в яркой художественной форме воплотила идеологию революции трудящихся и неспособность эксплуататоров управлять страной. Идеи, выдвинутые Тагором в этой пьесе, были передовыми идеями национально-освободительного движения Индии, за которые боролись и умирали лучшие люди, революционеры, стремившиеся построить новую Индию.

Р. Тагор посвятил «Колесницу времени» выдающемуся прогрессивному индийскому писателю Шоротчондро Чоттопадхая. В своем посвящении Р. Тагор писал: «Самое большое несчастье человеческого общества — это застой, отсутствие движения. Отношения между людьми, которые существуют из века в век во всех странах, и являются той веревкой, которая тянет колесницу времени. Но в этих отношениях столько лжи и неравенства, что колесница времени стала неподвижной. Всех угнетенных и униженных ложностью этих отношений, тех, кто лишен каких бы то ни было прав человека, — их призывает время, ибо они — движущая сила колесницы времени. Лишь когда исчезнут неравенство и ложность человеческих отношений — колесница двинется вперед»¹.

В пьесе «Колесница времени» ярко проявилась главная характерная черта творчества Р. Тагора, великого писателя — гуманиста, философа и гражданина, — это близость его произведений к жизни народа, к тем острым проблемам, которые определяли основное направление национально-освободительной борьбы.

А. Чичеров

Стр. 486. *Наги* — мифические змеечеловеки. Женщины-наги, по преданию, были очень красивы.

Ганеша — бог мудрости, устранитель препятствий. Изображается с головой слона.

¹ Р. Тагор. Собр. соч., т. 22, Калькутта, 1950, стр. 510.

Стр. 487. *Кшатрии* — вторая из четырех варн (каст) Индии: воины и правители.

Шудры — низшая каста, рабы и слуги.

Стр. 490. *Васуки* — царь нагов, обычно его отождествляют со змеем Шешей, который, по индийским мифам, поддерживает мир.

Стр. 491. *Нарбада* — река на востоке центральной Индии; ее чтут как священную реку.

Стр. 500. *Вы, шудры, на себе несете время, как Гаруда — божественное бремя...* — Гаруда — получеловек-полуптица, по преданию, на нем ездит бог Вишну.

Стр. 506. *Баларама* — старший брат Кришны; по легенде, был вооружен палицей и плугом.

Кумбхакарна — младший брат владыки ракшасов — Раваны, чудовище, которое спало шесть месяцев подряд, просыпаясь лишь на один день. Кумбхакарна мог выпить две тысячи кувшинов воды.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. «Слеза на листе лотоса», художник Абаниндрарат Тагор.
2. Р. Тагор в Токио, 1929.
3. «Невестка» — гравюра на линолеуме, художник Нондолал Бушу.
4. Р. Тагор, 1930.
5. Р. Тагор в Москве, 1930.
6. Р. Тагор и А. Эйнштейн в Берлине, 1930.
7. Р. Тагор в Шантиникетоне, 1934.

СОДЕРЖАНИЕ

В ТЕНЕТАХ ЖИЗНИ. Перевод И. Световидовой	7
ПОСЛЕДНИЯ ПОЭМА. Перевод И. Световидовой	225
ПЬЕСЫ	
Клуб холостяков. Перевод Ф. Мендельсона и Ю. Роцкого	335
Колесница времени. Перевод А. Ибрагимова и А. Ревича	479
Комментарии	511
Список иллюстраций	533

Рабиндранат Тагор
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ 9

Редактор С. Хохлова

Художественный редактор Г. Клодт

Технический редактор Ж. Примак

Корректоры Р. Пунга и А. Юрьева

*
Сдано в набор 15/I 1965 г.

Подписано в печать 26/III 1965 г.

Бум. 84×108^{1/32}, 16,75 печ. л. = 28,14 усл.

печ. л., 25,75 уч.-изд. л. + 6 вкл.= 26,04 л.

Тираж 93 000 экз.

Цена 1 р. 10 к. Заказ № 1054.

Издательство

„Художественная литература“

Москва, Б-66. Ново-Басманская, 19.

*

Ленинградская типография № 2
имени Евгении Соколовой
Главполиграфпрома Государственного
комитета Совета Министров СССР по
печати. Измайловский пр., 29.

